

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

2025 Том 30 № 4

ПУШКИН В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Приглашенный редактор *С.Б. Королева*

DOI 10.22363/2312-9220-2025-30-4

<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал

Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар
Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (ЕЛТА), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды
Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария
Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия
Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия
Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия
Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
Меррилл Дж., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США
Низматуллина К.Р., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой цифровых медиакоммуникаций, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массмедиальной коммуникации, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия
Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция
Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания
Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия
Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США
Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое научное издание в области филологических исследований. Международный состав редакционной коллегии и экспертного совета обеспечивает отбор, рецензирование и публикацию авторских материалов на русском и английском языках представителей различных научных школ и регионов мира.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и медиаведческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, к участию в подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Электронный адрес редакции журнала: litj@rudn.ru

Редактор *О.В. Салова*

Редакторы англоязычных текстов *К.Ю. Кашилявик, Н.В. Рабкина, О.В. Спачиль*
Компьютерная верстка *Т.Н. Селивановой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Подписано в печать 25.12.2025. Выход в свет 27.12.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 22,7. Тираж 500 экз. Заказ № 1670. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 2025

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2025 VOLUME 30 NUMBER 4

PUSHKIN IN CONTEMPORARY STUDIES

Guest Editor *Svetlana B. Koroleva*

DOI 10.22363/2312-9220-2025-30-4

<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, RUDN University, Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Kamilla R. Nigmatullina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Digital Media Communications, Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications", St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nataliya Panasenko, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SV Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising.

The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

Materials that correspond to the following specialties: Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, Literature of the Peoples of the World, Literary Theory, Folkloristics, Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Copy Editor *O.V. Salova*

English Texts' Editors *K.Yu. Kashlyavik, N.V. Rabkina, O.V. Spachil*

Layout Designer *T.N. Selivanova*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУШКИН В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Королева С.Б. А.С. Пушкин и пушкинский миф в современном российском литературоведении 675

ПОЭТИКА ПУШКИНА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ И ЭПОХИ

Григорьева Е.Н., Золотухин В.Т. «Стихи и проза» в послании к А.Н. Вульфу: о природе пушкинского поэтического «сора» 696

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДИАЛОГЕ С ПОЭТОМ

Иваницкий А.И., Нагина К.А. Пушкинские истоки значений народной войны в романе Л. Толстого «Война и мир» 707

Турышева О.Н. Пушкинская цитата в поэме Ивана Карамазова 717

ПУШКИНСКИЙ МИФ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Тарасова И.А. «Александр Сергеевич, я о вас скучаю»: Пушкин – персонаж лирики Георгия Иванова 728

Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А. Пушкин в литературных манифестах 1920 гг. 738

Карпов Н.А. Особенности рецепции Пушкина в творчестве сатириков 750

Александрова М.А. Булгаковский код пушкинианы Александра Галича 760

ВОСПРИЯТИЕ ЗА РУБЕЖОМ

Ямпольская А.В. Стихотворения Пушкина в «Антологии русской поэзии» под редакцией С. Гардзонио и Г. Карпи (2004): выбор текстов, выбор переводчиков 771

КОМПАРАТИВИСТИКА

Красовицкая Ю.В. «Я» и «чужой»: конфронтация и сближение образов в системе персонажей современной детской немецкой и чешской литературы 779

Nasirov A.N., Khamidova D.OI., Kholikulova G.Y., Ernazarova G.Is., Oblokulov J.Dzh., Bazarov S.B., Rakhmatullaev N.N., Ismoilova F.B., Abdukholikova Z.U. Adil Yakubov's Poetological Construction: Aesthetic Criteria and Basis of Expression (Насиров А.Н., Хамидова Д.Ол., Холикулова Г.Б., Эрнazarova Г.И., Облокулов Ж.Дж., Базаров С.Б., Рахматуллаев Н.Н., Исмонлова Ф.Б., Абдухоликова З.У. Поэтологическая конструкция Адила Якубова: эстетические критерии и основа выражения) 791

Прали Г.Ж., Кунаев Д.А. Мухтар Ауэзов и Иван Тургенев 802

ЖУРНАЛИСТИКА

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ МЕДИА

Ним Е.Г. Искусственный интеллект и человеко-машинная коммуникация: вызов исследованиям медиатизации 813

АКСИОЛОГИЯ МЕДИА

Трофимова С.С. Позняк-Ибатулина А.А. Проблема экологической стандартизации медиа: научные предпосылки и институциональные вызовы 824

Ефанов А.А. Кодекс этики современных медиакоммуникаций: регламентация медиакультурных принципов 838

Патракова А.П. Медийная амбивалентность донорства органов: между солидарностью и страхом 848

Лободенко Л.К., Череднякова А.Б., Астахова Ю.В., Харитонов О.Ю. Когнитивное и эмоциональное воздействие экологических медиатекстов на молодежь: нейромаркетинговый эксперимент 859

Арсентьева Г.Л., Даутова Р.В., Ашур Х.Ю.Д. Медиадискурс природной катастрофы в нарративных стратегиях радио и телевидения: землетрясение в Турции и Сирии 874

ВИЗУАЛЬНЫЕ МЕДИА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Си Л., Новикова А.А., Сун Ц. Вертикальный поворот китайских сериалов: влияние практик мобильного просмотра на индустрию и нарратив 887

ГЕНЕРАТИВНЫЕ МЕДИА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ВОСПРИЯТИЕ

Каминченко Д.И., Петухов А.Ю. Распознавание сгенерированного ИИ политического контента: роль субъективных установок 902

ОБЗОРЫ

Фортунатов А.Н., Фирулина Е.Г., Орлинская О.М., Дядченко М.В. Российский национальный брендинг: между культурными архетипами и маркетинговыми стратегиями 916

CONTENTS

PUSHKIN IN CONTEMPORARY STUDIES

LITERARY STUDIES

- Koroleva S.B.** Pushkin and the Pushkin Myth in Contemporary Russian Literary Studies 675

PUSHKIN'S POETICS IN THE CONTEXT OF TRADITION AND TIME

- Grigorieva E.N., Zolotukhin V.T.** "Verse and Prose" in an Epistle to A.N. Wolf: On the Nature of Pushkin's Poetic "Litter" 696

RUSSIAN LITERATURE IN THE DIALOGUE WITH THE POET

- Ivanitsky A.I., Nagina K.A.** Alexander Pushkin's Sources of the Meaning of the People's War in L. Tolstoy's novel *War and Peace* 707
- Turyшева O.N.** A Pushkin Quotation in Ivan Karamazov's Poem 717

THE PUSHKIN MYTH IN RUSSIAN CULTURE

- Tarasova I.A.** "Alexander Sergeyich, I Miss You": Pushkin – A Personage of Georgy Ivanov's Lyrics 728
- Ovcharenko A.Yu., Shaprinskaya E.A.** Pushkin in the Literary Manifestos of the 1920s 738
- Karpov N.A.** Peculiarities of Responses to Pushkin in Works by the Satyriconists 750
- Aleksandrova M.A.** The Bulgakovian Code of Alexander Galich's Pushkiniana 760

CROSS-CULTURAL RESPONSES

- Jampolskaja A.VI.** The Poems of A. Pushkin in the *Antologia della Poesia Russa* Edited by S. Garzonio e G. Carpi (2004): The Choice of Textes, the Choice of Translators 771

COMPARATIVE STUDIES

- Krasovickaya Yu.V.** Me and Alien: Confrontation and Convergence of Images in the Character System of Modern German and Czech Childrens Literature 779
- Nasirov A.N., Khamidova D.OI., Kholikulova G.Y., Ernazarova G.Is., Oblokulov J.Dzh., Bazarov S.B., Rakhmatullaev N.N., Ismoilova F.B., Abdukholikova Z.U.** Adil Yakubov's Poetological Construction: Aesthetic Criteria and Basis of Expression 791
- Prali G.Zh., Kunayev D.A.** Mukhtar Aueзов and Ivan Turgenev 802

JOURNALISM

HISTORY AND THEORY OF MEDIA

- Nim E.G.** Artificial Intelligence and Human-Machine Communication: A Challenge for Mediatization Studies 813

AXIOLOGY OF MEDIA

- Trofimova S.S., Poznyak-Ibatulina A.A.** The Problem of Media Eco-Standardization: Scholarly Foundations and Institutional Challenges 824
- Yefanov A.A.** Code of Ethics for Modern Media Communications: Regulation Media Cultural Principles 838
- Patrakova A.P.** Media Ambivalence of Organ Donation: Between Solidarity and Fear 848
- Lobodenko L.K., Cherednyakova A.B., Astashova Yu.V., Kharitonova O.Yu.** Cognitive and Emotional Impact of Environmental Media Texts on Youth: A Neuromarketing Study 859
- Arsenteva G.L., Dautova R.V., Ashour H.Yu.J.** Narrating the Natural Catastrophe: Radio and Television Coverage of the Turkey-Syria Earthquake 874

VISUAL MEDIA IN THE DIGITAL SPACE

- Xi L., Novikova A.A., Song J.** Vertical Turn of Chinese Series: Impact of Mobile Viewing Practices on Industry and Narrative 887

GENERATIVE MEDIA: THEORY, PRACTICE, RECEPTION

- Kaminchenko D.I., Petukhov A.Yu.** The Impact of AI Attitudes on Detecting AI-Generated Political Content 902

REVIEWS

- Fortunatov A.N., Firulina E.G., Orlinskaya O.M., Dyadchenko M.V.** Russian National Branding: Between Cultural Archetypes and Marketing Strategies 916

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY STUDIES

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-675-695

EDN: ONMWPH

УДК 821.161.1:82.09

Редакционная статья / Editorial article

А.С. Пушкин и пушкинский миф в современном русском литературоведении

С.Б. Королева

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия*
✉ svetlakor0808@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – аналитический обзор научных докладов, разносторонне представляющих достижения современной российской пушкинистики. Проанализированы материалы международных «пушкинских» конференций последних лет; обобщено содержание статей, публикуемых № 4 за 2025 г. «Вестника РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика»; обозначены перспективные направления «пушкинских» исследований. Описаны различные аспекты основных направлений, определившихся в современном пушкиноведении: поэтика и проблематика пушкинского творчества в контексте традиции и эпохи; поэтика русской литературы в контексте восприятия личности и творчества А.С. Пушкина; миф о Пушкине (в том числе его творческое осмысление и деконструкция) как способ идентификации и самоидентификации в массовой культуре и индивидуально-авторской картине мира; «другой» Пушкин: его восприятие в иных национальных культурах, акценты на отличительных признаках инациональных образов Пушкина. Отмечена актуальность вопросов компаративно-рецептивного характера, входящих в проблемное поле современной пушкинистики: соотнесенность «петербургской темы» в поэме Пушкина «Медный всадник» с венецианским текстом Байрона; пушкинский вектор развития европейского мифа о Дон Жуане в русской литературе; рецепция «пушкинской речи» Достоевского за рубежом; проблема проникновения элементов имагологического мифа о России в зарубежную пушкинистику. В результате сделаны следующие выводы: современное проблемное поле российской пушкинистики отличают разнообразие научных тем и преемственность по отношению к методологической традиции и достигнутым результатам исследований в этой области; компаративно-рецептивный аспект является одним из наиболее актуальных в современном пушкиноведении; глубина и оригинальность исследовательского взгляда представленных в выпуске журнала статей свидетельствуют о неисчерпаемости диалога российской и мировой культуры с поэтом, равно как и о бесконечности перспективы открытий на путях пушкиноведения.

© Королева С.Б., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: российская пушкинистика, доклады «пушкинских» конференций, пушкинский миф, рецепция творчества А.С. Пушкина, перспективы развития «пушкинских» исследований

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00706.

История статьи: поступила в редакцию 25 августа 2025 г.; отрецензирована 18 сентября 2025 г.; принята к публикации 20 сентября 2025 г.

Для цитирования: Королева С.Б. А.С. Пушкин и пушкинский миф в современном российском литературоведении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 675–695. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-675-695>

Pushkin and the Pushkin Myth in Contemporary Russian Literary Studies

Svetlana B. Koroleva

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ svetlakor0808@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to present an analytical review of research conducted in the mainstream of modern Russian Pushkin studies. The author analyzes the material of reports presented at the international Pushkin conferences of recent years; summarizes the content of articles published in this issue of the *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*; and identifies perspective areas of Pushkin research. Focusing on different aspects of the main areas that have emerged in modern Russian Pushkin studies, it describes the latter ones as follows: poetics and problems of Pushkin's work in the context of tradition and era; poetics of Russian literature in the context of perception of Pushkin's personality and work; the Pushkin myth (including its creative interpretation and deconstruction) as a way of identification and self-identification in popular culture and the individual author's picture of the world; the 'other' Pushkin: his perception in other national cultures, with an emphasis on the distinctive features of foreign images of Pushkin. The relevance of comparative and receptive issues included in the problematic field of modern Pushkin studies is accentuated; and the problems of correlation between the 'Petersburg theme' in Pushkin's poem *The Bronze Horseman* and Byron's Venetian text, of Pushkin's way of developing the European myth of Don Juan in Russian literature, of reception of Dostoevsky's "Pushkin Speech" abroad, and of penetration of the imagological myth about Russia into foreign Pushkin studies are commented on as examples. The following conclusions were made in this research: the contemporary field of Russian Pushkin studies is distinguished by a diversity of issues and continuity with respect to the methodological tradition and the achieved results of research in this area; the comparative-receptive aspect is one of the most relevant in contemporary Pushkin studies; the depth and originality of the research perspective of the articles presented in this issue of the *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism* testify to the inexhaustible responses of

Russian and world cultures to the poet, as well as to the endless prospects for discoveries along the paths of Pushkin studies.

Keywords: Russian Pushkin studies, reports of the “Pushkin” conferences, the Pushkin myth, reception A. S. Pushkin’s works, prospects in the sphere of Pushkin research

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Founding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00706.

Article history: submitted August 25, 2025; revised September 18, 2025; accepted September 20, 2025.

For citation: Koroleva, S.B. (2025). Pushkin and the Pushkin Myth in Contemporary Russian Literary Studies. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 675–695. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-675-695>

Введение

Произведения А.С. Пушкина, «схваченные» в ассоциативном поле представлений о его личности и эпохе, – один из основополагающих компонентов русской национальной культуры, русского самосознания. «Омифотворение» (термин М.В. Загидуллиной) Пушкина, начавшееся еще при его жизни, продолжается и в наши дни и проявляется в формах как массового сознания (анекдоты, шутки, сетевая микропоэзия, блогосфера), так и сознания индивидуально-авторского (литературные произведения, комиксы, анимационное и художественное кино). Сохраняя базовые оппозиции «мой – наш», «поэт – толпа», «поэт – власть», «вечное – временное», «сакральное (идеальное) – профанное (неидеальное)», пушкинский миф конца XX – начала XXI в. в его индивидуальных и в массовых формах стремится выйти за свои пределы, посмотреть на себя со стороны, обрести новую эмоционально-феноменологическую близость с Пушкиным – человеком с неповторимым абрисом личности, автором классических текстов русской литературы, поэтом-гением, ставшим символом глубокой человечности и духовной тонкости русской культуры.

Стремление выйти за пределы мифа, полемически оттолкнуться от обыденного или же общепринятого научного суждения о пушкинском творчестве характерно и для современного российского литературоведения. Исходя из устоявшегося уже в первой половине XX в. (многократно подтвержденного результатами научных изысканий) представления о том, что русскому поэту невозможно не отождествиться Пушкиным, что русская литература развивается по путям, во многом проложенным уже им, современные исследования соотносятся в целом с четырьмя векторами «пушкинского проблемного поля». Представляется, что эти векторы объединены перспективой новой точки зрения на пушкинское творчество и результаты его воздействия на русскую и мировую культуру, – перспективой, которая позволяет обнаружить нечто, до настоящего времени ускользавшее от взора исследователя.

Актуальные направления исследований в российской пушкинистике

В качестве основных направлений современной российской пушкинистики целесообразно выделить несколько.

1. Поэтика и проблематика пушкинского творчества в контексте традиции и эпохи, в том числе образно-стилевых признаков речевых и литературных жанров.

2. Поэтика русской литературы в контексте восприятия личности и творчества Пушкина.

3. Пушкинский миф (в том числе его творческое осмысление и деконструкция) как способ идентификации и самоидентификации в массовой культуре и индивидуально-авторской картине мира.

4. «Другой» Пушкин: его восприятие в иных национальных культурах, включая фильмографию, музыкальные формы рецепции его творчества, академический дискурс.

Значимость выделенных аспектов для современной российской гуманитаристики подтверждается тематикой докладов, представленных к обсуждению в последние годы, в первую очередь на традиционной для пушкинистов конференции «Болдинские чтения» (ННГУ им. Н.И. Лобачевского) и на относительно новой, но показавшей себя вполне состоятельной конференции «Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)» (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова).

Новые наблюдения и значимые научные результаты в отношении первого из выделенных аспектов были представлены, в частности, в докладах Л.А. Карпушкиной – о пародии на шекспировский экфрасис в «Графе Нулине» («Болдинские чтения», 2024 г.), М.Ю. Елеповой – о литературных и автобиографических контекстах и аллюзиях пушкинских переводов из Андре Шенье («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2025 г.), Н.А. Карпова – о смысловой противоречивости пушкинского «Памятника», связанной с ориентированностью художественного слова на сложно организованные образно-символические аспекты значений («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2023 г.).

Обсуждение индивидуальных свойств пушкинского слова, начавшееся (как и пушкинский миф) при жизни поэта, несомненно, не исчерпано и будет продолжаться в новых исследованиях. Значимым остается вопрос взаимодействия разностилевых компонентов пушкинского стиха, взаимонаправленность произаизации поэзии и поэтизации прозы (включая прозу жизни и быта) в его творчестве. На материале неопубликованных посланий А.С. Пушкина этот «лотмановский» и одновременно «бахтинский» и «виноградовский» вопрос в ракурсе вхождения бытового слова в слово поэтическое освещается в статье Е.Н. Григорьевой и В.Т. Золотухина, представленной в этом выпуске журнала.

Не менее актуальным для современного литературоведения остается и вопрос компаративно-поэтологического характера – о «переозначении» в пушкинском творчестве заимствуемых литературных мотивов, образов, идейно-тематических рядов. В частности, требует глубокого изучения вопрос о диалоге Пушкина с Байроном как об одном из значимых полемических контекстов «Медного всадника». Венецианский текст Байрона¹ в четырех его наиболее значительных воплощениях: четвертой песне «Паломничества Чайльд Гарольда» (*Childe Harold's Pilgrimage*, 1818), «Оде к Венеции» (*Ode on Venice*, 1818), шуточной поэме «Беппо» (*Beppo*, 1817) и особенно трагедии «Марино Фальеро» (*Marino Faliero, Doge of Venice*, 1820), – имеет несомненное значение для пушкинской поэмы.

Немало важен для размышлений о характере взаимодействия пушкинского «Медного всадника» с байроновским венецианским текстом тот факт, что образы Петербурга и Венеции в сознании пушкинской эпохи, в представлениях тех, кто составлял круг общения поэта, были потенциально соотнесены. Эта соотнесенность проявилась несколькими десятилетиями позже, в частности в «венецианских» стихотворениях П.А. Вяземского 1850–1860 гг. Однако уже в «Прогулке в Академию художеств» (1814) К.Н. Батюшкова, на которую Пушкин полнозвучно отозвался во «Вступлении» к «Медному всаднику» (Джанумов, 2020), тема творчества и красоты, размышления о шедеврах и гениях античной и европейской культуры, о прелести петербургского ландшафта и перспективах развития русской культуры прокладывали путь к формированию устойчивой ассоциации Петербург – Венеция.

Во «Вступлении» к поэме Пушкина «венецианская» вуаль как бы наброшена на создаваемый образ Петербурга, при этом через нее просвечивают «свои», пушкинско-петербургские смыслы. Основные приметы этой вуали-ореола – «золотые небеса» и «прозрачный сумрак» петербургских ночей² (ср.: «ночей Италии златой» – «Евгений Онегин», гл. I³; «Венеция златая» – «Близ мест, где царствует Венеция златая...»⁴; «блеск прозрачных облаков» – «Венецианская ночь»⁵); уединенное творческое бдение поэта ночью (ср.: «Когда я в комнате моей / Пишу, читаю без лампы»⁶ – «Один, ночной гребец, гондолой управляя, / ... / Ринальда, Годфреда, Эрминию поет...»⁷ – «Близ мест, где

¹ О венецианском тексте как понятии и о венецианском тексте русской литературы см.: Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : Новосибирский гос. пед. ун-т, 1999. 391 с.

² Пушкин А.С. Медный всадник // Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 4. Поэмы. Сказки. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 275.

³ Пушкин А.С. Евгений Онегин : Роман в стихах // Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения / А.С. Пушкин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. С. 25.

⁴ Пушкин А.С. Близ мест, где царствует Венеция златая... // Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 3. Стихотворения, 1827–1836 / А.С. Пушкин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 24.

⁵ Козлов И. Венецианская ночь // Стихотворения / И. Козлов ; под ред. Е.Н. Купреяновой. М. : Советский писатель, 1948. С. 51.

⁶ Пушкин А.С. Медный всадник // Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 4. Поэмы. Сказки / А.С. Пушкин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 275.

⁷ Пушкин А.С. Близ мест, где царствует Венеция златая... // Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 3. Стихотворения, 1827–1836 / А.С. Пушкин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 24.

царствует Венеция златая...»); «блеск, шум и говор балов», «пирушка холостая» (ср.: «пышные забавы», «пир ночной» в «Венецианской ночи»⁸). Имплицитное уподобление Петербурга Венеции в этой части поэмы основано в первую очередь на том литературном образе итальянского города, который был задан Байроном в четвертой песне «Чайльд Гарольда» и отчасти в «Беппо». При этом между «золотыми небесами» петербургских белых ночей – образом, в котором символика божественного избранничества крепко спаяна с реалистичностью воспроизводимой детали, с одной стороны, и «златой Венецией», с другой, равно как между автобиографическим «Я», изображенным уединенно читающим и пишущим в своей комнате, и условно-литературным образом поющего в ночи гондольера есть значительная дистанция.

Заключительные строки «Вступления», как и основная часть «Медного всадника», отсылают к другому «венецианскому» произведению Байрона – трагедии «Марино Фальеро» (ср.: о рецепции «Марино Фальеро» в другом произведении Пушкина писал И. Коган⁹). Кульминацией этой трагедии является предсказание о падении Венеции – предсказание-проклятие, интонационно сближенное с ветхозаветными пророчествами, замешанное на обличении преступлений власть имущих перед Богом, на разрушительном призывании Высшего возмездия. С этой интонацией Пушкин контрастно соотносит свой созидательный призыв, обращенный к городу: «Красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо как Россия...»¹⁰. Призыв, совершаемый в утопически-поэтическом ключе (Маркович, 2023, с. 133), нацелен на «вызывание» благополучного будущего города и всей воплощенной в его образе державы силой поэтически-пророческого слова. Сопровождающее его уточняющее пожелание поэта «Да умирится же с тобой / И побежденная стихия...», – снова отсылает к байроновским строкам¹¹. В нем перифраза, именующая Венецию «повелительницей вод и движущими их силами» (A ruler of the waters and their powers – «Паломничество Чайльд Гарольда», IV)¹², пересоздается в формулу пророчески-поэтического пожелания – и при этом не абсолютного доминирования города над стихией (как у Байрона), но доминирования-примирения.

Контекст «Марино Фальеро», скрепляя «Вступление» и основную часть пушкинской поэмы, освещает ее историософскую направленность. Отсылки к байроновской трагедии, реализуемые в сюжете и образности «Медного всадника» (образы львов, конной статуи и ее мистическая связь с городом и героем; мотив потери рассудка мятежным гордецом; тема родства, сплетенная с темами власти и истории и т.п.), актуализуют в пушкинской поэме тот идейно-тематический комплекс венецианского текста Байрона, который

⁸ Козлов И. Венецианская ночь // Стихотворения / И. Козлов ; под ред. Е.Н. Купреяновой. М. : Советский писатель, 1948. 196 с. С. 52.

⁹ Коган И. Тайна Венецианского стихотворения А.С. Пушкина. СПб. : КОСТА, 2008. 117 с.

¹⁰ Пушкин А.С. Медный всадник // Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 4. Поэмы. Сказки / А.С. Пушкин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 276.

¹¹ Там же.

¹² Byron Lord. Childe Harold's Pilgrimage // The Major Works / Lord Byron ; ed. by J.J. McGann. New York : Oxford University Press, 2008. P. 149.

полнее всего воплотился в его «Оде к Венеции» и который окрасил в медитативно-элегические тона и другие его художественные высказывания о «морской Кибеле». Разносторонний образ этого города у английского поэта вмещает в себя, помимо всего прочего, признаки бесславного увядания мощного государства – свободной республики, превратившейся в могучую империю, постепенно клонившейся к упадку и, наконец, окончательно утратившей свое историческое лицо (Kelsall, 2024). Через отсылки к венецианскому тексту Байрона этому общему пониманию истории как повторяющихся безуспешных попыток человечества создать благодатную империю, Пушкин противопоставляет одновременно пророчески-поэтическое призывание благополучного будущего Петербурга и России и глубокое осмысление неустойчивых оснований не империй вообще, но «послепетровской государственности», в которой размах политического развития и культуростроения соседствует с «пресечением родовых связей» и умалением человека (Виролайнен, 1999, с. 208, 213).

Ко второму из выделенных направлений изучения Пушкина и «пушкинского мифа» можно отнести результаты исследований, представленных в докладе А.В. Кулагина о литературной судьбе пушкинских «Бесов» и рецепции этого шедевра в песне Высоцкого «Открытые двери...» («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2023 г.), И.И. Цвик – о пушкинской традиции в творческом наследии М. Цветаевой и А. Ахматовой («Болдинские чтения», 2024 г.), Н.Н. Подосокорского – о произведениях А.С. Пушкина как источника рассказа генерала Иволгина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2025 г.).

С этим направлением современной пушкинистики соотнесены две статьи этого выпуска: о рецепции Л.Н. Толстым пушкинских произведений в осмыслении народной войны (статья А.И. Иваницкого и К.А. Нагиной) и о роли цитаты из пушкинской маленькой трагедии «Каменный гость» в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского (статья О.Н. Турышевой).

Будучи одним из направлений российской пушкинистики, сам по себе научный диалог о восприятии личности и творчества А.С. Пушкина в поэтике «послепушкинской» русской литературы представляется не имеющим обозримых границ. Можно с уверенностью утверждать, что не только классическая русская литература XIX в. по-прежнему хранит нераспознанные следы прямого или опосредованного воздействия пушкинского творчества, но и поэзия А. Блока, О. Мандельштама, М. Кузьмина, Н. Гумилёва, Д. Самойлова, А. Кушнера, А. Галича, Б. Окуджавы, В. Высоцкого (ряд может быть продолжен), как и поэзия наших современников М. Ватутиной, И. Караулова, А. Долгаревой, Е. Заславской.

Пристального внимания заслуживает вопрос о «русском векторе» интерпретации мифа о Дон Жуане, заданном в пушкинском «Каменном госте». Известно, что Пушкин отталкивается от традиционно комедийной обработки сюжета о Дон Жуане (в том числе у Мольера) и, развивая высокое, трагедийное начало, заложенное в мифе и высвеченное в опере Моцарта, приходит

к проблеме борьбы вечного и временного, высшей и обыденной реальности не только в большом пространстве культуры, общества, истории, но внутри «большого» человека (Королева, 2025).

Гораздо менее изучены послепушкинские образы Дон Жуана в русской литературе XIX–XX вв. Между тем «пушкинскому вектору» отчасти следует уже А.К. Толстой в своей драматической поэме «Дон Жуан». В начале XX в. образ-миф становится предметом лирико-философских размышлений о человеке в символистской и пост-символистской поэзии (К. Бальмонт, В. Брюсов, З. Гиппиус, Н. Гумилёв, А. Блок, М. Цветаева). В этих произведениях в целом тоже проявлен «пушкинский вектор» Дон Жуана. Так, центральной темой стихотворения Брюсова являются не любовные похождения и сексуальные победы, но любовь как пограничное состояние души, которое способно подвести ее через прикосновение к женским душам («новым мирам») к «святой глубине» – Вечности¹³. В сонете Н. Гумилёва «Дон Жуан» герой раздроблен между инстинктом вечного стремления, движения, победы, размышлением о будущем и редкими прозрениями («вдруг опомнюсь»), обнажающими пустоту и ложную «наполненность» его бытия¹⁴.

Онтологическая и трагическая (Пушкиным заданная) глубина сюжета о Дон Жуане в советский период истории русской литературы сохраняются не в драме (комедия С. Алешина «Тогда в Севилье» (1948), пьеса Л. Жуховицкого «Последняя женщина сеньора Хуана» (1981)), а в поэзии. В частности, речь идет о поэме-фарсе Д. Самойлова «Старый Дон Жуан» (1976) и стихотворении В. Сосноры «Дон Жуан» (1979). Эти тексты объединяет образ героя, синтезирующий признаки героя экзистенциального и романтического, символистского и авангардного, как и явная его соотнесенность с позицией автора: и для Сосноры, и для Самойлова Дон Жуан есть героическая проекция себя – не отступающего ни перед смертью, ни перед проклятием, ищущего истину и смысл.

С третьим из выделенных направлений современной пушкинистики соотносятся наблюдения, которые были представлены в докладах Г.Л. Гуменной – об образах памятников Пушкину в поэзии Б. Садовского («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2023 г.), И.С. Юхновой – о стратегиях биографического повествования в пушкинской диалогии В.П. Авенариуса (эта же конференция), Ю.Е. Павельевой – о «пушкинской линии» в творчестве А.И. Солженицына («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2024 г.), А.Г. Коваленко – об отсылках к Пушкину в поэзии и прозе русского постмодернизма («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2025 г.). Это направление отражено в трех статьях этого выпуска журнала: о пушкинском мифе в литературных манифестах 1920-х гг. (А.Ю. Овчаренко, Е.А. Шапринская), о роли отсылок

¹³ Брюсов В. Дон Жуан. Избранные сочинения : в 2 томах. Т. 1. М. : Художественная литература, 1955. С. 101.

¹⁴ Гумилев Н.С. Дон Жуан. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 1. М. : Воскресение, 1998. С. 272.

к Пушкину в юмористических текстах сатириконцев (Н.А. Карпов) и о формах и смысле «пушкинского текста» в зрелых произведениях А. Галича (М.А. Александрова).

В сопоставлении с пушкинским мифом в русской культуре примечательным представляется факт внимания английских критиков к «пушкинскому мифу Достоевского». Уже в 1916 г. в работах Дж.М. Мерри (одного из наиболее авторитетных английских литературных критиков этого времени) в «пушкинской речи» Достоевского была выделена интенция самоидентификации (в отношениях с Пушкиным). В предисловии Мерри к изданию «Достоевский. Страницы из дневника автора» (*Dostoyevski. Pages from the Journal of an Author*) предлагалось увидеть в Пушкине центральную фигуру русской литературы и *alter ego* писателя (Murry, 1916). Предисловие последовательно и аргументированно убеждало читателя в том, что «пушкинская речь» – это в первую очередь разговор великого писателя о самом себе, его самых сокровенных чаяниях, его вере в Россию и в чудо перерождения человечества.

Четвертое из обозначенных направлений нашло отражение в статье А.В. Ямпольской, публикуемой в этом выпуске, – об итальянских переводах произведений Пушкина, представленных в «Антологии русской поэзии» Гардзонио-Карпи (2004)¹⁵. О значительном месте изучения рецепции личности и творчества А.С. Пушкина в иных национальных культурах в современном российском (и не только) пушкиноведении красноречиво свидетельствуют доклады И.А. Тарасовой, Р. Божич и др. Представляется необходимым обозначить аспекты, вызывающие живой научный интерес.

В первую очередь это исследования переводов из Пушкина в разные эпохи и на различные языки, включая изучение таких вопросов, как роль переводческой концепции в переводческих интерпретациях, значение для выбранных переводческих вариантов общего (инонационального) восприятия Пушкина и русской литературы в целом, принципиальные различия в системах стихосложения и в самих языковых системах, выбор переводчиков и редакторов (особенно это касается антологий), расхождение национальных концептосфер и идейно-эстетические признаки эпохи, находящие воплощение в переводе. Этим вопросам были посвящены доклады А.В. Кафановой – о тургеневских переводах произведений А.С. Пушкина на французский язык («Болдинские чтения» в разные годы, 2024 г.) и А.И. Тарасовой – о Милораде Павиче как переводчике А.С. Пушкина и главном редакторе собрания его сочинений на сербском языке («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2024 г.).

Актуальными остаются исследования воздействия творчества Пушкина на инонациональные литературы. Несмотря на ограниченность (по сравнению с влиянием творчества Достоевского) степени этого воздействия, случаи непосредственной рецепции и адаптации пушкинской поэзии и прозы, особенно его «Капитанской дочки» и «Евгения Онегина», встречаются, и многие

¹⁵ См.: *Antologia della Poesia Russa / a Cura di Stefano Garzonio e Guido Carpi. Roma : La Repubblica, 2004. 985 p.*

из них заслуживают научного внимания как значимые продукты межнационального диалога. Пример такого рода – роман в стихах современной французской писательницы К. Бове «Ужель та самая Татьяна» (*Songe à la douceur*, 2016). Способы пересоздания в нем сюжета, образов и поэтики «Евгения Онегина» были концептуально описаны в докладе М.И. Николы («Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XXI вв.)», 2024 г.). В докладе В.Е. Угрюмова («Болдинские чтения», 2024 г.) был проанализирован не менее значимый продукт межкультурного диалога с Пушкиным – пьеса английского драматурга П. Шеффера «Амадей» (1979).

Особый интерес для современной гуманитаристики представляет вопрос об интерпретации пушкинского творчества в академической науке за рубежом. В частности, мало исследован вопрос о проникновении имагологического мифа о России в зарубежные исследования личности и творчества Пушкина. Основания для постановки этого вопроса изложены в моих докладах (конференции 2024–2025 гг.), посвященных англо-американскому литературоведению первой половины XX в. В них было доказано, что особая этнокультурная интерпретация творчества А.С. Пушкина (шире – русской литературы XIX в., которая была выработана в трудах М. Бэринга (M. Baring) в 1910-е гг.), стала продуктивной моделью толкования принципиальных черт пушкинского творчества. Основу этой модели составило соотнесение реализма как ментальной установки на «близость природе и факту», смягченной «всечеловечностью», с такими чертами русского национального характера, как здравомыслие, верность факту, адаптивность, милосердие (Королева, 2024). Получив общее «одобрение» Д.С. Мирского, она повлияла на концепцию пушкинского творчества в трудах таких видных литературоведов и литературных критиков, как Я. Лаврин (Y. Lavrin), Дж. Бейли (J. Bayley) и Э. Бриггс (A. Briggs).

Этнокультурная интерпретация предопределила проникновение в англо-американскую пушкинистику XX в. имагологического мифа о России: его воздействие сказалось в трактовках идейного содержания поэмы «Медный всадник», соотносивших его со стереотипами о деспотизме природы власти в России и склонности русского народа к насилию (Э. Уилсон), о благоговении русского народа перед энергичными тиранами (Дж. Бейли) и вопросом о выборе между русской автократией и западной демократией (Э. Бриггс).

Другой путь мифологизации научного дискурса, по моим наблюдениям, сопряжен с методом «нового историзма». Социологизированный подход с акцентом на изучении политических взглядов автора особенно ощутим в современных англоязычных статьях, посвященных полемике пушкинской «Полтавы» с байроновским «Мазепой». Так, в статье *Poltava at 300: Re-reading Byron's Mazeppa and Pushkin's Poltava in the Post-Soviet Era* К. Доука, преподавателя русской литературы и компаративистики в Бристольском университете, утверждается, что основная цель Пушкина в «Полтаве» – пародировать «Мазепу» Байрона – the poem's primary function is to parody Byron (Doak, 2010, p. 88). Основным же выводом исследователя является утверждение, что байроновский Мазепа если и не более верный в историческом плане образ, то, по крайней мере,

менее опасный, чем пушкинский. Его мужественное, стоически-спокойное принятие поражения при том, что воля к жизни побуждает его продолжать движение, рекомендуется автором статьи в качестве примера для подражания любому современному читателю, особенно русскому и украинскому.

В схожем русле проблема полемики пушкинского текста с байроновским решается и в другой современной англоязычной статье – *The literary portrayals of Ivan Mazepa in Byron's Mazeppa and Pushkin's Poltava. A comparative analysis* Татьяны Крол, преподавателя Дублинского городского университета. Отмечая, что Пушкин прекрасно знал поэму Байрона и ориентировался на нее, исследователь выдвигает предположение, что русский поэт имел намерение «бросить вызов великому романтику» (the challenge the Great Romantic) (Krol, 2023, p. 12). Основанием же для этого вызова, по мнению Т. Крол, стало несогласие Пушкина с политическими взглядами Байрона. Соответственно, и образ Мазепы – центральный для обоих поэтов – трактуется как способ отстоять свою политическую позицию. К концу статьи автор приходит к выводу, что любовь Мазепы и Марии для Пушкина только «отправная точка в изображении гетмана как негодяя, в то время как подлинный гнев поэта направлен на предательство Мазепой русского царя» (a point of departure for Pushkin's portrayal of the Hetman as a villain, while the body of the poet's indignation is aimed at Mazepa's treachery of the Russian Tsar) (Ibid., p. 17). И обобщает: Пушкин «переформатировал Мазепу в фигуру злодея в соответствии со своими империалистическими убеждениями» (reshaped Mazepa into a villain figure in line with his imperialist beliefs) (Ibid., p. 21).

В этих статьях поэма Пушкина, равно как и поэма Байрона, исследуется в аспекте политических взглядов автора; внимание нацелено на выявление идеологического плана художественного текста как глубинной содержательной структуры текста, способной бороться с общественным мнением и формировать его. В итоге от наблюдений над некоторыми несоответствиями пушкинской поэмы исторической действительности эти работы неизменно двигаются к выявлению несуществующих (мифических) «колонизаторских», «империалистических» убеждений поэта.

Заключение

Таким образом, тематика и содержание докладов, представленных на профильных («пушкинских») международных конференциях последних лет, дают твердое основание для выделения в современной российской пушкинистике четырех основных направлений научной работы: поэтика и проблематика пушкинского творчества в контексте традиции и эпохи; поэтика русской литературы в контексте восприятия личности и творчества Пушкина; пушкинский миф (в том числе его творческое осмысление и деконструкция); восприятие личности и творчества поэта в иных национальных культурах.

Выделенные направления и отдельные их аспекты, охарактеризованные как наиболее актуальные (в первую очередь речь идет о компаративно-

рецептивном аспекте), не претендуют на полноту описания всей палитры вопросов в «пушкинских» исследованиях последних лет. Однако они дают объективное представление о современном ландшафте «пушкинского проблемного поля». Разнообразие этого ландшафта, очевидная преемственность по отношению к методологической и содержательно-практической традиции российской науки о литературе в целом и о пушкинском творчестве в частности, равно как и глубина и оригинальность исследовательского взгляда, о которых мы можем судить по представленным в этом выпуске «Вестника РУДН» статьях. Все это свидетельствует как о неисчерпаемости диалога российской и мировой культуры с поэтом, так и о бесконечности перспективы научных открытий на путях пушкиноведения.

ENG

Introduction

Pushkin's works, "captured" in the associative field of ideas about his personality and era, are one of the fundamental components of Russian national culture, Russian self-awareness. The "myth-creation" (M.V. Zagidullina's term) of Pushkin, which began during his lifetime, continues to this day in the forms of manifestation of both mass consciousness (anecdotes, jokes, online micropoetry, the blogosphere) and individual responses (literary works, comics, animated and feature films). Preserving the basic oppositions "mine – ours", "poet – crowd", "poet – power", "eternal – temporary", "sacred (ideal) – profane (imperfect)", the Pushkin myth of the late 20th – early 21st centuries, both in its individual and mass forms, strives to overcome its limits, to look at itself from the outside, to find a new emotional and phenomenological closeness with Pushkin – a man with a unique personality, the author of classic texts of Russian literature, a poet-genius who became a symbol of profound humanity and spiritual subtlety of Russian culture.

The intention to go beyond the myth, to go away from the established common or academic (scholarly) judgment about Pushkin's work is characteristic of modern Russian literary criticism, too. Based on the influential idea, repeatedly confirmed by the results of research both in past and present, it is impossible not to respond to Pushkin and that Russian literature is developing along the paths largely laid by him, Pushkinists in Russia correlate, in general, with four directions of the 'Pushkin problematic field'. These directions are united by a demand and a possibility to treat 'Pushkin things' in this or that new perspective – and this makes it possible to discover something that has until now eluded the gaze of the researcher.

Current Research Areas in Russian Pushkin Studies

The following areas can be highlighted as the main directions of modern Russian Pushkin studies.

1. The poetics and problems of Pushkin's work in the context of tradition and era, including figurative and stylistic features of speech and literary genres.

2. The poetics of Russian literature in the context of responses to Pushkin's personality and work.

3. The Pushkin myth (including its creative comprehension and deconstruction) as a way of identification and self-identification in popular culture and the individual author's picture of the world.

4. The "other" Pushkin: his perception in other national cultures, including filmography, musical forms of reception of his work, academic discourse.

The significance of the highlighted aspects for modern Russian humanities is confirmed by topics of the papers presented for discussion in recent years – first of all, at the traditional for Pushkin scholars conference *Boldinskiye Chteniya* (Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod) and at the relatively new conference, proven to be successful – *Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)* (Linguistics University of Nizhny Novgorod). New observations and significant results in relation to the first of the highlighted aspects were presented, in particular, in papers by L.A. Karpushkina – on the parody of Shakespeare's ekphrasis in *Count Nulin* (*Boldinskiye Chteniya*, 2024), by M.Yu. Elepova – on the literary and autobiographical contexts and allusions of Pushkin's translations from Andre Chenier (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2025), by N.A. Karpov – on the semantic inconsistency of Pushkin's *Monument*, associated with the orientation of the artistic word on complexly organized figurative and symbolic aspects of meanings (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2023).

Discussion of individual stylistic features of Pushkin's word, which began (like the Pushkin myth) during the poet's lifetime, has undoubtedly not been exhausted and can be proceeded with the perspective of new questions raised and new answers given. In particular, the question of interaction in Pushkin's verse of different style components, resulting in both proseization of poetry and the poeticization of prose (including that of life and of everyday routine) in his work, remains significant. Based on the material of unpublished Pushkin's addresses, this 'Lotmanian' and at the same time 'Bakhtinian' and 'Vinogradovian' question (from the perspective of everyday vocabulary's involvement into poetic discourse) is covered in the article by E.N. Grigorieva and V.T. Zolotukhin, presented in this issue of the journal.

No less relevant for modern literary criticism are questions from the sphere of comparative literature studies – concerning ways in which borrowed motifs, images, ideological and thematic patterns are redesigned in Pushkin's work. In particular, the question of polemics with Byron, which Pushkin covertly incorporates into his poem *The Bronze Horseman*, requires in-depth study. Indeed, Byron's 'Venetian text'¹⁶ in its four most significant forms of realization: the fourth song of *Childe Harold's Pilgrimage* (1818), *Ode on Venice* (1818), the comic poem *Beppo* (1817), and especially the tragedy *Marino Faliero, Doge of Venice* (1820), is of undoubted importance for Pushkin's poem.

¹⁶ See: Mednis, N.E. (1999). *Venice in Russian Literature*. Novosibirsk State Pedagogical University. (In Russ.)

Of no small importance for reflection on the nature of the interaction between Pushkin's *Bronze Horseman* and Byron's 'Venetian text' is the fact that the images of St. Petersburg and Venice were potentially correlated in the consciousness of Pushkin's epoch – that is, in the ideas of those who made up the poet's circle of friends. This correlation was directly manifested several decades later: in particular, in the 'Venetian' poems by P.A. Vyazemsky of the 1850–1860s. However, already in *A Walk to the Academy of Arts* (1814) by K.N. Batyushkov, to which Pushkin vividly responded in the Introduction to *The Bronze Horseman* (Dzhanumov, 2020), the theme of creativity and beauty, reflections on the masterpieces of ancient and European culture, on the charm of the St. Petersburg landscape and the prospects for the development of Russian culture paved way for a stable association between St. Petersburg and Venice.

In the Introduction of Pushkin's poem, the 'Venetian veil' covers, as it were, the image of St. Petersburg, while new features and meanings shine through it. The main details of this veil-halo are: "golden skies" and "transparent twilight" of St. Petersburg nights¹⁷ (cf.: "nights of golden Italy" – *Eugene Onegin*¹⁸; "golden Venice" – *Near the places where golden Venice reigns...*¹⁹; "the shine of transparent clouds" – *A Venetian Night*²⁰); the poet's solitary creative vigil at night (cf.: "When I am in my room / Writing, reading without a lamp"²¹ – "Alone, a night oarsman, steering a gondola, / ... / Sings of Rinaldo, Godfred, Erminia..."²² – *Near the places where golden Venice reigns...*); "the glitter, noise and talk of balls", "a bachelor's feast" (cf.: "lush amusements", "night feast" in *A Venetian Night*²³). The implicit comparison of Petersburg to Venice in this part of the poem is based, first of all, on the literary image of the Italian city that was created by Byron in *Childe Harold's Pilgrimage*, IV and partly in *Beppo*. At the same time, there is a significant distance between the "golden skies" of the St. Petersburg white nights – an image in which the symbolism of divine election is tightly fused with the realism of the reproduced detail, on the one hand, and "golden Venice," on the other, just as there is between the autobiographical author, depicted reading and writing in solitude in his room, on the one hand, and the conventionally literary image of a gondolier singing in the night, on the other.

¹⁷ Pushkin, A.S. (1977). *The Bronze Horseman*. In A.S. Pushkin, *Complete Collected Works* (Vol. 4: Poems. Fairy-Tales, p. 275). Leningrad: Nauka (In Russ.). All quotations from Pushkin here and elsewhere are provided translation by author – S.K.

¹⁸ Pushkin, A.S. (1978). *Eugene Onegin*. In A.S. Pushkin, *Complete Collected Works* (Vol. 5: Eugene Onegin. Dramatic Works, p. 25). Leningrad: Nauka. (In Russ.)

¹⁹ Pushkin, A.S. (1977). *Near the places where golden Venice reigns...* In A.S. Pushkin, *Complete Collected Works* (Vol. 3: Poems, 1827–1836, p. 24). Leningrad: Nauka. (In Russ.)

²⁰ Kozlov, I. (1948). *A Venetian Night*. In I. Kozlov, *Poems* (p. 51). Moscow: Sovetsky Pisatel Publ. (In Russ.)

²¹ Pushkin, A.S. (1977). *The Bronze Horseman*. In A.S. Pushkin, *Complete Collected Works* (Vol. 4: Poems. Fairy-Tales, p. 275). Leningrad: Nauka (In Russ.)

²² Pushkin, A.S. (1977). *Near the places where golden Venice reigns...* In A.S. Pushkin, *Complete Collected Works* (Vol. 3: Poems, 1827–1836, p. 24). Leningrad: Nauka. (In Russ.)

²³ Kozlov, I. (1948). *A Venetian Night*. In I. Kozlov, *Poems* (p. 52). Moscow: Sovetsky Pisatel Publ. (In Russ.)

The final lines of the Introduction, as well as the main part of *The Bronze Horseman*, refer to another ‘Venetian’ work by Byron – the tragedy *Marino Faliero* (cf.: I. Kogan wrote about the reception of *Marino Faliero* in another work by Pushkin²⁴). The culmination of this tragedy’s conflict is the hero’s prediction of the fall of Venice – a prediction-curse, close in its style and intonation to the Old Testament prophecies, mixed with denunciation of the crimes of those in power before God, with a destructive invocation of the Supreme Retribution. With this intonation, Pushkin contrasts his creative appeal addressed to the city: “Be beautiful, city of Peter, and stand / Unshakably like Russia...”²⁵. The appeal, made in a utopian-poetic vein (Markovich, 2023, p. 133), is aimed at “summoning” a prosperous future for the city and the entire state embodied in its image by the power of the poetic-prophetic word. The poet’s accompanying clarifying wish: “May the conquered elements be at peace with you...” again refers to Byron’s lines²⁶. In it, the periphrasis calling Venice “a ruler of the waters and their powers” (*Childe Harold’s Pilgrimage*, IV²⁷) is recreated into a formula of a prophetic and poetic wish supporting the idea of no absolute dominance of the city over the elements (as in Byron), but of dominance based on reconciliation. The context of *Marino Faliero*, fastening the Introduction and the main part of Pushkin’s poem, illuminates its philosophy of history.

References to Byron’s tragedy, realized throughout the plot and imagery of *The Bronze Horseman* (images of lions, the image of an equestrian statue and its mystical connection with the city and the hero; the motif of the loss of reason by a rebellious proud man; the theme of kinship, intertwined with the themes of power and history, etc.), actualize in Pushkin’s poem that ideological and thematic complex of Byron’s ‘Venetian text’, which was most fully embodied in his *Ode to Venice* and which colored his other artistic statements about the “sea Cybele” in meditative and elegiac tones. The multifaceted image of this city in works by the English poet contains, among other things, signs of the inglorious withering of a powerful state – a free republic that turned into a mighty empire, and then started gradually declining and, finally, completely lost its historical face (Kelsall, 2024). Through references to Byron’s Venetian text, Pushkin contrasts this general understanding of history as repeated unsuccessful attempts of humanity to create a blessed empire with both a prophetic and poetic call for a prosperous future for St. Petersburg and Russia, and a profound understanding of the unstable foundations not of empires in general, but of “post-Petrine statehood”, in which the scope of political development and cultural construction coexists with the “cutting off of family ties” and the belittling of man (Virolainen, 1999, pp. 208, 213).

The second of the identified areas of study of Pushkin and the Pushkin myth includes the results of the research presented in A.V. Kulagin’s paper focused on the

²⁴ Kogan, I. (2008). *The Secret of Pushkin’s Venetian Poem*. Saint Petersburg: COSTA Publ. (In Russ.)

²⁵ Pushkin, A.S. (1977). *The Bronze Horseman*. In A.S. Pushkin. *Complete Collected Works* (Vol. 4: Poems. Fairy-Tales, p. 275). Leningrad: Nauka (In Russ.)

²⁶ Ibid.

²⁷ Byron, Lord. (2008). *Childe Harold’s Pilgrimage*. In Lord Byron, J.J. McGann (Ed.), *The Major Works* (p. 149). Oxford University Press.

literary fate of Pushkin's *Demons* and the reception of this masterpiece in Vysotsky's song *Open doors...* (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2023), as well as in a paper by I.I. Tsvik concerning Pushkin's tradition in M. Tsvetaeva's and A. Akhmatova's works (*Boldinskiye Chteniya*, 2024), and by N.N. Podosokorsky – in a paper devoted to A.S. Pushkin's works as a source for the story of General Ivolgin in F.M. Dostoevsky's novel *The Idiot* (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2025).

Two articles in this issue are related to this very direction of modern Pushkin studies: on L.N. Tolstoy's response to Pushkin's works in the aspect of people's war (A.I. Ivanitsky's and K.A. Nagina's article), and on the role of a quotation from Pushkin's short tragedy *The Stone Guest* in F.M. Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov* (O.N. Turyшева's article). Being one of the directions of contemporary Russian Pushkin studies, scholar's dialogue about responses to the personality and work of A.S. Pushkin in "post-Pushkin" Russian literature seems to have no visible boundaries. It can be stated with certainty that not only classical Russian literature of the 19th century still preserves unrecognized traces of the direct or indirect influence of Pushkin's work, but also the poetry of A. Blok, O. Mandelstam, M. Kuzmin, N. Gumilyov, D. Samoilov, A. Kushner, A. Galich, B. Okudzhava, V. Vysotsky (the sequence of names to be mentioned here is above our scope), as well as the poetry of our contemporaries: M. Vatutina, I. Karaulov, A. Dolgareva, E. Zaslavskaya.

In particular, the question of distinct Russian 'method' of developing the myth of Don Juan, set forth in Pushkin's *Stone Guest*, deserves close attention. It is quite well-known that Pushkin starts from the traditionally (by his epoch) comic treatment of the Don Juan plot and, developing the high, tragic principle inherent in the myth and highlighted in Mozart's opera, comes to the problem of struggle between the eternal and the temporary, as well as between the higher reality and ordinary facts, and not only in the large space of culture, society, and history, but inside the man (Koroleva, 2025).

However, post-Pushkin images of Don Juan in the Russian literature of the 19–20th centuries are much less studied. Meanwhile, the Pushkin line in developing the myth was followed in the second half of the 19th century by A.K. Tolstoy in his famous dramatic poem *Don Juan*. At the beginning of the 20th century, Don Juan became the subject of lyrical and philosophical reflections on man in symbolist and post-symbolist poetry (in lyrics by K. Balmont, V. Bryusov, Z. Gippius, N. Gumilev, A. Blok, M. Tsvetaeva). In these works, in general, the Pushkin line of Don Juan is also manifested. Thus, the central theme of Bryusov's poem is not love affairs and sexual conquests, but love as an ecstatic state of the soul, which is capable of leading it through contact with women's souls ("new worlds") to the "holy depth" – Eternity²⁸. In N. Gumilyov's sonnet *Don Juan* the hero is divided between the instinct of eternal striving, movement, victory, reflection on the future – and rare

²⁸ Bryusov, V. (1955). *Don Juan* (Vol. 1, p. 101). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. (In Russ.)

insights (“suddenly I will come to my senses”), revealing the emptiness and false “wholesomeness” of his being²⁹.

In the Soviet period of Russian literature’s development, the ontological and tragic depth of Pushkin’s image of Don Juan is preserved not in drama (S. Aleshin’s comedy *Then in Seville* (1948), L. Zhukhovitsky’s play *The Last Woman of Seigneur Juan* (1981)), but in poetry. In particular, the poem-farce *Old Don Juan* by D. Samoilov (1976) and the poem *Don Juan* by V. Sosnora (1979) should be analyzed from this point of view. The texts are united by the image of a hero whose major features, synthesizing traits of diverse heroes (existential, romantic, symbolist, avant-garde), are obviously correlated with the author’s position. For both Sosnora and Samoilov, Don Juan is a heroic projection of themselves – the reflection that stands for courage, and decisiveness, and the noble character retreating neither before death nor before a curse, searching for the truth and meaning.

The third of the identified areas of modern Pushkin studies correlates with the observations that were presented in papers of G.L. Gumennaya – on the images of monuments to Pushkin in Boris Sadovskoy’s poetry (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2023), I.S. Yukhnova – on the strategies of biographical narration biographical novels about Pushkin by V.P. Avenarius (the same conference), Yu.E. Pavelieva – on the “Pushkin line” in Alexander Solzhenitsyn’s work (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2024), A.G. Kovalenko – on references to Pushkin in the poetry and prose of Russian post-modernism (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2025). This aspect is treated in three articles of this issue: on the Pushkin myth in literary manifestos of the 1920s (A.Yu. Ovcharenko, E.A. Shaprinskaya), on the role of references to Pushkin in humorous texts of the Satirikonists (N.A. Karpov) and on the forms and meaning of the ‘Pushkin text’ in mature works of A. Galich (M.A. Alexandrova).

In comparison with the role of the Pushkin myth in Russian culture, the fact of particular attention of English critics to the ‘Pushkin myth of Dostoevsky’ seems noteworthy. As early as 1916, in works of J. M. Murry (one of the most authoritative English literary critics of that time), the intention of self-identification (in relations with Pushkin) was highlighted in Dostoevsky’s “Pushkin Speech”. In Murry’s preface to the book *Dostoyevski. Pages from the Journal of an Author*, it was suggested to see in Pushkin the central figure of Russian literature and the *alter ego* of the writer (Murry, 1916). The preface consistently and convincingly states that the *Pushkin Speech* is, first and foremost, a monologue of the great writer about himself, his innermost aspirations, his faith in Russia and in the miracle of mankind’s rebirth.

The fourth of the identified aspects of Russian Pushkin studies today is touched upon in this issue in A.V. Yampolskaya’s article about the Italian translations of Pushkin’s works, presented in the *Anthology of Russian Poetry (Antologia Della*

²⁹ Gumilyov, N.S. (1998). *Don Juan* (Vol. 1, p. 272). Moscow: Voskresenie Publ. (In Russ.)

Poesia Russa), edited by S. Garzonio and G. Carpi (2004)³⁰. The significance of contemporary studies focused on the problem of cross-cultural reception of A.S. Pushkin's personality and work is eloquently evidenced by papers presented at recent 'Pushkin conferences' by I.A. Tarasova, R. Božić, and others. It seems necessary to outline the aspects that arouse scholars' lively interest.

First of all, these are studies of translations from Pushkin in different epochs and into different languages, including studies of such issues as the role of personal experience and concepts (including translation paradigms) in translation interpretations, the influence of common views of Pushkin and Russian literature on the selected translation options, fundamental differences in the systems of versification and in the language systems, the choice of translators and editors (this is especially true for anthologies), divergence of national conceptual spheres and ideological and aesthetic features of the epoch that are brought into the text of a translation. These issues have been tackled recently, in particular, in papers by A.V. Kafanova – on Turgenev's translations of Pushkin's works into French (*Boldinskiye Chteniya* of different years, including 2024) and by A.I. Tarasova – on Milorad Pavić as a translator of A.S. Pushkin and the editor-in-chief of his collected works in Serbian (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2024).

The problem of Pushkin's influence on foreign literatures remains relevant. Despite the limited (in comparison with the influence of Dostoevsky's work) measure of this influence, there are cases of direct reception and adaptation of Pushkin's poetry and prose, especially of his *Captain's Daughter* and *Eugene Onegin*, and many of them, as significant products of a cross-cultural dialogue, deserve scholars' attention. An example of this kind is the novel in verse by Clémentine Beauvais *Songe à la douceur* (2016). The methods of recreating the plot, images and poetics of *Eugene Onegin* in it were conceptually described in a paper by M.I. Nikola (*Reception of the Personality and Work of A.S. Pushkin in Russian and World Culture (19th – 21st Centuries)*, 2024). In V.E. Ugryumov's paper (*Boldinskiye Chteniya*, 2024), an equally significant product of intercultural dialogue with Pushkin was analyzed, that is the play by the English playwright P. Schaffer *Amadeus* (1979).

Of particular interest to modern humanities is the issue of interpreting Pushkin's work in literature studies abroad. In particular, the issue of penetration of the imagological myth of Russia into foreign Pushkin studies has not been thoroughly researched. The grounds for posing this question are set out in my papers (conferences 2024–2025) devoted to the Anglo-American literary criticism of the first half of the 20th century. They argued that a particular ethnocultural interpretation of A.S. Pushkin's works and of Russian literature of the 19th century, in general, which was developed by M. Baring in the 1910s, became a productive model for Anglo-American Pushkin studies. At the basis of this model we can find a link between realism (as a mental attitude towards "closeness to nature and fact", softened by "universal humanity") and such features of the Russian national character as common sense, matter-of-factness, adaptability, mercy (Koroleva, 2024). Having

³⁰ Garzonio, C.S., & Carpi, G. (2004). *Antologia della Poesia Russa*. Roma: La Repubblica.

received ‘approval’ of D.S. Mirsky, this interpretation influenced the concept of Pushkin’s work in works of such prominent literary scholars and critics as Yanko Lavrin, John Bayley and Anthony Briggs.

The ethnocultural interpretation predetermined the penetration of the imago-logical myth of Russia into Anglo-American Pushkin studies of the 20th century: its influence, in particular, is reflected in such interpretations of *The Bronze Horseman*, that contained suppositions concerning the despotic nature of power in Russia, the inclination of the Russian people to violence (E. Wilson), as well as the reverence of Russians for energetic tyrants (J. Bayley) and Pushkin’s choice between Russian autocracy and Western democracy (A. Briggs).

Another way of mythologizing academic discourse, in my observations, is associated with the method of new historicism. The ‘new historicist’ approach, with an emphasis on studying the author’s political views, is especially noticeable in contemporary English-language articles devoted to the polemics between Pushkin’s *Poltava* and Byron’s *Mazeppa*. Thus, in the article *Poltava at 300: Re-reading Byron’s Mazeppa and Pushkin’s Poltava in the Post-Soviet Era*, a lecturer in Russian literature and comparative studies at the University of Bristol, argues that Pushkin’s primary purpose in *Poltava* was to parody Byron’s *Mazeppa* (Doak, 2010, p. 88). The researcher’s main conclusion is that Byron’s *Mazeppa* is, although not a more historically accurate image, then at least less dangerous than Pushkin’s hero. His courageous, stoically calm acceptance of defeat, while his will encourages him to continue moving, to live, is recommended by the author of the article as a model to follow for any modern reader, especially Russian and Ukrainian.

In a similar way, the problem of Pushkin’s polemics with Byron in *Poltava* is also treated in another modern English-language article – *The literary portrayals of Ivan Mazepa in Byron’s Mazeppa and Pushkin’s Poltava. A comparative analysis* (2023) by Tatyana Krol, a lecturer at Dublin City University. Noting that Pushkin knew Byron’s poem very well and used it as a reference, the researcher suggests that the Russian poet intended to “challenge the Great Romantic” (Krol, 2023, p. 12). According to T. Krol, the basis for this challenge was Pushkin’s disagreement with Byron’s political views. Accordingly, the image of Mazepa, which is central to both the poets, is interpreted as a way to defend their political positions. By the end of the article, the author comes to the conclusion that love between Mazepa and Maria is for Pushkin only a point of departure for Pushkin’s portrayal of Hetman as a villain, while the body of the poet’s indignation is aimed at Mazepa’s treachery of the Russian Tsar (Krol, 2023, pp. 12, 17). She also states that Pushkin reshaped Mazepa into a villain figure in line with his imperialist beliefs (Ibid., p. 21).

In these articles, Pushkin’s poem, as well as Byron’s one, is examined in the aspect of the author’s political views; attention is aimed at identifying the ideological plan of the artistic works as their deep meaningful structure, capable of struggling with public opinion and shaping it. Ultimately, from observing some discrepancies between Pushkin’s poem and historical reality, these works invariably move towards identifying the poet’s non-existent “colonialist”, “imperialist” beliefs.

Conclusion

To summarize what has been argued in the article, it can be stated that the topics and content of the papers presented at “Pushkin” international conferences in recent years provide a solid basis for identifying four areas of research in contemporary Russian Pushkin studies: poetics and problems of Pushkin’s work in the context of tradition and epoch; poetics of Russian literature in the context of perception of Pushkin’s personality and work; the Pushkin myth (including its creative understanding and deconstruction); and the perception of the poet’s personality and work in other national cultures.

The areas (or lines), highlighted here as the major ones in contemporary Russian Pushkin studies, as well as their individual aspects (with a focus on comparative and receptive issues), characterized as insufficiently researched, is not a complete description of the entire palette of questions in Pushkin studies of recent years. However, they give an objective concept of the landscape of “Pushkin problem field” as it exists in contemporary literature studies. The diversity of this landscape, the obvious continuity in relation to the rich tradition of Russian literary criticism, in general, and on Pushkin’s work, in particular, as well as the depth and originality of the research view, of which we can judge from the articles presented in this issue, testify to both the inexhaustibility of the dialogue between Russian and world cultures and the poet, and the endless prospects for discoveries on the paths of Pushkin studies.

Список литературы

- Виролайнен М.Н. «Медный всадник. Петербургская повесть». Пушкинская энциклопедия. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина // Звезда. 1999. № 6. С. 208–219.
- Джанумов С.А. Образ Петербурга в поэме А.С. Пушкина «Медный Всадник» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 1. С. 93–106. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-1-93-106>
- Королева С.Б. Морис Бэринг и А.С. Пушкин: перевод и проблемы формирования литературного канона // Имагология и компаративистика. 2024. № 22. С. 88–113. <https://doi.org/10.17223/24099554/22/6>
- Королева С.Б. От «Каменного гостя» к «Старому Дон Жуану»: пушкинский вектор развития вечного образа // Пушкин в XXI веке: литература, культура, язык : коллективная монография / сост., отв. ред. М.Ю. Елепова. Архангельск : САФУ, 2025. С. 5–20.
- Маркович В.М. Чудесное в интимной и политической лирике Пушкина. К проблеме: Пушкин и русский утопизм // О Пушкине. Работы разных лет / под ред. Е.Н. Григорьевой. СПб. : Росток, 2023. С. 101–134.
- Doak C.B. Poltava at 300: Re-reading Byron’s *Mazeppa* and Pushkin’s *Poltava* in the Post-Soviet Era // Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies. 2010. Vol. 24. No. 1-2. P. 83–101.
- Kelsall M. Turner, Byron, Empire // Эпистола. Филологический журнал. 2024. Т. 4. № 8. С. 59–67.
- Krol T. The literary portrayals of Ivan Mazepa in Byron’s *Mazeppa* and Pushkin’s *Poltava*. A comparative analysis // Studia Rossica Posnaniensia. 2023. Vol. 48. No. 1. P. 9–22. <https://doi.org/10.14746/strp.2023.48.1.1>
- Murry J.M. Introduction // Pages from the Journal of an Author, Fyodor Dostoevsky / transl. by S.S. Koteliensky. Boston: J.W. Luce and Co, 1916. 117 p.

References

- Doak, C.B. (2010). Poltava at 300: Re-reading Byron's *Mazeppa* and Pushkin's *Poltava* in the Post-Soviet Era. *ASEES*, 24(1–2), 83–101.
- Dzhanumov, S.A. (2020). The Image of St. Petersburg in A. Pushkin's Poem "The Bronze Horseman". *Bulletin of the Moscow State Regional University (Russian Philology)*, (1), 93–106. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-1-93-106>
- Kelsall, M. (2024). Turner, Byron, Empire. *Epistola*, 4(8), 59–67.
- Koroleva, S.B. (2025). From "The Stone Guest" to "Old Don Juan": Pushkin's way of the eternal image. In M.Yu. Elepova (Ed.), *Pushkin in the 21st Century: Literature, Culture, Language: Collected Essays* (p. 5–20). Northern (Arctic) Federal University. (In Russ.)
- Koroleva, S.B. (2024). Maurice Baring and Alexander Pushkin: Translation and problems of the literary canon development. *Imagology and Comparative Studies*, (22), 88–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/24099554/22/6>
- Krol, T. (2023). The literary portrayals of Ivan Mazepa in Byron's *Mazeppa* and Pushkin's *Poltava*. A comparative analysis. *Studia Rossica Posnaniensia*, 48(1), 9–22. <https://doi.org/10.14746/strp.2023.48.1.1>
- Markovich, V.M. (2023). The Miraculous in Pushkin's intimate and political lyrics. On the problem: Pushkin and Russian utopianism. In E.N. Grigorieva (Ed.), *About Pushkin. Works of Different Years* (pp. 101–134). Saint Petersburg: Rostok Publ. (In Russ.)
- Murry, J.M. (1916). Introduction. In *Pages from the Journal of an Author; Fyodor Dostoevsky* (S.S. Kotliansky, Trans.). Boston: J.W. Luce and Co.
- Virolainen, M.N. (1999). "The bronze horseman. A Petersburg tale". Pushkin encyclopedia. On the 200th anniversary of A.S. Pushkin's birth. *Zvezda*, (6), 208–219. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Королева Светлана Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков, перевода, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, заведующая НИЛ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а. ORCID: 0000-0002-7587-9027; SPIN-код: 8621-0051. E-mail: svetlakor0808@gmail.com

Bio note:

Svetlana B. Koroleva, PhD in Philology, Professor at the Department of Roman and German Languages, Translation, Foreign Literature and Intercultural Communication, Head of the Research Laboratory of Basic and Applied Aspects of Cultural Identification, Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31a Minina St, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7587-9027; SPIN-code: 8621-0051. E-mail: svetlakor0808@gmail.com

ПОЭТИКА ПУШКИНА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ И ЭПОХИ PUSHKIN'S POETIC IN THE CONTEXT OF TRADITION AND TIME

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-696-706

EDN: OORLFB

УДК 82-0.82-1/29.82-6

Научная статья / Research article

«Стихи и проза» в послании к А.Н. Вульф: о природе пушкинского поэтического «сора»*

Е.Н. Григорьева², В.Т. Золотухин¹

¹ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

 e.grigoreva@spbu.ru

Аннотация. Цель исследования – анализ пушкинского послания «<Из письма к А.Н. Вульф>» (1824), направленный на выявление стратегий, которые позволяют бытовому слову проникать в поэтический дискурс. В тексте обнаруживается очевидная прозаизация, возможная и благодаря жанровой специфике дружеского послания, и вопреки ей. С одной стороны, этот жанр в лирике Золотого века занимает пограничное положение между поэзией и бытом, за счет чего легко насыщается будничными подробностями. С другой – прозаизация стихотворения явно нарушает законы высокой поэзии (неслучайно оно входило в письмо к Вульф и не предназначалось для печати). Однако анализ произведения обнаруживает и противоположную тенденцию, свидетельствующую о том, что текст Пушкина построен на тонкой литературной игре. В результате сделаны выводы: бытовая образность стихотворения возникает на почве традиционных мотивов дружеского послания, подвергающихся глубокой трансформации; художественная структура произведения включает неочевидную рецепцию поэтических приемов Н.М. Языкова, который входил в число его предполагаемых читателей; из-за совмещения противоположных стратегий «проза» входит в лирический дискурс, расширяя сферу высокой поэзии. Яркий пример такого совмещения – топоним «Троегорское»: адаптируя название усадьбы к метрической норме текста, Пушкин подчиняет бытовое слово законам поэтической речи. Описанные тенденции можно обнаружить в целом ряде не предназначенных для печати пушкинских стихотворений. Именно на периферии лирической системы вырабатывается та поэтика, которую Пушкин в «Евгении Онегине» обозначил

* Статья написана на основе материалов, подготовленных для портала «Пушкин Цифровой». URL: <https://dh.itmo.ru/pushkin-digital> (дата обращения: 15.06.2025).

как «фламандской школы пестрый сор». Само это наименование основано на описанных выше художественных принципах: «прозаическое» слово «сор» одновременно оказывается поэтической метафорой, в которой быт осмысляется через эстетику малых голландцев.

Ключевые слова: Пушкин, Языков, рецепция, жанр, лирика, поэзия, проза

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных – Е.Н. Григорьева; написание и редактирование рукописи – В.Т. Золотухин. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18 августа 2025 г.; отрецензирована 15 сентября 2025 г.; принята к публикации 18 сентября 2025 г.

Для цитирования: Григорьева Е.Н., Золотухин В.Т. «Стихи и проза» в послании к А.Н. Вульф: о природе пушкинского поэтического «сора» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 696–706. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-696-706>

“Verse and Prose” in an Epistle to A.N. Wolf: On the Nature of Pushkin’s Poetic “Litter”*

Elena N. Grigorieva², Veniamin T. Zolotukhin¹

¹ *Institute of Russian Literature (Pushkin House), Saint Petersburg, Russian Federation*

² *St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation*

 e.grigoreva@spbu.ru

Abstract. The aim of this study is to analyze Pushkin’s epistle <Iz pis’ma k A. N. Vul’fu> (<From a Letter to A.N. Wulf>, 1824), with a focus on identifying the strategies that allow everyday language to penetrate poetic discourse. The text reveals a clear tendency toward prose, made possible both owing to genre specificity of a “friendly epistle” and in spite of it. On the one hand, this genre in Golden Age lyric poetry occupies a borderline position between art and everyday life, which makes it easily saturated with mundane details. On the other hand, the prosaic quality of the poem clearly violates the laws of high poetry (it is no coincidence that the poem was part of a letter to Wulf and not intended for print). However, the analysis of the work also reveals the opposite tendency, showing that Pushkin’s text is built on subtle literary play. The analysis leads to the following conclusions: The everyday imagery of the poem grows out of traditional motifs of a “friendly epistle”, which undergo a deep transformation; the artistic structure of the work incorporates an implicit reception of the poetic techniques of N.M. Yazykov, who was among its intended readers; as a result of combining opposite strategies, “prose” enters the lyrical discourse, expanding the sphere of high poetry. A vivid example of such a combination is the toponym *Troegorskoe*: by adapting the name of the estate to the metrical norm of the text, Pushkin subject everyday language to the laws of poetic speech. These

* The research has been fulfilled within the framework of the internet database “Digital Pushkin”. URL: <https://dh.itmo.ru/pushkin-digital> (accessed: 15.06.2025).

tendencies can be traced in a number of Pushkin's poems not intended for publication. Here, on the periphery of the lyrical system, is the precise locus of development of the poetics, which Pushkin in *Eugene Onegin* refers to as *Flamandskoy Shkoly Pestryy Sor* (The Flemish School's Variegated Dross). This very designation is based on the artistic principles outlined above: the "prosaic" word "dross" simultaneously becomes a poetic metaphor, where everyday life is interpreted through the aesthetics of the Minor Dutch masters.

Keywords: Pushkin, Yazykov, reception, genre, lyrics, poetry, prose

Authors' contribution. Development of the idea, research data collection & analysis – Elena N. Grigorieva; manuscript writing & editing – Veniamin T. Zolotukhin. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 18, 2025; revised September 15, 2025; accepted September 18, 2025.

For citation: Grigorieva, E.N., & Zolotukhin, V.T. (2025). "Verse and Prose" in an Epistle to A.N. Wolf: On the Nature of Pushkin's Poetic "Litter". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 696–706. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-696-706>

Введение

Стихотворным посланием к А.Н. Вульфу (1805–1881) открывалось письмо Пушкина от 20 сентября 1824 г. из Михайловского в Дерпт. За стихами следовал текст, где Пушкин звал учившегося в Дерптском университете Вульфа приехать зимой в Тригорское вместе с его приятелем, студентом того же университета, поэтом Н.М. Языковым (1803–1846), с которым Пушкин еще не был знаком:

В самом деле, милый, жду тебя с отверстыми объятиями и с откупоренными бутылками. Уговори Языкова да отдай ему мое письмо; так как я под строгим присмотром, то если вам обоим за благо рассудится мне отвечать, пришли письма под двойным конвертом на имя сестры твоей А<нны> Н<иколаевны>.

До свидания, мой милый.

А. П.¹

На этом письмо не заканчивалось, поскольку сестра Вульфа Анна сделала на тех же листах свою приписку:

Александр Сергеевич вручил мне это письмо к тебе, мой милый друг. Он давно собирался писать к тебе и к Языкову, но я думала, что это только будет на словах. Пожалуйста, отдай тут вложенное письмо [к] Языкову и, ежели можешь, употреби все старание уговорить его, чтобы он зимой сюда приехал с тобой. Пушкин этого очень желает; покамест, пожалуйста, отвечай скорее на это письмо и пришли ответ от Языкова скорее. <...>

Сентября 20 1824 года.

Лев тебя целует².

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 томах. Т. 13: Переписка, 1815–1827. М. ; Л. : АН СССР, 1937. С. 109.

² Там же.

Из этой приписки известно, что в то же письмо было вложено еще одно стихотворное послание – «К Языкову» («Издревле сладостный союз...»)³. При сопоставлении двух одновременно отправленных в Дерпт посланий становится очевидным, как рецепция адресатами, когда каждый должен был прочитать оба текста, была сложно запрограммирована Пушкиным. Послание к Языкову, насыщенное поэтическими формулами, традиционными метафорами, написано в том возвышенном тоне, каким подобает одному поэту обращаться к другому. Лишь во второй части стихотворения, неслучайно исключенной при его публикации, интонация несколько меняется, появляются бытовые детали, впрочем, в большинстве случаев остающиеся опозитизированными. Иное дело, послание к Вульфу. На первый взгляд оно кажется написанным «запросто», так сказать, без поэтических затей, но в нем-то и предьявлено особое мастерство, рассчитанное не на восприятие его непосредственного адресата, а на тот тип рецепции, который доступен только поэту. Адресация организована с неявным лукавством: Пушкин еще не знаком с Языковым и пишет ему вполне этикетное послание, сопровождаемое, однако, другим текстом, как будто обращенным не к нему, а на деле рассчитанным на особую тонкость именно его поэтического слуха.

Результаты и обсуждение

<Из письма к А.Н. Вульфу>

1 Здравствуй, Вульф, приятель мой!	а
2 Приезжай сюда зимой ,	а
3 Да Языкова поэта	В
4 Затащи ко мне с собой —	а
5 Погулять верхом порой ,	а
6 Пострелять из писто лета .	В
7 Лайон, мой курчавый брат	с
8 (Не михайловский приказчик),	Д
9 Привезет нам, право, клад...	с
10 Что? – бутылка полный ящик.	Д
11 Запируем уж, мол чи!	е
12 Чудо – жизнь анахор ета!	Ф
13 В Троегорском до ночи ,	е
14 А в Михайловском до света ;	Ф
15 Дни любви посвяще ны ,	г
16 Ночью царствуют стаканы,	Н
17 Мы же – то смертельно пьяны,	Н
18 То мертвецки влюбле ны ⁴ .	

Дружеское послание «<Из письма к А.Н. Вульфу>» открывается приветствием: «Здравствуй, Вульф, приятель мой!». Произведения этого жанра

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 20 томах. Т. 3, кн. 1. СПб. : Наука, 2019. С. 473.

⁴ Там же. С. 7. Выделения авторские – Е.Г., В.З.

часто включали прямое обращение к адресату. Сохраняя черты реального человека, такой адресат вместе с тем наделялся свойствами, обретение которых возможно только в поэтическом мире (ср.: **О Г<алич>, Г<алич>! поспе- шай! / Тебя** зовут и сон ленивый, / И друг ни скромный, ни спесивый, / И ку- бок, полный через край!⁵; Так, **любезный мой Гораций**, / Так, хоть рад, хотя не рад, / Но теперь я муз и граций / Променял на вахтпарад⁶...; Где ты, **беспеч- ный друг?** / где ты, о **Дельвиг мой**, / Товарищ радостей минувших, / Товарищ ясных дней, недавно надо мной / Мечтой веселою мелькнувших?⁷).

Однако в пушкинском послании Вульф – просто «приятель», причем сло- во употреблено в прямом словарном значении. Столь же конкретны и другие персонажи стихотворения: Лайон, брат Пушкина, и непоименованный «ми- хайловский приказчик». Само слово «приказчик» еще более неуместно в по- этическом контексте, чем такая бытовая деталь, как «пистолеты». Не менее «прозаичны» все глагольные формы первого шестистишия: «приезжай», «за- тащи», «погулять», «пострелять», нарочито конкретно представляющие дере- венские развлечения – верховую езду, стрельбу. В императиве «затащи» даже звучит легкая грубость, свойственная разговорной речи. Все это оказывается возможным и благодаря жанровой природе текста, и вопреки ей. С одной сто- роны, дружеское послание Золотого века занимает пограничное положение между поэзией и бытом, за счет чего легко насыщается будничными подроб- ностями (ср., например, описание всевозможных яств в послании К.Н. Ба- тюшкова «К Ж<уковско>му»: Тебе подносит вины / И портер выписной, / И сочны апельсины, / И с трюфлями пирог – / Весь Амальтеи рог, / Вовек не- истошимый, / На жирный твой обед!⁸). С другой – прозаизация пушкинского текста явно нарушает законы высокой поэзии, даже в самых вольных ее фор- мах. Неслучайно стихотворение входило в письмо к Вульфу и не предназнача- лось для печати. В этом же регистре звучит и обращение Пушкина к брату Льву Сергеевичу в черновике адресованного ему послания:

Что же? будет ли вино?
Лайон, жду его давно –
Знаешь ли какого рода?
У меня заведено:

⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 20 томах. Т. 1. СПб. : Наука, 2019. С. 110. Вы- деления авторские – Е.Г., В.З. Обращение на «ты» к лицейскому профессору А.И. Галичу и при- глашение его к пиру указывают на то, что общение в поэтическом мире отменяет правила мира реального.

⁶ Бортнынский Е.А. Полное собрание сочинений и писем : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения 1818–1822 годов. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 87. Выделения авторские – Е.Г., В.З. Дельвиг превращается в «любезного Горация», перифрастическое поименование – знак перехода в мир поэзии.

⁷ Там же. С. 118. Выделения авторские – Е.Г., В.З. «Беспечность» – типовое качество адресата (а иногда и автора) дружеского послания.

⁸ Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М. : Наука, 1977. С. 275–276. Амальтея – в древне- греческой мифологии коза, вскормившая своим молоком Зевса.

Жажды полная свобода
И терпимость всяких вин.
Сам себе я господин...⁹

В таком окружении контрастно выделяется приложение «поэта» («Да Языкова поэта / Затащи ко мне с собой...»). Контраст подчеркнут неожиданной рифмой «пистолета» (ср. описание гибели Ленского в шестой главе романа «Евгений Онегин» (1826): Вот пять шагов еще ступили, / И Ленский, жмуря левый глаз, / Стал также целить – но как раз / Онегин выстрелил... Пробили / Часы урочные: **поэт** / Роняет, молча, **пистолет**, / На грудь кладет тихонько руку / И падает. Туманный взор / Изображает смерть, не муку. / Так медленно по скату гор, / На солнце искрами блистая, / Спадает глыба снеговая. / Мгновенным холодом облит, / Онегин к юноше спешит, / Глядит, зовет его... напрасно: / Его уж нет. Младой певец / Нашел безвременный конец! / Дохнула буря, цвет прекрасный / Увял на утренней заре, / Потух огонь на алтаре!...¹⁰), сталкивающей высокое и низкое, поэтическое и обыденное. Сдвиг в сторону быта распространяется и на обязательный атрибут дружеского послания – вино, которое было традиционным знаком веселья, свободы, пира-симпосия. В пушкинском стихотворении символическое вино превращается во вполне конкретный «бутылочный полный ящик», а «симпосий» утрачивает философские или литературные подтексты, становясь бесшабашной пирушкой молодых людей. На смену «круговой чаше» или «чаше дружбы» – устойчивым атрибутам поэтического пира – приходит неожиданное олицетворение «царствуют стаканы». Так возникает «бытописательная» поэтика стихотворения, ориентированного на житейское правдоподобие. Поэтому особенно интересно, что бытовые детали не напрямую заимствуются из внелитературной действительности, но представляют собой трансформированные мотивы, характерные для дружеского послания. «Нагое слово» не вытесняет традиционные образы, но входит в их структуру – неслучайно слово «поэт» зарифмовано не только с «прозаическим» существительным «пистолет», но и с поэтическим «анахорет», то есть «отшельник».

Возвышенное поименование героя – «анахорет» – отсылает к традиционному хронотопу дружеского послания – «малому миру», приюту сельского уединения, противопоставленного городской суете. В стихотворении Пушкина воображаемое место сельского уединения обретает географическую конкретность – это «Троегорское» и Михайловское. При этом оно, как и в классических образцах жанра, остается пространством свободы и радости, куда лирический герой призывает друзей. Обретая социально-бытовую и биографическую точность, мир послания не утрачивает связь со своей жанровой

⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 20 томах. Т. 3, кн. 1. СПб. : Наука, 2019. С. 342.

¹⁰ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 томах. Т. 6: Евгений Онегин. М. ; Л. : АН СССР, 1937. С. 130. Выделения авторские – Е.Г., В.З. В контексте романа бытовая стилистика совмещается с перифрастическим поэтическим языком, образуя полифоническое единство обыденного и возвышенного.

основой. Временные характеристики хронотопа тоже видоизменяются и все-таки остаются узнаваемыми. В «Моих пенатах» К.Н. Батюшкова, образцовом дружеском послании, ночь – это время любви, а день – творчества и пира. У Пушкина дни, проведенные в Тригорском, отданы любви, и потому изысканный батюшковский эротизм, наслаждение страстью превращается в веселый и легкий флирт. Ночи же в послании к Вульфу посвящены пиру, который становится беззаботным возлиянием. Возникает в стихотворении и мотив творчества, только в свернутом виде: он вводится упоминанием о «профессии» поэта Языкова. Последние два стиха, в которых содержится очевидный каламбур, оживляют общеизвестные фразеологизмы. Выражения «мертвецки пьян» и «смертельно влюблен», обмениваясь наречными эпитетами, звучат как изящный каламбурный пуант. И вместе с тем шуточный финал стихотворения создает образ анакреонтической утопии – вечной влюбленности и вечного пира¹¹.

Описанные стратегии прозаизации текста сочетаются с иными, сугубо поэтическими, – менее очевидными, но не в меньшей мере отвечающими за смыслообразование. Послание к Вульфу состоит из 18 астрофических стихов четырехстопного хорея. Рифма разделяет их на шестистишие и три четверостишия с разной структурой: в заключительном перекрестная рифмовка сменяется опоясывающей. Такая вольная форма характерна для дружеского послания, стилизующего непринужденную приятельскую болтовню. Ориентация на разговорную речь ярко проявляется в тот момент, когда поэт одновременно вводит императив («молчи!»), вопрос и восклицания:

Что? – бутылок полный ящик.
Запируем уж, молчи!
Чудо – жизнь анахорета!

Рифменный строй стихотворения тоже служит имитации обыденного языка. Первое шестистишие организовано избыточным повтором рифм, связывающим первый, второй, четвертый и пятый стихи («мой» – «зимой» – «собой» – «порой»), а рифма стихов третьего и шестого вдруг возвращается в двенадцатом и четырнадцатом стихах («поэта» – «пистолета» – «анахорета» – «света»). Нанизывание строчек подчеркивает «болтливость» пушкинского послания. Инструментовка концовок последних двух четверостиший («молчи» – «ночи» – «посвящены» – «влюблены»), в соответствии с представлениями о норме рифмовки в Золотом веке, не воспринимается как единая рифма, но все же связывается созвучием: гласные «и» и «ы» звучат похоже (неслучайно их иногда даже считают вариантом одной фонемы). Рифменная однородность большей части текста выделяет последнее четверостишие с резкой сменой рифмовки, акцентируя на нем внимание.

Послание Золотого века нередко воспроизводило художественный стиль поэта, которому было адресовано, а Н.М. Языков, как было сказано выше,

¹¹ О поэтике жанра дружеского послания см. (Виролайнен, 2003; Грехнев, 1994).

входил в число предполагаемых читателей текста. Поэтому Пушкин, согласно законам жанра, ориентируется на поэтику этого адресата, приводя в соответствие ей ритмическую организацию стихотворения. Любимым размером Языкова был четырехстопный ямб в том узнаваемом оригинальном варианте, который сам поэт позже опишет так: «Мой бойкий ямб четверостопный, / Мой говорливый скороход...»¹². «Бойкость скорохода» возникала благодаря излюбленным языковским приемам – пропуску двух метрических ударений в четырехударном стихе и переносам, необычно частотным для лирики этой эпохи¹³. В поэзии Языкова те же особенности присущи и другому двухсложному размеру – четырехстопному хорею. Вот фрагменты из «Песни», которые демонстрируют ритмико-синтаксические особенности стиха, со временем ставшие своего рода «визитной карточкой» поэта:

Пусть свободны и легки
Мчатся юности досуги!
Пейте, братья, пейте, други,
Удалые бурсаки! (*Пропущены метрические ударения на первом и пятом слогах.*)
<...>
Вся беседа гордо встань:
Бурсе нашей **знаменитой** (*перенос*)
Слава! Лейте пунш сердитый
В богатырскую гортань! (*Пропущены метрические ударения на первом и пятом слогах.*)

[За разгульную красотку,
За свободу наших дней!]
Улыбнись, бурсак, и **пей** (*перенос*)
Сокрушительную водку. (*Пропущены метрические ударения на первом и пятом слогах.*)
Други-братья! вот оно –
Волхов, Тибр и Иппокрена:
В нем огонь, и шум, и пена –
Благодатное вино!¹⁴ (*Пропущены метрические ударения на первом и пятом слогах.*)

Пушкин тоже пишет свое стихотворение четырехстопным хореем – редким в жанре послания, но характерным для песен, которыми был известен Языков. Благодаря размеру последние восемь стихов пушкинского текста звучат как вакхическая песня (ср. с вакхическими» восьмистишиями А.Д. Илличевского и самого Пушкина: Между вином и красотою / Решить, что лучше, мудрено, / Но жить в согласья с тем и тою, / Признаться, я б хотел равно. / Не спрашивайте же, что слаще; / То свыше простоты моей: / Но от вина восторги чаще, / От ней пореже, да живей¹⁵; Я люблю вечерний пир, / Где веселье

¹² Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. 2-е изд. М. ; Л. : Советский писатель, 1964. С. 310.

¹³ «Беспереносный» стиль свойственен классицистам, в лирике Золотого века переносы возможны, но статистически ограничены. См. об этом (Матяш, 2006; 2016).

¹⁴ Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. 2-е изд. М. ; Л. : Советский писатель, 1964. С. 265–266. Выделения авторские – Е.Г., В.З.

¹⁵ Илличевский А.Д. Опыты в антологическом роде. СПб. : в типографии Департамента народного просвещения, 1827. С. 80.

председатель, / А свобода, мой кумир, / За столом законодатель, / Где до утра слово *пей!* / Заглушает крики песен, / Где просторен круг гостей, / А кружок бутылок тесен¹⁶), вторя узнаваемым языковским мотивам и создавая настроенное пиршественного восторга, смягченного, впрочем, шутливой интонацией. На приближение к этой форме «работает» и несовпадение метра и ритма, поскольку двухударный стих требует напевной манеры чтения. Прием пропуска двух ударных слогов организует семь стихов: третий («Да Языкова поэта»), шестой («Пострелять из пистолета»), восьмой («Не михайловский приказчик»), одиннадцатый («Запируем уж, молчи!»), тринадцатый («В Троегорском до ночи»), четырнадцатый («А в Михайловском до света»), восемнадцатый («То мертвецки влюблены»). Любопытно, что впервые такая ритмика возникает именно в строчке «Да Языкова поэта», которая к тому же завершается переносом:

Да Языкова **поэ**та
Затащи ко мне с собой¹⁷.

Так неочевидная рецепция поэтических приемов Языкова: узнаваемый вариант песенного стиха, указанный перенос и мотивная близость дружеского послания к излюбленному языковскому жанру застольной песни (вино, любовь, пир и дружба входят в тематический комплекс обеих форм) – позволяют разнообразить поэтику произведения.

Наконец, заключительный пуант текста вводит каламбур, отсылающий к совершенно иной традиции. Финальная острота, построенная на игре слов, характерна для всевозможных «мелочей» и «безделок», то есть малых форм «легкой поэзии», таких как эпиграмма или мадригал. Каламбурами изобиловали шутливые стихи членов «Арзамаса». Признанным острословом считался П.А. Вяземский, прибегавший к этой поэтической технике в самых разных жанрах, в том числе и в жанре послания (ср.: Пусть **белых негров** прекратится / Продажа на святой Руси. / Но как ни будь я в слове прыток, / Всего нельзя спустить с пера; / Будь в этот год нам в зле **убыток** / И **прибыль** в **бюджете добра**¹⁸).

Заключение

Таким образом, бросающаяся в глаза прозаизация пушкинского текста маскирует собственно поэтические приемы. В результате совмещения этих противоположных стратегий «проза» входит в поэтический текст, расширяя возможности самой поэзии. Такое совмещение можно обнаружить в целом ряде не предназначенных для печати пушкинских стихотворений: «<Записка Жуковскому>» («Штабс-капитану, Гете, Грею...») (1819), «<Записка Жуковскому>» («Раевский, *молодонец* прежний...») (1819), «<В.Л. Давыдову>» (1821?),

¹⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 20 томах. Т. 2, кн. 1. СПб. : Наука, 2004. С. 65.

¹⁷ Выделения авторские – Е.Г., В.З.

¹⁸ Вяземский П.А. Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1986. С. 152. Выделения авторские – Е.Г., В.З.

«<Из письма П.А. Вяземскому>» (1825), «<Из письма к Е.И. Великопольскому>» (1826), «К Яз<ыкову>» (1826) и др. Именно здесь, на поэтической периферии вырабатывается та стилистика, которую Пушкин обозначил в «Евгении Онегине» как «фламандской школы пестрый сор». После классических исследований Ю.Н. Тынянова (1921–1922) (Тынянов, 1977, с. 52–75), В.М. Марковича (1963) (Маркович, 2023, с. 10–27), С.Г. Бочарова (1974) (Бочаров, 1974, с. 26–105), Ю.М. Лотмана (1975) (Лотман, 1995, с. 393–462), Ю.Н. Чумакова (1969–1999) (Чумаков, 1999) текст романа в современной пушкинистике воспринимается прежде всего как «энциклопедия» **поэзии** Золотого века¹⁹. Необходимо уточнить, каким способом и на каких правах входит в поэтический мир то, что названо «пестрым сором». Само это поименование вырастает описанным выше способом:

Порой дождливою намедни
Я, завернув на скотный двор...
ТЬфу! прозаические бредни,
Фламандской школы пестрый сор!²⁰

Бросающаяся в глаза нарочитая «проза», оформленная «нагим» словом, обрывается многоточием, резким разговорным междометием «тьфу» и неожиданно разрешается отсылкой к метафорическому ряду, в котором элементы полотен малых голландцев уподоблены пестрому сору бытовой жизни. Метафора превращает сниженный быт в поэзию.

Так стихотворные опыты, существовавшие на границе литературы и быта, позволили Пушкину расширить сферу поэтического. Единицей такого совмещения быта и поэзии, его атомом в тексте проанализированного послания к Вульфу звучит «Троегорское», соединяющее название усадьбы и его поэтическую адаптацию для метрической нормы текста.

Список литературы

- Бочаров С.Г. Стилистический мир романа («Евгений Онегин») // Поэтика Пушкина : очерки / отв. ред. Н.К. Гей. М. : Наука, 1974. С. 26–104.
- Виролайнен М.Н. Две чаши (Мотив пира в дружеском послании 1810-х гг.) // Речь и молчание : сюжеты и мифы русской словесности. СПб. : Амфора, 2003. С. 291–311. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2024-2-48-71>
- Виролайнен М.Н. «Евгений Онегин» за чертой пушкинской эпохи: к истории рецепции (1844–1999) // Русская литература. 2024. № 2. С. 48–71. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2024-2-48-71>
- Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород : Изд-во Нижний Новгород, 1994. С. 27–68.
- Лотман Ю.М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин» : спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Пушкин : биография писателя. Статьи и заметки 1960–1990. «Евгений Онегин» : коммент. СПб. : Искусство-СПб., 1995. С. 393–462.

¹⁹ Ср.: «„Евгений Онегин“» – это текст, по которому могла бы быть реконструирована, в случае утраты всех других текстов эпохи, литературная культура русского Золотого века» (Виролайнен, 2024).

²⁰ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 томах. Т. 6. М. ; Л. : АН СССР, 1937. С. 201.

- Маркович В.М.* Из наблюдений над композицией «Евгения Онегина» // О Пушкине : работы разных лет. СПб. : Росток, 2023. С. 10–27.
- Матяш С.А.* Переносы (enjambements) в лирике А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 11(65). С. 57–63.
- Матяш С.А.* Стихотворные переносы (enjambements) Н.М. Карамзина и проблема рецепции стиховых форм // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 11(199). С. 37–45.
- Тынянов Ю.Н.* О композиции «Евгения Онегина» // Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 52–78.
- Чумаков Ю.Н.* Стихотворная поэтика Пушкина. СПб. : Государственный Пушкинский театральный центр в СПб., 1999. 432 с.

Сведения об авторах:

Григорьева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. ORCID: 0000-0002-1992-5914; SPIN-код: 7977-7990. E-mail: e.grigoreva@spbu.ru

Золотухин Вениамин Тимофеевич, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела пушкиноведения, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4. ORCID: 0000-0001-9666-9697; SPIN-код: 8323-4958. E-mail: ilyaplantonovich@gmail.com

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДИАЛОГЕ С ПОЭТОМ
RUSSIAN LITERATURE IN THE DIALOGUE WITH THE POET

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-707-716

EDN: OQGDJJ

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

**Пушкинские истоки значений народной войны
в романе Л. Толстого «Война и мир»**

А.И. Иваницкий^{ID}, К.А. Нагина^{ID}

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

 meisster@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – характеристика взаимосвязи образа народной войны в романе Л. Толстого «Война и мир» с образом пугачёвского бунта повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Доказывается, что характер Фёдора Долохова по-особому проявляет символическую многозначность понятия «войны» в романе Толстого. С одной стороны, он замыкает на себе ее негативное значение – аристократической гордыни и эгоизма, главных проблем русской жизни, с другой – присущие Долохову охотничье «зверство» и «бешенство» делают его ключевым действующим лицом Отечественной войны 1812 г., утверждающей идею «мира» как всеобщего «общинно-роевого» бытия. Этим Долохов проявляет первичное, «стихийно-охотничье» начало народной войны, олицетворяемое Тихоном Щербатым. Утверждается, что прообраз такой войны, как восстания первобытной охотничьей стихии, представляет пугачёвщина в пушкинской «Капитанской дочке». Смысл бунта его вождь раскрывает главному герою Гринёву в калмыцкой сказке о соколе и вороне: «...чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью». Отмечается, что перешедший на сторону Пугачёва Швабрин (как «полезный вредитель» Гринёва) предвосхищает соответствующую роль Долохова в отношении главных героев «Войны и мира» (Пьера Безухова, Николая и Наташи Ростовых). И Швабрин, и Долохов вынуждают своих антагонистов проявлять жажду жизни и волю, которые восходят к тому же стихийному началу, но направляются разумом, мерой и моралью. В результате сделаны следующие выводы: в художественном мире Пушкина и Толстого проявляется диалектическое взаимодействие природы и человеческого естества; угрожая ввергнуть мир в первозданный хаос, стихия войны, бунта, разрушения укрепляет его порядок.

Ключевые слова: «Капитанская дочка», «Война и мир», народная война, война как охота, «роевое начало», помощник-антагонист, гармония воли и долга

© Иваницкий А.И., Нагина К.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Идея, разработка концепции и методологии, написание «пушкинской» части статьи, научное редактирование – А.И. Иваницкий; разработка концепции и методологии, написание «толстовской» части статьи, анализ результатов исследования, научное редактирование текста – К.А. Нагина. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 26 августа 2025 г.; отрецензирована 22 сентября 2025 г.; принята к публикации 24 сентября 2025 г.

Для цитирования: *Иваницкий А.И., Нагина К.А.* Пушкинские истоки значений народной войны в романе Л. Толстого «Война и мир» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 707–716. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-707-716>

Alexander Pushkin's Sources of the Meaning of the People's War in L. Tolstoy's Novel *War and Peace*

Alexander I. Ivanitsky^{id}✉, Ksenia A. Nagina^{id}

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

✉meisster@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to characterize the relationship between the image of the people's war in L. Tolstoy's novel *War and Peace* and the image of the Pugachev rebellion, as depicted in A.S. Pushkin's *The Captain's Daughter*. The character of Fyodor Dolokhov uniquely embodies the symbolic polyvalence of the notion of "war" in Tolstoy's *War and Peace*. On one hand, he epitomizes its negative aspect – aristocratic pride and egoism, the central maladies of Russian life. On the other, Dolokhov's predatory "ferocity" and "savagery" make him a key agent of the 1812 Patriotic War, which affirms the idea of "peace" as a universal, "communal-swarm" existence. In this, Dolokhov channels the primal, "elemental-hunting" spirit of popular war, personified by Tikhon Shcherbaty. The prototype for such war, as an uprising of primitive hunting instincts, appears in Pushkin's *The Captain's Daughter* through Pugachev's rebellion. Its leader reveals the rebellion's essence to Grinyov via a Kalmyk tale of an eagle and raven: *Better to drink living blood once than feed on carrion for three hundred years*. Meanwhile, the turncoat Shvabrin exposes the logic behind Dolokhov's amoral noble "self-will" – first adopting the "elemental-hunting" ethos as a mark of distinction, then dissolving into it completely. Like Shvabrin as Grinyov's "useful saboteur", Dolokhov plays an analogous role for Tolstoy's protagonists (Pierre Bezukhov, Nikolai and Natasha Rostov). Both antagonists compel the heroes to harness that same primal vitality and will, rooted in nature yet guided by reason, measure, and morality. The following conclusions have been made in this research: within the literary universes of Pushkin and Tolstoy, a dialectical interaction between raw nature and human nature is revealed; by threatening to plunge the ordered world into primordial chaos, the elemental force of war, uprising, distraction ultimately reinforces its very structure.

Keywords: *The Captain's Daughter*, *War and Peace*, people's war, war as hunting, "swarm principle", helper-antagonist, harmony of will and duty

Authors' contribution. The idea, development of the concept & methodology, writing the “Pushkin” part of the article, academic editing – Alexander I. Ivanitsky; development of the concept & methodology, writing the “Tolstoy” part of the article, analysis of the research results, academic text editing – Ksenia A. Nagina. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 26, 2025; revised September 22, 2025; accepted September 24, 2025.

For citation: Ivanitsky, A.I., & Nagina, K.A. (2025). Alexander Pushkin's Sources of the Meaning of the People's War in L. Tolstoy's Novel *War and Peace*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 707–716. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-707-716>

Введение

В сюжете романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (1863–1869) неоднократно прочитывались отсылки к «Капитанской дочке» (1836) А.С. Пушкина: оба произведения описывают духовную судьбу героя либо героев на фоне и под влиянием «народной войны» (Федорова, 2023). Как известно, в романе Толстого война символизирует две фундаментальные реальности. Первая представляет собой аристократическую гордыню и эгоизм, которым подчиняются и поклоняются Элен и Анатолий Курагины, Андрей Болконский (до ранения при Аустерлице), Наполеон, Сперанский и др. Вторая – начало «мира», то есть общинно-«роевого» бытия, утверждающееся в противостоянии Наполеону в 1812 г.

Это начало составляет «мысль народную», которую воплощает Платон Каратаев.

Дополнительные смыслы «войны» в романе может высветить пушкинский генезис фигуры Фёдора Долохова – антагониста главных героев и «вредителя», который «...стягивает к себе чужие планы, верования, жизненные установки, когда они помечены знаком „все дозволено“» (Камянов, 1978, с. 171–172). Истоки его характера видятся в той же «Капитанской дочке».

Результаты и обсуждение

Ключевой чертой Долохова, отличающей его от других персонажей «войны» в романе, является его хищное «зверство» и «бешенство», которое он представляет Николаю Ростову в пору их дружбы своим кредо: «...передавлю всех, коли станут на дороге»¹; «...мне что нужно, я просить не стану, сам возьму»². Это, по сути разбойное, начало в Долохове делает охоту самой

¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 10. Война и мир. Т. 2. М. ; Л. : Гос. изд-во «Художественная литература», 1938. С. 43.

² Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 9. Война и мир. Т. 1. М. ; Л. : Гос. изд-во «Художественная литература», 1937.

желанной и естественной для него формой жизни (Гевель, 2021)³. При этом он соединяет в себе охотника и «зверя»⁴. Князь Андрей в разговоре с Пьером называет Долохова «злой <...> собакой»⁵. Вершиной охоты, как постоянной жажды добычи через противоборство, становится для Долохова война, в которой противник выступает той же добычей. Так, в ранних редакциях романа читаем:

«Долохову вдруг показалось так легко иметь дело, вместо этой грозной, таинственной массы, с румяным офицером и его солдатом, так охватило его это охотничье чувство, которое говорит так сильно о том, как бы убить зверя, что заглушает всякое чувство опасности, что он не испытывал другого волнения, кроме радости, когда бежал с двенадцатью солдатами к дороге. Зверь его был румяный офицер»⁶.

В этом в Долохове проявляются черты первичного, «военно-охотничьего» народного начала, изображенного Толстым в повести «Казачьи», опубликованной в 1863 г. и ставшей одним из основных источников «мысли народной» в «Войне и мире». Так, для Ерошки, как и для других казаков, подобные друг другу абреки и звери на охоте ближе присланных из России солдат, поскольку живут по тем же правилам и законам, что и «охотящиеся» на них казаки. А Лукашка (любимый соперник прибывшего из Москвы дворянина Оленина) сначала получает «трофей» в виде убитого абрека, а затем, стремясь живьем взять его брата в качестве такого же трофея, становится его жертвой (охота представит равноправным поединком) (Нагина, 2018, с. 22–25). Это проясняет глубокую внутреннюю связь Долохова с воюющей (солдатской) народной массой. Так, солдатская песня, по наблюдению В.И. Камянова, поставила Долохова в новую позицию к вчерашним друзьям... Если прежде он выделялся среди них холодной дерзостью и диктаторскими ухватками, то теперь причастностью к народу (Камянов, 1978, с. 134). Но Долохов проявляет именно первобытный, «стихийный» пласт народной войны 1812 г. как эпической «охоты» на Наполеона:

«Очень часто раненое животное, слышав шорох, бросается на выстрел на охотника, бежит вперед, назад и само ускоряет свой конец. То же самое делал Наполеон под давлением всего своего войска. Шорох Тарутинского сражения спугнул зверя, и он бросился вперед на выстрел, добежал до охотника, вернулся опять назад и, наконец, как всякий зверь, побежал назад, по самому невыгодному, опасному пути, но по знакомому, старому следу»⁷.

Тем самым значение «народной» войны в романе раздваивается. Если «роевое начало» войны как «мира» воплощает Платон Каратаев, то войну как

³ По наблюдениям О. Гевель, в дневниковых записях Долохов устойчиво упоминается Толстым в «охотничьем» контексте.

⁴ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 11. Война и мир. Т. 3. М. ; Л. : Гос. изд-во «Художественная литература», 1940. С. 199.

⁵ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 10. Война и мир. Т. 2. М. ; Л. : Гос. изд-во «Художественная литература», 1938. С. 110.

⁶ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 13. Война и мир. Черновые редакции и варианты. М. ; Л. : Гос. изд-во «Художественная литература», 1949. С. 401.

⁷ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 12. Война и мир. Т. 4. М. ; Л. : Гос. изд-во «Художественная литература», 1940. С. 91–92.

вершину охотничьего бытия – Тихон Щербатый. Фундаментальное родство Долохова и Щербатого проявляется в убийстве пленных, получающих значение воинского трофея и одновременно охотничьей добычи⁸.

Эти смыслы образа Долохова проявляет пушкинский Пугачёв. Подоплека возглавляемой им народной войны раскрывается во «вступительном» описании Оренбургской губернии как восстание первобытной *стихии* толпы против «рационально-разумного», оседлого порядка:

*«Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших еще недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрерывного надзора для удержания их в повиновении...»*⁹.

Киргизская шапка, в которой Пугачёв отправляется с Гринёвым из Бердской слободы в Белогорскую крепость, и «...кибитка, запряженная тройкою татарских лошадей»¹⁰ связывают Пугачева с этим миром «полудиких народов», в котором родилось и которым живет восстание. Этот же «первобытный» мир представляют и перебежчик Юлай, впоследствии казненный пугачёвцами, и доставленный в Белогорскую крепость лазутчик-башкир, который за прежнее свое бунтарство лишился языка, ушей и ноздрей. Последнее наказание постигло в повести, как мы знаем, и ближайшего сподвижника Пугачёва Хлопушу. Поэтому, обещая «пожаловать» Гринёва, «...когда получишь свое государство»¹¹, Пугачев, по сути, выражает желание этих народов и беглых казаков вернуться в состояние дикой вольницы.

Вполне логично, что, раскрывая Петру Гринёву смысл восстания, Пугачёв выводит его из *калмыцкой* сказки о соколе и вороне. Хищно-охотничье резюме сказки: «...чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью»¹², – фактически предвосхищает тот пафос жизни как войны, который характерен для Долохова.

Между тем главным подручным Пугачёва становится дворянин Швабрин, воплощающий философию аморального «своеволия». Став «ложным», пугачёвским комендантом Белогорской крепости, Швабрин в итоге превращается в раба восставшей стихии, «*валя[ясь] в ногах у беглого казака*»¹³. Примечательно, что при этом Швабрин отказывается от своей дворянской эмблематики, тем самым идентичности. Сразу после взятия крепости Пугачёвым он является «...среди мятежных старшин... обстриженный в кружок

⁸ Беря юного Петю Ростова на опасную вылазку, вопреки противоборству Денисова, Долохов, по сути, стремится вырастить из него такого же хищника, как он сам, а его смерть оценивает как гибель зверя репликой «*Готов!*» (О «хищно-стихийном» пласте народной войны в «Войне и мире» Толстого см.: (Нагина, 2018)).

⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. VI. Художественная проза. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950. С. 446.

¹⁰ Там же. С. 504.

¹¹ Там же. С. 475.

¹² Там же. С. 507–508.

¹³ Там же. С. 511.

и в казацком кафтане». Во второй своей приезд в Белогорскую крепость Гринёв видит, что Швабрин «...отпустил себе бороду»¹⁴.

И. Тойбин (1976, с. 219, 236) отмечает знаменательный парадокс: дворянин Швабрин переходит к Пугачёву, а капитан Миронов, человек из народа, остается верен присяге до конца. Это обнаруживает противопоставленность «стихийной» войны в «Капитанской дочке» «народному» началу, основанному на порядке и морали. Долохов в известном смысле сочетает в себе черты Пугачёва и Швабрина: первобытно-охотничьей (разбойной) стихии и «либертинского» поклонения ей, растворения в ней.

При этом, по точной оценке В. Камянова, Долохову в «Войне и мире» «...нет равных в ...парадоксальности» (Гевель, 2017). Последовательно выступая «вредителем» в отношении духовно растущих главных героев (Пьера, Николая и Наташи Ростовых), Долохов постоянно способствует их развитию. Прежде всего, устройству их семейного счастья, которому непрерывно угрожает и которого сам остается лишен. Обольщая Элен и провоцируя дуэль с Пьером, Долохов раскрывает ему глаза на пустоту его жизни и побуждает изменить ее, что в итоге приводит к счастливому браку с Наташей. Помогая Анатолию в похищении Наташи, Долохов предотвращает ее брак с князем Андреем и «ведет» навстречу Пьеру. Обыгрывая в карты Николая Ростова, которого Соня предпочла ему, Долохов разрушает этот союз, направляя Николая к его подлинной суженой, княжне Марье. Таким образом, «...все действия Долохова приводят в итоге к единственно возможному в толстовском мире окончанию – созданию большой семьи». В этом смысле Долохов подобится Мефистофелю, «что без числа / Везде творит добро, всему желая зла». Неявно инфернальное начало в Долохове задает его «двойная» улыбка. Будучи инороден всем, пропадая в никуда (в окончательном варианте романа у него нет адреса), успешно играя во все игры, Долохов легко обольщает высших, в частности Анатоля и Пьера Безухова, понимая их характеры и провоцируя их исчерпывающее проявление. Самого же Долохова мы видим только глазами других героев. Анаграмма его фамилии закрепляет за ним признак *холода*, который прямо или косвенно сопутствует всем эпизодам с его участием (Гевель, 2017, с. 42–51). Инфернальную семиотику образа Долохова отмечали также В.И. Камянов (1978, с. 171–172), Г. Клей (Clay, 1998, с. 120), Д. Оливер (Oliver, 2003, с. 58).

Принципиально важно, что к своему счастью герои приходят «благодаря» не только долоховским усилиям, но и «долоховским» чертам в них самих. Николай становится настоящим солдатом в том числе и в продолжение своей беззаветной охотничьей страсти; Пьеру помогает в разрыве с Элен его собственное природное «бешенство». Возможно, в том числе и поэтому Долохов, по наблюдению Г. Морсона, появляется так часто... описан так детально... особенно в разделе, первоначально названном «1805 год», что ... читатели первых ста страниц считали его главным героем» (Morson, 1987,

¹⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. VI. Художественная проза. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950. С. 509.

с. 151), с которым прямо или косвенно связано большинство других. Неслучайно Долохов – единственный среди эгоистов и гордецов романа, кого нельзя назвать побежденным. После войны 1812 г. он, как известно, просто пропадает из сюжета в никуда (Гевель, 2017, с. 39–40).

В схожей роли помощника-антагониста в отношении Гринёва в «Капитанской дочке» выступает Пугачев, который «...по странному стечению обстоятельств таинственно был с [ним]... связан»¹⁵. Угрожая всему дворянскому миру Гринёва, Пугачёв сначала отпускает героя из крепости (притом, что его начальников казнит за тот же отказ изменить присяге), а затем устраивает его семейное счастье – возвращая Машу и отпуская его вместе с нею. При этом Пугачёв дважды претендует на отцовские права в отношении Гринёва: сначала в его сне в разбойничьем уме, а затем – желая быть посаженным отцом на его свадьбе с Машей. Помощь тем самым оказывается относительной, поскольку несет в себе искушение. И.П. Смирнов, оценивая сознательный выбор Пушкиным в «Капитанской дочке» волшебнo-сказочной модели посвященного странствия героя, видит в Пугачёве «волшебного помощника» Гринёва. Прямым источником этого мотива является пермская сказка «Лешок», заглавного персонажа которой герой спас от стужи, как Гринёв спас Пугачёва в бурной степи (Смирнов, 1974, с. 292, 310). Неслучайно уже тогда ямщик опознает в Пугачёве звериные, «прачеловеческие» черты: «*Должно быть, волк или человек*»¹⁶. На мифопоэтическую составляющую «Капитанской дочки», в том числе в соотношении с текстами Толстого, указывали Л.А. Степанов (1987, с. 187), С.З. Агранович и Л.П. Рассовская (1990, с. 31–45), А.И. Иваницкий и К.А. Нагина (2024, с. 242–250). Схожие фольклорно-мифологические подтексты в прозе Толстого, в том числе в «Войне и мире», отмечены С.А. Шульцем (1998, с. 33–43) и Е.Д. Толстой (2011, с. 342–354).

Соотношение помощи и соблазна в «таинственной связи» с Пугачёвым определяет служебный путь Гринёва, на котором он постоянно выбирает между «волей» и «долгом». Будучи от рождения «*сержантом гвардии*», он следует «долгу», когда этого требует дворянская честь, прославляемая в эпиграфе повести: повинувшись отцу, отказывается от петербургской карьеры в пользу Оренбурга, а затем и Белогорской крепости, после падения которой не желает целовать руку Пугачёву, сохраняя верность присяге. Но та же честь, вопреки служебному уставу, требует от Гринёва выбора «воли», когда речь идет о защите его избранницы Маши Мироновой. Тогда он дерется на дуэли со Швабриным¹⁷, а затем тайно приезжает из осажденного Оренбурга в Белогорскую крепость, чтобы помешать его браку с Машей. «Воля» оказывается

¹⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. VI. Художественная проза. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950. С. 505.

¹⁶ Там же. С. 406–407.

¹⁷ О жизни русского дворянина XVIII в. в пространстве двух норм – службы и чести (где вторая особенно ярко проявлялась именно в отношении дуэли) – см.: Лотман Ю.М. Евгений Онегин : Комментарий // Пушкин : Биограф. писателя ; Статьи и заметки 1960–1990. СПб. : Искусство-СПб., 1995. С. 542–762. Из последних работ на эту тему см. (Чжан, 2024).

более высоким, «рыцарским» уровнем «нормы»¹⁸. Заявлять и утверждать свою волю Гринёву позволяет его жизненная сила, идущая от природы. Она всецело движет «полудикими народами», находящимися на первичной, кочевой и охотничьей стадии развития. Восстание такой первобытной коллективной стихии символически предвещает буря¹⁹. В гринёвском пути эта природа корректируется разумом, мерой и долгом, которые объединяются в понятии чести.

В то же время ложно-дворянское своеволие наделяет стихийно-охотничью мораль значением «культуры». Именно поэтому роль гринёвского полезного вредителя Пугачёв «передает» Швабрину, который трижды оговаривает своего счастливого любовного соперника (косвенно предваряя «вредительство» Долохова в отношении Николая Ростова). Дважды – перед Пугачёвым (после взятия бунтовщиками Белогорской крепости и в Бердской слободе) и единожды – перед царским следствием. Этим Швабрин трижды искушает Гринёва: присягнуть Пугачёву, повиниться перед ним в обмане (Маша не племянница попады, а капитанская дочка), указать царским следователям на Машу как причину самовольных сношений с самозванцем. Преодолев эти искушения, Гринёв и становится «природным» дворянином царицы и рыцарем своей избранницы. Именно в таком позитивно-провоцирующем вредительстве Швабрину наследует Долохов.

Заключение

Как видите, диалектически осмысленный образ народной войны в романе Л.Н. Толстого раскрывается в том числе и в характере Фёдора Долохова – антагониста главных героев и «вредителя», который стягивает к себе чужие планы, верования, жизненные установки, когда они помечены знаком «всё дозволено». Крепко спаянный с темой войны, этот герой одновременно проявляет и ее «роевое начало», и ее стихийную хаотичность, и охотничью инстинктивность. Истоки двойственности и самого героя, и его функций в романе необходимо искать в образе Пугачёва, показанного в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина.

В повести стихийное начало народной войны предстает в своем исходном значении: как восстание первичного (кочевого/охотничьего) коллективного бытия против любого заданного порядка и права. Дворянское аморальное своеволие не просто возвращается к этой первобытно-охотничьей стихии, но и растворяется в ней. Однако своим преследованием духовно «растущих» ге-

¹⁸ Поэтому Гринёв, по точному наблюдению Т. Алпатовой (1995, с. 59–70) ни разу не выбирает между долгом и совестью. Это предопределяет становление героя в единстве реальных противоречий и идеальной перспективы развития. См. также (Гиршман, Стулишенко, 1982, с. 89–107).

¹⁹ Балладным аналогом пугачевских претензий на права отца в хронотопе зимнего лесного пути выглядит «Лесной царь» Гете (1782), известный Пушкину в переводе В.А. Жуковского (1818). Но в реалистической повести субъект и предикат метафоры меняются местами. Пугачёв не патрон зимней стихии, а раб своего исполинского темперамента, рожденного природой и потому чуждый какому-либо порядку, ограничивающему его волю. Стихия же иновыражает этот темперамент.

роев носители безбрежного своеволия как у Пушкина, так и у Толстого стимулируют позитивные проявления той же стихийно-природной силы – во имя нормы и в согласии с рациональной мерой. Постоянно угрожая «упорядоченной» норме, «стихия» утверждает и развивает ее.

Список литературы

- Агранович С.З., Рассовская Л.П. Истоки жанровой структуры «Капитанской дочки» А.С. Пушкина // Содержательность форм в художественной литературе / отв. ред. Л.А. Финк. Куйбышев : Куйбышевский государственный университет, 1990. С. 31–45.
- Аллатова Т.А. Литературные параллели картины бурана в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Литературные отношения русских писателей XVIII – начала XX вв. : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Аношкина. М. : МПУ, 1995. С. 59–70.
- Гевель О.Е. Долоховский текст творчества Л. Толстого: истоки, семантика, функции, контекст. Красноярск : СФУ, 2017. С. 39–40.
- Гевель О.Е. «Щегол» на восточно-европейском перекрестке: «русские» подтексты романа Донны Тартт // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 264–279. <https://doi.org/10.17223/24099554/15/16>
- Гиришман М.М., Стулишенко Л.П. О жанре «Капитанской дочки» // Вопросы русской литературы. 1982. № 1(39). С. 89–107.
- Иваницкий А.И., Нагина К.А. Зимний путь и зимний сон у Пушкина и Л. Толстого // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4(78). С. 242–249. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2024-78-4-242-249>
- Камянов В.И. Поэтический мир эпоса : о романе Л. Толстого «Война и мир». М. : Советский писатель, 1978. 295 с.
- Нагина К.А. Анималистика и антропология Льва Толстого : учеб. пособие. Воронеж : ВГУ, 2018. 97 с.
- Смирнов И.П. От сказки к роману // Труды отдела древнерусской литературы / под ред. Д.С. Лихачёва. Т. 27. Л. : Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом), 1972. С. 284–320.
- Степанов Л.А. Структура комических микросюжетов в «Капитанской дочке» // Болдинские чтения. Горький : Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. С. 178–190.
- Тойбин И.М. Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1976. 278 с.
- Толстая Е.Д. Мифологические умыслы в характеристиках героев «Войны и мира»: от первой ко второй версии // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы : взгляд из России – взгляд из зарубежья : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 190-летию кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, 7–9 октября 2010 г. / под ред. А.А. Карпова. СПб. : Скрипториум, 2011. С. 342–354.
- Федорова Е.А. Телеологический сюжет в романах «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и «Война и мир» Л.Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 4. С. 102–129. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.13123>
- Чжан Я. К вопросу о теме дуэли в романе «Капитанская дочка» А. С. Пушкина // Litera. 2024. № 7. С. 12–21. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.7.1171>
- Шульц С.А. Миф и ритуал в творческом сознании Л.Н. Толстого // Русская литература. 1998. № 3. С. 33–43.
- Clay G.R. Tolstoy's Phoenix from Method to Meaning in War and Peace. Evanston : Northwestern University Press, 1998. 142 p.

- Morson G.S.* Hidden in a Plain View Narrative and Creative Potentials in “War and Peace”. Stanford : Stanford University Press, 1987. 322 p.
- Oliver D.* Dolokhov as Romantic Parody: Ambiguity and Incongruity in Tolstoy’s Pre-Byronic Hero // *Tolstoy Studies Journal*. 2003. Vol. XV. P. 50–66.

Сведения об авторах:

Иваницкий Александр Ильич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6. ORCID: 0000-0002-1437-3671; SPIN-код: 7196-6291. E-mail: meisster@mail.ru

Нагина Ксения Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный университет, Российская Федерация, 394018, Воронеж, Университетская пл., 1. ORCID: 0000-0001-7676-9228; SPIN-код: 2268-4171. E-mail: k-nagina@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-717-727

EDN: OQNKRH

УДК 82-21.82-31.801.73

Научная статья / Research article

Пушкинская цитата в поэме Ивана Карамазова

О.Н. Турышева

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*
✉ oltur3@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – определить функции цитаты из трагедии А.С. Пушкина «Каменный гость» в поэме «Великий инквизитор» Ивана Карамазова. Полемически описываются ранее высказанные версии относительно смыслового потенциала данной цитаты. Методологически исследование опирается на идею о том, что пушкинская цитата в составе поэмы о великом инквизиторе является не только формой выражения авторской позиции (Достоевского), но и позиции литературного героя, изображенного в качестве сочинителя и субъекта цитирования (Ивана Карамазова). Выдвигается гипотеза о том, что цитата из «Каменного гостя» может быть прочитана в качестве полемического аргумента против инквизиторской концепции человека, на которой настаивает Иван Карамазов. Данная герменевтическая гипотеза опирается на анализ жанровой специфики трагедии, оформившейся в результате пушкинской переработки комедийной версии сюжета о Дон Жуане; анализ образа Дон Гуана как трагического героя; анализ философской целостности цикла «Маленькие трагедии»; анализ рецептивной структуры трагедии «Каменный гость». Специфика последней связывается с имплицитно присутствующим в тексте заданием для читателя по преодолению инерции комедийного стереотипа в чтении пушкинской версии «вечного» сюжета. В результате исследования сделаны следующие выводы: введение (героем – Иваном и автором – Достоевским) пушкинской цитаты из «Каменного гостя» в поэму «Великий инквизитор» носит концептуальный характер; ее основная функция – обострение философской противоречивости поэмы, столкновение противоположных представлений о человеке; цитата может быть определена как интерпретанта позиции Ивана: в ее свете становится очевидной та ее глубинная двойственность, которую герой отрицает.

Ключевые слова: «Маленькие трагедии», «Каменный гость», Иван Карамазов, «Великий инквизитор», «Братья Карамазовы», трагический герой, образ Дон Гуана, Иван Карамазов как сочинитель

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 27 августа 2025 г.; отрецензирована 20 сентября 2025 г.; принята к публикации 22 сентября 2025 г.

© Турышева О.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Турьшьева О.Н. Пушкинская цитата в поэме Ивана Карамазова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 717–727. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-717-727>

A Pushkin Quotation in Ivan Karamazov's Poem

O.N. Turysheva

*Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg,
Russian Federation*
✉ oltur3@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to determine the functions of a quotation from Alexander Pushkin's tragedy *The Stone Guest* in Ivan Karamazov's poem *The Grand Inquisitor*. The author argues with previously expressed versions regarding the semantic potential of this quotation. Methodologically, the approach of the article is rooted in the idea that the quotation from Pushkin in the poem about the Grand Inquisitor is not only a form of expression of the author's position (Dostoevsky's), but also the position of the literary character, portrayed as the author and subject of the quotation (Ivan Karamazov's). A hypothesis is put forward that the quotation from *The Stone Guest* can be regarded as a polemical argument against the inquisitorial concept of man, which Ivan Karamazov insists on. In light of the quotation from Pushkin, Ivan's position is revealed as characterised by a profound duality and contradictions, which he himself directly denies. This hermeneutic hypothesis is based on an analysis of the genre specificity of the tragedy, which formed as a result of Pushkin's reconceptualization of the comedic version of the Don Juan story; an analysis of the image of Don Juan as a tragic hero; an analysis of the philosophical integrity of *The Little Tragedies* cycle; and, finally, an analysis of the receptive structure of the tragedy *The Stone Guest*. The specificity of the latter is regarded as a task implicitly present in the text for the reader to overcome the inertia of the comedic stereotype in reading Pushkin's version of the "eternal" plot. As a result of the study, the following conclusions have been made: the involvement (by the hero – Ivan and the author – Dostoevsky) of Pushkin's quotation from *The Stone Guest* into the poem *The Grand Inquisitor* is significant for its meaning in the novel; its main function is to exacerbate the philosophical contradictions of the poem, the clash of opposing ideas about man; the quotation can be defined as an interpretant of Ivan's position: in its light, that deep duality, which the hero denies, becomes obvious.

Keywords: *The Little Tragedies*, *The Stone Guest*, Ivan Karamazov, poem *The Grand Inquisitor*, *The Brothers Karamazov*, tragic hero, image of Don Juan, Ivan Karamazov as an author

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 27, 2025; revised September 20, 2025; accepted September 22, 2025.

For citation: Turysheva, O.N. (2025). A Pushkin Quotation in Ivan Karamazov's Poem. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 717–727. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-717-727>

Введение

Тема «Достоевский и Пушкин» усилиями как российского, так и зарубежного литературоведения нашла свое, казалось бы, исчерпывающее решение. Представляется, что ни один пушкинский мотив, фигурирующий в поэтиче-

ской структуре романов и повестей Достоевского, не остался незамеченным. При этом отдельный предмет такого рода штудий составляет аналитика пушкинского слова в устах персонажей Достоевского, многие герои которого рассказывают о своем опыте чтения Пушкина. Однако героев, собственно его цитирующих, у Достоевского всего четыре: Аглая Епанчина, читающая стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный»; Раскольников, ссылающийся на пушкинское «Подражание Корану»; Аркадий Долгорукий из «Подростка», который, излагая свою идею, опирается на монолог Скупого рыцаря; Иван Карамазов, привлекающий в поэме о великом инквизиторе цитату из трагедии «Каменный гость».

Цитаты, приводимые Аглаей, Аркадием и Раскольниковым, в науке нашли исчерпывающее толкование и с точки зрения их характерологического и символического потенциала, и с точки зрения их соотносительности с философской проблематикой романов, и с точки зрения их сюжетной функции. Однако сказать то же самое о цитате, произносимой Иваном Карамазовым, нельзя. Она вынесена в самое начало поэмы Ивана о великом инквизиторе: «Проходит день, настает темная, горячая и „бездыханная“ сеvilьская ночь. Воздух „лавром и лимоном пахнет“. Среди глубокого мрака вдруг отворяется железная дверь тюрьмы, и сам старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму»¹. Из «Каменного гостя» Иван заимствует строки из монолога Лауры, незначительно их изменяя:

...Как небо тихо;
Недвижим теплый воздух – ночь лимоном
И лавром пахнет...²

В аналитике художественной функции этой цитаты фактически не акцентируется важность того, что ее приводит *литературный герой* и она входит в состав замысла *литературного героя*. Эта цитата, как правило, комментируется в качестве реминисценции, предпринятой Достоевским, и потому – в качестве формы выражения не столько позиции героя, сколько позиции автора.

Так, в исследовании И.Л. Альми цитаты Пушкина у Достоевского (и среди них цитата из «Каменного гостя») характеризуются как лирические образы художественной философии писателя: «в этом своем качестве они возвышаются над уровнем сознания отдельных героев (даже тех, кому доверено чтение), приоткрывают синтез авторской точки зрения» (Альми, 1999, с. 173).

В науке есть и точка зрения, согласно которой рассматриваемое заимствование из Пушкина трактуется как маркер жанровой специфики поэмы, сочиненной Иваном. А.Б. Криницын, поддерживая мысль И.Л. Альми об аллюзивном характере цитаты из Пушкина, пишет: «По форме произведение Ивана

¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 томах. Т. 14. Братья Карамазовы. Л. : Наука, 1976. С. 227–228.

² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 384.

очень напоминает „маленькие трагедии“ Пушкина. <...> Таким образом, поэма Ивана поэтически продолжает традицию мифологизирующей стихотворной аллюзии в «птичьи» [Достоевского] и является логическим развитием приема до его апогея. Идеобраз Великого инквизитора, по сравнению со своими аналогами, предельно развернут <...>. Благодаря вызову, брошенному самому Христу, образ приобретает мистериальный масштаб, который Достоевский не мог встретить в известных ему стихотворных текстах» (Криницын, 2016, с. 84). Справедливо акцентируя принадлежность жанрового определения истории о великом инквизиторе Ивану, И.Б. Криницын тем не менее анализирует ее место в составе *авторского* замысла.

Еще одно мнение о функции цитаты из «Каменного гостя» принадлежит Е.А.Федоровой, которая трактует ее как маркер эстетических размышлений Достоевского о соотношении поэзии и действительности: «Спор Лауры и Карлоса у Пушкина о сущности жизни <...> продолжается в поэме Ивана Карамазова. Кроме того, Лаура поет песню, которую сочинил Дон Гуан: пространственно-временной код переключается на эстетический уровень, система двойного кодирования включает читателя в размышления автора о соотношении поэзии и действительности» (Федорова, 2020, с. 50).

Обратите внимание, что ни в одном из приведенных исследований не подчеркивается субъектная принадлежность цитаты, то есть тот факт, что Достоевский присваивает ее своему герою, следовательно, она является формой выражения не только авторской позиции, но и позиции героя-сочинителя. Между тем этот факт оказывается важен для исследователей в интерпретации цитат, которые приводят Раскольников, Аглая и Аркадий. В качестве примера приведем размышление А.Б. Криницына о цитировании Пушкина Раскольниковым: «В „Преступлении и наказании“ цитирование сведено к минимуму: Раскольников вспоминает, как в „Подражаниях Корану“ Пушкина все человечество заклеено „дрожащей тварью“ <...>. Эта реминисценция помещена <...> во второй внутренний монолог, решающий для понимания душевного конфликта героя, из чего мы можем сделать вывод, что Родион раздумывал над пушкинскими строками все время, пока углублялся в свою идею и, вероятно, был ими вдохновлен <...>. Эта реминисценция впервые показывает, что идея Раскольникова имела и религиозную подоснову, раз Раскольников сравнивает себя с „пророком“ Магометом. Богоборчество, основание новой морали – вот какова была последняя цель Раскольникова» (Криницын, 2016, с. 77).

Критика трактовки образа Дон Гуана как «безбожного» обольстителя

Наиболее развернутое суждение о пушкинской цитате в поэме Ивана Карамазова принадлежит Т.А. Касаткиной (2007). Однако и в этом разборе цитата рассматривается как «способ существования авторской позиции», хотя отмечается, что «автор ограничен здесь в правах, ибо находится в области текста, сотворенного персонажем» (Касаткина, 2007, с. 295). Тем не менее анализ

Т.А. Касаткиной нацелен на реконструкцию авторского – Достоевского – замысла, реализуемого цитатой из Пушкина, но не замысла персонажа, выведенного автором в качестве сочинителя поэмы.

По мнению Т.А. Касаткиной, цитата из «Каменного гостя» свидетельствует о том, что Иван пробует путь Дон Гуана, соблазняя Алёшу признанием своей правоты: «И там, и тут нам представлена стратегия соблазнителя, и там и тут за этой стратегией стоит прямо названный в тексте – лукавый, бес, черт» (Касаткина, 2007, с. 296). На этом основании Дон Гуан уравнивается и с великим инквизитором, соблазняющим человечество счастьем. По мысли Т.А. Касаткиной, Достоевский воспроизводит цитату из Пушкина ради отождествления Ивана Карамазова, Дон Гуана и инквизитора как героев-соблазнителей.

Еще более определенно эта мысль звучит в другой статье исследовательницы «Слова и поцелуй Христа в „Великом инквизиторе“»: «Христос – жених церкви и человечества, великий инквизитор – Аид, Дон Гуан, Фёдор Павлович Карамазов...», «инквизитор ведет себя как соперник в любовном романе», он настаивает на том, что «невеста-церковь отвергла Христа, и бросает Христу слова счастливого соперника – у меня получится то, что не получилось у тебя» (Касаткина, 2012). Т.А. Касаткина таким образом рассматривает поэму Ивана как соперничество между женихами невесты-церкви: инквизитор соперничает с Христом подобно тому, как Дон Гуан соперничает с Командором. И пушкинская цитата, по Т.А. Касаткиной, призвана Достоевским, чтобы поддержать такое прочтение.

В полемике с данным разбором в первую очередь обратим внимание на трактовку характера Дон Гуана в статье Т.А. Касаткиной. Очевидно, что цитируемый автор воспринимает его в духе комедийной традиции, предшествовавшей пушкинской интерпретации этого «вечного» образа: как аналог Дон Жуана Тирсо де Молины, Мольера и Лоренцо да Понте, либреттиста оперы Моцарта. Поэтому образ пушкинского героя оказывается сведен исключительно к «развратному, безбожному, бессовестному» соблазнителю, заслуженно понесшему наказание, а в рамках такой редукции оказывается возможна выстроенная в работах Т.А. Касаткиной цепочка соответствий: Аид, Дон Гуан, инквизитор, Фёдор Карамазов, Иван Карамазов.

Между тем напомним, Пушкин писал трагедию, моделируя в образе своего героя трагический характер и вступая в очевидную полемику с комедийной разработкой образа Дон Жуана, что нашло свое подтверждение в целом ряде компаративных исследований этой «маленькой трагедии» (Ахматова, 1958; Багно, 2004; Ветловская, 2024; Климова, 2013; Макогоненко, 1974; Томашевский, 1936). Их общий пафос следующий: Пушкин переосмысляет комедийную трактовку образа, присваивая своему Дон Гуану черты трагического героя. Об этом, например, пишет Б.В. Томашевский в работе «„Маленькие трагедии“ Пушкина и Мольер»: «Заменяя комическую разработку трагической, Пушкин совершенно естественно отходил от плана пьес Мольера, так как план комедии с ее традиционными формами интриги невозможно было облекать в трагические формы. С другой стороны, характер основного героя

должен был подвергнуться психологизации, чтобы удовлетворить принципам художественного индивидуализма в создании „живого“ образа в отличие от абстрактной схематизации Мольера» (Томашевский, 1936, с. 119).

Т.А. Касаткина в качестве абсолютного подтверждения демонической природы пушкинского Дон Гуана приводит его монолог о перерождении в любви к Доне Анне:

Не правда ли, он был описан вам
Злодеем, извергом. – О Дона Анна, –
Молва, быть может, не совсем неправа,
На совести усталой много зла,
Быть может, тяготее. Так, разврата
Я долго был покорный ученик,
Но с той поры, как вас увидел я,
Мне кажется, я весь переродился.
Вас полюбя, люблю я добродетель
И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колена преклоняю³.

Однако этот монолог вполне можно трактовать не только как свидетельство изощренной стратегии соблазнения, но и как выражение искреннего переживания «усталой совести». Именно такое понимание характера Дон Гуана, как раскаявшегося преступника, мы встречаем у А.А. Ахматовой, интерпретационная чуткость которой признана в пушкинистике (Ахматова, 1958). Трактовка внутреннего сюжета «Каменного гостя» как истории раскаяния имеет сюжетное подтверждение и в совокупности изображенных событий: первоначально Дон Гуан обольщает Дону Анну под подложным именем, но в процессе «перерождения» он отказывается от имени Диего, признается Доне Анне в убийстве ее супруга и открывает свою грудь для расплаты.

Наконец, приведем самый главный, на наш взгляд, аргумент в поддержку трактовки пушкинского Дон Гуана как переродившегося под действием любви преступника. Это включенность «Каменного гостя» в цикл, протагонист каждой трагедии которого отличается от предыдущего все большей степенью самосознания, что позволяет исследователям называть «Маленькие трагедии» «тетралогией вочеловечения» (Зырянов, 2023). Как пишет О.В. Зырянов, «в пушкинском цикле <...> разворачивается опыт изучения самого феномена трагического сознания: его генезиса („Скупой рыцарь“), этапов развития (вплоть до убийственных и самоубийственных последствий: „Моцарт и Сальери“, частично „Каменный гость“) и, наконец, возможностей его преодоления („Каменный гость“ и, особенно, „Пир во время чумы“))» (Зырянов, 2023, с. 51).

В этом плане понимание героя «Каменного гостя» в духе комедийной традиции – как преступника, по заслугам получившего воздаяние, – нарушает целостность драматургического цикла, во многом обеспеченную движением авторской мысли в размышлениях о свободе и ответственности (Житкова, 1992).

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 407.

Имплицитный читатель в «Каменном госте»: преодоление комедийного стереотипа

Вопрос о свободе и необходимости особенно занимал Пушкина в последний период его творчества (Чумаков, 1975). Но сам этот вопрос в пушкиноведении решается по-разному. Ю.Н. Чумаков пишет, что свобода Дон Гуана мнимая: «личность [героя] искажается, и индивидуализм, доведенный до предела, проявляет саморазрушительное действие». Дон Гуан не смог «„понять необходимость“ и остаться внутренне свободным» (Чумаков, 1975, с. 26, 27).

Однако в пушкиноведении есть и такие трактовки, в рамках которых «Каменный гость» читается как драма обретения свободы и самостояния в покаянии (Житкова, 1992; Зырянов, 2023; Турышева, 1998, 1999). В этом случае ее трагедийный потенциал связывается с неумолимой властью судьбы. Причем мысль о власти судьбы в истории Дон Гуана находит свое непосредственное выражение в тексте трагедии. Во-первых, она олицетворена в стереотипе его восприятия другими персонажами: на молву о Дон Гуане как преступнике и имморалисте ссылаются все герои. Отчасти признавая правоту молвы, Дон Гуан все-таки ей сопротивляется, настаивая на том, что переродился.

Кроме того, идея судьбы, во власти которой находится герой, у Пушкина присутствует на рецептивно-эстетическом уровне организации текста. С первых же строк трагедии задается определенный вектор ее восприятия, так как имя героя тотчас же пробуждает у читателя память о комедийной традиции воплощения дон-жуановского сюжета. А в рамках комедийной традиции Дон Гуан – преступник, который в финале должен понести справедливое наказание. Казалось бы, герой обречен на подобное «прочтение» своего образа, его рецептивная судьба предначертана обращением автора к сюжету, получившему неоднократную комедийную трактовку. Однако, провоцируя стандартное, соответствующее традиции восприятие героя, текст «Каменного гостя» в то же время принуждает потенциального реципиента к отказу от комедийного стереотипа. Преодоление стереотипа происходит благодаря тому, что Пушкин изображает Дон Гуана как героя с «усталой совестью», то есть как носителя трагической вины, которую он пытается искупить в добродетельной любви. Связывая оригинальность пушкинской разработки комедийного сюжета с мотивом покаяния, читатель неизбежно отказывается от традиционной версии героя. Только наличием этого мотива и возможно объяснить, почему «Каменный гость» – трагедия, а не комедия. Поэтому и наказание раскаявшегося героя не выглядит закономерным, невероятно усиливая трагический пафос пушкинской драмы и окончательно переводя ее из комедийной истории о справедливом воздаянии в историю о противостоянии необходимости. Недаром И. Альтман (1937, с. 94) трактовал финал «Каменного гостя» как «высшее выражение трагедийной безысходности».

Подобную «работу» с шаблонами читательского восприятия Пушкин практиковал и в других произведениях. Так, в «Евгении Онегине» он прямо уличает читателя в «косной инерции» старых эстетических предпочтений

(Грехнев, 1979, с. 105). Но если в романе общение с простодушным читателем воплощается в фамильярно-ироническом тоне авторской речи, то в «Каменном госте» преодоление зависимости читателя от стереотипов предыдущего опыта автор инициирует через трансформацию образа героя и жанра.

Мы намеренно привели противоположные трактовки трагедии, существующие в пушкинистике. Однако в рамках любой трактовки очевидно, что проблематика трагедии выстраивается вокруг проблемы свободы и необходимости.

Гипотеза о функции пушкинской цитаты в поэме Ивана Карамазова

В связи с вышесказанным предложим новую реконструкцию присутствия цитаты из Пушкина в «Великом инквизиторе». Главное методологическое обоснование нашей интерпретации составляет необходимость учитывать тот факт, что субъектом цитирования в поэме о великом инквизиторе Достоевским выведен Иван Карамазов; пушкинский код здесь реализует не только автор романа, но и герой, которому автор доверяет цитату.

В соответствии с нашей гипотезой, цитируя Пушкина, Иван Карамазов предлагает читателю своего рода пушкинское посредничество в понимании собственной позиции. Автор поэмы сразу – первых в ее строках – задает реципиенту вектор прочтения – понимания поэмы Ивана сквозь призму трагической истории пушкинского Дон Гуана.

Представляется, что именно такое восприятие «Каменного гостя» – в ключе этой проблематики – отражено в поэме Ивана. Поэтому ситуацию диалога между инквизитором, отрицающим духовную самостоятельность человека, и Христом, верящим в его способность к свободному самоопределению, Иван и маркирует цитатой из «Каменного гостя» – трагедии об опыте свободного и ответственного самоопределения. В связи с этим, вписывая образ Дон Гуана в поэму Ивана, его следовало бы отождествить не с инквизитором (как в статье Т.А. Касаткиной), а с образом человека, который противоречит логике инквизитора, так как оказывается способен к свободному самостоянию (вопреки молве, которой верят другие персонажи трагедии, вопреки художественной традиции, сквозь призму которой первоначально воспринимает героя читатель и власть которой по ходу чтения он преодолевает).

Важно, что рецептивная реакция потенциального читателя поэмы Ивана непосредственно изображена в романе. Она принадлежит Алёше, который реагирует на сочинение брата, отвергая его прямо проговоренный пафос: «Поэма твоя есть хвала Христу, а не хула ... как ты хотел того»⁴. Недаром Ивану приходится убеждать Алёшу в том, что он на стороне инквизитора: для Алёши это вовсе не очевидно. Не поддерживает ли пушкинский код интерпретацию поэмы Ивана как высказывания отнюдь не монолитного, а исполненного

⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 томах. Т. 14. Братья Карамазовы. Л. : Наука, 1976. С. 237.

противоречивости, проблематизирующего саму уверенность Ивана в правоте инквизитора, что и вскрывается в реакции Алёши?

Важный аргумент в пользу выдвигаемой версии – корреляция сюжета перерождения в «Каменном госте» с центральной проблематикой Достоевского – возрождения великого грешника, что позволяет предполагать, что Достоевского в «Каменном госте» мог интересовать не столько образ бессовестного соблазна, сколько образ перерождения под действием «усталой совести» и добродетельной любви.

Есть еще одна не обозначенная пока корреляция: как в романе Достоевского есть герой, который является носителем рецептивной реакции на поэму Ивана, так и в трагедии Пушкина – герой, который является носителем реакции на «любовную песнь» Дон Гуана. В первом случае это Алёша, который обнаруживает противоречивость мысли брата; во втором – Дона Анна, которая переходит от обвинений Дон Гуана к доверию и пониманию. И ее реакция вполне может рассматриваться как закодированная в тексте реакция имплицитного читателя.

Заключение

Таким образом, подразумеваемая в пушкинской цитате отсылка к трагическому образу Дон Гуана может быть прочитана в качестве аргумента против инквизиторской философии человека как слабосильного существа, мечтающего вручить свою свободу другому. Этот аргумент выдвинут Иваном Карамазовым еще до того, как он предоставил слово инквизитору. Потенциальному читателю сразу дается отсылка к прецедентному тексту, герой которого решает вопрос свободы вовсе не так, как его трактует инквизитор.

Причем заканчивает Иван поэму в смысловом плане точно так же: жестом признания человеческой свободы со стороны Христа. Поэма Ивана таким образом обретает кольцевую целостность: она начинается и заканчивается семантически аналогичными мотивами: в начале – апелляция к пушкинскому герою, носителю события самостояния; в конце – поцелуй Христа, носителя идеи свободы. Думается, что Иваном Дон Гуан понят и принят как образ человека, способного к осуществлению того, в чем человечеству отказывает инквизитор. В цитате из Пушкина Иван сразу фиксирует сомнение в том взгляде на человека, который будет развивать его герой.

Иван процитировал строку из «Каменного гостя» «опротечиво», пишет Т.А. Касаткина. Вероятно, что это бессознательная цитата, и Иван сознательно вовсе не связывает с ней те смыслы, о которых шла речь. Такую возможность поддерживает и традиционное мнение о том, что Иван убежден в своей правоте (Фокин, 2007). Но даже если Иван и процитировал Пушкина «опротечиво», следует признать, что его память подсказывает ему цитату, которая выстраивает полемический контекст для его концепции человека. Пушкин как бы дискутирует с Иваном, пушкинская цитата вступает в полемику с содержанием его поэмы. П.Е. Фокин писал: «Чудо поэмы в том и состоит, что она

не замыкается одной авторской волей <...> Поэма в пространстве романа не ограничена сознанием Ивана» (Фокин, 2007, с. 133). Исследователь имеет в виду Алёшу – слушателя Ивана. Но, добавлю, поэма включает в себя и сознание Пушкина как автора «Каменного гостя».

Акцентируя принадлежность измененной цитаты из «Каменного гостя» самому автору поэмы о великом инквизиторе и учитывая трагедийную жанровую природу пушкинской пьесы, ее сложную философскую проблематику, взаимоотношение с традицией, мы вполне можем настаивать на концептуальном характере введения пушкинской цитаты Иваном в свою поэму (или концептуальном характере присвоения ее Ивану со стороны Достоевского) ради обострения ее философский противоречивости и диалогического столкновения противоположных концепций человека. И в этом плане «Каменный гость» оказывается интерпретантой позиции Ивана: в свете пушкинской цитаты обнажается ее глубинная двойственность, которую он сам отрицает.

Список литературы

- Альми И.Л. Роль стихотворной вставки в системе идеологического романа Достоевского // Статьи о поэзии и прозе. Владимир : Владимирский государственный педагогический университет, 1999. С. 446–463.
- Альтман И. Пушкин и драма // Литературный критик. 1937. № 4. С. 85–105.
- Ахматова А.А. «Каменный гость» Пушкина // Пушкин : Исследования и материалы. Т. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 185–195.
- Багно В.Е. Дон Жуан // Пушкин : Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии» / отв. ред. В.Д. Рак. СПб. : Наука, 2004. С. 132–138.
- Ветловская В.Е. «Маленькие трагедии»: «Каменный гость» (Сцена 1. Дон Гуан и Лепорелло) // Словесность и история. 2024. № 3. С. 7–29. <https://doi.org/10.31860/2712-7591-2024-4-7-29>
- Грехнев А. Диалог с читателем в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Пушкин. Исследования и материалы. Вып. IX. Л. : Наука, 1979. С. 100–109.
- Житкова О.Н. Движение философской мысли как основа художественной целостности цикла А.С. Пушкина «Маленькие трагедии» // Дергачевские чтения : тезисы докладов и сообщений научной конференции, Екатеринбург, 15–16 сентября 1992 г. Екатеринбург, 1992. С. 18–21.
- Зырянов О.В. Цикл А.С. Пушкина «Маленькие трагедии» как «тетралогия вочеловечения» // Теологическое образование в условиях цифровой культуры: ценности, смыслы, образовательные практики : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27 октября 2022 г. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет. С. 50–55. EDN: GUSTEX
- Касаткина Т.А. Пушкинские цитаты как введение в проблематику «Великого инквизитора» // Роман Достоевского «Братья Карамазовы» : современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М. : Наука, 2007. С. 292–305.
- Касаткина Т.А. Слова и поцелуй Христа в «Великом инквизиторе» // LiveJournal. 2012. 3 августа. URL: <https://t-kasatkina.livejournal.com/5519.html> (дата обращения: 05.06.2025).
- Климова С.Б. Байрон, Пушкин и русские Дон Жуаны. Жанровая судьба вечного образа // Вопросы литературы. 2013. № 1. С. 388–418.

- Криницын А.Б. О роли стихотворных реминисценций в романах Достоевского // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016. № 3. С. 75–89. EDN: УТОСАР
- Макогоненко Г.П. Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л. : Художественная литература, 1974. 376 с.
- Томашевский Б.В. «Маленькие трагедии» Пушкина и Мольер // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. I. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. С. 115–133.
- Турьшьева О.Н. «Маленькие трагедии» Пушкина и творчество Ф.М. Достоевского: проблемы взаимоотражения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998. 24 с.
- Турьшьева О.Н. О катарсисе в «Маленьких трагедиях» А.С. Пушкина // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 1999. № 11. С. 17–22.
- Федорова Е.А. Пушкинское слово в произведениях Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова как способ характеристики героя // Слово.ру: Балтийский акцент. 2020. Т. 11. № 2. С. 47–57. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-2-4>
- Фокин П.Е. Поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор» в идейной структуре романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Роман Достоевского «Братья Карамазовы» : современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М. : Наука, 2007. С. 115–136.
- Чумаков Ю.Н. Дон Жуан Пушкина // Проблемы пушкиноведения : сборник науч. трудов. Л. : Гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1975. С. 3–27.

Сведения об авторе:

Турьшьева Ольга Наумовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620062, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. ORCID: 0000-0002-3014-6153; SPIN-код: 6060-4082. E-mail: oltur3@yandex.ru

ПУШКИНСКИЙ МИФ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

THE PUSHKIN MYTH IN RUSSIAN CULTURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-728-737

EDN: OYARIF

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

«Александр Сергеич, я о вас скучаю»: Пушкин – персонаж лирики Георгия Иванова

И.А. Тарасова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
tarasovaia@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – выявить стилистические средства создания образа Пушкина, его эстетическую функцию в произведениях Георгия Иванова. Отмечается, что отсылки к творчеству А.С. Пушкина занимают существенное место в интертексте Г. Иванова. Пушкин присутствует в поэтическом мире Г. Иванова не только на уровне слова и образа, он живой персонаж лирических стихотворений, возникающий в пяти текстах разных периодов творчества. В фокус внимания поэта попадают важные эпизоды пушкинской судьбы: лицей, восстание декабристов, женитьба, дуэль, смерть. Особое внимание уделено способам введения Г. Ивановым Пушкина-персонажа в поэтический текст: метрической аллюзии на пушкинский гекзаметр; концептуальной интеграции ментальных пространств; символизации (Пушкин – один из символов оставленной России); стилиевой трансформации разговорных жанров. В результате сделаны следующие выводы: фигура Пушкина воплощает различные грани художественного смысла, актуального для лирического героя Г. Иванова, – мечту о поэтической славе, личную вовлеченность в трагические исторические события, прикосновение к мировой гармонии, музыке сфер, мужество перед лицом смерти; ориентируясь на пушкинскую антиномию «ничтожного» и «божественного», Г. Иванов строит образ Пушкина на пересечении высокой патетики и сниженной разговорной стихии.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Г. Иванов, интертекст, стилистические средства, эстетическая функция, лирический герой

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 августа 2025 г.; отрецензирована 18 сентября 2025 г.; принята к публикации 20 сентября 2025 г.

© Тарасова И.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Тарасова И.А. «Александр Сергеевич, я о вас скучаю»: Пушкин – персонаж лирики Георгия Иванова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 728–737. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-728-737>

“Alexander Sergeyich, I Miss You”: Pushkin – A Personage of Georgy Ivanov’s Lyrics

Irina A. Tarasova

Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russian Federation

✉ tarasovaia@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the stylistic means of creating the image of Pushkin, as well as its aesthetic function in Georgy Ivanov’s works. It is argued that the intertext of G. Ivanov, references to the works of A. Pushkin occupy a significant place. However, Pushkin is present in the poetic world of G. Ivanov not only at the level of words and images, he is a living character in lyric poems, appearing in five texts from different periods of creativity. G. Ivanov focuses on important episodes of Pushkin’s fate: The Lyceum, the Decembrist uprising, marriage, duel, death. The major focus is G. Ivanov’s various techniques to introduce Pushkin as a character into the text: metrical allusion to Pushkin’s hexameter poems; conceptual integration of mental spaces; symbolization (Pushkin is one of the symbols of abandoned Russia); stylistic transformation of conversational genres. The following conclusions were made as the major result of the research: The figure of Pushkin embodies various facets of artistic meaning, relevant for the lyrical hero of G. Ivanov – the dream of poetic glory; personal involvement in tragic historical events; touching the world harmony, the music of the spheres; courage in the face of death; Guided by Pushkin’s antinomy of the “humble” and the “divine,” G. Ivanov constructs the image of Pushkin at the intersection of high pathos and low conversational elements.

Keywords: A. Pushkin, G. Ivanov, intertext, stylistic means, aesthetic function, lyrical hero

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 25, 2025; revised September 18, 2025; accepted September 20, 2025.

For citation: Tarasova, I.A. (2025). “Alexander Sergeyich, I Miss You”: Pushkin – A Personage of Georgy Ivanov’s Lyrics. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 728–737. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-728-737>

Введение

В произведениях Георгия Иванова (1894–1958), выдающегося поэта первой волны русской эмиграции, регулярно встречаются отсылки к творчеству А.С. Пушкина: он присутствует в поэтическом мире не только на уровне слова и образа, но и как живой персонаж лирических стихотворений, возникающий в пяти текстах разных периодов творчества. В фокус внимания Г. Иванова

попадают важные эпизоды пушкинской судьбы: лицей, восстание декабристов, женитьба, дуэль, смерть. А.Ю. Леонтьева (2019, с. 298) называет серию этих эпизодов «лирической биографией» поэта. Мы обратим внимание не столько на биографическую канву, сколько на стилистические средства создания образа персонажа (Пушкина) и способы его введения в текст.

Результаты и обсуждение

Первое упоминание Пушкина в поэзии Г. Иванова относится к 1912 г. («26 августа 1912 г.»). Иванову в это время всего семнадцать, и как поэт он никому не известен, но очень хорошо представляет тот поэтический идеал, к которому нужно стремиться. Стихотворение, посвященное Бородинской годовщине (*Празднуем в этот день славную мы годовщину. / Вновь Бородинских знамен шелест волнует сердца*¹), превращается в стихотворение, посвященное А.С. Пушкину. Событие исторической для России битвы – «славы Отчизны» – рассматривается автором как равновеликое проявлению поэтического гения Пушкина (*Не победами лишь светел двенадцатый год: / Юный Пушкин в те дни, миру еще неведом, / Первые ласки муз в Царском Селе узнавал*²).

А.Ю. Леонтьева (2019, с. 298) в качестве претекста стихотворения называет пушкинское «Воспоминания в Царском Селе» (на основе тематической общности). По нашему мнению, заслуживает внимания тот факт, что образ Пушкина создается при помощи метрической аллюзии на античные размеры (гекзаметр/пентаметр) в произведениях самого Пушкина, то есть является чисто литературным знаком. Говоря словами И.Ю. Роготнева (2019, с. 114), античный размер «здесь не только конвенционален (опознается как маркер определенных поэтических тем), но и аллюзивен»³. Он представляет собой иконический метрический знак: метрическая основа стихотворения изображает самого упоминаемого поэта.

Представляется возможным установить смысловые переключки текста Георгия Иванова как с пушкинской «Царскосельской статуей» (иконическое описание локуса Царского Села при помощи соответствующего размера), так и с двестишьем на перевод «Илиады» – поэтической хвалой Гнедичу (на уровне поэтической прагматики). В последнем случае возникает метрическая система зеркал: Пушкин имитирует (отображает) иконически (размером) гений Гнедича-переводчика, который, в свою очередь, есть отражение гения Гомера. Иванов же имитирует уже пушкинский размер, выступающий в семантическом ореоле его поэтической славы и тем самым как бы подключается к диалогу великих поэтов. Образ Пушкина у юного Г. Иванова вполне канонический: это еще не живой персонаж, а скорее, элемент топоса (выразительного

¹ Иванов Г.В. Стихотворения. СПб. : Академический проект, 2005. С. 366. Курсив в цитатах принадлежит автору статьи.

² Там же.

³ О русском гекзаметре и его вариациях в поэзии Пушкина см.: Бонди С.М. Пушкин и русский гекзаметр // О Пушкине : статьи и исследования. М. : Художественная литература, 1978. С. 310–371.

«общего места») «поэт и музы». Употребление имени Пушкина в последней строке отчетливо риторично: *Но, ответа страшись, судьбу спросить не смею, / Пушкину равный поэт будет у нас когда*⁴.

Стихотворение 1919 г. «Пушкина, двадцатые годы...» построено по модели концептуальной интеграции (концепция М. Тернера – Ж. Фоконье (Fauconnier, Turner, 2002)). Оно представляет собой бленд, то есть концептуальную структуру, в которой объединяются несколько исходных ментальных пространств. М. Тернер и Ж. Фоконье понимают блендинг как динамическое образование, в котором происходит одновременное удержание внимания на двух компонентах образного мира за счет возникающих между ними смысловых переключек. Вслед за автором читатель проецирует одно входное пространство на другое и создает в своем воображении результирующее пространство бленда.

Обратимся к тексту Г. Иванова. В первых строфах возникают два сопоставленных ментальных мира – мир 1820 гг. и современности (послереволюционный Петроград). Внутренняя связь между ними эксплицируется глаголом «напоминает»: *Пушкина, двадцатые годы, / Императора Николая / Это утро напоминает / Прелестью морозной погоды, / Очертаниями Летнего Сада / И легким полетом снежинок...*⁵.

Первый мир маркируется именем Пушкина и конкретизируется аллюзией на его «Зимнее утро» и, возможно, «Евгения Онегина». Образы морозного утра, Летнего сада, полета снежинок одновременно относятся к двум пространствам – пространству Пушкина и лирического героя Г. Иванова. Отметим, что «свой» мир герой видит литературно обработанным, сквозь призму пушкинских аллюзий (морозное утро, катание на санях, Летний сад). Образа поэта здесь еще нет: Пушкин, скорее, – это имя создателя претекста.

Следующие три строфы строятся как поиск аналогий между двумя мирами: туманные красавицы, художник, создающий их портреты (современный Судейкин), катания на лошадях, изысканные интерьеры (мебель красного дерева). Сопоставление подчеркивается грамматически: трехкратным повторением конструкции союз + временное наречие *тогда: но и тогда, как и тогда*. Предметная, бытовая аналогия перерастает в ментальную: у героев двух миров сходными оказываются умонастроения и политические идеалы: *Как и тогда, мы бы поверили, / Что декабристы спасут Россию*⁶.

В последней строфе вновь возникает имя Пушкина, теперь уже отсылающее к Пушкину-персонажу:

И, возвращаясь с лицейской пирушки,
Вспомнив строчку расстрелянного поэта,
Каждый бы подумал, как подумал Пушкин:
«Хорошо, что я не замешан в это»...⁷

⁴ Иванов Г.В. Стихотворения. СПб. : Академический проект, 2005. С. 366.

⁵ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 489.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Пушкинским именем маркируются два входных пространства: в одном из них обитает Пушкин-лицеист, в другом – зрелый Пушкин, размышляющий о восстании декабристов. Станным в размышлении Пушкина представляется воспоминание о расстрелянном, а не о повешенном поэте. Такая «оговорка» – сигнал возвращения к пространству лирического героя Георгия Иванова, который, как отмечают комментаторы, зашифровал в стихотворении намек на своего приятеля, поэта Леонида Каннегисера, действительно расстрелянного большевиками (Мосешвили, 1994, с. 600).

Грамматически фраза, на первый взгляд, представляется алогичной: в ней два деепричастных оборота, относящихся к разным субъектам, а в последних строчках к ним добавляется еще один, обобщенный «каждый». Однако запрещенное законами грамматики вполне логично с точки зрения необычной, живущей по законам художественного мышления структуры бленда: мир Пушкина это и есть мир Георгия Иванова и любого пушкинского (по)читателя. Пушкин-персонаж предстает в этом мире не только действующим, но и мыслящим. Его мысли – это мысли обычного человека, обывателя. А.Ю. Леонтьева (2019, с. 299) в качестве источника внутренней речи Пушкина называет строки из письма к А. Дельвигу: «Конечно, я ни в чем не замешан». При этом Г. Иванов совершает значимую замену: вводное слово со значением убежденности (*конечно*) превращается в оценочный предикат (*хорошо*). Так автор приближает к себе Пушкина, маскирует свои мысли под пушкинские, обосновывает обращением к классику свою собственную политическую позицию наблюдателя.

Непарадный облик поэта создается как самим предметом «дневниковых» размышлений, так и разговорными стилистическими средствами: сниженно маркирована лексика (*пирушка, не замешан*), естественно звучит внутренняя речь, с присущей ей актуализацией местоимений (*Хорошо, что я не замешан в это*). Разговорность как стилистический ресурс создания образа персонажа будет использована Г. Ивановым позднее в «Посмертном дневнике».

Акцент на бытовом плане прослеживается и в стихотворении 1931 г. «Медленно и неуверенно...», но строение образа персонажа здесь иное: Георгий Иванов следует модели, ориентированной на пушкинского «Поэта», в котором антиномично сочетаются «ничтожное» и «божественное».

Пушкин-персонаж вначале предстает «в заботах суетного света»⁸, описанных как постоянное, повторяющееся в своей обыденности свойство мироздания, отраженное в ходе небесных светил:

Все в этом мире по-прежнему.
Месяц встает, как вставал,
Пушкин именье закладывал
Или жену ревновал⁹.

⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 томах. Т. 3, кн. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. С. 65.

⁹ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 291.

Вторая грань пушкинского образа – «божественный глагол»¹⁰ – интерпретируется Ивановым как субстанциональное свойство великого поэта слышать «смутную, чудную музыку» – музыку сфер, мировую гармонию.

Слово «музыка» принадлежит к ключевым словам поэзии Г. Иванова (Тарасова, 2008, с. 105). Как многозначный символ, эта лексема объединяет следующие значения:

- гармоническое начало вселенной, источник вдохновения (*Музыка мне больше не нужна, Музыка мне больше не слышна <...> Ничего не может изменить, И не может ничему помочь*¹¹);
- символ вечности (*Только расстоянье стало уже Между вечной музыкой и мной*¹²);
- символ смерти (*музыка, сводящая с ума*¹³).

Регулярно в контекстуальном употреблении эти значения совмещаются или просвечивают одно через другое. В пушкинском контексте Г. Иванова музыка – это, конечно, гармоническое начало, объясняющее тайну творчества поэта. Она поднимает Пушкина над бытом, делает его уникальным творцом художественной формы: «*Смутная, чудная музыка, Слышная только ему*»¹⁴. Но одновременно эта лексема реализует свое потенциальное значение символа смерти.

Пушкин-персонаж последней строфы вовсе не предстает перед читателем в момент творческого вдохновения – он предстает умирающим:

И ничего не исправила,
Не помогла ничему,
Смутная, чудная музыка,
Слышная только ему¹⁵.

Строго говоря, картины смерти поэта в стихотворении нет, как нет в нем и самой лексемы «смерть». Ощущение смерти, намек на трагедию задается в первой строфе символическими образами и мотивами, обладающими в поэтическом мире Г. Иванова некрологической семантикой: колыханье черных веток, запах весны и травы (ср.: *Черные ветки, шум океана, Звезды такие, что больно смотреть, Все это значит – поздно иль рано Надо и нам умереть*¹⁶...). Значим в этом ключе и мотив встающего месяца, который реализует архаическую символику светила царства мертвых.

Сцена смерти Пушкина присутствует в фоновых знаниях читателя, понимающего что именно «не исправила» музыка и чему она «не помогла». Через упоминание о музыке в последней строфе Г. Иванов подчеркивает: смерть Пушкина – это не смерть обычного человека (хозяина имения, мужа красавицы), это смерть Поэта.

¹⁰ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 томах. Т. 3, кн. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. С. 65.

¹¹ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 302.

¹² Там же. С. 456.

¹³ Там же. С. 299.

¹⁴ Там же. С. 291.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 516.

В 1930 гг. стилевая система Г. Иванова эволюционирует в направлении поэтики символизма. Сборники «Розы» и «Отплытие на остров Цитеру» содержат стройную систему поэтических знаков-символов, обладающих экзистенциальной семантикой. В это семантическое поле ивановской символики вовлекается имя Пушкина, которое становится знаком ушедшей России (ср. в «Распаде атома»: *Пушкинская Россия, зачем ты нас обманула? Пушкинская Россия, зачем ты нас предала?*¹⁷).

Вообще концепт «Россия» в художественном мире Г. Иванова обладает сложной структурой: он содержит три сегмента, условно говоря, три России: Россия-империя; Советская Россия; покинутая Родина, существующая в воображении и памяти лирического героя (Тарасова, 2008, с. 142). Пушкин-персонаж принадлежит миру Российской империи (неслучайно в стихотворении «Пушкина, двадцатые годы...» имена поэта и императора даны в синтаксическом параллелизме) и в значительной степени является символом ее трагической судьбы.

Процесс символизации пушкинского имени отчетливо просматривается в стихотворении «Россия счастье. Россия свет...». В нем выражена не только мысль о гибели пушкинской России, но и – полемически – сомнение в самом праве на существование воображаемой России как мира идеализированного, возникающего в поэзии русской эмиграции (*А, может быть, России вовсе нет*)¹⁸. Виртуальной реальности, окрашенной в ностальгические тона (*Россия счастье. Россия свет*), противопоставлен как символический образ России эпохи большевизма, так и русский вариант «мировой пустоты».

Стихотворение построено на пересечении двух рядов символических предикатов. Первый характеризует Россию как безусловную ценностную категорию (*Россия счастье. Россия свет*), второй, введенный модальной рамкой «может быть», – как бесконечное пустое пространство, зону смерти и страха (*«Россия тишина. Россия прах. А, может быть, Россия – только страх. Вережка, пуля, ледяная тьма И музыка, сводящая с ума»*)¹⁹. Знаками революционной России являются как лексемы, непосредственно отсылающие к семантическому полю смерти (*прах, пуля, веревка, ледяная тьма, каменный рассвет*), так и традиционные поэтические символы смерти – *ночь* и *снег* (последний повторен 9(!) раз). П.Ф. Успенский (2016, с. 183) полагает, что эти природные реалии символизируют гибель русской культуры как таковой.

Казалось бы, возникающий в стихотворении образ Пушкина (*И Пушкин на снегу не умирал*) поддерживает смысловой ряд «идеальной» России (кроме Пушкина, в него попадает традиционная эмблема России *Кремль*, глубоко значимые для петербуржца Г. Иванова *Петербург* и *Нева*), однако мотив, в который он включается, также принадлежит полю смерти. Образная связь заката как символа смерти и умирающего поэта (*И над Невой закат не дого-*

¹⁷ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 32.

¹⁸ Полемические контексты исследованы П.Ф. Успенским (Успенский, 2016).

¹⁹ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 299.

рал, *И Пушкин на снегу не умирал*²⁰) еще раз эксплицирована в «Распаде атома» (*Раненый Пушкин упирается локтем в снег и в его лицо хлещет красный закат*²¹), образуя устойчивую концептуальную структуру творческого сознания Г. Иванова. Так в художественном мире Г. Иванова 1930 гг. фигура Пушкина устойчиво связывается с мотивом смерти. Значимо, что его именем открывается последняя книга поэта – «Посмертный дневник».

Стихотворение «Александр Сергеич, я о вас скучаю...» построено как диалог с воображаемым собеседником. Способом введения Пушкина-персонажа в текст становится стилевая транспозиция разговорных жанров «признание» и «разговор по душам».

Сама возможность жанровых транспозиций, то есть перехода жанра из одного стиля в другой, точнее включенности в художественный стиль высказываний, построенных по модели первичных (бытовых) речевых жанров (Бахтин, 1996, с. 164), обусловлена диалогическим характером текста Г. Иванова. Диалогичность – определяющая черта разговорной речи и поэтики «Посмертного дневника»: почти половина стихотворений построены по коммуникативной модели Я – Вы/ты, а лейтмотив «разговора» выполняет функцию циклообразующей скрепы (Коптелова, 2022, с. 251). На этой диалогической основе становится возможным моделирование бытового общения, которое всегда, по мысли М.М. Бахтина (1996, с. 181), проистекает в жанровой форме.

В стихотворении Г. Иванова стилистически трансформируются речевые жанры признания и разговора по душам. На смысловое пересечение этих жанров указывает Н.Н. Панченко (2022, с. 190): они соотносятся с коммуникативными ситуациями, сопряженными с моментами искренности и эмоциональной откровенности (ситуация «открытия души»).

Основную смысловую нагрузку в стихотворении несет событийное содержание жанра «разговор по душам». Высказывание в жанре «признание» выполняет роль своеобразной эмоциональной и стилистической «подводки». Иванов максимально сокращает дистанцию между субъектом речи и адресатом: воображаемый диалог ведется в непринужденной обстановке (за чашкой чая); отмечен маркерами разговорности и даже просторечности (фразеологизм «развесив уши»). Отчетливо разговорной окраской обладает стяженная форма обращения «Александр Сергеич» (дважды); повторяющаяся частица «ведь», инверсии (*С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю*²²).

В общем виде признание – это открытое и откровенное сообщение о своих действиях, поступках, чувствах собеседнику. Оно существует в нескольких жанровых вариантах («любовное признание» – признание собеседнику в своих чувствах, «чистосердечное признание» – признание в своих, как правило, неблагоприятных поступках (Панченко, 2022, с. 186). По наблюдению Е.Г. Николаевой (2023, с. 57), ивановское «я о вас скучаю» звучит как «я вас люблю»: «Поэт, «перед тем как умереть», испытывает потребность поговорить с живым

²⁰ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 299.

²¹ Там же. С. 27.

²² Там же. С. 553.

Пушкиным, трогательно адресуя ему слова любви, застенчиво упрятанные в формулу «я о вас скучаю», то есть признание в любви носит не прямой характер. Для экспликации своего чувства герой употребляет слова со значением душевной близости: *Вы мне все роднее, вы мне все дороже*²³. В контексте стихотворения раскрывается и другая причина этой все возрастающей «привязанности»: приближение смерти. Коммуникативная цель жанра – искреннее сообщение о своих чувствах – используется Г. Ивановым с целью психологической мотивации выбора Пушкина на роль собеседника в пороговой ситуации (родной, близкий, любимый человек).

Если признание монологично, то жанр разговора по душам предполагает постоянную смену коммуникативных ролей. Как показывает В. Дементьев (2019, с. 257), этот жанр, воплощая основные ценности русской культуры (душа, дружба, искренность), полностью соответствует русскому коммуникативному идеалу. Содержание жанра – разговор о главном, о жизненных позициях и ценностях. Таким «главным» для Г. Иванова в «Посмертным дневнике» является мысль о надвигающейся смерти. В этом состоянии герой нуждается в жизненной опоре, в примере собеседника, которого он высоко ценит и который в то же время является «своим». И таким собеседником становится Пушкин.

Г. Иванов проецирует свой жизненный опыт на опыт погибшего поэта в последний год его жизни: *Александр Сергеевич, вам пришлось ведь тоже Захлебнуться горем, злиться, презирать, Вам пришлось ведь тоже трудно умирать*²⁴. Сообщая о глубоко личных чувствах и ощущениях, лирический герой адресует их Пушкину, потому что уверен в его искренности и душевной близости. Более того, он уверен, что его чувства аналогичны пушкинским (*вам пришлось ведь тоже*). Такая аналогия позволяет моделировать ответную реплику собеседника, предсказать, что, по мысли героя, должен ответить Пушкин при передаче ему коммуникативной инициативы (*Вы бы говорили, я б, развесив уши, Слушал бы да слушал*²⁵).

Как художественная речь использует стилистические ресурсы других стилей, переплавляет их для создания эстетической функции, так поэзия использует ресурсы разговорных жанров для создания эстетического эффекта.

Заключение

Георгий Иванов использует различные техники введения Пушкина-персонажа в текст: метрическую аллюзию на гекзаметрические стихотворения Пушкина («26 августа 1912 г.»); концептуальную интеграцию – пересечение ментальных пространств 1820 гг. и современности («Пушкина, двадцатые годы...»); символизацию: Пушкин – один из символов оставленной России, наряду со снегами, ночью, закатом, каторжным рассветом («Россия счастье.

²³ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 553.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Россия свет...»); стиливую трансформацию жанров «признание» и «разговор по душам» («Александр Сергеевич, я по вас скучаю...»). Фигура Пушкина воплощает различные грани художественного смысла, актуального для лирического героя Г. Иванова: мечту о поэтической славе; личную вовлеченность в трагические исторические события; прикосновение к мировой гармонии, музыке сфер; мужество перед лицом смерти.

Ориентируясь на пушкинскую антиномию «ничтожного» и «божественного» («Поэт»), Георгий Иванов строит образ Пушкина на пересечении высокой патетики и сниженной разговорной стихии.

Список литературы

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. М. : Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
- Дементьев В.В. «Разговор по душам» в системе ценностей русской речевой коммуникации // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7. № 1. С. 255–274. <https://doi.org/10.15826/qr.2019.1.375>
- Коптелова Н.Г. Пушкинский код в «посмертных» стихах Г.В. Иванова // Новый филологический вестник. 2022. № 3(62). С. 242–261.
- Леонтьева А.Ю. Лирическая биография Пушкина в поэзии Г. Иванова // Евразийское научное объединение. 2019. № 2–5(48). С. 298–302. <https://doi.org/10.5281/zenodo.2590787> EDN: ZACWVV
- Мосешвили Г.И. Комментарии / Г.В. Иванов // Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. С. 595–632.
- Николаева Е.Г. Пушкинские аллюзии и реминисценции в поэзии Г.В. Иванова // Культура и образование. 2023. № 2(49). С. 51–62. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2023-249-51-62>
- Панченко Н.Н. «Чистосердечное признание» в институциональной и бытовой коммуникации: речевой жанр или речевой поступок // Жанры речи. 2022. Т. 17. № 3(35). С. 186–193. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-186-193> EDN: VFLKLU
- Роготнев И.Ю. Пушкинские двустихия на перевод «Илиады»: регистры филологического анализа // Филология в XXI веке. 2019. № 2(4). С. 112–123. EDN: GRBSDW
- Тарасова И.А. Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова. Саратов : Наука, 2008. 208 с.
- Успенский П.Ф. «Россия счастье. Россия свет...» Г.В. Иванова и наследие Ф.М. Достоевского // Русская литература. 2016. № 1. С. 181–189.
- Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think : Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York : Basic Books, 2002. 464 p.

Сведения об авторе:

Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Астраханская, д. 83. ORCID: 0000-0003-3188-215X; SPIN-код: 3570-4543. E-mail: tarasovaia@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-738-749

EDN: OYEIOH

УДК 82.02

Научная статья / Research article

Пушкин в литературных манифестах 1920 гг.

А.Ю. Овчаренко^{id}, Е.А. Шапринская^{id}

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ ovcharenko_ayu@pfur.ru

Аннотация. Цель исследования – раскрыть своеобразие рецепции пушкинского мифа в условиях послереволюционной культурной трансформации, когда наследие поэта подвергалось как упрощенным трактовкам, так и глубокому творческому переосмыслению. Анализируя критические работы В.Ф. Ходасевича, Б.В. Томашевского и О.Э. Мандельштама, мы указываем на предостережения этих авторов против канонизации Пушкина, превращения его в «эстетический шлагбаум», заслоняющий живую традицию. Центральное место в исследовании занимает анализ эстетики «Перевала», где пушкинские принципы – свобода творчества, органичность, гуманизм – переосмыслились сквозь призму переломной эпохи. Перевальцы противопоставляли вдохновенное творчество утилитаризму Пролеткульта, развивая традиции медитативной лирики (стихи Д. Семёновского, Н. Зарудина, М. Голодного и др.). В их произведениях обнаруживаются аллюзии на пушкинские мотивы («Пророк», «Деревня»), но с учетом трагизма современности. Введенный перевальцами философско-эстетический термин «трагедийность» был, по их мнению, основной настоящего искусства. Делается вывод, что перевальцы видели в классике не «прах» прошлого, а живые «семена» для будущего, преемственность культуры. Намечаются перспективы дальнейшего изучения рецепции Пушкина в литературе «больших двадцатых», подчеркивается актуальность его наследия для понимания динамики литературного процесса эпохи.

Ключевые слова: поэтический манифест, Содружество писателей революции «Перевал», пушкинский миф, «большие двадцатые годы», интертекстуальность

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных – А.Ю. Овчаренко; написание и редактирование рукописи – Е.А. Шапринская. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18 августа 2025 г.; отрецензирована 15 сентября 2025 г.; принята к публикации 18 сентября 2025 г.

Для цитирования: Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А. Пушкин в литературных манифестах 1920 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 738–749. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-738-749>

© Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Pushkin in the Literary Manifestos of the 1920s

Alexey Yu. Ovcharenko^{ID}, Elizaveta A. Shaprinskaya^{ID}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ovcharenko_ayu@pfur.ru

Abstract. The aim of study is to reveal the uniqueness of reception of the Pushkin myth in the context of post-revolutionary cultural transformation, when the poet's legacy was subjected to both simplified interpretations and deep creative rethinking. Analyzing the critical works of V.F. Khodasevich, B.V. Tomashevsky, O.E. Mandelstam, and others, we point out the warnings of these authors against the canonization of Pushkin, turning him into an “aesthetic barrier” obscuring the living tradition. The central place in the study is occupied by the analysis of the aesthetics of “The Pass (Pereval),” where Pushkin's principles – freedom of creativity, organicity, humanism – were rethought through the prism of a turning point in the era. Perevaltsy (The Pass' Members) contrasted inspired creativity with the utilitarianism of Proletkult, developing the traditions of meditative lyrics (poems by D. Semenovskiy, N. Zarudin, M. Golodny). Their works contain allusions to Pushkin's motifs (“The Prophet,” “The Village”), but taking into account the tragedy of modern times. The philosophical and aesthetic term “tragedijnost” introduced by the Perevaltsy was, in their opinion, the basis of true art. It is concluded that Perevaltsy (The Pass' Members) saw in the classics not the “ashes” of the past, but living “seeds” for the future, preserving the continuity of culture. Prospects for further study of the reception of Pushkin in the literature of the “big twenties,” emphasizing the relevance of his legacy for understanding the dynamics of the literary process of the era.

Keywords: poetic manifesto, the Commonwealth of Writers of the Revolution “Pereval” (The Pass), Pushkin' myth, “big twenties,” intertextuality

Authors' contribution. Development of the idea, research data collection & analysis – Alexey Yu. Ovcharenko; manuscript writing & editing – Elizaveta A. Shaprinskaya. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 18, 2025; revised September 15, 2025; accepted September 18, 2025.

For citation: Ovcharenko, A.Yu., & Shaprinskaya, E.A. (2025). Pushkin in the Literary Manifestos of the 1920s. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 738–749. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-738-749>

Введение

Предложенный в 1967 г. Ю. Кристевой термин «интертекстуальность»¹, относившийся к текстам различной природы, трансформировался, и с наступлением эпохи Web 2.0 мы говорим уже о гипертексте – «открытой структуре» – по отношению к литературе. Хотя еще в 1934 г. в письме В. Ходасевичу М. Цветаева писала: «... я давно перестала делить стихи на свои и чужие, на „тебя“ и „меня“. Я не знаю авторства»². Интертекстуальность как ключевое

¹ Ямпольский М. Памяти Тересия: интертекстуальность и кинематограф. М. : РИК Культура, 1993. С. 32–40.

² Цветаева М. Письмо В.Ф. Ходасевичу. Май 1934 // Собрание сочинений : в 7 томах. Т. 7. М. : Эллис Лак, 1995. С. 446.

свойство искусства проявляется и в способности художественных текстов вступать в диалог с предшествующей культурной традицией, переосмысляя и трансформируя ее элементы – то, что Жан Женетт называл архитектуральной текстуральностью и литературностью литературы (Genette, 1982). В этом контексте особое значение приобретает фигура А.С. Пушкина, чье творчество, по меткому замечанию теоретика Содружества «Перевал» Абрама Лежнева, «раскрыто не в прошлое, а в будущее». И задачу историка литературы он видел не только в том, «...чтобы вставить писателя в эпоху, но и в том, чтобы понять, почему он сохранил и за ее пределами жизнь и действенность в то время, как почти все, что было рядом, занесено равнодушием и забвением...»³.

Действительно, влияние Пушкина на литературу XIX–XXI вв. остается предметом активных научных дискуссий, особенно в аспекте рецепции его мотивов, образов и эстетических принципов, образа самого поэта в русском историко-литературном и общественном сознании последующими поколениями писателей⁴. На наш взгляд, важно обратить внимание на генезис составляющих пушкинского мифа в русской культуре (что требует отдельного исследования), своеобразными вехами которого стали пушкинская речь Ф.М. Достоевского (1880), венчавшая празднование пушкинских дней⁵, открытие памятника Пушкину в Москве, Дни памяти поэта в 1937 г.

После революции 1917 г. возникает феномен, который В.Ф. Ходасевич в «Колеблеме треножнике» (1921) обозначил как «второе затмение» Пушкина. По справедливому замечанию автора, все чаще можно заметить незнание личности и творчества великого поэта⁶. Рассуждения об этом явлении, охватившем послереволюционное поколение читателей и писателей, получает развитие и в других его статьях: «Безглавый Пушкин. Диалог» (1917), «Бесславная слава» (1918), «Окно на Невский» (1922). В последней статье В.Ф. Ходасевич предостерегает от упрощенного восприятия пушкинского наследия как некоего неприкосновенного канона: «Зная с именем Пушкина должно стоять вертикально: да не будет оно чем-то вроде эстетического шлагбаума, бьющего по голове всякого, кто хочет идти вперед. Пушкин не преграждает пути, он его открывает»⁷. Против сведения поэзии Пушкина к абстрактным «мыслям», лишенным живого творческого контекста, выступал Б.В. Томашевский (1925, с. 65, 68), призывая в гуманитарных науках перестать вообще оперировать с непреложностями, «канонами», догмами и т.п. О.Э. Мандельштам, говоря о «поэтической грамотности», остроумно заметил: «Искажение поэтического

³ Лежнев А.З. Вместо пролога // Ровесники. Сборник 7 Содружества писателей революции «Перевал». М. ; Л. : Земля и фабрика, 1930. С. 381–382.

⁴ См.: Орлицкий Ю.Б. Пушкин с нами? // Новое литературное обозрение. 1999. № 36(2). С. 235–261.

⁵ См.: Левитт Маркус Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб. : Академический проект, 1994. 265 с.

⁶ Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений : в 4 томах. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика, 1922–1939. М. : Согласие, 1996. С. 81.

⁷ Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений : в 4 томах. Т. 1. Стихотворения. Литературная критика, 1906–1922. М. : Согласие, 1996. С. 490.

произведения в восприятии читателя – совершенно необходимое социальное явление, бороться с ним трудно и бесполезно: легче провести в СССР электрификацию, чем научить всех грамотных читать Пушкина, как он написан, а не так, как того требуют их душевные потребности и позволяют их умственные способности»⁸. Эти опасения были небеспочвенны: достаточно взглянуть на выпуск «Литературной газеты» от 10.02.1937 (Молок, 2000), посвященный столетию со дня смерти поэта – «Славе нашей родины», «Светлому разуму» и «Любимому поэту Ленина». Именно в этом году произошло «огосударствление» поэта: Пушкин, вслед за В. Маяковским, окончательно стал частью нового ментального советского пространства.

В этом юбилейном выпуске «Литературной газеты» от 10.02.1937 по соседству с интересными и сегодня статьями С. Маршака («Право на высокое искусство»), А. Фадеева («Светлый разум»), В. Герасимовой («Пушкин писал просто»), встречаются и те, где пушкинский гуманизм парадоксально, но для тех лет объяснимо, сравнивается с маратовским («В истории русской литературы до такого маратовского понимания литературы подымались до и после Пушкина лишь немногие, самые передовые деятели освободительного движения»⁹), где простота и ясность его текстов трактуется как стремление к большей обличительности произведений, что закономерно сужает художественный потенциал образов: «Для того должен непременно каждый закон таким образом быть написан, чтобы он никаких толков не требовал, никаких недоразумений не допускал <...> Это писалось Пестелем о языке государственных актов. Но требования «ясности», «понятности» <...> пред'являлись декабристами и к художественной литературе и были тесно связаны с защитой ими права художника говорить правду о современной им действительности»¹⁰. Здесь и сам поэт превращается в абстрактную категорию, инструмент, о чем писал К. Федин: «Пушкин был главным, обильнейшим потоком русской реалистической литературы XIX века ... Наша литература проверяет себя на Пушкине ... корректирует свой труд Пушкиным»¹¹). Создается тот самый «эстетический шлагбаум», о котором говорил В. Ходасевич¹².

Мы не ставим целью описать и проанализировать все существующие трактовки пушкинского творчества в историко-литературном процессе первой трети XX ст. (Шеметова, 2011). Нас интересует иной аспект: благодаря каким принципам, несмотря на противоречивые и даже тенденциозные интерпретации, широко известная и достаточно изученная тема «Футуристы и Пушкин» (Григорьев, 2000), творчество Пушкина, особенно после 1917 г.,

⁸ Мандельштам О.Э. Выпад // Полное собрание сочинений и писем : в 3 томах. Т. 2. М. : Прогресс-Плеяда, 2010. С. 151.

⁹ Левин Ф. Родоначальник великой русской литературы // Литературная газета. 1937. 10 февраля. № 8(644). С. 2.

¹⁰ Мейлах Б. Создатель русского литературного языка // Литературная газета. 1937. 10 февраля. № 8(644). С. 2.

¹¹ Федин К. Да здравствует Пушкин // Литературная газета. 1937. 10 февраля. № 8(644). С. 3.

¹² Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений : в 4 томах. Т. 1. Стихотворения. Литературная критика, 1906–1922. М. : Согласие, 1996. С. 490.

сохраняло свою значимость и для литературы, и для общества. Хрестоматийные строки «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» обретают особый смысл: этим памятником стал сам пушкинский миф – представление о поэте как о «солнце русской поэзии». Пушкин поднимает читателя до уровня своего «светлого разума», с удивительной смелостью и «целомудренностью» раскрывая всю полноту человеческих чувств. Поэтому у каждого возникает «свой» Пушкин, как пишет В.Ф. Ходасевич в «Колеблемом треножнике»: «Ведь как только мы заговорим о Пушкине, так и окажется, что у каждого из нас свой Пушкин, перед которым мы преклоняемся одинаково благоговейно, но не по одинаковым причинам»¹³.

Особый интерес представляет вопрос о том, как воспринимали пушкинское наследие не только отдельные писатели или критики, но и целые литературные группы 1920 гг. Такой подход позволяет лучше понять, как жил и трансформировался пушкинский миф (Цвигун, Черняков, 2020) в этот период «больших двадцатых годов», а также показать, что подлинными продолжателями пушкинской традиции нередко оказывались те авторы, кто оставался и, к сожалению, продолжает оставаться в тени «литературных генералов».

Манифесты литературных групп и пушкинский миф

Литературный манифест¹⁴ к 1920 гг. стал не просто жанром, а формой литературной саморефлексии и эстетической полемики (Пахсарьян, 2018, с. 38). Он служил пространством для провозглашения новых художественных установок, самопозиционирования, декларирования эстетической программы, утверждения группового начала, борьбы с конкурентами (Савельева, Критская, 2023, с. 50–58). Особенно выразительной была перформативная природа манифеста, где «утверждение некоторого тезиса совпадает в нем с самим актом высказывания этого тезиса» (Цвигун, Черняков, 2024, с. 63). Принципиально важно, что в этих текстах действовал коллективный субъект: «„мы“ коллективного субъекта высказывания» становилось основной позицией новых движений (Цвигун, Черняков, 2024, с. 62). Такое «мы» – «они» – оппозиция новаторов и традиционалистов («архаистов и новаторов» в терминологии Ю.Н. Тынянова) – проявляется на уровне грамматической структуры и риторики (Цвигун, Черняков, 2024, с. 63). В манифестах футуристов, имажинистов и других групп Пушкин не только вспоминается, но и становится символом, с которым необходимо соотноситься, – чаще через отрицание. Это подтверждает, что даже в момент разрыва с традицией Пушкин продолжает «работать» как культурная точка отсчета, пусть и в виде сложного полемического образа.

В эпоху «больших двадцатых годов» сформировалось новое отношение к творчеству поэта, новые, невозможные ранее оценки, переосмысление

¹³ Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений : в 4 томах. Т. 2. М.: Согласие, 1996. С. 81.

¹⁴ Эйхенгольц М.Д. Манифесты (художественно-литературные) // Литературная энциклопедия : Словарь литературных терминов : в 2 томах. Т. 1. А–П. М. ; Л. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Стб. 430.

новыми литературными силами – Пролеткульт провозгласил поэта союзником в борьбе за поэзию активного действия против «ночных филинов, кукушек», символистов, буквально понимая смысл классической фразы «солнце нашей поэзии», – «Он с нами, лучезарный Пушкин»¹⁵.

Однако малоисследованными остаются манифесты литературных групп 1920 гг.: «Серапионовых братьев», менее известных люминистов, биокосмистов, формлибристов и Содружества писателей революции «Перевал». Эти манифесты демонстрируют разнообразные формы взаимодействия с пушкинской традицией. Например, люминисты, последовательно «разоблачая» символистов, акмеистов и футуристов, провозгласили в своем манифесте¹⁶, что Солнце (Lumen) – первооснова творчества. Эта концепция неосознанно воспроизводила устойчивый культурный образ «Солнца русской поэзии», показывала мотивные пересечения с контекстным полем пушкинского мифа, переосмысленного в рамках новой эстетической программы.

Аналогичным образом формлибристы и биокосмисты актуализировали пушкинский принцип органичности (в развитии дихотомии Ап. Григорьева «рожденность/сделанность»). Формлибристы понимали органичность как синтез стиха и способа выражения, или организма, «ухоглаза»¹⁷.

Биокосмисты же воспринимали искусство как ряд образов: без ряда, то есть порядка-космоса, возможен только хаос. Слово раскрывается, творится в ряду, вне его оно обыденно и пусто. И далее важная для наших рассуждений мысль о связи словесных рядов, фактически об интертекстуальности, о диалоге в «большом времени»¹⁸ и с литературной традицией, о выработке нового языка: «Ряды расцветают слова, заостряют их, упругат, разнообразят. Творческая воля креатора заставляет слова в ряду быть по-иному. Слова в ряду – это форма, меняющая объем и содержание, тут одно и то же слово попадает на разные полки. В ряду слова играют конкретным, как мячами. Творчество словесных рядов – это преображение и воскрешение слов»¹⁹ (Святогор, 2017, с. 90).

Представляет интерес и мотив братства, вынесенный в название группы «Серапионовых братьев». Он перекликается с пушкинским стихотворением «Во глубине сибирских руд...», с пятью стихотворениями на лицейскую годовщину, особенно «19 октября», с его хрестоматийными строчками: «Друзья мои, прекрасен наш союз!». Но «Серапионовы братья» не ограничивались своей эпохой в поисках образов или персонажей, которые могли бы выразить их идеи. Так, например, Л.Н. Лунц в пьесе «Бертран де Борн» обратился, немного изменив ее, к истории средневекового трубадура – неоднозначного персонажа, который тем не менее оказывается выразителем духа свободы, недолго

¹⁵ Кириллов В. Жрецам искусства // Пролетарские писатели : Антология пролетарской литературы / сост. С. Родов, под общ. ред. П.С. Когана. М. : Гос. изд-во, 1924. С. 319–320.

¹⁶ От символизма до «Октября» : сборник / сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. М. : Новая Москва, 1924. С. 227–233.

¹⁷ Там же. С. 236.

¹⁸ Бахтин М.М. Ответ на вопрос редакции журнала «Новое время» // Собрание сочинений : в 6 томах. М. : Русские словари, 1996. С. 454.

¹⁹ См.: Шкловский В.Б. Воскрешение Слова. СПб. : типография З. Соколинского, 1914. 16 с.

преобладающего в первой половине 1920 гг.²⁰ Однако в их творчестве не было прямого и осознанного обращения к пушкинскому мифу, который мы видим как в художественных произведениях перевальцев, так и в их критических статьях и программных документах.

Важно, что сама идея солидарности нового творческого сообщества («Серапионовы братья», «Содружество», Содружество писателей революции «Перевал») оказывается глубоко созвучна пушкинской эпохе.

«Не классический, а живой» – перевальцы и Пушкин

Литературно-общественная позиция любой литературной группы, выраженная в манифестах, декларациях или художественных текстах, – неотъемлемая и значимая часть историко-литературного процесса 1920–1930 гг.

Наиболее последовательное переосмысление пушкинской традиции, особенно формирующегося пушкинского мифа, находим в творчестве Содружества писателей революции «Перевал». Теоретик «Перевала» Д. Горбов (1929, с. 2) писал: «...поэт-классик в представлении большинства – это поэт, творчество которого „отошло“ целиком в прошлое, мумифицировалось, затвердело и в этом затверделом виде стало необходимой принадлежностью обстановки в каждом „приличном“, претендующем на культурность доме». Перенос, вслед за А. Блоком, диалог поэта и черни в новые исторические условия, Д. Горбов прямо указывал, что требование черни «...от художника „смелых уроков“ при жизни Пушкина не было ничем иным, как попыткой переложить на художника, живущего активной творческой жизнью, всю ответственность за их собственную косность, попыткой оправдать их собственное самодовольство. ... Они канонизировали Пушкина, сделав его классическим украшением своих книжных шкапов, и тем самым купили себе право забыть о содержании его творчества».

Важно отметить, что программными высказываниями в эпоху 1920 гг. становятся не только манифесты, но и проза, отдельные стихотворения и даже жанры – стансы С. Есенина (1924) и Б. Пастернака («Столетье с лишним – не вчера», 1931), формирующие художественные принципы как отдельных авторов, так и целых направлений (Симян, 2013).

Художественная философия «Перевала» – достаточно самобытная система представлений о творчестве, основанная в первую очередь на сохранении эстетической преемственности поколений. Ее форма – «моцартианство» – противопоставление творчества мастерству, понимаемому перевальцами как умелое, но не искреннее ремесло, противопоставление творца, находящегося в органической связи с миром, ремесленнику, которым был «Левый фронт искусств» (ЛЕФ). «Моцартианство» предполагает необходимость освоения (точнее усвоения) большой, без изъятий, культуры (в том числе и эстетиче-

²⁰ Луиц Л. «Обезьяны идут!». Проза. Драматургия. Публицистика. Переписка. СПб. : ИНАПРЕСС, 2003. С. 169–214.

ской), видение мира, возведенное в степень искусства, смелость художника быть самим собой и искренность²¹.

Перевальцы вслед за Пушкиным видели в художнике не просто умелого мастера, а свободного творца, глубоко связанного с миром. Эта идея, восходящая к пушкинскому пониманию поэзии как стихийного дара, выделяющего творца из толпы, выраженная в хрестоматийных строках «Ты – царь: живи один», была развита А. Лежневым в его последней прижизненной книге «Проза Пушкина. Опыт стиливого исследования» (1937). Лежнев показывает, что наиболее полной реализацией цельной личности является Моцарт – символ художника, находящегося в глубинной, органической связи с миром (Лежнев, 1937). Воплощением «моцартианства» стала повесть П. Слётова с программным названием «Мастерство» (1930). «Повесть Слётова о скрипичном мастере – глубоко перевальская вещь. На нашем знамени – победа моцартианства над сальеризмом, творчества над ремеслом, художества над мастерством. У Сальери в лучшем случае – лишь мертвая вода. Она может заставить срастись разрубленные анализом части. Но для того, чтобы искусство стало жить, дышать, двигаться, нужна живая вода. А она есть только у Моцарта» (Лежнев, 1930, с. 15).

Художественная философия Содружества строилась на свободе творчества, гуманизме и трагедийном восприятии действительности: «Трагедийно искусство Бетховена, но это величайшее по жизнеутверждению искусство. Трагический конфликт в нем разрешается победой воли, радости, энтузиазма. Трагедийное искусство – то, которое берет основные конфликты эпохи, ставит их во всей глубине и значительности, не урезывая их, не смягчая, не боясь их резкости, и старается их так или иначе развязать» (Лежнев, 1930, с. 17–18). Эти принципы перекликались с пушкинскими: как и он, перевальцы считали, что искусство – особый способ познания мира, требующий внутренней свободы и ответственности художника. Они отвергали утилитарный подход Пролеткульта, «Кузницы» и «литературу факта» ЛЕФ, где поэзия часто сводилась к воспеванию машин и труда. Вместо «железного мессии» или «певца труда и машин» их лирический герой – «мудрый в глупости поэт» (прямая отсылка к пушкинскому «поэзия... должна быть глуповата»²²), чуткой к «музыке мира»²³ и природной гармонии.

Программные стихи ведущих поэтов «Перевала» посвящены именно этой теме – «Мой стих», «Поэту» (1926) М. Голодного, «Поэт» (1927) Д. Семёновского, «Поэту» (1932) С. Спасского, «Жизнепеснь» (1924), «Поэт» (1924) П. Дружинина, «Творчество» (1924) Н. Зарудина и др.

²¹ См.: Овчаренко А.Ю. Философско-эстетическая концепция художественного творчества «Перевала» // Мост в будущее. Творческий путь Содружества писателей революции «Перевал». М. : Экон-Информ, 2023. С. 47–89.

²² Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 томах. Т. 9. Письма, 1815–1830. М. : ГИХЛ, 1962. С. 232.

²³ Перевал : Литературно-художественный альманах. Сборник. М. ; Л. : Государственное издательство, 1928. С. 70.

«К старинной птице чужого поэта / Милую свежесть щек приложи. / Чтоб познать ее по-иному»²⁴, – пишет Н. Зарудин в первом стихотворении сборника «Поле-юностью. Избранная лирика» (1928) под названием «И снова подснежники (С первой птицей)». Механизм рецепции пушкинского мифа, принципов творчества поэта – все это заключено в зарудинской поэтической формуле, строящейся на простоте и ясности. Еще более явно эта позиция проявляется в другом программном стихотворении, где Пушкин возникает как поэт, «благословляющий» своих последователей. Однако он не бронзовый памятник, а живой, «неугомонный» человек; «Моцарт», вдохновляющий на живое восприятие мира, выраженное в синестетической метафоре яркого запаха плода-стихотворения: «Пусть нам неугомонный Пушкин, / Благословенны потные труды: / Тогда из каждой липовой кадушки / Пахнут роскошные и пряные плоды»²⁵.

Органичностью в самом пушкинском смысле этого слова дышат строки Д. Семёновского «Поэт»: «Чем жизнь на меня насаждает лютей, / Чем горче мои потери, / Тем злей ненавижу я муки людей, / Тем ближе мне птицы и звери»²⁶. Здесь нет сатиры М.Ю. Лермонтова, «видного миру смеха и незримых, неведомых ему слез» Н.В. Гоголя²⁷, здесь – дух «Деревни», уединения пушкинского героя. «Цветок, растерявший свои лепестки, / Бедняк, позабывший удачу, / От нежности, радости, грусти, тоски / Я плачу»²⁸, – слезы лирического героя вызывают именно общечеловеческие, а не классовые чувства, не революционный пафос – это принципиальная позиция «Перевала», противопоставлявшая свою поэтику накатившейся на искусство «волне сальеризма»²⁹.

В книге «Новые стихотворения» (1928) М. Голодного среди ряда других выделяется наполненный пушкинским пафосом «Мой стих» (1924) и «Поэту». У М. Голодного поэт не ищет праздных развлечений, он отдает всего себя творчеству, его задача, как и пушкинского Пророка, побудительная: «Зови, веди, организуй, поэт!». О своем стихе он говорит: «Я с ним брожу / Вдоль старых стен / И жадно вглядываюсь в тьму. / Он слышит / Запах перемен, / Пока неслышных никому. / Пространств высоких / Смутный гул, / Движенья вихрь / И блеск огня, / Отобразаясь в нем, пройдут / Через меня / И от меня»³⁰. Смутный гул, движенья вихрь и блеск огня, которые «отображаются» в строках и рифмах поэта также становятся и отражением видений «Пророка» А.С. Пушкина: «Моих ушей коснулся он, – / И их наполнил шум и звон: /

²⁴ Зарудин Н.Н. Поле-юностью. Избранная лирика. М. : Артель писателей «Круг», 1928. С. 5–6.

²⁵ Там же. С. 59–60.

²⁶ Перевал : Литературно-художественный альманах. Сборник. М. ; Л. : Государственное издательство, 1928. С. 70.

²⁷ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 6. Мертвые души. Ч. 1 / ред. Н.Ф. Бельчиков [и др.]. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. С. 134.

²⁸ Перевал : Литературно-художественный альманах. Сборник. М. ; Л. : Государственное издательство, 1928. С. 70.

²⁹ Лежнев А. Вместо пролога // Ровесники. Сборник Содружества писателей революции «Перевал». М. : Земля и фабрика, 1930. С. 12.

³⁰ Голодный М.С. Новые стихи. М. : Молодая гвардия, 1928. С. 25–26.

И внял я неба содроганье, / И горний ангелов полет»³¹. В строках «И в час, / Когда веселый гром / К победе призовет живых, / Паду я на земле бойцом, / И рядом – / Мой последний стих»³² знается аллюзия на пушкинского пророка, которому велено «восстать» и «глаголом жечь сердца людей». Однако М. Голодный, живущий в XX в. и прошедший испытания Гражданской войны, литературной войны с Пролеткультом, Всероссийской ассоциацией пролетарских писателей и ЛЕФ, уже не верит в свое воскресение, потому лирический герой «больших двадцатых падает», оставив свои стихи на суд потомков. Утопичной была попытка перевальцев соединить несоединимое – искренность и «моцартианство» – с официальной идеологией, от которой они не хотели отступать. В этом вся, говоря словами А. Лежнева, «трагедийность» положения перевальцев, не осознававших свою обреченность к 1930 гг. в новых историко-политических условиях.

Заключение

Важнейшим аспектом эстетики «Перевала» стала преемственность культуры, отрицавшая утилитарную «учебу у классиков». В отличие от радикальных современников, призывавших «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и прочих с Парохода Современности», перевальцы видели в прошлом не «прах», не строительный материал, а «семена», которые нужно взрастить. Эта метафора перекликается с пушкинским образом «свободы сеятеля пустынного» – художника, чье слово, даже если оно не сразу понято, способно дать всходы в будущем. Неслучайно образ зерна так важен в поэтическом языке начала 1920 гг. – от книги В. Ходасевича «Путем зерна» (1920) до пролетарских и комсомольских поэтов, которые образовали Содружество «Перевал».

Многие современники перевальцев не разделяли этой позиции, однако именно в ней заключен не простой поиск следов пушкинского мифа в постреволюционном мире, где прежние основы разрушены, а новые только намечены; главное в стремлении перевальцев сохранить связь времен, обнаружив в ней ключи к живому, ясному творчеству А.С. Пушкина. Перевальское «моцартианство» как общее, идущее от А. Пушкина и декларируемое современниками «Перевала» Е. Замятиным, О. Мандельштамом, М. Бахтиным и др., видение миссии поэта и его ответственности имеет сегодня не только историческое, но общественное и эстетическое значение.

Список литературы

Горбов Д. Не классический, а живой // Красная нива. 1929. № 24. С. 2–3.
Григорьев В.П. Хлебников и Пушкин // Будетлянин. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 169–183.

³¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 2. Стихотворения. 1820–1826. Л. : Наука, 1977. С. 34.

³² Голодный М.С. Новые стихи. М. : Молодая гвардия, 1928. С. 26.

- Лежнев А.З. Проза Пушкина: Опыт стилистического исследования. М. : Гослитиздат, 1937. 415 с.
- Лежнев А.З. Разговор в сердцах: статьи о литературе. М. : Федерация, 1930. 256 с.
- Молок Ю.А. Пушкин в 1937 году: материалы и исследования по иконографии. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 266 с.
- Пахсарьян Н.Т. Литературный манифест: содержание и эволюция понятия // Вісник університету імені Альфреда Нобеля. Серія Філологічні науки. 2018. Т. 15. № 1. С. 38–43. <https://doi.org/10.32342/2523-4463-2018-0-15-38-43>
- Савельева М.С., Критская Н.А. Манифесты русского модернизма. Особенности жанра // Культура и искусство. 2023. № 3. С. 50–58. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2023.3.39936>
- Святогор. Биокосмическая поэтика (Пролог и градус первый) // Поэтика. Биокосмизм. (А)теология. М. : Common place, 2017. С. 86–94.
- Симян Т.С. К проблеме манифеста как жанра: генезис, понимание, функция // Критика и семиотика. 2013. № 2(19). С. 130–148.
- Томашевский Б.В. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л. : Культурно-просветительное трудовое товарищество «Образование», 1925. 134 с.
- Цвигун Т.В., Черняков А.Н. Авангардистский манифест как высказывание // Новый филологический вестник. 2024. № 4(71). С. 57–67. <https://doi.org/doi:10.54770/20729316-2024-4-57>
- Цвигун Т.В., Черняков А.Н. «Нам стоять почти что рядом»: Пушкин как персональный миф русского авангарда // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11. № 2. С. 69–79.
- Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. 50 с.
- Genette, G. *Palimpsestes: La Littérature au Second Degré*. Paris : Éditions du Seuil, 1982. 467 p.

References

- Genette, G. (1982). *Palimpsestes: La Littérature au Second Degré*. Paris, Éditions du Seuil.
- Gorbov, D. (1929). Not classic, but lively. *Krasnaya Niva*, (24), 2–3. (In Russ.)
- Grigor'ev, V.P. (2000). Xlebnikov and Pushkin. In *Budetlyanin* (pp. 169–183). Moscow: Yazy'ki Russkoj Kul'tury Publ. (In Russ.)
- Lezhnev, A.Z. (1937). *Pushkin's Prose. An Attempt at Stylistic Research*. Moscow: Goslitizdat Publ. (In Russ.)
- Lezhnev, A.Z. (1930). *Conversation in Warm Blood: Articles about Literature*. Moscow: Federaciya Publ. (In Russ.)
- Molok, Yu.A. (2000). *Pushkin in 1937: Materials and Research on Iconography*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)
- Pahsar'jan, N.T. (2018). Literary manifesto: Content and evolution of the concept. *Alfred Nobel University Journal of Philology*, 15(1), 38–43. (In Russ.) <https://doi.org/10.32342/2523-4463-2018-0-15-38-43>
- Savel'eva, M.S., & Kritskaja, N.A. (2023). Manifestos of Russian modernism. Features of the genre. *Culture and Art*, (3), 50–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2023.3.39936>
- Shemetova, T.G. (2011). *Biographical myth about Pushkin in Russian Literature of the Soviet and Post-Soviet Periods* [Doctoral dissertation, Lomonosov Moscow State University]. Moscow. (In Russ.)
- Simjan, T.S. (2013). The problem of the manifesto as genre: genesis, interpretation of manifesto and function (approach to the problem). *Criticique and Semiotics*, (19), 130–148. (In Russ.)

- Svyatogor. (2017). Biocosmic poetics (Prologue and first degree). In Svyatogor, *Poetics. Biocosmism. (A)theology* (pp. 86–94). Moscow: Common Place Publ. (In Russ.)
- Tomashevskij, B.V. (1925). *Pushkin. Contemporary Problems of Historical and Literary Studies*. Leningrad: Kul'turno-Prosvetitel'noe Trudovoe Tovarishhestvo 'Obrazovanie' Publ. (In Russ.)
- Tsvigun, T.V., & Chernyakov, A.N. (2024). Avant-garde manifesto as an utterance. *The New Philological Bulletin*, (4), 57–67. (In Russ.) <https://doi.org/doi:10.54770/20729316-2024-4-57>
- Tsvigun, T.V., & Chernyakov, A.N. (2020). Pushkin as a personal myth of the Russian Avant-Garde. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 11(2), 69–79.

Сведения об авторах:

Овчаренко Алексей Юрьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 3. ORCID: 0000-0002-8544-5812. E-mail: ovcharenko_ayu@pfur.ru

Шапринская Елизавета Андреевна, лаборант кафедры русского языка и лингвокультурологии, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 3. ORCID: 0009-0004-6127-0116; SPIN-код: 7796-7778. E-mail: shaprinskaya_ea@pfur.ru

Bio notes:

Alexey Yu. Ovcharenko, Grand PhD in Philology, Professor at the Department for the Russian Language and Cultural Linguistics, Russian Language Institute, RUDN University, 10 Miklukho-Maklaya St, bldg 3, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8544-5812. E-mail: ovcharenko_ayu@pfur.ru

Elizaveta A. Shaprinskaya, Laboratory Assistant at the Department for the Russian Language and Cultural Linguistics, Russian Language Institute, RUDN University, 10 Miklukho-Maklaya St, bldg 3, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0004-6127-0116; SPIN-code: 4205-7783. E-mail: shaprinskaya_ea@pfur.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-750-759

EDN: PGZQXV

УДК 82-7

Научная статья / Research article

Особенности рецепции Пушкина в творчестве сатириконцев

Н.А. Карпов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

 n.karpov@mail.spbu.ru

Аннотация. Цель исследования – комплексное описание особенностей рецепции личности и творческого наследия А.С. Пушкина писателями-сатириконцами (А. Аверченко, Сашей Чёрным, Н. Тэффи, Дон-Аминадо, А. Буховым, В. Князевым, О. Дымовым) – участниками знаменитых журналов «Сатирикон» (1908–1914) и «Новый Сатирикон» (1913–1918). Выдвигается тезис о преимущественном осмыслении Пушкина сатириконцами в комической плоскости, что обусловлено свойствами юмористического дискурса. Упомянув имя русского классика, авторы используют приемы фарсового комизма и «комизма бессмыслицы», нагнетая многочисленные нелепости; используют средства черного юмора. При этом сама личность создателя «Евгения Онегина» и «Капитанской дочки» по сути оказывается для представителей «Сатирикона» вторичной: Пушкин превращается в знак, манифестирующий высшие достижения российской культуры и литературы. В этом плане обращение к Пушкину может вводить в текст и серьезные смыслы, основной функцией которых становится высвечивание пошлости обывательской жизни, глупости и бездарности современного «среднего» человека. В результате сделаны следующие выводы: рецепция фигуры Пушкина и пушкинского литературного наследия писателями-сатириконцами носила многогранный характер; преследуя смеховые задачи, представители знаменитого журнала включают имя Пушкина в круг «комизма бессмыслицы»; отсылки к Пушкину помогают резче высветить посредственность и убогость современной жизни, человека; особая функция аллюзий на пушкинское творчество обнаруживается в политической сатире этих писателей.

Ключевые слова: Пушкин, «Сатирикон», юмор, сатира, комическое, интертекстуальность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 сентября 2025 г.; отрецензирована 25 сентября 2025 г.; принята к публикации 2 октября 2025 г.

Для цитирования: Карпов Н.А. Особенности рецепции Пушкина в творчестве сатириконцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 750–759. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-750-759>

© Карпов Н.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Peculiarities of Responses to Pushkin in Works by the Satyrikonists

Nikolai A. Karpov

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ n.karpov@spbu.ru

Abstract. The aim of the study is describing the character of responses to A. S. Pushkin's personality and works by Satyrikon writers (A. Averchenko, Sasha Cherny, N. Teffi, Don-Aminado, A. Bukhov, V. Knyazev, O. Dymov) – participants of the famous journals *Satyrikon* (1908–1914) and *Noviy Satyrikon* (1913–1918). It is argued that the character of allusions to Pushkin by Satyrikonists is primarily comic, due to the demands of humorous discourse. Mentioning the name of the Russian classic, the authors use the techniques of farcical comedy and “nonsense comedy”, escalating numerous absurdities; sometimes they use the means of black humor. At the same time, the personality of the creator of *Eugene Onegin* and *The Captain's Daughter* turns out to be a secondary fact for these authors. Pushkin for them is rather a symbol manifesting high achievements of Russian culture and literature. In this regard, an appeal to Pushkin can introduce serious meanings into the text, and their major function is to highlight the vulgarity of everyday routine, the stupidity and mediocrity of the modern “every” man. The following conclusions were made as a result of the study: the reception of the figure of Pushkin and Pushkin's literary legacy by satirical writers was multifaceted; pursuing humorous goals, representatives of the famous journal include Pushkin's name in the circle of “the comic nonsense”; at the same time, references to Pushkin help them to highlight the mediocrity and wretchedness of modern life and man; a special function of allusions to Pushkin's work is revealed in these writers' political satire.

Keywords: Pushkin, “Satyrikon”, humor, satire, comic, intertextuality

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 5, 2025; revised September 25, 2025; accepted October 2, 2025.

For citation: Karpov, N.A. (2025). Peculiarities of Responses to Pushkin in Works by the Satyrikonists. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 750–759. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-750-759>

Введение

Рецепция творчества и личности А.С. Пушкина писателями-сатириконтцами, среди которых А. Аверченко, Саша Чёрный, Н. Тэффи, Дон-Аминадо, А. Бухов, В. Князев, О. Дымов, объемная и, пожалуй, недостаточно исследованная тема. Отдельные ее аспекты освещались в работах Д.А. Левицкого (1999, с. 246), О.Л. Фетисенко (1999, с. 73, 76), М.А. Жирковой (2008; 2023; Русским детям в эмиграции о Пушкине, 2024; С. Чёрный детям о великих людях России, 2024), С.С. Жданова (2016), Н.А. Карпова (2018, с. 189–190), В.Ю. Белоноговой (2024) и др.

При том что Пушкину, в отличие от Гоголя, не был посвящен специальный номер «Сатирикона», участники журнала регулярно обращались к пушкинской

фигуре и наследию. По самым приблизительным подсчетам количество разнообразных отсылок к Пушкину только в дореволюционный период превышает сотню. В самом общем виде можно утверждать, что освоение пушкинского наследия писателями-сатириконцами происходит в двух основных направлениях: сугубо комическом и более серьезном. Нередко эти две тенденции оказываются связаны, но если в период издания журналов «Сатирикон» (1908–1914) и «Новый Сатирикон» (1913–1918) превалирует юмористический пафос, то условно «серьезная» линия рецепции начинает четче вырисовываться уже после событий 1917 г.

Поскольку юмористический текст неизменно преследует смеховые задачи (творчество сатириконцев прежде всего апеллирует к традициям чистого юмора: они первые засмеялись простодушно, от всей души, весело и громко, как смеются дети (Куприн, 1925, с. 10)), к этим задачам подключается и уровень интертекста. По сути все интертекстуальные отсылки в таком типе дискурса, независимо от способа их оформления, работают на создание или усиление комического эффекта (Карпов, 2018, с. 199). Так функционируют многие пушкинские аллюзии в творчестве А. Аверченко («Приезжий Сельдьев» (1915), «Серёжкин рубль» (1915), «Хвост женщины» (1917), «Володька» (1920), «Шутка Мецената» (1924) и др.) или Дон-Аминадо («У Лукоморья дуб зеленый...» (1926), «Ход коня» (1926) и др.). Однако Пушкин в истории русской культуры все-таки особая фигура. Вплетаясь в комическое повествование, разнообразные пушкинские и «околопушкинские» мотивы могут приобретать и роли, отличные от сугубо смеховых.

Результаты и обсуждение

В первую очередь участники «Сатирикона» любят использовать приемы фарсового, буффонадного комизма, технику абсурда. Порой в самой биографии Пушкина, его образе жизни как будто находятся детали, дающие простор для развития бесчисленных комических ассоциаций. Таков, например, топоним «няня Пушкина».

Сама возможность упоминания о «няне» при разговоре о взрослом человеке уже включает в себе определенный комический потенциал, поскольку сталкивает антитетичные семантические составляющие: детское/взрослое, материнское/мужское и т.п. «Фуня познакомился с небезызвестным тогда в Гавани бондарем, Антоном Кобылою, и этот Кобыла своим опытом, советами, подобно няне Пушкина, направил энергию любознательного юноши на новый путь <...>», – читаем мы в монологе актера Ивана Лерского¹. В 1914 г. в «Сатириконе» уже после ухода из него Аркадия Аверченко за подписью Зеленый интеграл появилось «сочинение на тему» «Молодость хороша тем, что у нее есть будущее» – набор трюизмов о молодости и старости: «Великий русский поэт Пушкин обращается в лице молодости – к няне-старости <...>».

¹ Лерский И. Монолог // Сатирикон. 1910. 11 сентября. № 37. С. 5.

Автор написал стихотворение к „няне“, когда ему было 32 года (см. Незеленова). Таким образом, мы видим, что Пушкин в лице молодости был хорош своим будущим. Он мог жить в столичном городе и пользоваться всеми благами столичной жизни <...>. Что же ожидало в будущем дряхлую няню? Не сегодня, завтра она могла умереть. Няня в лице старости в противоположность молодости была не хороша своим будущим, что нельзя сказать об авторе вышеприведенного стихотворения, который, главным образом, был хорош именно своим будущим»².

Характерная черта юмористического дискурса – превалирование «общих» начал над «частными», приводящее к стиранию индивидуальных различий между изображаемыми явлениями (Карпов, 2018, с. 192). Поэтому в комическом нарративе сатириконец сама пушкинская личность, как правило, оказывается вторична. Пушкин «Сатирикона» – это культурный символ, встроенный, наряду с другими знаками культуры, в общую смеховую логику повествования, нагнетающего разного рода нелепости:

«Состоялось публичное заседание Академии наук под председательством Петра Зудотешина, на каковом заседании академик Поприщин прочитал отчет о 19-м присуждении премий имени Пушкина»³.

«<...> орангутанги, как и луна, делаются в Гамбурге, по справедливому замечанию Поприщина в „Записках из мертвого дома“, бр.<ата> известного камер-юнкера Пушкина, убитого на дуэли Мартыновым, о чем своевременно будет сделан доклад поэтом Н.М. Минским, которому Пушкин, умирая, подарил свою записную книжку <...>»⁴.

В стихию абсурда вовлекаются и пушкинские строки. Баллада «Утопленник» (1828) – вполне серьезный текст с мрачным мистическим колоритом, но его мотивы легко перекодируются на язык комического, порождая эффект черного юмора:

«Дыбин на мотив „По дорожке зимней, скучной“ пел пушкинские слова: „Прибежали в избу дети“. Особенное веселье и бешеная пляска шла под слова:

Безобразный, труп ужасный
Посинел и весь распух...

А после слов:

И в распухнувшее тело
Раки черные впились...

Я так развеселился, что сделал, к восторгу дам, замысловатое сальто-мортале»⁵.

Черный юмор высекает смешное из ужасного, резко сталкивая планы изображаемого (трагические события) и изображающего (их комическое освещение). Прием контраста, как известно, – одно из характерных средств создания

² Сатирикон. 1914. 15 марта. № 10. С. 3.

³ Чёрный С. Присуждение пушкинских премий в 1911 г. // Сатирикон. 1909. 14 ноября. № 46. С. 5.

⁴ Георгиевич Н. Театр // Сатирикон. 1914. 26 апреля. № 13. С. 8.

⁵ Аверченко А. Настоящие парни // Сатирикон. 1909. 15 марта. № 11. С. 7.

комического⁶. Вводя имя Пушкина, сатирик-онцы используют и контраст иного рода – между масштабностью фигуры национального гения и откровенной приземленностью изображаемой ситуации:

«31-е августа. Приходили мясник, зеленщик и молочник. Орали. Требовали чего-то. Чего – не мог понять. Впрочем, на всякий случай, приобрел Пушкина, Шиллера и Шекспира, в роскошных переплетах.

3-е сентября. Заткнул мяснику рот Шиллером, Пушкиным отбоярился от зеленщика, а Шекспиром удовлетворил молочника. Ушли сияющими»⁷.

Однако зачастую целиком комическим, казалось бы, эпизодам сообщается и оттенок серьезности. В «Сатириконе» № 20 за 1908 г. на одной полосе с рассказом А. Аверченко «Обманутая страдалница» находим анонимный рисунок, озаглавленный «Печальная неожиданность», с подписью под ним: «–“Смерть Пушкина”! [человек читает театральную афишу на столбе – *Н.К.*] Гм... умер-таки, бедняга!! Ведь вот, подишь ты... А еще на прошлой неделе я сочинения его покупал!»⁸. Обыватель, к сожалению, необразован, безграмотен. В целом ряде случаев за обыгрыванием «веселого» (если воспользоваться блоковской формулой) имени Пушкина скрываются глубокие смыслы: обращение к имени национального гения помогает сатирик-онцам еще резче обнажать бездарность, глупость, отсутствие эрудиции современного «среднего» человека. Пушкин воспринимается легковесно, поверхностно, подверстывается под потребности «толпы», глубинный смысл пушкинских произведений примитивизируется, цитаты из них коверкаются. Так, строки «незримый хранитель могущему дан»⁹ из «Песни о вещем Олеге» (1822) превращаются в «могу чемодан», как происходит в рассказе О. Дымова «Патрон»¹⁰. Пушкину приписываются строки других поэтов, или же строки Пушкина атрибутируются другим авторам, при этом незнание классика прикрывается мнимой начитанностью:

«Хотя поэт и говорил:

Тем низких истина дороже...

– но мы – прозаики...

– Поэт не так сказал, – возразил начинающий фельетонист.

Мне сделалось неловко.

– Какой поэт не так это сказал?

– Пушкин. Он сказал: “тьмы истин низких нам дороже...

Я фальшиво расхохотался.

⁶ Г. Спенсер, к примеру, утверждал: «Смех <...> естественно является только тогда, когда сознание неожиданно обращается от великого к мелкому <...>». См.: Спенсер Г. Физиология смеха. СПб. : Типография А.С. Суворова, 1881. С. 16; Степанова Н.Ю. Контраст как средство создания комического эффекта: лингвостилистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 213 с.

⁷ Князев В. Жизнь человеческая (Из дневника петербуржца) // Сатирикон. 1913. 20 сентября. № 38. С. 8.

⁸ Сатирикон. 1908. 23 августа. С. 3.

⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 2. Л. : Наука, 1977. 401 с.

¹⁰ Сатирикон. 1911. 5 марта. № 10. С. 10.

– Дорогой мой! Вы начинаете фельетонную карьеру, а эрудиция у вас самая нищенская. Действительно, Пушкин написал то, что вы сказали, но то, что я процитировал, это из американского поэта Уот Уитмана!»¹¹.

Нередко, снова пользуясь приемом контраста, сатириконицы обращаются к Пушкину, высмеивая эстетическую бездарность современных представителей искусства. А. Аверченко вел в «Сатириконе» рубрику «Почтовый ящик», где отвечал на письма читателей и убийственно иронизировал над присылаемыми в редакцию сочинениями:

«Астрахань. – Светляку. – Вы спрашиваете: как надо писать, чтобы Ваши стихи печатали в „Сатириконе“? Попробуйте писать гусиным пером. Пушкин им писал, и у него очень складно выходило»¹².

«Белая. – В. Я. – Ваше стихотворение „Любовь“ было напечатано в „Киев. П.“ – зачем же оно нам? Уж лучше пришлите что-нибудь из Пушкина»¹³.

Величие Пушкина резко контрастирует с серостью и пошлостью современной жизни, косностью обывательского быта. Такого рода мотивы возникают, к примеру, в лирике Саши Чёрного (А. Гликберга) – одного из самых талантливых представителей плеяды сатириконцев. В 1909 г. в «Сатириконе» было опубликовано его стихотворение «Провинция» (позднее оно перепечатывалось под названием «Ранним утром» в составе цикла «Провинция» (Иванов 2007, с. 421)):

Утро. В парке – песнь кукушкина.
Заперт сельтерский киоск.
Рядом – памятник Пушкина,
У подножья – пьяный – в лоск...¹⁴

В этой забытой Богом глуши даже монумент выдающемуся поэту – не памятник, а «памятникчик». Однако Пушкин неизменно остается духовным ориентиром для самого автора:

Есть горячее солнце, наивные дети.
Драгоценная радость мелодий и книг.
Если нет – то ведь были, ведь были на свете
И Бетховен, и Пушкин, и Гейне, и Григ...¹⁵

Грустная ирония, в которую погружает читателя «Сатирикон», состоит в том, что к глубокому восприятию пушкинского гения не способен не только средний житель мира или писатель-графоман. Фактически все русское общество утратило понимание великого поэта, включая представителей самой пушкинистики. За сухими фактами и научными интерпретациями не видно живого Пушкина. В «Сатириконе» № 6 за 1912 г. встречаем большую рубрику «Пушкин с примечаниями» О.Л. Д’Ора (Оршера), по-видимому, приуроченную к 75-летней годовщине со дня гибели Александра Сергеевича:

¹¹ М. [А. Аверченко] Куски жизни, грубой и бледной // Сатирикон. 1909. 27 июня. № 26. С. 2.

¹² Сатирикон. 1909. 11 апреля. № 15. С. 9.

¹³ Сатирикон. 1913. 26 июля. № 30. С. 11.

¹⁴ Чёрный С. Провинция // Сатирикон. 1909. 15 августа. № 3. С. 2.

¹⁵ Чёрный С. Больному // Сатирикон. 1910. 29 мая. № 22. С. 3.

«Нет больше Пушкина, есть только „примечания“. Вот в каком виде напечатано известное стихотворение Пушкина „Брожу ли я вдоль улиц шумных“ в III томе его сочинений, „в самом дополненнейшем“ издании¹⁶:

Брожу ли (я) вдоль улиц шумных.

Примечание 1. Нас всегда удивляло это странное слово „брожу“. „Брожу“ происходит, очевидно, от глагола бродить. Бродить же можно только в воде, а где улицы и где вода? Ясно, что тут было недоразумение. Мы это чувствовали и не успокоились до тех пор, пока нам не удалось обнаружить истину. Недавно под развалинами Помпеи при раскопках нашли новую рукопись Пушкина, из которой явствует, что знаменитое стихотворение начинается не словом „брожу“, а „брежу“, что вполне понятно. Надо поэтому читать так: „Брежу ли (я) вдоль улиц шумных“. Слово „я“ мы заключили в скобки, как одну из неправильностей пушкинского языка.

С. А. Венгеров¹⁷».

Здесь всецело царствует стихия «комизма бессмыслицы» (Слонимский, 1923, с. 33), мастерами которого были сатириконтцы. Но иногда за буффонадой скрывается печальная усмешка. «Примечания пушкинистов» – это, конечно, плод фантазии, однако оказывается, что даже, к примеру, такой умнейший критик, как В.В. Розанов в статье «Возврат к Пушкину» (1912) невольно искажает текст «Сцены из Фауста» (1825), что вызывает настоящее негодование со стороны А. Аверченко: «По Розанову: „К чему эта задумчивость до чахотки у Немца:

...ты думаешь тогда,
Когда не думает никто”.

А в „подлиннике“ так:

„И знаешь ли, философ мой,
Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто?“

Требую, чтобы другие знали Пушкина от „доски до доски“, Розанов сам, вероятно, кроме одной доски с надписью: „Сочинения А.С. Пушкина“ – ничего из Пушкина не знает¹⁸. Подобный упрек, конечно, несправедлив, но здесь важна сама позиция создателя «Сатириконт», осознающего себя хранителем пушкинского наследия.

Хотя «Сатирикон» был в большей степени юмористическим журналом, нежели в точном смысле слова сатирическим, все-таки острая политическая сатира, обращенная в современность, занимала на его страницах довольно значительное место (Евстигнеева, 1968, с. 26–83). Пушкинские мотивы использовались авторами в политическом контексте, возможно, не столь часто, но все же такие случаи были. Так, в «Сатириконт» № 10 (спецномер) за 1913 г.

¹⁶ Судя по всему, имеется в виду издание: *Пушкин А.С. Собрание сочинений* : в 6 томах / под ред. проф. С.А. Венгерова. Петербург : Издание Брокгауз-Ефрон, 1907–1915. Стихотворение «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829) было напечатано в третьем томе.

¹⁷ Сатирикон. 1912. 3 февраля. № 6. С. 5. Здесь и далее курсив автора – *Н.К.*

¹⁸ *Аверченко А. Перья из хвоста // Сатирикон. 1912. 17 февраля. № 8. С. 5.*

была опубликована стихотворная сказка Е. Венского (Пяткина) «У разбитого корыта». Здесь известный образ из «Сказки о рыбаке и рыбке» (1833) отражает крах надежд русской интеллигенции на социальные изменения, утрату веры в победу первой русской революции. После поражения революции сочинения Пушкина немедленно следует изъять как неблагонадежные: «А почему такое – в обращении до сих пор сочинения арапа Петра Великого жиды Пушкина, противоречащие творению отцов церкви. Эй, вы, господа министры! Чтобы этого у меня не было»¹⁹.

Имя Пушкина появляется и в устах одного из самых непримиримых сатириков журнала – Красного (К.М. Антипова). В «Сатириконе» № 40 за 1911 г. появилось стихотворение Красного, отсылающее к пушкинскому отрывку «Пред испанкой благородной...» (1830):

Пред загадочным премьером²⁰
Патриотов шумный рой:
Все лакеи по манерам,
Люд с известным глазомером
И идейною игрой.
Все – вожди лихого сброда,
Все поддержку масс сулят,
Все от имени народа
Без зазрения говорят...²¹

Функция пушкинского интертекста здесь очевидна: как рыцари гордятся собой, мечтая, что прелестная испанка обратит на них внимание, так и современные патриоты расхваливают себя, стремясь понравиться народу. А немного ранее, в № 9 за 1908 г., было напечатано стихотворение Красного «Политическая лирика», первые строки которого представляют собой пастиширование пушкинского «Демона» (1823), направленное в политическую плоскость:

*В те дни, когда мне были новы
Все впечатления свобод,
И сходок шум, и стяг багровый,
И гордо-радостный народ.
В те дни на митингах народных,
Дыша и верой, и войной
Во всеоружьи грез свободных
Вы [то есть лирическая героиня, «эсерка» – Н.К.] появлялись предо мной²².*

С оригиналом этот текст объединяет лишь общий мотив разочарования в былых возвышенных идеалах. Обращение к Пушкину здесь снова, скорее, не цель, а элемент игры с культурной традицией и одновременно средство привлечения читательского внимания.

¹⁹ Сатирикон. 1913. 8 марта. № 10. С. 3.

²⁰ Имеется в виду новый премьер-министр России В.Н. Коковцов, сменивший убитого в сентябре 1911 г. П.А. Столыпина.

²¹ Красный. Пред загадочным премьером... // Сатирикон. 1911. 30 сентября. № 40. С. 3.

²² Красный. Политическая лирика // Сатирикон. 1908. № 9. С. 7.

Заключение

Как видите, рецепция фигуры Пушкина и пушкинского литературного наследия писателями-сатириками носила многогранный характер. С одной стороны, преследуя смеховые задачи, представители знаменитого журнала обращаются к различным средствам комического – «комизму бессмыслицы», «черному юмору» и т.п. В то же время смех авторов «Сатирикона» приобретает серьезный, подчас грустный оттенок: отсылки к Пушкину помогают резче высветить посредственность и убогость современной жизни, в которой всюду «одинаковость сереньких масок / От гения до лошадей»²³. Отдельного внимания заслуживает исследование структуры и функций интертекстуальных перекличек с пушкинскими произведениями, в частности использование пушкинского текста в пародиях и пастихах сатириковцев.

Список литературы

- Белоногова В. Ю. Надежда Тэффи о «возвышающем обмане»: к вопросу о пушкинских перекличках из русского зарубежья // Болдинские чтения 2024. Нижний Новгород : ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 141–149. EDN: LEDPUS
- Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М. : Наука, 1968. 456 с.
- Жданов С.С. Гетевские образы в произведениях Саши Чёрного // Вестник СГУГиТ (Сибирского государственного университета геосистем и технологий). 2016. № 2(34). С. 203–214.
- Жиркова М.А. Восприятие образа Татьяны Лариной героями литературы XX века в рассказе Саши Чёрного «Буба» // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 3. С. 55–60.
- Жиркова М.А. «Румяная моя судьба»: литературные прообразы героини «Московского случая» Саши Чёрного // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2008. Т. 182. С. 20–28.
- Жиркова М.А. Русским детям в эмиграции о Пушкине (стихотворение Саши Чёрного «Няня Пушкина») // Пушкинские чтения – 2024. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст : материалы XXIX Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 6–7 июня 2024 г. / отв. ред. проф. Т.В. Мальцева. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2024. С. 61–66. EDN: BZPUKL
- Жиркова М.А. С. Чёрный детям о великих людях России: образ Петра I в стихотворении «Станный царь» // Русская классическая и неклассическая литература: текст, контекст, рецепция : сборник статей Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д-ра филол. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владимира Вениаминовича Агеносова, Ярославль, 23–25 ноября 2023 г. / отв. ред. Т.Г. Кучина, А.С. Бокарев, М.Ю. Егоров. Ярославль : Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2024. С. 305–310.
- Иванов А. С. Комментарий // Саша Чёрный. Собрание сочинений : в 5 томах. Т. 1. М. : Эллис Лак, 2007. С. 389–453.
- Карпов Н.А. Интертекстуальность в романе А. Аверченко «Шутка Мецената» // Интертекстуальный анализ: принципы и границы сборник научных статей / под ред. А.А. Карпова, А.Д. Степанова. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2018. С. 186–199.
- Куприн А.И. Аверченко и «Сатирикон» // Сегодня (Рига). 1925. 29 марта. № 72. С. 10.

²³ Чёрный С. Собрание сочинений : в 5 томах. Т. 1. М. : Эллис Лак, 2007. С. 51.

Левицкий Д.А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М. : Русский путь, 1999. 552 с.

Слонимский А. Техника комического у Гоголя. Петроград : Academia, 1923. 65 с.

Фетисенко О. Л. «Авантюрный роман» Тэффи как роман-миф // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века / редкол. О.Н. Михайлов, Д.Д. Николаев, Е.М. Трубилова. М. : Наследие, 1999. С. 69–82.

Сведения об авторе:

Карпов Николай Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9. ORCID: 0000-0002-5907-3058; SPIN-код: 9461-5834. E-mail: n.karpov@mail.spbu.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-760-770

EDN: PVDMCF

УДК 82-7

Научная статья / Research article

Булгаковский код пушкинианы Александра Галича

М.А. Александрова

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия*
✉ nam-s-toboi@mail.ru

Аннотация. Цель – описание способов трансформации булгаковских смыслов, заложенных в отсылках А. Галича к личности и творчеству А.С. Пушкина. Булгаковский код произведений, так или иначе соотнесенных в творчестве А. Галича с А.С. Пушкиным, до сих пор не становился предметом специального литературоведческого исследования. Прослежены способы вхождения разновременных булгаковских впечатлений Галича в произведения зрелого периода (автобиографическую повесть «Генеральная репетиция», стихотворения «Занялись пожары», «Опыт отчаяния», «Опыт ностальгии»). Проанализировано концептуальное значение реминисценций из булгаковской пьесы о Пушкине, романа «Мастер и Маргарита», а также кодирующая функция цитаты из ахматовской эпитафии Булгакову. Особое внимание уделено отклику Галича на коллизию, воплощенную в образе Мастера. Доказано, что если Булгаков наделил романного двойника своим творческим максимализмом и своей человеческой слабостью, то Галич перенес внимание с обстоятельств непреодолимой силы на личное несовершенство; усугублению чувства вины служит апелляция к идеальной судьбе – пушкинской. В результате исследования сделаны следующие выводы: актуализация пушкинского мифа в творчестве Галича определяется убеждением в неповторимости идеального пути поэта, при этом пушкинский инвариант воспринимается как категорический императив; прочитывая собственную судьбу по булгаковскому коду, Галич обретал возможность подняться над эмпирикой и, трактуя пережитое универсальным образом, снова и снова восстанавливать связь с олицетворенным в Пушкине идеалом; в рецепции Галича булгаковская «нераздельность-неслиянность» мифа пушкинского и мифа евангельского оказалась творчески продуктивным противоречием.

Ключевые слова: А. Галич, пушкинский миф, булгаковский миф, рецепция, код, реминисценция, цитата

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-28-01320.

© Александрова М.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 30 августа 2025 г.; отрецензирована 20 сентября 2025 г.; принята к публикации 22 сентября 2025 г.

Для цитирования: Александрова М.А. Булгаковский код пушкинианы Александра Галича // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 760–770. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-760-770>

The Bulgakovian Code of Alexander Galich's Pushkiniana

Maria A. Aleksandrova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ nam-s-toboi@mail.ru

Abstract. The objective is to describe the ways in which Bulgakov's meanings are transformed, as implied in A. Galich's references to the personality and works of A.S. Pushkin. The Bulgakov code of works, in one way or another correlated with Pushkin in Galich's work, has not yet become the subject of a special research. The study traces forms of actualization of Bulgakovian impressions at different stages of Galich's life as they are reflected in his mature works – the autobiographical novel *Dress Rehearsal* (“General'naya repetitsiya”) and the poems *The Fires Have Broken Out* (“Zanyalis' pozhary”), *Experience of Despair* (“Opyt otchayaniya”), and *Experience of Nostalgia* (“Opyt nostal'gii”). Analyzing the conceptual significance of reminiscences from Bulgakov's play about Pushkin and from *The Master and Margarita*, it focuses on the encoding function of a quotation from Anna Akhmatova's epitaph for Bulgakov. Particular attention is paid to Galich's response to the collision embodied in the figure of the Master: Bulgakov endowed his fictional Doppelganger with his own creative maximalism and human frailty, whereas Galich shifted the emphasis from circumstances of irresistible force to personal imperfection. The poet perceives Pushkin's ideal fate as a reproach. The conclusions of the research suggest that: actualization of the Pushkin myth of in Galich's work is based on the conviction of the uniqueness of the poet's ideal path, with the Pushkin invariant functioning as an imperative; by interpreting his own destiny through the Bulgakovian code of the Pushkin myth, Galich was able to transcend empirical experience and, by universalizing his personal trials, repeatedly re-establish a connection with the ideal, embodied in Pushkin; in Galich's reception, Bulgakov's principle of the “indivisible yet unmerged” relationship between the Pushkinian and the Gospel myths emerged as a productively creative contradiction.

Keywords: A. Galich, the myth of Pushkin, the myth of Bulgakov, reception, code, reminiscence, quotation

Conflicts of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

Founding. This research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, grant No. 25-28-01320.

Article history: submitted August 30, 2025; revised September 20, 2025; accepted September 22, 2025.

For citation: Aleksandrova, M.A. (2025). The Bulgakovian Code of Alexander Galich's Pushkiniana. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 760–770. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-760-770>

Введение

Подлинно творческая актуализация пушкинского мифа в XX ст. неизбежно сопрягала образ *поэта поэтов* с драмами и трагедиями современности. В особом положении оказывались художники, для которых «мифологизированный „пушкинский текст“» (собственно тексты, биографические сюжеты, топосы) становился «измерителем» персонального мифа (Шатин, 2000, с. 235–236). Подобная мифотворческая установка дерзновенна по определению, даже при условии соблюдения сакральной дистанции. Вполне это сознавая, Галич избегал и символических жестов в духе блоковского *дай нам руку в непогоду*, и таких традиционных приемов, как «разговор с памятником» или визионерская «встреча» с живым поэтом. Внимание к опыту Булгакова, чей диалог с Пушкиным определяли не менее строгие самоограничения, было для Галича закономерным.

Рецепция пушкинианы Булгакова выразилась целой системой реминисценций и (что особенно важно) кодированием позиции лирического героя Галича отсылками к образу Мастера – фигуре заведомо негероической, но соотнесенной призыванием *говорить правду* с Иешуа и Пушкиным. Таким образом, нам предстоит осмыслить высказывания Галича о принципиальных основах своего творческого поведения.

Булгаковский Пушкин vs «наш Пушкин» в контексте ранних впечатлений Галича

Редакционная статья газеты «Правда» 10 февраля 1937 г. воспроизвела тезисы книги В.Я. Кирпотина «Наследие Пушкина и коммунизм» (1936), чем «окончательно определила место Пушкина в советской иерархии» (Дружинин, 2012, с. 233): «Пушкин целиком наш, советский, ибо советская власть унаследовала все, что есть лучшего в нашем народе, и сама она есть осуществление лучших чаяний народных». Советизация классика потребовала борьбы с его «фальсификаторами». «Покушение на Пушкина», «В защиту Пушкина» – типичные заглавия погромных статей. «Из Пушкина, бедного свободолюбца, – констатировала О.М. Фрейденберг в 1949 г., – сделали государственно-полицейское пугало» (Дружинин, 2012, с. 118).

Изнанка государственного пушкинизма открывалась в полуофициальном жанре «доверительной беседы». Накануне очередной юбилейной даты (в апреле 1949 г.) крупный литературный чиновник втолковывал подопечным, «у кого должен современный поэт черпать свое вдохновение, с кого брать пример»: «Пушкин очень многогранен, и еще надо рассмотреть, что нам подходит и что нет»¹ (Шапорина, 2011, с. 124). Подобное мог слышать в 1940 гг. и Галич, принятый в Союз советских писателей много позже, но бывавший на писательских собраниях. Наконец, всем были известны мрачные анекдоты на тему «если бы Пушкин жил в наше время».

¹ Курсив в цитатах авторский – М.А.

Грандиозный по затратам «юбилей смерти» не оправдал расчета на появление великой, конгениальной классики советской пушкинианы (Платт, 2017, с. 210). Творческую несостоятельность служителей официального культа подтвердило празднование 150-летия со дня рождения Пушкина. Тем ярче выделялась на общем фоне неопубликованная пьеса Булгакова «Александр Пушкин», легализованная МХАТом под названием «Последние дни» (1943). Галич наверняка видел спектакль и в премьерный сезон (поскольку весной 1943 г. вместе с фронтовой труппой вернулся в Москву), и позднее, когда охранительные меры властей лишь усилили зрительский интерес к единственной на всю страну постановке: театру (сетовала Е.С. Булгакова в 1946 г.) запрещалось играть «Последние дни» чаще двух-трех раз в месяц.

Для реконструкции ранних впечатлений Галича необходимо напомнить об умении Булгакова ставить на службу собственному замыслу «общие места» предшествующей и современной литературы (Петровский, 2008, с. 194). Такова коллизия «Пушкин и самодержец», внешним образом отвечавшая советской модели, но выражавшая конфликт универсальный: «История последних дней поэта в пьесе Булгакова непрерывно подсвечивается легендой о последних днях Христа» (Петровский, 2008, с. 157), что достигнуто целым рядом параллелей с евангельским рассказом и цитированием стихотворения «Мирская власть», организующим «драматический центр» сюжета (Петровский, 2008, с. 157). Масштаб обобщения усиливал злободневность звучания.

Разумеется, булгаковская концепция была доступна восприятию молодой театральной аудитории, включая Галича, не во всем смысловом объеме: сказывалось как отлучение первого советского поколения от Библии (позднее будет сказано: «Всё путаем Ветхий и Новый Завет...»²), так и целенаправленное воспитание публики на исторических аллегориях, исключавших свободные ассоциации. Тем не менее еретическая многозначность творения Булгакова стала фактом культуры. Проведенная на сцену в обстоятельствах временных цензурных послаблений, пьеса о гибели Пушкина неизбежно вступала в резонанс с памятью о жертвах тридцатых годов и с трагедиями послевоенного мрачного семилетия.

Встреча с булгаковским Пушкиным пришлась на время выхода Галича из той искусственной изоляции от реальности, какой была сначала учеба в Оперно-драматической студии К.С. Станиславского («Сокрушительные события этих страшных лет не имели, казалось, к нам, студийцам, ни малейшего отношения»³), затем работа в экспериментальной студии А. Арбузова и В. Плучека («...мы только думали, что живем современностью, <...> мы ее конструировали» (1974, с. 79)). Гражданская казнь Анны Ахматовой в первый послевоенный

² Стихи Галича цитируются по наиболее авторитетному посмертному изданию: *Галич А. Облака плывут, облака : Песни, стихотворения / сост. А. Костромин. М. : Локид; ЭКСМО-Пресс. С. 459. Далее в скобках указываем год и номер страницы.*

³ Автобиографическая повесть Галича цитируется по первому изданию: *Галич А. Генеральная репетиция. Frankfurt/Main : Possev-Verlag, 1974. С. 77. Далее в скобках указываем год и номер страницы.*

год уже не могла восприниматься отвлеченно; ведь совсем недавно (в 1942 г.) Саша Гинзбург был представлен великой современнице, читал ей свои стихи, принятые благосклонно и вызвавшие ответный жест доверия: «Послушав мальчика, она <...> стала читать ему „Поэму без героя“» (Чуковская, 1997, с. 422–423). С актером и режиссером С. Михоэлсом, с поэтом П. Маркишем Галич виделся накануне расправы над ними, впервые ощутив личную причастность трагедии (1974, с. 173–174). Эти переживания будили исторические «рифмы», что позднее, в шестидесятые годы, послужит формированию трагического мифа о художнике.

Список жертв кампании против «безродных космополитов» вполне мог пополнить и Галич; символично, что одну из его комедий клеймил за безыдейность и «эстетство» тот самый наставник писателей (см.: Аронов, 2012, с. 71–72), которому был подозрителен Пушкин. Именно тогда Галич сделал первый ответственный творческий шаг – «написал лучшую свою пьесу „Матросская тишина“ и, не в силах поставить ее на сцене, стал читать по домам», что по тем временам было «опаснее вольнолюбивой гитары поры оттепели и застоя» (Нагибин, 1996, с. 593). Признавая впоследствии идеологическую наивность этой вещи, Галич считал ее важным жизненным этапом: то был некий опыт готовности оправдать слово – судьбой. Сущность раннего испытания выражена названием автобиографической повести, завершенной перед эмиграцией: «Генеральная репетиция».

Образ Пушкина в «Генеральной репетиции»: «булгаковский» ракурс

Жизненный путь, возвысивший Галича до большого поэта и советского изгоя, размечен в повести прежде всего пушкинскими вехами, тогда как булгаковские впечатления чаще предстают растворенными в культурном опыте. Наряду с прямыми отсылками к «Театральному роману», сопровождающими воспоминания о Станиславском, возникают содержательно-стилевые отзвуки «Мастера и Маргариты», которые вряд ли были отрефлексированы. Так, Лия Канторович, красавица с Патриарших прудов, загадочно взрослая ровесница инфантильного Я-персонажа – образ, функционально соединяющий Маргариту в статусе требовательной музы и Мастера в роли судьи мертворожденного слова⁴. Одинокая среди экзальтированной публики спектакля «Город на заре», «*неправдоподобно* красивая и грустная», Лия отрезвляет Сашу Гинзбурга истинно булгаковским жестом: «Мне не понравилось, как ты играешь! <...> Как ты можешь – такое играть?!» (1974, с. 181).

Выстраивая пушкинский пласт «Генеральной репетиции», Галич исподволь проводит мысль о направляющей руке судьбы. Сообщая, как «*всю жизнь почему-то* чрезвычайно гордился <...> *случайным совпадением*» даты своего рождения с днем открытия Царскосельского лицея (1974, с. 83), он самим же-

⁴ Благодарю Л.Ю. Большухина, поделившегося со мной этим наблюдением.

стом недоумения делает случайность многозначительной. Та же интенция проступает в рассказе о доме детства – московском особняке Веневитинова, где 12 октября 1826 г. Пушкин читал «Бориса Годунова». Хранимая историческим местом память ожила 24 октября (по новому стилю) 1926 г., когда в честь столетия пушкинского чтения брат отца Л.С. Гинзбург устроил вместе с коллегами-пушкинистами литературно-театральный праздник: «Дом ожидал чуда – и все это понимали, а я, как мне казалось, понимал с особенной страстной отчетливостью» (1974, с. 65). Образ воспоминания несет такую эмоциональную энергию, что неизбежно становится предвосхищением не только детских, но и позднейших жизненных открытий; фактически это ретроспективное пророчество – акт осознания судьбы, которому созвучен кульминационный монолог: «У моей России вывороченные негритянские губы, синие ногти и курчавые волосы – и от этой России меня отлучить нельзя, никакая сила не может заставить меня с нею расстаться» (1974, с. 194).

Безымянный лик – единственный в творчестве Галича портрет Пушкина. Даже в цикле «Александрийские песни», посвященном трем Александрам – Полежаеву, Блоку, Вертинскому, их великий тезка лишь подразумевается. Что обусловило непрямой способ воссоздания главной фигуры личного пантеона?

В своем пушкинианстве Галич близок автору «безгеройной» пьесы о Пушкине: «Пушкина Булгаков исповедовал религиозно» (Петровский, 2008, с. 64), а потому его физическое присутствие на сцене считал невозможным. Отмечалось, что такой «„целомудренный“» подход к образу Пушкина сродни подходу поэтическому, лирическому», традиционно избегающему «конкретики, которая могла бы <...> выглядеть снижающей» (Кормилов, 2004, с. 25). Этот тезис справедлив лишь отчасти. Статус сакральной фигуры обоснован в пьесе Булгакова способом «от обратного», с использованием вещественно-телесных деталей гротескного характера; именно их антиканоничность стимулировала творческое воображение Галича.

Драматург наделил правом участвовать в портретировании внесценического героя ненавистников «арапа»: «...кто этот черный стоит у колонны?»; «...стоит у колонны в каком-то канальском фрачишке, волосы всклоченные, а глаза горят, как у волка»; «У меня до сих пор в памяти лицо с оскаленными зубами»⁵. «Деформация» облика происходит в накаленной атмосфере последних дней поэта. Галич, утрирующий негроидные черты Пушкина, куда ближе к булгаковскому видению, чем, например, к восторгу Цветаевой перед «черным божеством» в эссе «Мой Пушкин». От портрета, нарисованного Галичем, веет финальной трагедией.

Продолжение монолога о *моей России*, с одной стороны, эксплицирует тему смерти поэта, а с другой – меняет стилиевой регистр; тем самым дополнительно оттенен трагически-гротескный рисунок пушкинского образа: «У моей России вывороченные негритянские губы, синие ногти и курчавые волосы – и от этой России меня отлучить нельзя, никакая сила не может заставить меня с нею

⁵ Булгаков М.А. Драммы и комедии. М. : Искусство, 1965. С. 365, 369, 386.

расстаться... <...> И нельзя отлучить меня от России, у которой угрюмое мальчишеское лицо и прекрасные – печальные и нежные – глаза говорят, что предки этого мальчика были выходцами из Шотландии, а сейчас он лежит – убитый – и накрытый шинелью – у подножия горы Машук, и неистовая гроза раскатывается над ним, и до самых своих последних дней я буду слышать его внезапный, уже смертный – уже оттуда – вздох» (1974, с. 194). Смерть Лермонтова (говоря словами пушкинской эпитафии Грибоедову) *не имела ничего ужасного, ничего томительного*. Напротив, Пушкин вынес мучения, запечатлеть которые «художественно» практически невозможно. Сделать это удалось, пожалуй, только Булгакову.

Конкретизировать связь между булгаковским Пушкиным и образом Пушкина в «Генеральной репетиции» позволяет самый неожиданный элемент портрета – *синие ногти*. Мифологему «Пушкин-африканец» актуализирует художник, наделенный акмеистической зоркостью, упомянувший в «Салонном романсе» *лилового негра* из песни Вертинского. Эпитет *лиловый* трансформируется в *синий*, который – благодаря акценту на руках – включается в тему мученической смерти. Внутреннюю логику образа проясняет последний акт булгаковской пьесы.

Для Булгакова характерно изображение героев-писателей с помощью единичных деталей, извлеченных из массы сохранных мемуаристами подробностей (Белобровцева, Кулюс, 2000). Руки Пушкина часто упоминаются свидетелями его последних дней: В.И. Даль часами держал страдальца за руку; А.И. Тургенев видел Пушкина с конвульсивно сжатыми кулаками; врачи считали пульс и т.п. Трансформируя повторяющуюся деталь, Булгаков отталкивается от эпизода воспоминаний Даля, где Пушкин отвечает на совет не стыдиться боли своей, стонать: «Нет, не надо стонать; жена услышит; и смешно же, чтоб этот вздор меня пересилил; не хочу»⁶. Волевое усилие передано драматургом через физически ощутимый жест, страшный даже в рассказе постороннего: «Да, трудно помирал. <...> Да, *руки закусывал, чтобы не крикнуть*, жена чтобы не услышала. А потом стих»⁷. Галич, чей монолог о гибнущих поэтах подобен стихотворению в прозе, детализирует портрет Пушкина еще скупее, чем Булгаков, но руки мученика – *руки с синими ногтями* – остаются неотъемлемой частью образа.

В самой писательской позиции автора «Генеральной репетиции» неизбежно воспроизводится булгаковский «прототип»: трагический образ Пушкина создает художник, отданный на расправу новейшей привилегированной черни. Повторилась на новом историческом витке и предубежденность советской власти против «главного классика»: «...безошибочным тайным инстинктом она в нем чувствовала врага»⁸, о чем уже не стеснялась заявлять («Что? Пьеса о Пушкине? Его сопоставят с Солженицыным»⁹).

⁶ Вересаев В.В. Дуэль и смерть Пушкина. М. : Акц. издат. о-во «Огонек», 1927. С. 36.

⁷ Булгаков М.А. Драммы и комедии. М. : Искусство, 1965. С. 411.

⁸ Зорин Л. Авансцена : Мемуарный роман. М. : Слово/Slovo, 1997. С. 311.

⁹ Там же. С. 310.

Воспоминания Л.Г. Зорина показательно соединили Галича и Булгакова на фоне Пушкина. Прочитав новую пьесу коллеги, Галич не мог скрыть волнения: «Я догадывался – и с основанием – одиночество моего героя вызвало в нем ответный отклик. При всем величии имени Пушкина вряд ли он мог не прочертить горьких и лестных параллелей – *хоть для минутного ободрения* – с собственной тягостной повседневностью»¹⁰. И далее: «Галича я знал много лет, застал его веселую пору – красивый, яркий, любящий жизнь во всех ее бытовых проявлениях (*чисто булгаковская черта!*)», он «решительно переломил судьбу. Возможно, это не слишком точно – судьба переломила его. Дар оказался сильнее наклонностей, сильнее столичного гедонизма, дар подчинил своего хозяина (*я снова вспоминаю Булгакова*)»¹¹. Не исключено, что мемуарный этюд вобрал отголоски разговоров с Галичем о Булгакове, чья биографическая легенда издавна жила в мире театра, а к началу семидесятых годов переросла в полноценный литературный миф.

Лирический герой Галича в свете пушкинского абсолюта: «булгаковская» коллизия

Если легенда, относящаяся к области единичного, «лишена законодательных полномочий мифа» (Виролайнен, 1995, с. 332–333), то булгаковский миф уже на раннем этапе бытования явил свою нормативность, кодируя автоинтерпретации. Едва ли не первый пример такого рода – лирика Галича.

Непосредственным импульсом для поэта стало стихотворение Ахматовой «Памяти М. Б-ва» (1940), впервые напечатанное в год воскрешения «Мастера и Маргариты»: «Вот это я тебе, взамен могильных роз, / Взамен кадильного куренья; / Ты так сурово жил и *до конца донес / Великолепное презренье*»¹². Подхватив тему достоинства, сохраняемого *до конца*, Галич акцентировал связь с ахматовской эпитафией Булгакову дважды, что делает кодирующую функцию цитаты особенно наглядной. В «Опыте отчаянья» (1972) и в «Опыте ностальгии» (1973?) сохранена рифменная позиция слова *презренье* и его связь с темой смерти:

И нет ни мрака, ни прозренья,
И ты не жив и не убит.
И только рад, что есть – *презренье*,
Надежный лекарь всех обид (1999, с. 392).

Презренье, презренье, презренье
Дано нам, как новое зренье
И пропуск в *грядущий покой!* (1999, с. 423–424)

¹⁰ Зорин Л. Авансцена : Мемуарный роман. М. : Слово/Slovo, 1997. С. 304.

¹¹ Там же.

¹² Ахматова А. Памяти М. Б-ва // День поэзии. Л. : Советский писатель, 1966. С. 50.

Стихотворение «Занялись пожары» соединяет природные бедствия лета 1972-го с концом земной жизни Мастера и Маргариты, оставляющих за спиной апокалиптический огонь:

Отравленный ветер гудит и дурит
Которые сутки подряд.
А мы утешаем своих Маргарит,
Что рукописи не горят!
А мы утешаем своих Маргарит,
Что – просто – *земля под ногами горит...* (1999, с. 379)

Предотъездная лирика Галича, лирика самоотчета, закономерно соединяет булгаковскую и пушкинскую «линии». В пушкинском контексте заново поставлен вопрос о художнике, который служил истине, но *не заслужил света*.

Эмиграция, спасавшая от ареста, манившая счастьем увидеть свое слово напечатанным, в поэтической рефлексии представляла вовсе не новой жизнью, а бытием потусторонним; об этом внятно говорит метафора *грядущего покоя*. В лирической рецепции предельно заострена коллизия, олицетворенная Мастером: сохранявший достоинство художника из последних сил Булгаков наделил двойника своим творческим максимализмом и своей человеческой слабостью. Поверяя трагедией Булгакова-Мастера собственную участь, Галич перенес внимание с обстоятельств непреодолимой силы на личное несовершенство. Чувство вины усугублялось апелляцией к идеальной судьбе, о которой гласит предпосланный «Опыту ностальгии» эпитаф:

...Когда переезжали через Неву, Пушкин шутливо спросил:
– Уж не в крепость ли ты меня везешь?
– Нет, – ответил Данзас, – просто *через крепость на Черную речку самая близкая дорога!* (1999, с. 421)

Второй эпитаф (видоизмененная цитата из пастернаковской «Зимней ночи») приближал событие пушкинской дуэли к настоящему времени: «...*То было в прошлом феврале, / И то и дело / Свеча горела на столе...*» (1999, с. 421); третий – «заклинательное» двустилие из стихотворения Ахматовой «В детской», беспомощный жест, переадресованный спешащему к цели поэту. Связь этой триады с личной темой выясняется по мере движения лирического сюжета.

Обуздывая тоску разлуки, поэт напоминает себе о главной утрате, грозящей под властью государственных «волков» каждому носителю творческого дара:

Как каменный лес, онемело,
Стоим мы на том рубеже,
Где тело – как будто не тело,
Где слово – не только не дело,
Но даже не слово уже (1999, с. 423).

Ради верности пушкинской заповеди «слова поэта суть уже его дела» приходится выбирать «потустороннюю» свободу изгнания.

Уступка ностальгии повышает цену приносимой жертвы. Петербургские «крылатые кони», «игрушечный звон бубенцов», святки, русский образ Вечной Женственности, пастернаковская «февральская свечка» (1999, с. 424) – образы памяти, вызывающие ту сладостную боль, благодаря которой изгнанник владеет неотчуждаемым богатством.

Однако в финале происходит резкий слом интонации:

Но есть еще Черная речка,
Но есть еще Черная речка,
Но – есть – еще – Черная речка!..

*Об этом не надо.
Молчи!* (1999, с. 424)

Кольцевой прием, усиливающий скорбную семантику топонима, напоминает о *самой близкой дороге* к цели, о крестном пути Пушкина. В системе ценностей, где отклик на трагический апофеоз поэтов – «зависть тайная – летальная» (1999, с. 129), безупречным личным выбором могла быть только смерть у Черной речки, на русской Голгофе. В свете пушкинского абсолюта компромиссом оборачивалось даже изгнание. Уклонение от высшей участи – горькая тайна лирического героя, замолкшего в миг осознания слабости.

Заключение

Актуализация пушкинского мифа в творчестве Галича, тесно связанная с его персональным образом-мифом, определяется убеждением в неповторимости идеального пути поэта. Сама по себе эта установка не нова для пушкинианы XX ст.; уникальность ей придал максимализм мифотворца: высота пушкинского инварианта стала категорическим императивом. Прочтение собственной судьбы по булгаковскому коду позволило Галичу подняться над эмпирикой и, трактуя личный опыт универсальным образом, снова и снова восстанавливать связь с идеалом – через переживание его недостижимости. Именно в пушкинском контексте с предельной остротой поставлен вопрос о художнике, который служил истине, но *не заслужил света*.

Булгаковская «нераздельность-неслиянность» мифа пушкинского и мифа евангельского в рецепции Галича оказалась истинно творческим противоречием. «Христоподобие» Пушкина остается (как и у Булгакова) имплицитным, однако подразумеваемый статус поэта-мученика оказывает решающее воздействие на позицию лирического героя: в присутствии олицетворенного идеала невозможно избрать какой-либо иной ориентир, а сознание своего несовершенства ведет мысль за пределы доступного в земной жизни. Этот смысловой потенциал определяет выход на новый уровень пушкинианской рефлексии в песенном стихотворении Галича «Когда я вернусь...», что должно стать предметом дальнейшего исследования.

Список литературы

- Аронов М.* Александр Галич: полная биография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 880 с.
- Белобровцева И., Кульяс С.* История с великими писателями: Пушкин – Гоголь – Булгаков // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту : Tartu Ulikooli Kirjastus, 2000. С. 257–266.
- Виролайнен М.Н.* Культурный герой Нового времени // Легенды и мифы о Пушкине : сборник статей / под ред. М.Н. Виролайнен. СПб. : Академический проект, 1995. С. 329–349.
- Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы : документальное исследование. Т. 2. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 704 с.
- Кормилов С.И.* «Беллетристическая пушкиниана» как научная проблема // Беллетристическая пушкиниана XIX–XXI веков. Современная наука – вузу и школе : материалы Междунар. науч. конф., Псков, 20–23 октября 2003 г. / отв. ред. Н.Л. Вершинина. Псков : ПГПИ им. С.М. Кирова, 2004. С. 5–32.
- Нагибин Ю.* Дневник. М. : Книжный сад, 1996. 704 с.
- Петровский М.С.* Мастер и Город. Киевские контексты Михаила Булгакова. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. 464 с.
- Платт Дж.Б.* Здравствуй, Пушкин! : сталинская культурная политика и русский национальный поэт / пер. с англ. Я. Подольного. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 352 с.
- Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой : в 3 томах. Т. I. 5-е изд., испр. и доп. М. : Согласие, 1997. 544 с.
- Шапорина Л.В.* Дневник / вступ. статья, подгот. текста, коммент. В.Н. Сажина. Т. 2. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 640 с.
- Шатин Ю.В.* «Пушкинский текст» как объект культурной коммуникации // Сибирская пушкинистика сегодня : сб. науч. статей. Новосибирск: ГПНТБ, 2000. С. 231–238.

Сведения об авторе:

Александрова Мария Александровна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Нижегородский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а. ORCID: 0000-0001-5183-9322; SPIN-код: 2077-3141. E-mail: nam-s-toboi@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ ЗА РУБЕЖОМ CROSS-CULTURAL RESPONSES

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-771-778

EDN: QEWMOK

УДК 81.25

Научная статья / Research article

Стихотворения Пушкина в «Антологии русской поэзии» под редакцией С. Гардзонио и Г. Карпи (2004): выбор текстов, выбор переводчиков

А.В. Ямпольская

Литературный институт имени А.М. Горького, Москва, Россия

✉ khomkins@mail.ru

Аннотация. Цель – сопоставительное описание переводческих стратегий, использованных в авторитетных переводах произведений А.С. Пушкина на итальянский язык. На материале трех переводов поэтических произведений – стихотворения «Пророк», «Я вас любил...» и отрывка из поэмы «Медный всадник», вошедших в двуязычную «Антологию русской поэзии» под редакцией С. Гардзонио и Г. Карпи (2004), – анализируются три переводческие стратегии. Доказывается, что в то время как современник Пушкина и его первый итальянский переводчик М. Риччи стремится к точности и стилистической верности оригиналу, живший чуть позже А. Канини существенно перерабатывает текст, приближая его к песенной традиции и, по сути, создавая вариацию на тему; перевод же М. Колуччи отражает филологически обоснованный подход и иллюстрирует принципы, которых придерживается большинство современных итальянских переводчиков-славистов. В статье затронуты проблемы передачи поэтической формы, языка и стиля, уместности архаизации и ее способов, учета потенциальной читательской аудитории и необходимости снабжения текста комментарием. В результате исследования сделаны следующие выводы: данная антология является ценным источником сведений не только о русской поэзии в ее историческом развитии, но и об истории ее перевода в Италии, о практике поэтического перевода в целом, о наиболее талантливых переводчиках; рассмотренная книга может использоваться в рамках курса истории и теории художественного перевода.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, художественный перевод, поэтический перевод, вольный перевод, история художественного перевода, поэтическая антология

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ямпольская А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 10 сентября 2025 г.; отрецензирована 25 сентября 2025 г.; принята к публикации 5 октября 2025 г.

Для цитирования: Ямпольская А.В. Стихотворения Пушкина в «Антологии русской поэзии» под редакцией С. Гардзонио и Г. Карпи (2004): выбор текстов, выбор переводчиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 771–778. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-771-778>

The Poems of A. Pushkin in the *Antologia della Poesia Russa* Edited by S. Garzonio e G. Carpi (2004): The Choice of Texts, the Choice of Translators

Anna VI. Jampolskaja

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia

[✉khomkins@mail.ru](mailto:khomkins@mail.ru)

Abstract. The goal is translation strategies used in authoritative translations of A.S. Pushkin's works into Italian. Using three translations of Pushkin's works – the poems *The Prophet*, *I Loved you...*, and an excerpt from *The Bronze Horseman* – included in the bilingual *Anthology of Russian Poetry* (*Antologia della Poesia Russa*) edited by S. Garzonio and G. Carpi (2004), three translation strategies are analyzed. It is argued that while Pushkin's contemporary and his first Italian translator M. Ricci strives for precision and stylistic fidelity to the original, his younger contemporary A. Canini significantly reworks the text, bringing it closer to the song tradition and, in fact, creating a variation on the theme; M. Colucci's translation reflects an approach based on a philological study of the text and illustrates the principles adhered to by most modern Italian translators from Slavic languages. The article touches upon the problems of conveying poetic form, language and style, the appropriateness of archaization and its methods, taking into account the potential readership and the need to provide the text with commentary. A comparison of the three translations allows us to conclude that this anthology is a valuable source of information not only about the history of Russian poetry, but also about the history of its translation in Italy, about the practice of poetic translation in general and about the most talented translators; it can be used within the framework of a course in the history and theory of literary translation.

Keywords: A.S. Pushkin, literary translation, poetical translation, free translation, history of literary translation, poetical anthology

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 10, 2025; revised September 25, 2025; accepted October 5, 2025.

For citation: Jampolskaja, A.VI. (2025). The Poems of A. Pushkin in the *Antologia della Poesia Russa* Edited by S. Garzonio e G. Carpi (2004): The choice of Textes, the Choice of Translators. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 771–778. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-771-778>

Введение

Издание, подготовленное известными славистами Стефано Гардзонио и Гвидо Карпи, – на сегодняшний день наиболее полная и авторитетная антология переводов русской поэзии, выпущенная в Италии (*Antologia della Poesia Russa*, 2004)¹. Книга с параллельными текстами вышла в серии *Biblioteca della Repubblica*, предназначенной для широкого круга читателей, однако она снабжена солидным критическим аппаратом: подробной вступительной статьей, знакомящей с историей русской поэзии (антология поделена на главы – Допетровская эпоха, XVIII в., эпоха романтизма и т.д., вплоть до главы, посвященной современной поэзии). Каждую главу антологии, а также разделы, иллюстрирующие творчество отдельных поэтов, предваряют вступления со сведениями о жизни авторов, их принадлежности к школам и направлениям, художественных особенностях произведений.

Важно отметить, что составители не только стремились познакомить итальянского читателя с канонами русской поэзии, но и как можно полнее представить итальянских переводчиков прошлого и настоящего. Так, многие переводы выполнены известными славистами (Э. Ло Гатто, А.-М. Рипеллино, М. Колуччи и др.), поскольку перевод с русского в Италии по традиции тесно связан с научными исследованиями. Вместе с тем представлены переводы, выполненные итальянскими поэтами и писателями (В. Монти, И. Ньюво, Т. Ландольфи, Дж. Унгаретти и др.) – некоторые из них переводили не с русского, знание которого было редкостью, а с французского. В ряде случаев составители антологии отдали предпочтение не современным, а старым переводам, отражающим литературный вкус эпохи.

Раздел, посвященный А.С. Пушкину (с. 254–287), открывает вступление Г. Карпи. В подборку вошли десять стихотворений («Пророк», «Я помню чудное мгновение...», «Зимний вечер», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» и др.), а также отрывки из поэм «Евгений Онегин» и «Медный всадник». Переводы принадлежат М. Риччи, А. Канини, Э. Ло Гатто, Т. Ландольфи, С. Морски и М. Колуччи. Подробно остановимся на переводах трех текстов, иллюстрирующих разные переводческие стратегии.

Результаты и обсуждение

Стихотворение «Пророк» дано в переводе графа Миньято Риччи (Miniato Ricci, 1792–1860/1877), оригинального поэта, женатого на Е.П. Луниной, петербургского знакомого Пушкина и его первого итальянского переводчика. Известно, что Риччи перевел два пушкинских стихотворения – «Демон» и «Пророк», а также собирался перевести сцены из «Бориса Годунова» и другие сочинения. В 1828 г. он обратился к Дж. Вьессё, редактору авторитетного флорентинского журнала *L'Antologia* с просьбой напечатать свои заметки

¹ Тексты стихотворений в оригинале и переводе приводятся по *Antologia della Poesia Russa* / a Cura di Stefano Garzonio e Guido Carpi. Roma : La Repubblica, 2004. 985 p.

о русской литературе и переводы стихотворений Державина, Веневитинова, Жуковского и Пушкина, но получил отказ и вскоре забросил занятие переводом, хотя о его способностях положительно отзывался С.П. Шевырёв. Переводы Риччи, как и другие ранние переводы Пушкина в Италии, подробно изучены К. Ласорсой, на работы которой мы будем опираться (Lasorsa, 1970, 2009). Приведем первые строки стихотворения и перевода:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
<...>

Da spiritual sete tormentato
l' mi traeva in un triste deserto:
Allor che un Serafin sei volte alato
D'innanzi al guardo mio si fu offerto.
Lievi qual sogno, a fior de gli occhi miei
Pass sue dita, e, nel futur veggenti,
Spalancaronsi gli occhi, uguali a quei
D'aquila che sul nido si spaventi.
<...>

Риччи передает четырехстопный ямб одиннадцатисложником с перекрестными рифмами, не сохраняя при этом схему рифмовки и чередование мужских и женских окончаний. Одиннадцатисложник – самый популярный размер итальянской поэзии, достаточно гибкий и ритмически многообразный, подходящий для стихотворений самого разного стиля и тематики. Что касается рифмы, в Италии от нее уже начинали отказываться, в любом случае не предполагалось, что переводчик обязан точно ее воспроизвести. Характеризуя лексику и стиль, Ласорса отмечает: «Перевод Риччи свободен и в то же время верен в каждом стихе. <...> По своим литературным вкусам Риччи, вероятно, примыкал к неоклассцизму второй половины XVIII в. с примесью некоторого лиризма в романтическом духе. <...> Торжественному „высокому штилю“ соответствует итальянский латинизированный слог. Так как архаизация опирается одновременно и на синтаксис, и на латинизированную лексику, переводчику удалось достичь большой выразительности» (Lasorsa, 1970, с. 96).

Риччи обильно употребляет лексические и грамматические архаизмы (*mi traeva, sei volte alato, tanger, il gir, et, vide et audi, da tue verba* и др.), несочлененные формы предлога и артикля (*de gli* вместо *degli*), характерные для высокого стиля энклитические глагольные формы (*spalancaronsi, riempielle, fèsi, fendèmi*), инверсию определения при существительном, архаичную форму имперфекта (*mi traeva*), которая в то время уже постепенно выходила из употребления, усеченные формы слов (*allor, Serafin*) и устаревшие варианты (*guardo* вместо *sguardo, veggenti* вместо *vedenti*). Пушкинский стих передан языком торжественной, заметно архаизированной высокой итальянской поэзии². При этом, как отмечает Ласорса, у Риччи получается точный и сжатый перевод, в котором деление на смысловые отрезки совпадает с пушкинским. О мастерстве переводчика говорит и следующая деталь: чтобы подчеркнуть женский

² Своеобразный язык итальянской поэзии, его грамматические и лексические особенности, а также историческая эволюция описаны в монографии Л. Серианни: *Serianni L. Introduzione alla Lingua Poetica Italiana*. Roma : Carocci, 2001. 280 p.

род слова «орлица» (в итальянском слово *acquila* обозначает и самца), он добавляет *sul nido* («сидящая на гнезде») (Lasorsa, 2009, с. 256). Достоинства перевода Риччи очевидны, если сравнить его с переводом того же стихотворения, выполненным Л. де Манчини и опубликованным в 1844 г.: во втором случае переводчик отнюдь не стремился передать высокий библейский стиль, а прибегал к самым банальным языковым решениям, к приевшимся рифмам, в результате получился посредственный текст, наспигованный поэтическими штампами (Ласорса, 2009, с. 243–244).

Стихотворение «Я вас любил...» представлено в антологии в переводе Антонио Канини (Antonio Canini, 1822–1891). О нем известно немного: из-за политических взглядов гарибальдиец Канини был вынужден уехать из Италии, жил на Балканах, в Румынии, Париже; был корреспондентом туринской газеты *Opinione* во время Крымской войны, читал на нескольких славянских языках, являлся составителем и переводчиком антологии любовной поэзии (*Il libro dell'amore, poesie italiane e straniere raccolte, Venezia, 1885*), но как переводчик русской поэзии не прославился.

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

lo ti ho amata e forse spento
Non ancora questo amor.
Ma t'accheta pure: noia
Non vo darti, o donna, ancor.
lo ti ho amata senza speme,
Non osando di parlar;
E solean timidezza
Gelosia me tormentar.
lo ti ho amata, amor pi tenero
Pi sincer del mio non v'ha.
Dio lo voglia, ma nessuno
Cos forte t'amer .

Перед нами образец вольного перевода, характерного для XIX в., это заметно и на глаз из-за различия в количестве строк. Пятистопный ямб с перекрестной рифмой и чередованием мужских и женских окончаний передан по-итальянски строками разной длины, преимущественно семисложником, зарифмованы лишь отдельные слова (*amor – ancor, parlar – tormentar, non v'ha – t'amerà*). Если записать стихотворение иначе, слив строки, можно получить схему рифмовки AABVCC, которая все равно не соответствует пушкинской схеме ABABCD. Как и у Риччи, в языке перевода присутствуют элементы, характерные для итальянского поэтического языка той эпохи. Например, усеченные формы слов (*solean, parlar, sincer*), архаичные лексические и грамматические варианты (*speme* вместо *speranza*, *vo* вместо *voglio*). Но главное – стихотворение Пушкина, по сути, превращается в песню, любовный романс, даже обращение к даме на «вы» сменяется более интимным обращением на «ты», кроме того, появляется прямое обращение к адресату *o donna* («о, дама»). В переводе смещены смысловые акценты, заметна фольклорная окраска, автор как будто переформулирует пушкинские мысли, банализируя их, сводя к песенному шаблону (например, в последних строках *Dio*

lo voglia, ma nessuno / Così forte t'amerà буквально означает «На все божья воля, но никто так сильно тебя не полюбит»; «То робостью, то ревностью то-мим» передано как *E solean timidezza / Gelosia me tormentar*, букв. «робость и ревность часто меня терзали»). При этом прелесть стихотворения Пушкина, полутона, оттенки чувств, чарующая мягкость пропадают.

Отрывок из поэмы «Медный всадник» дан в переводе Микеле Колуччи (Michele Colucci, 1937–2002), выдающегося слависта, автора фундаментальных научных трудов, плодovitого переводчика, в том числе поэзии А. Ахматовой и Е. Баратынского. Его переводы – блестящий пример сочетания осознанного, филологического подхода, сочетающегося с литературным талантом.

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный чёлн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

In riva ad onde spopolate, pieno
di alti pensieri egli stava, e guardava
lontano. Innanzi a lui largo correva
Il fiume; solitaria vi arrancava
una povera imbarcazione. Lungo
muschiose, putride sponde, qua e l
si stagliavano nere capannucce,
asilo miserabile di finni,
e la foresta, sconosciuta ai raggi
di un sole avvolto nella caligine,
tutto intorno stormiva.

Четырехстопный ямб передан, как и в первом случае, одиннадцатисложником. В статье, посвященной проблемам перевода русской поэзии и осмыслению собственного переводческого опыта, Колуччи подчеркивает, что итальянцы вынуждены удлинять строку из-за различий в грамматическом строе языков – синтетического и аналитического (в итальянском есть артикль, вспомогательные глаголы, при этом вместо причастий и деепричастий, как правило, употребляются придаточные предложения) (Colucci, 1993, p. 115). Кроме того, в отличие, например, от Р. Поджоли, сохранявшего в своих переводах русской поэзии рифму, Колуччи, как и подавляющее большинство современных переводчиков, считал, что рифму сохранять не стоит, поскольку в итальянской поэзии она исчезла еще в эпоху романтизма и теперь встречается преимущественно в стихотворениях для детей (см. о переводах Поджоли и об их восприятии (Niero, 2019, p. 107–183)). Следует отметить, что у Колуччи, как у Пушкина, довольно часто встречается анжамбеман: текст словно перетекает со строки на строку, подчиняясь импульсу повествования, при этом может разрываться тесная семантическая связь (например, *pieno / di alti pensieri, guardava/lontano*).

В отличие от предыдущих текстов, в этом переводе отсутствуют явные архаизмы, выбор сделан в пользу нейтрального литературного языка, тем не менее, он далек от разговорного. Например, местоимение «он» передано местоимением *egli* (но не *lui*), характерным для письменной речи. Лексические решения говорят о стремлении избежать комментариев и сделать текст максимально понятным для читателя. Например, слово «избы», которое по-итальянски чаще всего передается как *izbe*, здесь переведено словом *capannucce*

(букв. «хижины», «плохенькие домишки»). «Приют убогого чухонца» переведено как *asilo miserabile di finni*: переводчик меняет название народа на известных итальянскому читателю «финнов», а также относит слово *miserabile* («убогий») к жилищу, а не к его обитателю. В целом можно сказать, что Колуччи сознательно отказывается от попытки архаизировать текст, стилизовать его под XIX в., написать «под Мандзони» или «под Леопарди», потому что, по его мнению, в таком случае перевод получился бы неживым, похожим на муляж (Colucci, 1993, p. 113). Нужно учитывать, что в Италии современная поэзия в основном написана верлибром, поэтому присутствие четкой метрической организации в совокупности с изысканным литературным языком сами по себе создают эффект архаизации.

В своей статье о переводе русской поэзии Колуччи также говорит о необходимости передать звуковой облик стихотворения, его тембр, признавая, что из-за разницы между языками это почти невозможно. Тем не менее, стремление решить эту задачу заметно и в разбираемом отрывке. См., например, избыточное согласными звуками («с», «ч», «ш») описание шумящего леса в последних трех строках, а также энергичное «р» («кругом шумел» – *tutto intorno stormiva*).

Рассмотренные тексты иллюстрируют три принципиально разных подхода к переводу поэзии Пушкина. В прошлом и в наши дни великого русского классика много переводят в Италии: достаточно вспомнить новые переводы «Евгения Онегина», выполненные Дж. Джудичи, П. Перой и Дж. Гини, вызвавшие большой интерес у читателей и литературоведов. Трудностям перевода пушкинской поэмы и в целом поэтическим текстам, которые можно отнести к категории «культовых» (к ним по праву принадлежат все три рассмотренных выше стихотворения), посвящена статья Л. Сальмон Коварски (Коварски, 2001); «Евгению Онегину» также посвящена глава из монографии А. Ньеро, где подробно разбираются старые и новые переводы поэмы, особенно вопросы версификации (Niero, 2019, p. 245–278). Как отмечает Ньеро, сложность воспроизведения поэзии Пушкина на итальянском во многом связана с тем, что не существует итальянского поэта-аналога Пушкину, на стиль которого могли бы ориентироваться переводчики. Например, стихи Иосифа Бродского переводили, стилизуя под Эудженио Монтале, выдающегося поэта XX в. Это не только упростило задачу переводчикам, но и отчасти обусловило успех Бродского у итальянского читателя.

Заключение

Таким образом, антология, составленная Гардзонио и Карпи представляет собой полезнейший инструмент не только для итальянского читателя, желающего познакомиться с русской поэзией в ее историческом развитии, но и для исследователя перевода. Собранные в ней тексты отражают различные этапы истории поэтического перевода с русского на итальянский, иллюстрируют разные, зачастую противоположные подходы, позволяют оценить вклад наиболее талантливых переводчиков.

Список литературы

- Ласорса К.* Первый этап знакомства с Пушкиным в Италии (1828–1856) // *Русская литература*. 1970. № 4. С. 95–105.
- Ласорса Съедина К.* Первые шаги. О переводах Пушкина на итальянский язык в XIX веке // *Московский пушкинист*. Вып. XII / сост. и научн. ред. В.С. Непомнящий. М. : ИМЛИ РАН, 2009. С. 228–259.
- Коварски Л. Сальмон.* «Евгений Онегин» по-итальянски : о теоретических предпосылках и стратегиях перевода «культовой поэзии» // *Московский пушкинист*. Вып. IX / сост. и научн. ред. В.С. Непомнящий. М. : ИМЛИ РАН, 2001. С. 297–306.
- Colucci M.* Del tradurre poeti russi (e non solo russi) // *Europa Orientalis*. 1993. Vol. 12. No. 1. P. 107–127.
- Niero A.* Tradurre Poesia Russa. Analisi e Autoanalisi. Macerata : Quodlibet, 2019. 378 p.

Сведения об авторе:

Ямпольская Анна Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры художественного перевода, Литературный институт имени А.М. Горького, Российская Федерация, 123104, Москва, Тверской бульвар, д. 25. ORCID: 0000-0001-9900-9256; SPIN-код: 4873-9740. E-mail: khomkins@mail.ru

КОМПАРАТИВИСТИКА
COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-779-790

EDN: OUPOOW

УДК 821.112.2

Научная статья / Research article

**«Я» и «чужой»: конфронтация и сближение образов
в системе персонажей современной детской
немецкой и чешской литературы**

Ю.В. Красовицкая

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

 info@mgpu.ru

Аннотация. Проанализировано развитие конфликтных ситуаций в детских литературных произведениях при условии появления в них необыкновенных «чужих» персонажей. Особое внимание уделяется проблеме трансформации образов героев и их картины мира. В качестве материала для исследования выбраны работы современных немецких и чешских писателей: Пауля Маара «Семь суббот на неделе» (Eine Woche voller Samstage, 1973), «И в субботу Субастик вернулся» (Am Samstag kam das Sams zurück, 1980), Анетты Пент «Ворчебрюзг» (Der Bärbeiß, 2013), Петры Соукуповой «Бертик и Чмух» (Bertík a čmuchadlo, 2014). В исследовании ставятся задачи: понять суть конфликтных ситуаций; проанализировать процесс и результаты изменения мировоззрения «героев-подопечных» под влиянием «героев-проводников»; продемонстрировать важность появления «чужих» для разрешения конфликта. Доказываются следующие тезисы: в системе персонажей произведения появление «чужого» необходимо, поскольку именно он способен разрешить конфликт, меняя внутреннюю установку других героев, в результате чего осуществляется переход «чужого» в категорию «своего». Формулируются определенные выводы и наблюдения: страх, неприятие и любопытство центральных персонажей по отношению к «чужим» героям постепенно сменяются доверием и симпатией. Основным фактором, стимулирующим данный процесс, является открывающаяся главным героям возможность прислушаться к себе и взглянуть на себя с «чужой» позиции.

Ключевые слова: свой – иной – чужой, герой-подопечный, герой-проводник, изменение мировоззрения, самопознание

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18 августа 2025 г.; отрецензирована 15 сентября 2025 г.; принята к публикации 18 сентября 2025 г.

© Красовицкая Ю.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Красовицкая Ю.В. «Я» и «чужой»: конфронтация и сближение образов в системе персонажей современной детской немецкой и чешской литературы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 779–790. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-779-790>

Me and Alien: Confrontation and Convergence of Images in the Character System of Modern German and Czech Childrens Literature

Yuliya V. Krasovickaya

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

✉ info@mgpu.ru

Abstract. The development to the analysis of the development of conflict situations in children’s literary works, provided that unusual “alien” characters appear in them. Special attention is paid to the problem of transformation of the characters’ images and their worldview. The works of modern German and Czech writers were chosen as the research material: *Eine Woche voller Samstage* (1973), *Am Samstag kam das Sams zurück* (1980) by Paul Maar, *Der Bärbeiß* (2013) by Annette Pehnt, *Bertík a chmúchadlo* (2014) by Petra Soukupova. The study sets several tasks: to understand the essence of conflict situations, to analyze the process and results of changing the worldview of “heroes-wards” under the influence of “heroes-guides”, to demonstrate the importance of the appearance of “aliens” for conflict resolution. The article proves the following theses: in the system of characters of the work, the appearance of an “alien” is necessary, since it is he who is able to resolve the conflict by changing the internal attitude of other characters, as a result of which the transition of the “alien” into the category of “one’s own” is carried out. Using the example of the material under consideration, the following conclusions and observations are formulated: the fear, rejection and curiosity of the central characters in relation to the “alien” characters are gradually replaced by trust and sympathy. The main factor stimulating this process is the opportunity for the main characters to listen to themselves and look at themselves from a “foreign” position.

Keywords: one’s own – other – alien, hero-ward, hero-guide, worldview change, self-knowledge

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 18, 2025; revised September 15, 2025; accepted September 18, 2025.

For citation: Krasovickaya, Yu.V. (2025). Me and Alien: Confrontation and Convergence of Images in the Character System of Modern German and Czech Children’s Literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 779–790 (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-779-790>

Введение

В выбранных произведениях рассматриваются три типа героев, открывающих другим действующим лицам – детям и взрослым – путь к самопознанию и изменению восприятия окружающего мира. Являясь необыкновенными,

чуждыми, непредсказуемыми существами, эти персонажи наделены способностью видеть источник и глубину проблемы, приводящей в замешательство окружающих. Каждый из трех «проводников» появляется в моменты кризиса, эскалации конфликта и посредством беседы, личного примера или активного вмешательства в жизнь своих «подопечных» меняет их поведение.

Проблема выстраивания отношений в рамках категорий «свой – иной – чужой» привлекала внимание ученых и философов в разные времена. Достаточно упомянуть имена Г. Гегеля, Э. Гуссерля, М. Бубера, М. Хайдеггера, Ф. Эбнера, М.М. Бахтина, Э. Левинаса, чтобы понять сколь глубоко изучался этот вопрос. Встреча с чем-то незнакомым, пугающим и непонятным, как нормальное явление жизни, не могло не попасть и в фокус литературных произведений. Немалое внимание ему уделяют современные чешские и немецкие писатели: Петра Соукупова, Анетта Пент и Пауль Маар в книгах для детей. Отличительной особенностью выбранных работ становится волшебное происхождение героев-чужаков. Необходимо отметить, что вера в волшебство соответствует детскому восприятию мира, им можно объяснить все непонятное, и оно же «способствует решению конфликтов» (Красовицкая, Волшебство как ключ к освоению окружающего мира литературным героем, 2024, с. 666).

По мнению исследователей, «в современной чешской литературе сформировался целый пласт авторов (П. Соукупова, П. Дворжакова, В. Ганишова, К. Тучкова), <...> центром произведений которых является изображение судьбы» (Кожина, 2021, с. 307). При этом отдельного внимания заслуживает «уклон в социологию», вступающую в тесный контакт с психологическими аспектами (Пескова, 2013, с. 99). Повесть Петры Соукуповой (род. 1982) «Бертик и Чмух» (Bertík a čmuchač, 2014) превращается в своеобразную терапевтическую беседу, привлекающую зрелых и юных читателей, которым нужна поддержка при переходе из привычного душевного комфорта и равновесия в новые чуждые условия жизни.

Отчаянное нежелание делать это демонстрирует персонаж книги немецкой писательницы Анетты Пент (род. 1967) «Ворчебрюзг» (Der Bärbeiß, 2013). Постепенно уступая мягкому давлению со стороны Тингели («что-то среднее между цветочком и белкой»¹), герой открывает неожиданные положительные стороны в своем характере и находит силы помогать другим. В одном из интервью переводчица книги Александра Горбова подчеркивает, что «в каждом живет свой Ворчебрюзг и своя Тингели, <...> если у тебя не самый простой характер, это не значит, что ты вообще плох, и шансы найти друга у тебя все равно есть»². В произведении мы можем наблюдать за поведением уже двух «героев-проводников»: Ворчебрюзг исполняет одновременно роли пациента и врача.

Анетта Пент обращается к проблеме адаптации героя к жизни в непривычной для него действительности и в других работах. В 2003 г. вышел роман

¹ Пент А. Ворчебрюзг / А. Пент, Ю. Бауэр ; пер. с нем. А. Горбовой. М. : Белая Ворона, Альбус Корвус, 2020. С. 20.

² Горбова А. Быть пессимистом тоже можно // Издательство «Белая ворона». 2020. 8 июня. URL: <https://albuscorvus.ru/aleksandra-gorbova-byt-pessimistom-tozhe-mozhno/> (дата обращения: 07.02.2025).

«Остров 34» (*Insel 34*), в котором прозвучала тема отчужденности, связанная с вопросом взросления (Bieber, 2007, s. 16). Ее отражение мы находим в «Ворчебрюзге». Персонаж вырастает над собой, когда соглашается с многогранностью мировосприятия, принимает неоднозначность своего окружения и уступает необходимости взаимодействия с ним.

Необычный герой-помощник и одновременно возмутитель спокойствия появляется в серии книг о приключениях Субастика знаменитого немецкого писателя Пауля Маара (род. 1937) (Боголюбова, 2022, с. 141). Для нас будут представлять наибольший интерес две первые части: «Семь суббот на неделе» (*Eine Woche voller Samstage*, 1973), «И в субботу Субастик вернулся» (*Am Samstag kam das Sams zurück*, 1980). Говоря о себе, Пауль Маар подчеркивал, что начал писать книги в первую очередь для того ранимого, травмированного ребенка, который скрывался в нем. Такого нуждающегося в помощи героя мы встречаем и в его романе.

Результаты и обсуждение

Характеристика центральных персонажей

На первый взгляд, обозначенные персонажи выглядят абсолютно разными. Разговаривающий человеческим языком Чмух «немного похож на ежа, только без иголок и с длинной шерстью на спине»³. Ворчебрюзг тоже умеет говорить и внешне напоминает волко-медведя. Он небольшого роста, передвигается на задних лапах, покрыт серой шерстью⁴. Субастик, хоть и смахивает на зверя или инопланетянина, все же герои книги соглашаются считать его мальчиком: «<...> два умных, любопытных глаза; огромный рот <...> вместо носа – хоботок с круглым пятачком; светло-зеленая кожа усыпана большими синими крапинками; из-под густых рыжих волос <...> выглядывают два оттопыренных уха; <...> ручки <...> как у обыкновенного ребенка, зато ножки очень смахивают на лягушачьи лапки»⁵. Субастик не только умеет говорить, но и любит сочинять стихи.

Встреча с необычными «чужими» существами в рассматриваемых произведениях происходит неожиданно и вызывает у других центральных персонажей целую гамму чувств: от страха и отторжения до недоверия и любопытства. Тем не менее каждый раз побеждает позитивный настрой. В результате исследования мы попытаемся ответить на вопрос: «Что же становится причиной изменения сознания героев?»

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- проанализировать суть конфликтной ситуации до появления «чужого»;
- оценить первоначальное отношение главных героев к «чужим» и готовность вести с ними диалог;

³ Соукупова П. Бертик и Чмух / пер. с чеш. К. Тименчик. М. : Самокат, 2021. С. 19.

⁴ Пент А. Ворчебрюзг / А. Пент, Ю. Бауэр ; пер. с нем. А. Горбовой. М. : Белая Ворона, Альбус Корвус, 2020. С. 22.

⁵ Маар П. Семь суббот на неделе / пер. с нем. В. Островского. М. : Лабиринт Пресс, 2021. С. 21.

- понаблюдать за процессом сближения персонажей, определить основные точки воздействия на поведение и мировосприятие «героев-подопечных»;
- отразить важность произошедших перемен и изменившееся отношение к «героям-проводникам».

«Чужим» для персонажей рассматриваемых книг может оказаться все, что заставляет выйти за привычные рамки мировосприятия, даже если в обыденной картине мира намечаются очевидные диссонансы. Здесь также становится актуальным вопрос об идентичности, то есть «отождествлении себя с той или иной общностью» (Викулова и др., 2020, с. 35). О.А. Кулагина в диссертации изучает проблему языкового портретирования «чужого». Исследовательница приходит к выводу, что картина восприятия «чужого» находится «под влиянием экстралингвистических факторов (особенности внешней и внутренней политики, географические открытия)» (Кулагина, 2012, с. 180). В книгах для детей столь глобальные проблемы решаются не часто, при этом встреча с «чужим» не теряет своей значительности. Гипотезу в нашем исследовании формируют следующие тезисы: появление «чужого» в системе персонажей произведения является необходимостью, вследствие общения с чуждым элементом происходят изменения в сознании центральных героев, остро нуждающихся в помощи; результатом этого становится не только решение проблемы, но и переход «чужого» в категорию «своего».

Проблемой различения категорий «своего», «другого/иного», «чужого» занимались российские литературоведы: К.Я. Авербух, Л.Г. Викулова, А.А. Вяткина, М.Л. Дубоссарская, В.Н. Карпухина, А.В. Кулешова, Г.А. Неведрович, А.Б. Пеньковский. Одним из выводов служит следующий тезис: «Границы категории *чужой* могут быть очень размыты» (Красовицкая, Свой – другой: стратегии и тактики сближения, 2024, с. 55–56). Однако, как и во многих других произведениях, встреча с «чужим» волшебным персонажем не несет в анализируемых работах угрозы существования героев.

Все три «проводника» своими действиями и словами указывают на важный принцип – первостепенное значение имеют мораль, нравственность и, кроме того, умение прислушиваться к внутреннему голосу, понимать собственные стремления и потребности.

Заметную роль играет также обращение к воспитательным принципам:

- Субастик учит своего нового папу Пепперминта, как следует разговаривать с детьми: окрики и приказы необходимо заменить просьбами; стоит отметить, что в тексте оригинала акцент делается на слове «желать», а не «просить», однако в совете дать волю мечтам и фантазии также звучит оттенок наставления;
- Ворчебрюзг признается девочке Мари, что порой открытая ссора и даже крик приводят к неплохим результатам; кричать лучше, чем грустить и молчать, кроме того, словесная баталия может перерасти в шутку и исчерпать конфликт⁶;

⁶ Пент А. Ворчебрюзг / А. Пент, Ю. Бауэр ; пер. с нем. А. Горбовой. М. : Белая Ворона, Альбус Корвус, 2020. С. 89.

• Чмух убеждает мальчика Берта прислушаться к собственному сердцу, перестать обманывать себя, поскольку только внутренняя честность помогает прояснить окружающую реальность; происходящие изменения доказывают правильность данного совета.

Наставления в первый момент воспринимаются «героями-попечечными» как нечто излишнее и мало подходящее для разрешения наметившегося конфликта. Прозорливость волшебных существ становится очевидной лишь впоследствии. Тем не менее герои-люди не отказываются от общения с «чужаками». Новое знакомство становится для них панацеей, оно не случайно и не бессмысленно. Однако не стоит забывать о сложных этапах адаптации на пути к сближению.

Анализ конфликтных ситуаций

В крайне затруднительную ситуацию ставит своего попечителя и одновременно попечного – Субастик. Одной из самых больших трудностей господина Пепперминта является его неспособность сопротивляться навязываемым правилам, сковывающим условностям (Lange, 2007, s. 66; Neuhaus, 2007, s. 119). Необщительный и небогатый господин Пепперминт «с его добрым и кротким нравом» терпеть не может ссоры⁷.

По признанию П. Маара, у Пепперминта были живые прототипы. С одной стороны, работник на предприятии отца писателя господин Веннер (Herr Wenner), который безропотно подчинялся приказам и осмеливался подать голос, только когда ему давали слово⁸, а с другой – сам автор, воспитанный строгим авторитарным отцом, признававшим лишь беспрекословное послушание⁹.

Уже взрослый мужчина (хотя это и необычно для детской литературы) – Wicke – центральный герой романа о Субастике боится перечить своей квартирной хозяйке, терпеливо снося ее грубость и бестактность. Именно с этим сразу начинает бороться Субастик: вскоре госпожа Брюкман уже приносит своему жильцу обед в комнату, а за свою брань и придирки оказывается сидящей на шкафу в коридоре. Каждый раз проделки «племянника Робинзона» вызывают у Пепперминта сначала страх, а затем радость и чувство удовлетворения.

Еще одна проблемная точка в жизни Пепперминта – работа в конторе под руководством сумасбродного и ленивого начальника Тузенпуца, который заставляет сотрудника целый день пересчитывать большие числа без калькулятора и подбирать разбросанные на полу бумажные шарики. Субастик легко справляется и с этим, доводя Тузенпуца до нервного срыва своими необъяснимыми фокусами.

Изначально Субастик выглядит сумасбродным выдумщиком, остроумным хулиганом, эгоистом и как будто представляет полную противоположность Пепперминта, его *alter ego*¹⁰. Однако именно эгоизм, как ни парадоксально,

⁷ Maar P. Семь суббот на неделе / пер. с нем. В. Островского. М. : Лабиринт Пресс, 2021. С. 13.

⁸ Maar P. Wie Alles kam. Roman Meiner Kindheit. Frankfurt/Main: Fischer, 2020. 304 s.

⁹ Maar P. Vom Lesen und Schreiben. Reden und Aufsätze zur Kinderliteratur. Hamburg: Oetinger, 2007. 208 s.

¹⁰ Maar P. Vom Lesen und Schreiben. 208 s.

сближает обоих героев. Все больше раскрываясь в обществе Субастика, Пепперминт обнаруживает в себе другого человека – веселого, азартного авантюриста. И это отчасти тот ребенок, который много лет назад, как и сам автор, был подавлен грубым влиянием и внешними обстоятельствами.

Во второй книге «И в субботу Субастик вернулся» Пепперминт больше не соглашается терпеть обиды от окружающих, даже если они богаче и смелее. Это доказывает случай в ресторане¹¹. Госпожа Брюкман также становится с ним более любезной. Ссору с другом Понеделькусом Пепперминт улаживает самостоятельно, ведь «главное – это верить в свои силы»¹².

Изменения очевидны, однако путь к ним оказывается непростым. Вскоре после знакомства Пепперминт принимает решение избавиться от Субастика и оставляет его в лесу. Племянник Робинзон возвращается в дом «папочки» самостоятельно, снова вовлекая того в водоворот приключений. Более сложной задачей для волшебного существа становится необходимость научить «папочку» контролировать свои желания. Он убеждает Пепперминта обращаться с желаниями более уравновешенно, по-взрослому и тем самым подготавливает важные перемены в жизни своего подопечного.

Первая книга Пауля Маара заканчивается исчезновением Робинзона. Недосказанность возбуждает любопытство и одновременно заставляет задуматься о многих серьезных вещах: об умении мечтать, о человеческих возможностях, о необходимости расставлять приоритеты. Проходя через искушение и разочарование, игру в волшебников, ощущение всемогущества, Пепперминт определяет для себя сокровенное желание: «Хочу, чтобы Субастик всегда был со мной!»¹³. Мужчина искренне по-дружески и по-отечески привязывается к смешному пришельцу, таким образом достигается его самая главная цель в жизни – найти близкое родное существо.

Важный шаг к самопознанию и обретению душевного комфорта делает под руководством необыкновенного существа главный герой Петры Соукуповой – Бертик. В книге описывается достаточно короткий промежуток времени: Берт с мамой и ее новым мужем Рихардом гостит на даче последнего. Все домочадцы и гости делятся на группки по интересам. Мальчик чувствует себя чужим, ведь формирование «коммуникативного пространства» предполагает определение целого ряда «социальных и культурных параметров» (Викулова и др., 2014, с. 231). Другие дети зовут его с собой играть, но герой убежден: «У них уже своя компания, а я новенький – они меня милостиво принимают, чтобы потом не досталось от родителей. А я так не хочу»¹⁴. «Сажусь на пенек неподалеку от дома, ем рогалик и жалею себя»¹⁵.

¹¹ Маар П. И в субботу Субастик вернулся / пер. с нем. В. Островского. М. : Лабиринт Пресс, 2018. С. 41–47.

¹² Там же. С. 109.

¹³ Маар П. Семь суббот на неделе / пер. с нем. В. Островского. М. : Лабиринт Пресс, 2021. С. 206.

¹⁴ Соукупова П. Бертик и Чмух / пер. с чеш. К. Тиенчик. М. : Самокат, 2021. С. 15.

¹⁵ Там же. С. 17.

В поход на скалы он тоже отказывается идти. Иллюстрация Леры Елуниной к этому фрагменту очень точно отражает настроение Берта. Мальчик как будто стоит в заколдованном лесу. Где-то далеко впереди еще видны фигурки уходящих по дороге детей. Лес не кажется густым и непроходимым. Тем не менее расплывающиеся контуры, схематично обозначенные деревья как будто доказывают, что незрелым сознанием мир воспринимается с большой долей допущения и символизма, предметы хочется не увидеть, а почувствовать эмоционально. Картинка нарисована в серых тонах, и это также связано с «предметно-понятийным ядром цветового значения» (Сластникова, 2021, с. 110). Каждая обрывающаяся линия делает почти вещественными страх и неуверенность героя. Мы видим в бунтаре и мстителе ранимого ребенка, который пока не может обрести равновесие в создавшейся ситуации, как во внешнем мире – в семье, на даче, так и во внутреннем – в собственной душе.

Желание отомстить ни в чем не повинному отчиму за то, что родители развелись, приводит к целой череде неприятных последствий. Бертик перестает быть самим собой. В этой ситуации существо, которое может понять и проанализировать ситуацию, оказывается незаменимым помощником. Критика и наставления от говорящего зверька похожего одновременно на ежа, носуху и вомбата представляются абсурдом. Эта встреча ошеломляет и даже пугает героя. Являясь совершенно чуждым созданием, новый знакомец тем не менее будто слит с внутренним миром героя-ребенка – Чмухликов могут видеть только дети¹⁶. Он умеет читать мысли, зверек темнеет, когда мальчику становится страшно, и светлеет, когда тот радуется. Чмух без труда определяет истинную причину поступков и слов ребенка: «ты плачешь только оттого, что жалеешь себя»¹⁷. При этом он выступает и как строгий судья, как голос совести, звучащий извне. Про себя зверек рассказывает: «Мы, Чмухлики, должны помогать детям. Если мы находим сердитого или грустного ребенка, который сам с этим не справляется, то помогаем ему <...>»¹⁸.

Недоверие и страх Бертика сменяются симпатией и благодарностью. Прислушиваясь к себе, мальчик убеждается в правоте своего «проводника», кроме того на Чмухлика можно положиться, с ним уже не так страшно. Зверек не дает прямых советов, он лишь называет вещи своими именами, чтобы Берт сам мог найти решение¹⁹. И ребенок справляется. Как своеобразный вывод звучат слова: «если ты уверен в тех, кто тебя окружает, не стоит бояться нового»²⁰.

В книге Анетты Пент проблему изменения мировоззрения персонажей вследствие встречи с «чужим» можно рассматривать как минимум с двух позиций. Совершенно необычным, удивительным существом является главный герой Ворчебрюзг. В отличие от Чмухлика Ворчебрюзг сразу объявляет, что

¹⁶ Соукупова П. Бертик и Чмух / пер. с чеш. К. Тименчик. М. : Самокат, 2021. С. 39.

¹⁷ Там же. С. 36.

¹⁸ Там же. С. 55.

¹⁹ Там же. С. 78.

²⁰ Там же. С. 120.

терпеть не может детей, хотя толком не знает, кто это такие²¹. Тем не менее, будто и не желая того, он помогает девочке Мари.

Герой старается соответствовать имени, полученному за своеобразный характер и образ жизни: «дома у него от обилия плохого настроения было так душно, что иногда приходилось выбираться на свежий воздух»²². В начале книги он поселяется в выдуманном Тимбукту. Название места недаром соответствует имени вполне реального города Тимбукту (Мали, Африка). В разных странах бытует целый ряд шуток, подчеркивающих удаленность и недоступность этого объекта, ведь неизвестность подстегивает фантазию. Ворчебрюзг и Тингели – две противоположности по характеру и образу жизни – символизируют необычность и чужаковатость мира, в который маленькая Мари попадает как в сказку после слов брата, отсылающего ее подальше с глаз долой. Для девочки перемещение в выдуманный мир становится веселым приключением и одновременно попыткой бегства от реальности. Ворчебрюзг, в свою очередь, ощущает себя даже здесь чужаком и в начале не хочет ни с кем общаться.

Встреча с необычным героем, который сам дичится окружающих, демонстрирует двойную степень отчуждения. Однако на ребенка погружение в мир фантазии действует успокаивающе, тем более Тингели изо всех сил старается заботиться об удобстве и благополучии других.

Иначе ведет себя Ворчебрюзг. Однако угроза, которая звучит из его уст, больше напоминает детскую страшилку: «я страшный, как дикий медведь, и очень люблю отгрызать детишкам уши»²³. Мари вдруг заинтересовывается: «Ну-ка, расскажи мне, как ты отгрызаешь уши, – я этим буду брата пугать»²⁴. Соответствие угроз общеизвестным формулам «пугалок» сразу настраивают уже не совсем маленького ребенка на игру. Здесь можно вспомнить немецкие детские стихи и сказки, в которых фигурирует элемент отрезания или поедания частей тела: о Портном с ножницами (Schneider mit der Schere), о Пожирателе детей (Kinderfresser). Как бы страшно ни выглядели эти истории, у современных детей они вызывают смех. Юные хулиганы обращают внимание в немалой степени на то, *как* озвучивается угроза и какую связь она имеет с обыкновенными сказками. В книге Анетты Пент слова Ворчебрюзга предваряются успокаивающими комментариями Тингели. Мари усаживает Ворчебрюзга к себе на колени и уже сама обращается с ним как с игрушкой или питомцем.

Во время новой встречи с Мари герой ведет себя уже по-другому. И даже этот факт говорит в пользу его тщательно скрываемой доброты. Ворчебрюзг сердится и ругается, потому что у него такая роль. Человеческий ребенок своим искренним любопытством и Тингели своей заботой открывают в нем новые,

²¹ Пент А. Ворчебрюзг / А. Пент, Ю. Бауэр ; пер. с нем. А. Горбовой. М. : Белая Ворона, Альбус Корвус, 2020. С. 19.

²² Там же. С. 21.

²³ Там же. С. 22.

²⁴ Там же.

никому не известные грани. В окружении друзей его жизнь как с появлением весняков (маленьких существ похожих на бабочек) расцветает будто старое полузасохшее дерево²⁵. Ворчебрюзг меняется под влиянием совсем не похожих на него персонажей.

В свою очередь, произошедшие перемены настраивают его на желание помочь. Он надуманно ссорится с Мари и демонстрирует, что ссоры могут быть полезными. С его помощью Мари учится разрешать конфликтные ситуации смехом.

Заключение

Анализ трех выбранных произведений доказывает предложенный тезис: трансформация сознания персонажей, находящихся в сложной конфликтной ситуации, происходит в результате общения с «чужими», необычными, волшебными героями. Внутренние изменения оказывают непосредственное влияние на общую ситуацию, проблема решается. Одновременно нивелируется граница между «своим» и «чужим». Неблизкие по характеру, внешнему виду, образу жизни герои сближаются, на время или навсегда становятся друзьями.

Проблемы, освещаемые в работах П. Маара, П. Соукуповой и А. Пент, касаются прежде всего несоответствия внешних условий жизни внутренним представлениям героев. Пепперминт выглядит как жертва, Бертик, Мари и Ворчебрюзг выбирают роли бунтарей. При этом каждый из персонажей в определенный момент оказывается в весьма плачевном состоянии. Помощь приходит от «чужаков», от совершенно противоположных существ. Это приводит к мысли о том, что именно попытка отчуждения дает возможность взглянуть на мир и на себя другими глазами. «Чужие» персонажи резко меняют мировоззрение «героев-подопечных» и за счет этого сами перестают быть столь далекими и непонятными.

Волшебство в каждой из трех книг имеет большое значение. Не стоит забывать, что все они написаны для детей, и на примере Мари мы можем убедиться, что мир сказки зачастую представляется ребенку более уютным и приветливым, чем окружающая действительность. Таким образом, волшебным языком детям дается подсказка: чтобы глубже понять происходящее, нужно постараться взглянуть на нее – «чужими» глазами.

Список литературы

- Боголюбова В.П. Фантастика и реальность в художественном мире Пауля Маара (на материале романа «Семь суббот на неделе») // Книга в культуре детства : монография. Т. VI. М. ; Симферополь : Литера, 2022. С. 141–154. EDN: ODZGJK
- Викулова Л.Г., Кулешова А.В., Вяткина А.А. Формирование коммуникативного пространства для детей и подростков: иллюстрированный журнал (на материале французской

²⁵ Пент А. Ворчебрюзг / А. Пент, Ю. Бауэр ; пер. с нем. А. Горбовой. М. : Белая Ворона, Альбус Корвус, 2020. С. 76.

- прессы) // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации : коллективная монография / отв. ред. и сост. Н.В. Аниськина, Л.В. Ухова. Ярославль : Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2014. С. 231–249. EDN: USRYEL
- Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Вострикова О.В., Герасимова С.А. Лексемы *identite* / идентичность как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 2(831). С. 30–42. EDN: TGKKUA
- Кожина С.А. Социально-психологический роман на современном чешском книжном рынке (творчество Алены Морнштайновой) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 296–310. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.03> EDN: RCLLZQ
- Красовицкая Ю.В. Волшебство как ключ к освоению окружающего мира литературным героем: «Трилогия о господине Розочке» З. Ламбек // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 664–672. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-664-672> EDN: QCHUDY
- Красовицкая Ю.В. Свой – другой: стратегии и тактики сближения («Двенадцать человек не дюжина» В. Ферра-Микура, «Все о Манюне» Н. Абгарян) // Вестник МГПИУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2024. № 1(53). С. 51–67. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.04>
- Кулагина О.А. Языковое портретирование «чужого» как способ передачи этнокультурного диссонанса во французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 202 с.
- Пескова А.Ю. Научная конференция «Антитрадиционализм и преемственность в программах и практике славянского литературного авангарда» // Славяноведение. 2013. № 6. С. 96–99. EDN: RQRCECEN
- Сластникова Т.В., Черкашина Е.И. Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях. М. : Языки Народов Мира, 2021. 240 с. EDN: DLSYUC
- Bieber A. *Insel und Fremdheit in Annette Pehnts Roman "Insel 34": Eine Motivgeschichtliche Deutung*. Europäische Hochschulschriften. Vol. 158. Peter Lang Verlag, 2007. 152 s.
- Lange G. *Paul Maars Kinder- und Jugendbücher in der Grundschule und Sekundarstufe I*. Baltmannsweiler: Schneider 2007. 134 s.
- Neuhaus S. Vom antiautoritären Kindermärchen zum postmodernen Film? Die Verwandlungen des Sams // *Revista de Filologia Alemana*. 2007. Vol. 15. P. 111–125.
- Wicke A. Fünfzig Jahre voller Samstage – Paul Maars „Sams“-Romane: 1. Entstehung und Rezeption. 2023. January 1. URL: <https://www.kinderundjugendmedien.de/aus-der-redaktion/6611-fuenfzig-jahre-voller-samstage-paul-maars-sams-romane-entstehung-und-rezeption> (accessed: 05.02.2025).

References

- Bieber, A. (2007). *Insel und Fremdheit in Annette Pehnts Roman "Insel 34": Eine Motivgeschichtliche Deutung* (Vol. 158). Peter Lang Verlag.
- Bogolyubova, V.P. (2022). Fantasy and reality in the artistic world of Paul Maar (based on the novel *Eine Woche voller Samstage*). In *Books in the Culture of Childhood: A Monograph* (Vol. VI, pp. 141–154). Moscow; Simferopol: Litera. (In Russ.) EDN: ODZGJK
- Kozhina, S.A. (2021). A socio-psychological novel on the modern Czech book market (based on Alena Mornštajnova's works). *Slavic Almanac*, (3–4), 296–310. (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.03> EDN: RCLLZQ
- Krasovickaya, Yu.V. (2024a). Magic as a tool to build rapport with new environment: *Herr Röslein* Trilogy by Silke Lambeck. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 664–672. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-664-672> EDN: QCHUDY

- Krasovickaya, Yu. V. (2024b). Ours – the other: strategies and tactics of rapprochement (*Twelve People are Not a Dozen* by V. Ferra-Mikura, *All About Manyunya* by N. Abgaryan). *MGPU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, (1), 51–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.04>
- Kulagina, O. A. (2012). *Linguistic Portrayal of the “Alien” as a Way of Conveying Ethnocultural Dissonance in the French Language* [Doctoral dissertation, Moscow Pedagogical State University]. Moscow. (In Russ.)
- Lange, G. (2007). *Paul Maars Kinder- und Jugendbücher in der Grundschule und Sekundarstufe I*. Baltmannsweiler: Schneider.
- Neuhaus, S. (2007). Vom antiautoritären Kindermärchen zum postmodernen Film? Die Verwandlungen des Sams. *Revista de Filologia Alemana*, 15, 111–125.
- Peskova, A. Yu. (2013). Scholarly conference “Anti-traditionalism and continuity in programs and praxis of the Slavic literary avantgarde”. *Slavianovedenie*, (6), 96–99. (In Russ.) EDN: RQRCEN
- Slastnikova, T. V., & Cherkashina, E. I. (2021). *Color and Color Designation in Linguistic Research*. Moscow: Yazyki Narodov Mira Publ. (In Russ.) EDN: DLSYUC
- Vikulova, L. G., Kuleshova, A. V., & Vyatkina, A. A. (2014). Formation of a communicative space for children and adolescents: an illustrated magazine (based on the material of the French press). In N. V. Anis’kina, L. V. Uxova (Eds., Comp.), *Active Processes in Social and Mass Communication: A Collective Monograph* (pp. 231–249). Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Publ. (In Russ.) EDN: USRYEL
- Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Vostrikova, O. V., & Gerasimova, S. A. (2020). Lexemes identite / identity as elements of the human and language universes: ethnosemiometric and axiological aspects of interpretation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (2), 30–42. (In Russ.) EDN: TGKKUA
- Wicke, A. (2023, January 1). Fünfzig Jahre voller Samstage – Paul Maars „Sams“-Romane: 1. Entstehung und Rezeption. <https://www.kinderundjugendmedien.de/aus-der-redaktion/6611-fuenfzig-jahre-voller-samstage-paul-maars-sams-romane-entstehung-und-rezeption>

Сведения об авторе:

Красовицкая Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германистики и лингводидактики, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1. ORCID: 0000-0002-6765-7424; SPIN-код: 7322-5858. E-mail: info@mgpu.ru

Bio note:

Yuliya V. Krasovickaya, PhD in Philology, Associate Professor of Germanistics and Linguodidactics Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, 4 Vtoroj Sel’skokhozyaistvennyi Proezd, bldg 1, Moscow, 129226, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6765-7424; SPIN-code: 7322-5858. E-mail: info@mgpu.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-791-801

EDN: QSMDFB

UDC 82.09

Research article / Научная статья

Adil Yakubov's Poetological Construction: Aesthetic Criteria and Basis of Expression

Azimidin N. Nasirov¹, Dilorom Ol. Khamidova¹,
Gulsanam Y. Kholikulova¹, Gulbakhor Is. Ernazarova¹,
Javlonbek Dzh. Oblokulov², Sobirjon B. Bazarov³,
Nodir N. Rakhmatullaev¹, Fatima B. Ismoilova¹,
Zebuniso U. Abdukholikova⁴

¹Samarkand State University named after Sharof Rashidov, Samarkand, Uzbekistan

²Karshi University of Economics and Pedagogy, Samarkand Branch, Samarkand, Uzbekistan

³Termez University of Economics and Service, Termez, Uzbekistan

⁴Tashkent City School No. 127, Tashkent, Uzbekistan

dilorom.xamidova94@gmail.com

Abstract. The dialectical unity of character and the human psyche, expressed artistically through the poetics of Adil Yakubov's prose, is analyzed. This unity is based on the concept of character as an imaginary hero with a clearly defined will and psychological experiences, distinguished by individual characteristics. The problem of interpreting this colorful world is embodied in the formation of character. In fiction, particularly novels, the study of the world of images emphasizes aspects such as the elevation of heroes to the level of personae and their role in the development of events. It follows that the mastery of character creation is linked to the process of artistic discovery by the creator. The novels analyzed of Adil Yakubov place particular emphasis on reality, which serves as the basis for interpretation, the world of images, psychological experiences, and the processes of character development.

Keywords: artistic skill, artistry, character image, evolution, psychology environment

Authors' contribution. Research data collection – Azimidin N. Nasirov, Gulsanam Y. Kholikulova, Gulbakhor Is. Ernazarova; concept development & manuscript writing – Javlonbek Dzh. Oblokulov, Sobirjon B. Bazarov, Nodir N. Rakhmatullaev; data analysis & manuscript editing – Dilorom Ol. Khamidova, Fatima B. Ismoilova, Zebuniso U. Abdukholikova. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 12, 2025; revised October 4, 2025; accepted November 24, 2025.

© Nasirov A.N., Khamidova D.Ol., Kholikulova G.Y., Ernazarova G.Is., Oblokulov J.Dzh., Bazarov S.B., Rakhmatullaev N.N., Ismoilova F.B., Abdukholikova Z.U., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Nasirov, A.N., Khamidova, D.Ol., Kholikulova, G.Y., Ernazarova, G.Is., Obloku-
lov, J.Dzh., Bazarov, S.B., Rakhmatullaev, N.N., Ismoilova, F.B., & Abdukholikova, Z.U.
(2025). Adil Yakubov's Poetological Construction: Aesthetic Criteria and the Basis of Expres-
sion. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 791–801. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-791-801>

Поэтологическая конструкция Адила Якубова: эстетические критерии и основа выражения

А.Н. Насиров¹, Д.Ол. Хамидова¹✉, Г.Ё. Холикулова¹,
Г.И. Эрнazarova¹, Ж.Дж. Облокулов², С.Б. Базаров³,
Н.Н. Рахматуллаев¹, Ф.Б. Исмоилова¹, З.У. Абдухоликова⁴

¹ Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, Самарканд,
Узбекистан

² Каршинский университет экономики и педагогики, Самаркандский филиал, Самарканд,
Узбекистан

³ Термезский университет экономики и сервиса, Термез, Узбекистан

⁴ Ташкентская городская школа № 127, Ташкент, Узбекистан

✉dilorom.xamidova94@gmail.com

Аннотация. Анализируется диалектическое единство характера и психики человека, выра-
женное в художественной форме через поэтику прозы Адила Якубова. В основе этого
единства лежит представление о характере как о воображаемом герое с ярко выраженной
волей и психологическими переживаниями, отличающемся индивидуальными особен-
ностями. Проблема интерпретации его красочного мира воплощается в формировании
характера. В художественной литературе, особенно в романах, изучение мира образов
акцентирует такие аспекты, как возвышение героев до уровня персонажей и их роль
в развитии событий. Из этого следует, что мастерство создания характера связано с про-
цессом художественного открытия творца. В анализируемых романах Адила Якубова
особое внимание уделяется реальности, служащей основой для интерпретации, миру об-
разов, психологическим переживаниям и процессам развития характера.

Ключевые слова: художественное мастерство, артистизм, образ персонажа, эволюция,
психология среды

Вклад авторов. Сбор исследовательских данных – А.Н. Насиров, Г.Ё. Холикулова,
Г.И. Эрнazarova; разработка идеи, написание рукописи – Ж.Дж. Облокулов, С.Б. Базаров,
Н.Н. Рахматуллаев; анализ данных, редактирование рукописи – Д.Ол. Хамидова,
Ф.Б. Исмоилова, З.У. Абдухоликова. Все авторы прочли и одобрили окончательную вер-
сию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта
интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 июня 2025 г.; отрецензирована 4 октября
2025 г.; принята к публикации 24 ноября 2025 г.

Для цитирования: *Nasirov A.N., Khamidova D.Ol., Kholikulova G.Y., Ernazarova G.Is., Oblokulov J.Dzh., Bazarov S.B., Rakhmatullaev N.N., Ismoilova F.B., Abdukholikova Z.U.* Adil Yakubov's Poetological Construction: Aesthetic Criteria and the Basis of Expression // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 791–801. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-791-801>

Introduction

The term poetics requires a combination of life coverage and creative individuality. Rather, the psyche is the essence of a set of tools that gradually develop image and artistic expression. In this sense, in the analysis of the novel, the balance of form and content is important. The essence of the work of art is clarified in the integrity of the organized system of internal and external factors. Although the study of novel poetry has a long history, it is distinguished by the criteria of artistry and the emergence of various poetic styles in the development of the genre. That's why poetics is manifested in an integral unity with the theory of the novel, which is a natural phenomenon that manifests itself in form and content in an integral unity with the manner of understanding the views and life of the creator. Visual artistic perception of life, expression of the creative concept in a form proportionate to the content ensures the reliability of the artistic reality. Poetic image acquires real scope in artistic space and time. The author's creative concept turns it into an artistic reality. The skill of a novelist is determined by life and artistic reality, form and content, creative concept and poetic expression. Already, the transition from emotional thinking to logical observation occupies an important place in the poetics of the novel. The subjective "I" creates an objective view: the conceptual integrity of formal elements creates structural harmony.

Materials and Methods

A number of theoretical sources analyzing the poetics of the novel are taken from world literature and theory. T.I. Hill's (1965, pp. 1, 150–151) theoretical source *Modern theories of knowledge* talks about the structure of the novel, its features in the form of poetic expression, the theory of artistic speech, its artistic function in the text, M. Polyakov's (1978, pp. 5–7) *Questions of Poetics and Artistic Semantics* in the work "semantic", the laws of artistry, emergence of semantic expression forms are analyzed. M.M. Bakhtin in the work *Author's Problem* emphasized that in the artistic interpretation of the reality of life, the creator's worldview, his thinking fulfills the primary task, which is the basis for the creator to create artistically perfect works. World novels and direct historical novels have their own views on the chronotope and its artistic function in the text. In particular, the theoretical views of world scientists such as H. Meyerhof (1960), James Heffernan (1987), J. Guller (2011), M. Akins (2012) should be noted. Also, theoretical views analyzing various artistic features of the chronotope have been noted. M. Vukanović and L. Grmuša (2009) analyzed the dialectical unity of the chronotope, epic space and time in the novel, while scholars such as Bemong, Borghart et al. (2010) noted the notions of the role of space and time in the formation

of the character of historical figure. Russian scientists such as M.M. Bakhtin (2022), E. Meletinsky (1986), V.E. Khalizev¹ (1999) analyzed the characteristics of the poetics of the chronotope in the work of art, U. Dzhorakulov (2015), one of the Uzbek scientists, talks about the characteristics of the chronotope in the poetic interpretation of the creator, while B. Torayeva (2022) analyzes the artistic functions of the chronotope in modern novels.

A.N. Nasirov (2012) in his monograph *Artistic and Vital Reality* revealed the features of the chronotope in the artistic expression of historical reality. Also, in historical novels, the individual characteristics of the artistic era, in the comparative-typological content analyzed poetic features consisting of epic time forms, categories and methods (Nasirov, 2020).

Based on the creative concept of the author of the historical novel and the general poetic concept of his work, he analyzed and drew theoretical conclusions based on the role of the artistic era in the formation of the character of the hero of the work (Nasirov, 2021; 2023).

Results and Discussion

The novel fully expresses the era and the human spirit. Understanding and meaning of the universe and man is stabilized in an artistic form appropriate to the content. Life content is recreated in emotional perception. So, “in the paradigmatics of the work the aesthetic hook of the writer ensures the individuality of poetic expression” (Meyerhof, 1960, p. 151).

Today, despite the increased desire to study the poetics of novels by individual authors, “what is poetics?” there is a certain difficulty in answering the question. The Russian critic, M. Polyakov, who put forward such an opinion, believes that it is appropriate to study the issue in three theoretical dimensions: both from the point of view of the material, from the point of view of the structure, and from the point of view of cooperation (Heffernan, 1987, p. 5). In fact, the concepts of poetics and literary theory are not the same thing. Explains the individual process. In the context of the novel, the writer refers to the spirit of the time when the work was created. The reality of life passing through the stage of semantic changes (undergoing transformation), merging in the harmony of various artistic elements, i.e. integration in terms of plot, composition, style, and expression, is analogous to the nature of the genre. Russian scientist M.M. Bakhtin (2022, p. 150) divides the model of aesthetic perception into four stages: aesthetic concept-task-material-art.

In organizing the parts of the novel into a single center, it is important to combine two poetic edges: the level of artistic specificity, the author’s ability to combine convention, tradition, genre, and aesthetic standards. From this point of view, the literary critic S.M. Eisenstein (1964, p. 277) was absolutely right when he appointed the whole of spirit of image and philosophical generalization as an

¹ Khalizev, V.E. (1999). Time and Space. In *Theory of Literature* (pp. 212–214). Moscow: Vysshaya Shkola Publ. (In Russ.)

aesthetic mode. The commonality of expression-interpretation-analysis is reflected between the unity of literary communication and the artistic content.

Adil Yakubov directed the realization of the creative goal of the idea he wanted to express to life information. The semantic field was able to combine artistic expression and logical completion. The content has moved from the spirit of the time to the nature of the creator. The fate of the person and the analysis of the reality has reached its conclusion directly in the essence of the literary image. The image above shows signs of rebellion in the heart of the nation. The tragedy of the hero, who ran for the benefit and needs of the people, and put his courage and will on the path of the country, will be covered in a more reasonable way. We conditionally divided the poetic expression into four parts: artistic texture; philosophical generalization; logical construction; emotional system. This quality is relative. Already, the writer regularly has a positive attitude towards the incident. The literary phenomenon of Adil Yakubov as a novelist is manifested in his reliable expression of literary characters on the basis of thoughts, feelings, the reality of life and attitude to the times, and his poetic proof.

Although each hero has his own intellectual and spiritual world in the artistic pursuits of the writer, there are also important points that unite them. This is the fact that the relationship of the heroes to the life, to people, to the most important events for mankind, is built on the basis of Eastern spirituality. Therefore, the novels of the same writer gain real weight. In fact, confirmation or denial of moral criteria is the main focus of the writer's creative research. In fact, the spiritual world of a person is not limited to the observance of moral standards. Strengthening and protection of universal values defines its basis. The natural beauty of the human image discovered by the artist is determined by its spiritual depth, social tension and artistic weight, as well as the subtle interpretation of the truth of life hidden in the depth of the character.

Adil Yakubov tries to identify the main source of power that determines the core of social relations and controls human behavior. For example, in the novel *Swans, White Birds*, the author emphasizes that the social nature of the character determines the direction of his will. In the work, the inner essence of the hero is manifested in the process of continuous movement and activity. This consistency and regularity make it possible to imagine the behavior of the characters as a whole. Character centers the system of events and the components of the plot. The personality of the hero is formed according to the direction of the will. The meaning and content of the image achieves social status at the intersection of interests and needs. Therefore, human nature is such that he always feels helpless in front of objective reality. The social essence determines the lifestyle and living space of each character. Rather, the demands and requirements of society or the judgment of fate play an important role in the formation of human character. The wholeness and full-bloodedness of the artistic character depends on the pathos of a number of aesthetic criteria. In our opinion, the poetic skill of the writer is manifested in the impartial description of images on the border of possibility and impossibility, dream and a failed dream, ideal and the most complicated situations of life. We refer to

some examples: “At such times, he tried not to remember the fateful night, but no matter how hard he tried, it came back to him repeatedly. Fatih Muzaffarov, who was devastated by this incident, was reminded of the horrifying incident that happened in his confusion, and the fact that they had abandoned Shokosim, who was lying unconscious in the ‘Jiguli’ in the past. Mehrinisa felt in her heart that Shokosim was the cause of this disaster, and when Fatih Muzaffarov was in her situation, Shokosim would never leave her on the highway and run away, especially when he lost her mind and left a helpless woman in the wilderness. He could not match the pair. He would definitely take himself to the hospital, even if they gave him ten years for the accident, even if they shot him, he wouldn’t have done it, he wouldn’t have saved his life by leaving a person lying on the road covered in blood because of the accident”². The observed reality was recreated in Mehrinisa’s memory. Memory has complete integrity. The conflict that has arisen in it rises to the climax. “A terrible accident that happened by chance” puts a chill on an important link of society – the family. A single characteristic detail reveals the image of Fatih Muzaffarov. In the midst of confusion, silly things and abandoning an unconscious Shokosim are not characteristic of a conscientious person.

The pain of conscience and bitter agony of a woman who is about to betray her makes the reader feel sympathy for her. Bitter and tragic “the terrible night” the disaster that happened on the street prompts the hero to learn a lesson. Only then will he examine the mistakes he made throughout his life and face his conscience. The author paints the landscapes of the stagnation period with characteristic features. These lines deeply reflect the contradictions and complexities of human misery and restlessness. Mehrinisa realizes the real truth in difficult and painful thoughts. Union, a woman’s pain, these special personal and private feelings go from a narrow circle to a social level. In turn, suffering is born from the conflict of human relations.

Writer embodies his life ideas with the help of a clear human image. The author illuminates the very personal, unique inner world of his characters. It elevates the true expression of the spiritual world to the level of the main goal. The social tension directed towards the poetic expression of moral and spiritual views reaches its climax in the image of a woman. In this sense, through the poetic expression of the interests and aspirations of the literary society, both personal and universal problems are crossed. The scale of scattered expressions expands, acquires conceptuality, and puts the sufferings caused by the human spirit and aspirations of the time into a unified artistic-aesthetic system.

Therefore, the poetic essence is understood in the integrity of the meaning and form of the image. A.A. Potebnya (1976, p. 164) meant this: “Orientation of the poetic essence to the division of concept and origin of the image threatens the integrity of the artistic world and artistic logic. Therefore, in the process of emotional perception, the integration of meaning components in art takes place. The current situation is content separation and separates the alternatives of logic” – he wrote.

² Yakubov, A. (1996). *Place of Justice. Stories, Essays* (p. 274). Tashkent: G’afur G’hulam Publishing House of Literature and Art. (In Uzbek.)

In the writer's novel *Old World* we find such a characteristic image: "...We were left alone. The sheikh immediately asked me to pack clothes and food for three to four days. It is known that the governor of Ghazna, Sultan Mahmud of Ghaznavi, sent an ambassador to Hamadan. The ambassador found the sheikh, even if he was underground, and immediately brought an order from the sultan to make him an inspector in Ghazna... Frightened Alouddawla met the sheikh secretly and gave him advice. Sheikh refused to go to Ghazna. The union decided that he should hide somewhere until the ambassador left"³.

In the above excerpt taken from the character's diaries and presented to the reader, Adil Yakubov used the method of literary mystification. Mystification performed an important artistic and aesthetic task in the plot of the work. More precisely, the phenomenon of expansion of the creative style of the writer determined the originality of the creator. The social era's instilling of fear into the human heart is convincingly imagined in the novel *The Address of Justice*.

To confirm the opinion, we observe the following passage: "Veteran and Mother Bibisora set out at dawn. The new 'brother' given to the veteran when he was retiring a few years ago, was a few years younger than the veteran, but he was mature from the inside, able to kick a flea. This man, who does not leave the saddle even if he dismounts, became the leader of the district veterans when he retired. Seeing Veteran, his brother was at first stunned, then he hurriedly opened the double-layered iron gate and said: 'Come on, your car!' 'Lock in the yard!' he said, looking towards the main street"⁴.

In poetic speech, linguistic communication, non-linguistic factors and a reshaped semantic field are mutually differentiated. In the process of artistic creation, the writer combines these aspects around the aesthetic goal. During the analysis of the microtext, the state of mind is transferred from the heart to the language and achieves the expression of the character. Artistic interpretation creates a new field of meaning of the construction. The concept contained in the microtext moves from the boundaries of imagination to creative logic. For this reason, literary critic-scientist F. Zolger connects the core of the artistic discussion with the integrity of the ideological center.

Adil Yakubov proves the violation of social justice criteria through the life scene in the place of execution of the punishment, the speech of the characters. The city is here and there, three or four policemen are still guarding the Raykom building, and at the gate of the prison, as before, there was a traffic jam of knotted women, old women, and children. Falcon left his mother in front of the prison and went to meet his teacher. When Marjonoy saw the tears of women whose husbands, children, and relatives were in prison, she began to wait in line with tears in her eyes. The line was long, and it was still a long way to the hole where they were getting food, but the worst thing was that even if it was their turn, no one could tell in advance

³ Yakubov, A. (1986). *The Old World. Novel* (p. 22). Tashkent: G'afur G'hulam Publishing House of Literature and Art. (In Uzbek.)

⁴ Yakubov, A. (1996). *Place of Justice. Stories, Essays* (p. 68). Tashkent: G'afur G'hulam Publishing House of Literature and Art. (In Uzbek.)

whether they would get their food or find an excuse to return it, and many would not be able to hand over the food they had brought, and would go back in a hurry. Sometimes, through the radio speaker installed on the gate, some people are called out of line, so that among those who are waiting in line disgruntled voices and commotion began. “Even in the detention center there is no justice, there is a lot of violence!”, people complained⁵ (Yakubov, 1996, p. 152).

It seems that the author achieves clarity of experience, integrity of poetic concept. In the literary text, the life situation that disturbed the writer is expressed through the mental experience of the characters. By deepening the discussion, the writer achieves philosophical-aesthetic judgments and conclusions.

Conclusion

The novel genre has endless possibilities. It prepares the ground for a detailed description of the chronicle of human life. More precisely, the large-scale expression of important developments in human development determines the scale of artistic forms. Epic part directs the plot to a conditional and deep essence. As a result, a true image of the human lifestyle is created. From this point of view, it becomes clear that in the novel “Honesty” a great philosophical and social generalization is embedded in the personality of the hero. After all, the work has both content, form, and method integrity. By the time of independence, the need to reassess the ethical and aesthetic criteria in society’s life has deepened the situation. If we take into account the integral expression of human spirituality and enlightenment in the formal development of the Uzbek literature of the new era, especially the poetics of the novel genre, the essence of the issue becomes clearer. Because, on the one hand, image skills and sincerity of expression organize the logical and consistent development of the process of organic artistic observation, on the other hand, the existing patterns of life and psychological interpretation in accordance with them reveal special principles of researching reality. In turn, this situation, the internal structure of the genre is a poetic observation affects the system. It was proved that Adil Yakubov is one of the creators who had his place in the Uzbek prose of the second half of the 20th century.

References

- Akins, M.T. (2012). *Time and Space Reconsidered: The Literary Landscape of Murakami Haruki* [Doctoral dissertation, SOAS, University of London]. London.
- Bakhtin, M. (2022). *Problems of Dostoevsky’s Poetics*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Bakhtin, M.M. (1977). The problem of the author. *Questions of Philosophy*, (7), 148–160. (In Russ.)
- Bemong, N., Borghart, P., De Dobbeleer, M., Demoen, K., De Temmerman, K., & Keunen, B. (2010). *Bakhtin’s Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives* (p. 213). Gent, Academia Press. https://doi.org/10.26530/OAPEN_377572

⁵ Yakubov, A. (1996). *Place of Justice. Stories, Essays* (p. 152). Tashkent: G’afur G’hulam Publishing House of Literature and Art. (In Uzbek.)

- Dzhorakulov, U. (2015). *Issues of Theoretical Poetics: The Author. Genre. Chronotope*. Tashkent: G'afur G'ulam Publ. (In Uzbek.)
- Eisenstein, S. (1964). *Selected Works in Six Volumes* (Vol. 2). Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- Guller, J. (2011). *Literary Theory*. Oxford University Press Inc.
- Heffernan, J.A.W. (1987). *Space, Time, Image, Sign: Essays on Literature and the Visual Arts*. Peter Lang Inc., International Academic Publishers.
- Hill, T.I. (1961). *Contemporary Theories of Knowledge*. Ronald Press Co.
- Meletinsky, E.M. (1986). *Introduction to the Historical Poetics of Epic and Novel*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Meyerhof, H. (1955). *Time in Literature, Time, Literature – History and Criticism*. Berkeley, University of California Press.
- Nasirov, A.N. (2023). Artistic thought in the process of globalization and logical consistency. *International Journal of Social Science & Interdisciplinary Research*, 12(1), 90–94.
- Nasirov, A. (2020). Creating an artistic image in the novel “Ulugbek’s Treasure” Odil Yakubov. *Uluslararası Türk Lehçe Araştırmaları Dergisi (TÜRK LAD)*, 4(2), 200–205. (In Turk.) <https://doi.org/10.30563/turklad.649243>
- Nasirov, A.N. (2021). Features of Symbolic Interpretation. *International Journal on Orange Technologies*, 3(3), 71–76.
- Nasirov, A. (2012). *Poetics of Adil Yakubov’s Novels*. Tashkent: Fan Publishing House. (In Uzbek.)
- Polyakov, M.Y. (1978). *Questions of Poetics and Artistic Semantics* (2nd ed.). Moscow: Sovetskij Pisatel’. (In Russ.)
- Popova, I.L. (1992). *Literary Mystification and the Poetics of the Name* [Doctoral Dissertation, Lomonosov Moscow State University]. Moscow. (In Russ.)
- Potebnya, A.A. (1976). *Aesthetics and Poetics*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- Toraeva, B. (2022). *Chronotopic Poetics in Modern Novels*. Tashkent: EFECT-D Publ. (In Uzbek.)
- Vinogradov, V.V. (1980). *On the Language of Fiction*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Vukanović, M.B., & Grmuša, L.G. (2009). *Space and Time in Language and Literature*. Cambridge Scholars Publishing.

Список литературы

- Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : АСТ, 2022. 352 с.
- Бахтин, М.М. Проблема автора // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 148–160.
- Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М. : Наука, 1980. 360 с.
- Джоруакулов У. (Jo'raqulov U.) Nazariy poetika asoslari: muallif. Janr, xronotor [Вопросы теоретической поэтики: автор. Жанр, хронотоп]. Toshkent: G'afur G'ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi (Ташкент: Издательство литературы и искусства «Гафур Гулам»), 2015.
- Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М. : Наука, 1986. 320 с.
- Насиров А. (Nasirov A.) *Odil Yoqubov romanlari poetikas* [Поэтика романов Адиля Якубова]. Toshkent: Fan nashriyoti (Ташкент : Фан), 2012.
- Насиров А. (Nasirov A.) *Odil Yoqubovning “Ulug‘bek hazinasi” romanida badiiy obraz yaratish* [Создание художественного образа в романе Адиля Якубова «Сокровища Улугбека»] // Uluslararası Türk Lehçe Araştırmaları Dergisi (TÜRK LAD). 2020. Vol. 4. No. 2. P. 200–205. <https://doi.org/10.30563/turklad.649243>
- Поляков М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Советский писатель, 1978. 446 с.

- Попова И.Л. Литературная мистификация в историко-функциональном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08. М., 1992. 18 с.
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М. : Искусство, 1976. 614 с.
- Тураева Б. Поэтика хронотопа в современных романах. Ташкент: ЭФЕКТ-Д, 2022.
- Эйзенштейн С. Избранные произведения : в 6 томах. Т. 2. М. : Искусство, 1964.
- Akins M.T. Time and Space Reconsidered: The Literary Landscape of Murakami Haruki : Doctoral dissertation. SOAS, University of London, 2012.
- Bemong N., Borghart P., De Dobbeleer M., Demoen K., De Temmerman K., Keunen B. Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives. Gent, Academia Press, 2010. P. 213. https://doi.org/10.26530/OAPEN_377572
- Guller J. Literary Theory. New York : Oxford University Press Inc., 2011. 184 p.
- Heffernan J.A.W. Space, Time, Image, Sign: Essays on Literature and the Visual Arts. Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 1987. 124 p.
- Hill T.I. Contemporary Theories of Knowledge. New York : Ronald Press Co., 1961. 583 p.
- Meyerhof H. *Time in Literature, Time, Literature – History and Criticism*. Los Angeles : Berkeley, University of California Press, 1955. 160 p.
- Nasirov A.N. Features of Symbolic Interpretation // *International Journal on Orange Technologies*. 2021. Vol. 3. No. 3. P. 71–76.
- Nasirov A.N. Artistic thought in the process of globalization and logical consistency // *International Journal of Social Science & Interdisciplinary Research*. Vol. 12. No. 1. P. 90–94.
- Vukanović M.B., Grmuša L.G. Space and Time in Language and Literature. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2009.

Bio notes:

Azimidin N. Nasirov, Grand PhD in Philology, Lecturer in the Department of Literature and Literary Theory of the Independence Period, Samarkand State University, 15 University Blvd, Samarkand, 140104, Uzbekistan. ORCID: 0000-0001-9824-7674. E-mail: azmiddinnosirov@gmail.com

Dilorom Ol. Khamidova, PhD in Philosophy, Lecturer in the Department of Literature and Literary Theory of the Independence Period, Samarkand State University, 15 University Blvd, Samarkand, 140104, Uzbekistan. ORCID: 0009-0001-5718-0837. E-mail: dilorom.xamidova94@gmail.com

Gulsanam Y. Kholikulova, Associate Professor, Lecturer in the Department of the History of Classical Literature, Samarkand State University, 15 University Blvd, Samarkand, 140104, Uzbekistan. ORCID: 0009-0000-3024-2906. E-mail: gulsanamkholikulova@gmail.com

Gulbakhor Is. Ernazarova, PhD in Philosophy, Lecturer in the Department of Literature and Literary Theory of the Independence Period, Samarkand State University, 15 University Blvd, Samarkand, 140104, Uzbekistan. ORCID: 0000-0002-9705-1255. E-mail: bahoriso@inbox.ru

Javlonbek Dzh. Oblokulov, Associate Professor, Lecturer, Karshi University of Economics and Pedagogy, Samarkand Branch, Kushtamgali, Samarkand district, Samarkand region, 140319, Uzbekistan. ORCID: 0009-0005-8067-6039. E-mail: Oblokulov.79@mail.ru

Sobirjon B. Bazarov, Associate Professor, Lecturer, Termez University of Economics and Service, 4B Farovon block, Termez, Surkhandarya, 190111, Uzbekistan. ORCID: 0009-0009-3820-2365. E-mail: sbazarov670@gmail.com

Nodir N. Rakhmatullaev, PhD in Philosophy, Lecturer in the Department of Literature and Literary Theory of the Independence Period, Samarkand State University, 15 University Blvd, Samarkand, 140104, Uzbekistan. ORCID: 0009-0009-0429-7204. E-mail: nodirrahmatullaev777@gmail.com

Fatima B. Ismoilova, Grand PhD Courses, Lecturer of the Department of Literature and Literary Theory of the Independence Period, Samarkand State University, 15 University Blvd, Samarkand, 140104, Uzbekistan. ORCID: 0009-0006-4668-9431. E-mail: fotimaismoilova813@gmail.com

Zebuniso U. Abdukholikova, Teacher, Tashkent City School No. 127, Bashlyk residence, Tashkent, 100022, Uzbekistan. ORCID: 0009-0002-7210-3335. E-mail: oabdukholikova@gmail.com

Сведения об авторах:

Насиров Азимидин Нормаматович, доктор филологических наук, преподаватель кафедры литературы и теории литературы периода Независимости, Самаркандский государственный университет, Узбекистан, 140104, Самарканд, Университетский бульвар, д. 15. ORCID: 0000-0001-9824-7674. E-mail: azmiddinnosirov@gmail.com

Хамидова Дилором Олимжоновна, PhD (доктор философии), преподаватель кафедры литературы и теории литературы периода Независимости, Самаркандский государственный университет, Узбекистан, 140104, Самарканд, Университетский бульвар, д. 15. ORCID: 0009-0001-5718-0837. E-mail: dilorom.xamidova94@gmail.com

Холикулова Гульсанам Ёркуловна, PhD (доктор философии), преподаватель кафедры истории классической литературы, Самаркандский государственный университет, Узбекистан, 140104, Самарканд, Университетский бульвар, д. 15. ORCID: 0009-0000-3024-2906. E-mail: gulsanamkholikulova@gmail.com

Эрназарова Гульбахор Исаковна, PhD (доктор философии), преподаватель кафедры литературы и теории литературы периода Независимости, Самаркандский государственный университет, Узбекистан, 140104, Самарканд, Университетский бульвар, д. 15. ORCID: 0000-0002-9705-1255. E-mail: bahoriso@inbox.ru

Облокулов Жавлонбек Джалолидинович, доцент, преподаватель, Каршинский университет экономики и педагогики, Самаркандский филиал, Узбекистан, 140319, Самаркандский район, Куштамгали. ORCID: 0009-0005-8067-6039. E-mail: Oblokulov.79@mail.ru

Базаров Собиржон Бекташович, доцент, преподаватель, Термезский университет экономики и сервиса, Узбекистан, 190111, Термез, м-в Фаровон, 4Б. ORCID: 0009-0009-3820-2365. E-mail: sbazarov670@gmail.com

Рахматуллаев Нодир Нематович, PhD (доктор философии), преподаватель кафедры литературы и теории литературы периода Независимости, Самаркандский государственный университет, Узбекистан, 140104, Самарканд, Университетский бульвар, д. 15. ORCID: 0009-0009-0429-7204. E-mail: nodirrahmatullaev777@gmail.com

Исмоилова Фатима Бахриддиновна, докторант кафедры литературы и теории литературы периода Независимости, Самаркандский государственный университет, Узбекистан, 140104, Самарканд, Университетский бульвар, д. 15. ORCID: 0009-0006-4668-9431. E-mail: fotimaismoilova813@gmail.com

Абдухоликова Зебунисо Уткир кызы, преподаватель, Ташкентская городская школа № 127, Узбекистан, 100022, Ташкент, м-в Башлык. ORCID: 0009-0002-7210-3335. E-mail: oabdukholikova@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-802-812

EDN: RBFQNI

УДК 821.161.1:82.09

Научная статья / Research article

Мухтар Ауэзов и Иван Тургенев

Г.Ж. Прали^{ID}✉, Д.А. Кунаев^{ID}

Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, Алматы, Казахстан

✉diar.kunayev@gmail.com

Аннотация. Цель – анализ не известных ранее материалов научного и критического наследия Ауэзова, в которых отражена история изучения казахской литературы и ее связи с литературными традициями других народов. Статья является продолжением исследовательской работы, связанной с изучением творческого наследия М.О. Ауэзова, и отличается новизной и актуальностью. В ней впервые рассматривается влияние произведений И.С. Тургенева на творчество казахского классика. Исследуется направление, ранее не подвергавшееся глубокому анализу: духовные истоки, питавшие Ауэзова, вдохновлявшие и наполнявшие его творческой энергией. Помимо национальной литературы, важную роль сыграла и мировая, в том числе русская классическая литература. Подчеркивается, что Ауэзов считал Тургенева своим учителем, который расширил его мировоззрение и оказал воздействие на его писательский стиль. Авторы изучают влияние Тургенева на творчество Ауэзова, открывая перспективы для новых исследований. Рассматривается переводческий опыт Ауэзова, его научные выводы в данной сфере. Мухтар Ауэзов знакомил казахского читателя с лучшими произведениями мировой литературы, его переводы русской классики поднимали уровень художественного перевода в Казахстане. Работа способствует дальнейшему изучению литературных взаимосвязей, углублению понимания влияния русской классики на Ауэзова, его роли в культурном процессе.

Ключевые слова: М.О. Ауэзов, И.С. Тургенев, казахская литература, русская классическая литература, литературные взаимосвязи, художественный перевод, влияние, критическое наследие, мировая литература, исследование

Вклад авторов. Разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, их анализ, написание и редактирование статьи – Г.Ж. Прали и Д.А. Кунаев. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18 августа 2025 г.; отрецензирована 15 сентября 2025 г.; принята к публикации 18 сентября 2025 г.

© Прали Г.Ж., Кунаев Д.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Прали Г.Ж., Кунаев Д.А. Мухтар Ауэзов и Иван Тургенев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 802–812. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-802-812>

Mukhtar Auezov and Ivan Turgenev

Gulziya Zh. Prali^{id}✉, Diar A. Kunayev^{id}

M. Auezov Institute of Literature and Art, Almaty, Republic of Kazakhstan

✉diar.kunayev@gmail.com

Abstract. The aim continues the research on the creative legacy of M.O. Auezov, presenting new and relevant insights. It is the first study to examine the influence of I.S. Turgenev's works on the Kazakh literary classic. The article analyzes previously unknown materials from Auezov's scholarly and critical heritage, which reflect the history of Kazakh literature and its connections with the literary traditions of other nations. The study explores a previously unexamined area: the spiritual sources that nourished, inspired, and energized Auezov creatively. Alongside national literature, world literature – particularly Russian classical literature – played a crucial role. The article emphasizes that Auezov regarded Turgenev as a mentor who broadened his worldview and influenced his writing style. The authors investigate Turgenev's impact on Auezov's works, opening avenues for further research. Additionally, Auezov's experience as a translator and his scholarly contributions in this field are examined. By introducing Kazakh readers to masterpieces of world literature, his translations of Russian classics elevated the standards of literary translation in Kazakhstan. This study contributes to the further exploration of literary connections, deepening the understanding of Russian classics' influence on Auezov and his role in the cultural process.

Keywords: M.O. Auezov, I.S. Turgenev, Kazakh literature, Russian classical literature, literary connections, literary translation, influence, critical heritage, world literature, research

Authors' contributions. Research concept development, data collection & analysis, manuscript writing & editing – Gulziya Zh. Prali, Diar A. Kunayev. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 18, 2025; revised September 15, 2025; accepted September 18, 2025.

For citation: Prali, G.Zh., & Kunayev, D.A. (2025). Mukhtar Auezov and Ivan Turgenev. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 802–812. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-802-812>

Введение

Выдающийся казахский писатель, общественный деятель М. Ауэзов является не только автором многочисленных рассказов и повестей, в том числе и наменитого романа «Путь Абая», но и переводчиком русской литературы на казахский язык. Он много сделал для того, чтобы познакомить казахскую аудиторию с лучшими образцами русской и мировой литературы, рассматривая

проблему художественного перевода как составную часть общего литературного дела.

Переводы, несомненно обогатили его собственное творчество, повлияли на его творческий рост. М. Ауэзов перевел на казахский язык произведения мастеров художественного слова мировой литературы: очерк Л. Толстого «Будда», рассказы «После бала», «Булька», рассказы А.П. Чехова «Белолобый» и Джека Лондона «Белый клык», Ю. Вагнера «Рассказы о происхождении Земли», пьесу И. Прута «Князь Мстислав Удалой», пьесу Н. Погодина «Аристократы», трагедию Шекспира «Отелло», комедию «Укрощение строптивой» и роман И.С. Тургенева «Дворянское гнездо». Несомненно, этими работами М. Ауэзов поднял художественный перевод в Казахстане на новый уровень.

По мнению казахского писателя, к переводу следовало относиться со всей серьезностью и знанием основ переводческого дела. Переводить следовало только самые лучшие и образцовые труды. В этой связи вспоминаются слова русского писателя и переводчика Алексея Пантиелева (1997, с. 117), который писал: «...Судя по всему, Ауэзов переводил тех мастеров, у которых учился. Это была школа прежде всего драматургического мастерства. Учиться Ауэзов умел».

Среди переведенных им произведений особенно дорог был роман Ивана Сергеевича Тургенева «Дворянское гнездо» (1859). Поиск ответа на вопрос о причине такого выбора приводит к воспоминаниям И. Брагинского, одного из близких друзей М. Ауэзова, который свидетельствует о его признании, что в юности из всех русских классиков больше всего он любил И. Тургенева.

В очерке «Ученый-поэт» Иосифа Брагинского (1997) читаем: «...И наконец еще об одном разговоре, у больничной койки. М. Ауэзов очень страдал, но, как всегда, был бодр и говорил не о болезни, а о своих думах, о волновавшем его вопросе – о взаимовлиянии и взаимообогащении литератур:

„Вот будете, возможно, и вы писать о влиянии, которое оказала на меня русская литература. Правильно, огромное, ни с чем не сравнимое влияние. Но какой его характер, как оно проявляется? Назовете, конечно, М. Горького, назовете Л. Толстого. И это тоже верно. Но знаете ли вы, кто оказал на меня самое большое влияние? Не догадаетесь! Тургенев. Вы не смотрите, что на поверхности, может быть, этого влияния и не видно. Литературное влияние – это не простая вещь, его только упрощенцы думают руками схватить и показать, смешивая влияние и подражание. Творческое влияние происходит где-то в глубине, проникает в самую душу писателя, делается его второй природой и проявляется как-то по-своему, по-особому, не всегда заметно для невооруженного взгляда. Вот так и Тургенев, а ведь его-то я больше всех и любил смолоду“.

Мухтар Ауэзов только коснулся этого вопроса как часто бывает, о чем-то очень дорогом не хочется говорить; он перешел к другим темам.

Мне не приходилось ни у него, ни у других авторов, пишущих о нем, встречать что-либо в этом роде, о роли Тургенева в творчестве М. Ауэзова.

Разве один раз. В своей статье о работе над „Абаем“ он писал, что в конфликте тринадцатилетнего Абая и его отца Кунанбая нашел пружину для

развертывания событий в нескольких последующих главах. Отец и сын, противопоставленные в романе как антиподы, дали мне возможность увидеть тугой пружинящий узел сложных людских отношений...».

Результаты и обсуждение

Тема взаимосвязи И.Тургенева и М. Ауэзова требует глубокого осмысления. Задумываешься, почему старый русский писатель Иван Новиков, написавший книгу о мастерстве Тургенева, не смог удержаться от того, чтобы не начать разговор на эту тему стихами! Трудно, видимо, иначе высказаться о поэзии тургеневской прозы. И приходит в голову мысль – не в этой ли особой, тургеневской поэтичности заложен источник влияния на молодого Ауэзова? Может быть, «Стихотворения в прозе» помогут нам лучше воспринять всю прелесть четырех томов поэтической прозы ауэзовского «Абая»? (Брагинский, 1997).

Однако писатель в статье «Как я работал над романом „Абай“» уточняет: «Кроме того, я внимательно ознакомился с опытом создания исторического романа в советской и мировой литературе и особенно романа о творческой личности.

Я учитывал требования нашей критики к такого рода произведениям: воспроизводя жизнь и деятельность того или иного поэта или писателя, не следует ограничивать круг идей своего романа только личностью героя. Надо также отражать эпоху и народ в его исторических устремлениях в грядущее»¹.

В самом деле тема отношения М. Ауэзова к И. Тургеневу, почитания его как своего учителя в казахском литературоведении до сих пор специально не рассматривалась. Естественно напрашивается вопрос, в чем же секрет духовной близости двух творческих личностей, ведь это тайна созвучности художественного и профессионального мастерства. Кажется, об этой внутренней привязанности великого писателя к И. Тургеневу не знала даже работавшая с ним рядом всю сознательную жизнь З.С. Кедрина. Тесно знакомая с творческой жизнью М. Ауэзова, знавшая все тайны и нюансы, планы и загадочный мир его творчества, З. Кедрина (1964, с. 114) писала в статье «Творческий подвиг»: «...Чехов, Горький, Пушкин, Толстой – творческие учителя Ауэзова. Глубоко воспринимает он и влияние западных писателей – Мопассана, Дж. Лондона. Но, жадно впитывая эти влияния, М. Ауэзов остается самим собой».

Кроме того, есть признание самого писателя в автобиографической статье «Сведения о себе», написанной в ответ на вопрос Смагула Садуакасова: «<...> Из русских писателей явно люблю Толстого, Достоевского. Если не копаться в человеческой душе, как копались они, – нет смысла в писательстве вообще <...>»².

Вот так тема Тургенева в мухтароведении становится еще более загадочной, читатель глубже погружается в мир, полный тайн и недомолвок.

¹ Ауэзов М. Полное собрание сочинений : в 50 томах. Т. 30. Алматы : Жібек жолы, 2010. С. 103.

² Ауэзов М. Сведения о себе. Рукописный фонд НКЦ «Дом Ауэзова», п. 382, л. 1–6.

Тема Тургенева у М. Ауэзова изначально была наполнена мистикой и тайной. К примеру, в статье ученого-мухтароведа, академика Заки Ахметова говорится: «...При рассматривании текста поэмы Абая „Масгут“, сопоставляя разные варианты и сведения, Мухтар Ауэзов обратил внимание на одну особенность. В одной из рукописей Мурсеита (эта рукопись в то время хранилась в личной библиотеке Мухана, он ее иногда приносил показать), кажется, было слово „Тургенев“, он решил выяснить его смысл. В рукописи слово „Тургенев“ было написано сверху другими чернилами. Как бы то ни было, оказалось, что это слово было написано не просто так. В ходе изучения выяснилось, что сюжет первой части поэмы „Масгут“ (о выборе Масгута между мудростью, богатством и женщиной) точь-в-точь совпадает с сюжетом произведения И.С. Тургенева „Восточная легенда“ с начала до конца. Конечно, из-за этого никто не пришел к заключению, что поэма Абая является переводом произведения Тургенева. Просто выяснилось, что основой для обоих произведений послужила одна и та же „Восточная легенда“» (Ахметов, 1996, с. 134–144).

Изучение М. Ауэзовым И.С. Тургенева – а он придавал этому вопросу большое значение – всю сознательную жизнь преданно учившегося у него, похоже, постепенно превратило творчество И.С. Тургенева в некий идеал для М. Ауэзова. Это очень непростая тема, требующая глубокого изучения в перспективе. Наша задача в данной статье заключается лишь в том, чтобы лишь поделиться волнующими научными гипотезами. Предполагаем, что наиболее правильным будет начать изучение вопроса с исследования опыта перевода М. Ауэзовым романа И. Тургенева «Дворянское гнездо» на казахский язык³.

Сразу после публикации перевода романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» (перевод впервые был опубликован в нескольких номерах журнала «Литература и искусство» в 1952 г., в 1968 г. – в виде отдельной книги и сборниках произведений писателя) автор публикует статью «О переводе романа „Дворянское гнездо“» в журнале «Литература и искусство». В статье говорится о том, что давней мечтой писателя было углубление в мастерство писателя через перевод этого произведения, желание учиться на опыте Тургенева как автора романа, который в истории русской литературы считается поэмой в прозе. Рассуждая об изысканиях, требованиях и художественном вкусе в процессе перевода этого романа, он придает большое значение роли и задачам перевода в росте и обогащении национальной литературы, пропагандировании и доведении ее до мирового уровня: «...Но до сих пор нет точного ответа на такие одновременно и научные, и творческие вопросы о том, как „сделать художественный перевод, чтобы получилось, как задумано“. Было бы хорошо, если бы наша переводческая деятельность проверялась, учитывались бы наши успехи и недостатки в переводе. С ростом количества переводческих работ возрастает необходимость в отзывах и заключениях относительно опыта перевода»⁴.

³ Ауэзов М. О переводе романа «Дворянское гнездо» // Литература и искусство. 1952. № 9. С. 7–10.

⁴ Там же. С. 10.

В размышлениях об истории литературы, поэтике, теории перевода Ауэзов утверждал художественный перевод как искусство слова. Перевод есть открытая платформа, где переводчик демонстрирует свой талант и вкус, знания и образованность.

Художник делился мыслями о процессе работы над романом «Путь Абая», его размышления о конфликте поколений связаны с экзистенциальными проблемами в романах И. Тургенева «Отцы и дети» и Ф. Достоевского «Братья Карамазовы». Нет сомнения в том, что поэтическая проза, пафос, волшебство и тайна языка и стиля, полных высокого вдохновения в романе-эпопее М. Ауэзова «Путь Абая» порождены восхищением романом «Дворянское гнездо», желанием учиться писательскому опыту И. Тургенева. Содержания, композиции, сюжет и стиль М. Ауэзова несомненно испытали влияние романа И. Тургенева «Дворянское гнездо».

Следующие заключения М. Ауэзова: «Дворянское гнездо» – не исторический роман. Это роман, описывающий процесс, связанный с судьбой слабеющих, уже теряющих силу русских дворян», – напоминают состояние изжившей себя культуры кочевого народа и судьбу новых персонажей, которые начали интересоваться проблемами человечности и морали в жизни общества. Невозможно не заметить сходство в описании волнения и самых светлых переживаний человека, соскучившегося по дому, в картине возвращения Лаврецкого в родные места в романе «Дворянское гнездо», и чувств совсем еще молодого Абая, возвращающегося в родной аул после учебы. Оценка таланта автора «Дворянского гнезда», данная М. Ауэзовым как ученым-литературоведом, стоит особого внимания: «Этот роман Тургенева в истории русской литературы называют поэмой в прозе. Роман полон лирики, ни в одном другом произведении Тургенев не раскрывал свое внутреннее Я так, как в романе „Дворянское гнездо“. Здесь особенная художественная лирика посвящена красоте природы, природа созвучна настроению в душе Лаврецкого, она словно тоскует вместе с ним. Герой романа и природа, будто переплелись и существуют рядом, вместе. Читающее русское общество с любовью читало этот роман, словно одурманенное такими его особенностями. М. Салтыков-Щедрин, восхищенно оценивая роман, писал: „от каждого звука этого романа веет светлой поэзией“. Добролюбов же, перечисляя качества Тургенева, отмечал, что он „сумел найти самые болезненные струны существования общества“»⁵.

«Путь развития русского языка, начиная с XVIII ст., крестьянская речь Лаврецкого у Тургенева или перевод на русский и казахский язык Шекспира могут ли воспроизводить то далекое время, которое отделяет нас от текста Шекспира с звучанием, которое было соответственно тому времени?». Эти слова М. Ауэзова, сказанные на совещании казахских писателей по вопросам художественного перевода, подчеркивают, что для каждого исторического периода, для каждого писателя характерен свой стиль, у персонажей

⁵ Ауэзов М. Полное собрание сочинений : в 50 томах. Т. 30. О переводе романа «Дворянское гнездо». Алматы : Жібек жолы, 2010. С. 221–227.

имеется характерная только для них особая манера речи, их художественные особенности и историческая ценность переплетаются и создают личный, особенный почерк в искусстве слова⁶.

Нетрудно заметить созвучие в ритмике, преемственность, тесную связь творчества М. Ауэзова и И. Тургенева. Литературоведы отмечали «след» И. Тургенева в творчестве казахского писателя. Эта тема, несомненно, станет одним из лучших начинаний для будущих исследований в мухтароведении. Если прислушаться к словам великого писателя, понимаем, что среди русских авторов ему особенно по душе И. Тургенев, творчество которого он почитал образцом для себя, и убеждаемся в том, что к переводу романа «Дворянское гнездо» он пришел сознательно. Рассказывая о своем опыте перевода романа «Дворянское гнездо», занимающего свои историческое место в мировой литературе и обладающего высокой художественной ценностью, на казахский язык, М. Ауэзов словно подсказывает ответы на наши вопросы: «...изначально я старался в меру моих сил перевести роман точно. Только точный перевод может передать особенности языка, стиля, предложений большого писателя, в этом смысле точный перевод я понимаю как перевод по предложениям, то есть каждому предложению оригинала соответствует предложение перевода. Поэтому, каким бы длинным ни было предложение в романе, оно не прерывается, не дробится, не переводится несколькими предложениями. Как следствие, знаки препинания (пунктуация), присутствующие в русском тексте, так же обильно используются и в казахском тексте. Таким образом, предложения Тургенева и в казахском варианте передаются точно, в соответствии с объемом и длиной в оригинале. Этому есть своя причина. Посредством перевода образца великой русской классической литературы я, переводчик-писатель, стараюсь учиться мастерству этого драгоценного варианта. И особенно точно передавая Тургенева, как есть, стараюсь точно представить нашему читающему сообществу конкретные особенности его языка и стиля. Точная передача предложений напрямую способствует точной передаче стиля писателя. Узнав стиль, можно полностью узнать конкретные особенности, характерные для того или иного автора. Итак, нужно стараться переводить Тургенева его тургеневскими предложениями, Гоголя – характерными для него периодами, Л. Толстого – его многоступенчатыми предложениями, точно так же Шолохова нужно стараться переводить в соответствии с его особенностями строения предложений»⁷.

Не вникнув глубоко в художественный мир литературного произведения, невозможно его хорошо перевести, если мы учтем это, поймем, что в способах и приемах художественного перевода обязательное использование творческого влияния и воздействия – это закономерность. В ходе литера-

⁶ Ауэзов М. Стенограмма совещания писателей Казахстана о состоянии переводческой работы (28.04.1948) // Неизвестное в наследии Мухтара Ауэзова : архивные документы. Алматы : Библиотека Олжаса, 2013. С. 198.

⁷ Ауэзов М. Полное собрание сочинений : в 50 томах. Т. 30. О переводе романа «Дворянское гнездо». Алматы : Жібек жолы, 2010. С. 221–227.

турного процесса открываются возможности для глубокого изучения поэтики оригинального произведения, взвешенного анализа художественных особенностей, погружения в тайну каждого необычного употребления языковых средств, ощущения ценности словарного фонда, освоения языковых, стилистических, художественных, психологических особенностей. Метод сравнительного анализа в теории художественного перевода при этом играет важную роль. Об этом пишет профессор Ж. Дадебай (2011, с. 98): «...художественный перевод – одна из форм существования художественного произведения. А выполнение художественного перевода – творческий труд, равный созданию нового произведения искусства». Также об этом говорит и видный мастер слова Такен Алимкулов (1978): «...Человек, не вдохновленный при выполнении перевода, не пишущий кровью сердца, не способен создать произведение, которое будет долго жить в родном языке».

Заложивший основы казахского переводоведения, получивший признание своими теоретическими заключениями, богатым практическим опытом в этой сфере, М. Ауэзов указывает: «...Если созданный таким образом опыт получится художественным, понравится читателю, значит, мы сумели передать русского классика без фальши, полностью. Так мы обогатим культуру своей речи образцами культуры русского языка, культуры построения предложений самого высокого качества. Все эти цели в нынешний период нарастающего развития художественной прозы казахской советской литературы являются крупными, настоящими основными целями...»⁸, такими словами он затрагивает множество важных проблем. В ауэзовской научно-теоретической концепции о переводе в качестве неизменного требования присутствует условие сохранения художественных характеристик оригинального текста. Сюда относятся требования не отступать от содержания и манеры повествования, идейно-художественных свойств, ритма и созвучности, стиля и особенностей оригинала. В этом отношении следует согласиться с мнением ученого литературоведа Ж. Дадебая, автора учебного пособия «Литературная компаративистика и художественный перевод»: «...Нужно признать, что в предлагаемых М. Ауэзовым правилах есть система. Эту систему можно повторять, дополнять, обогащать, но ее нельзя уничтожить, отрицать. Потому что эта система достаточно обоснована как научно, так и практически» (Дабедай, 2011). Слышавший в студенческие годы от самого Мухтара Ауэзова его теоретические заключения о принципах художественного перевода, о стиле, условиях и требованиях перевода видный литературовед, переводчик Г. Бельгер (2001, с. 65) вспоминал: «...Многие свои основополагающие творческие принципы перевода Мухтар Ауэзов изложил более систематически в 1950 гг. в разных статьях, выступлениях, докладах. Это свидетельствует о том, что вопросы художественного перевода во всех аспектах серьезно

⁸ Ауэзов М. Выступление на Региональном совещании по переводу с русского на языки народов 1958 г. // Материалы Регионального совещания по переводу литературы с русского на языки народов Средней Азии, Казахстана и Азербайджана (15–18 января 1958 г.). Алматы : Казгослитиздат, 1960. С. 361–365.

волновали М. Ауэзова всю жизнь (сам ведь был опытный переводчик), и некоторые свои теоретические (иногда сугубо субъективные) положения, установив которые он стремился осуществлять на практике. Случалось, сознательно шел на эксперимент, подавляя индивидуальный дар и потенцию. Опыт перевода «Дворянского гнезда» И. Тургенева является наглядным примером поиска максимального адекватности или точности при переводе. В свои студенческие годы мне приходилось слышать из уст Мухтара Омархановича его суждения по этому поводу...».

М. Ауэзов в своей статье делится научными выводами о поэтике и общей теории перевода, а также рассказывает о своем опыте перевода Тургенева: «...Поставив цель передать роман Тургенева в точном соответствии его языку, сохраняя стиль оригинала, мы старались не вкладывать в речь героев романа и его автора казахские пословицы и поговорки и другие языковые средства, словесные узоры, краски, которыми так богат наш язык. ...Короче, считаем ненужным примерять наш национальный тулуп и тымак на произведения Тургенева, переведенные на казахский язык. Вот, уважаемые читатели, в предлагаемом вашему вниманию переводе имеются такие особенности, просим учесть, что это в определенной степени результаты наших научных поисков. Конечно, сообщая читателю эти обстоятельства, вместе с тем напоминаем, что с большой надеждой ожидаем от вас же помощь и поддержку в виде критических замечаний», – так он напоминает, что в будущем в вопросах перевода нужно быть очень внимательным к таким тонкостям. М. Ауэзов отмечает, что «не следует путать точный перевод с буквальным, дословным переводом, так как точный перевод не сводит на нет внесение некоторых изменений с целью не нарушать форму, настроение, смысл драгоценного оригинального текста»⁹.

Заключение

Концепции М. Ауэзова, его принципы и правила, ценные научные выводы и предложения относительно перевода естественным образом созвучны с современными направлениями и основами переводоведения, в этом проявляется их жизнеспособность. Мастера пера, прочитавшие классические произведения мировой литературы, досконально усвоившие извлеченные из богатого профессионального опыта предшественников знания в соответствии со своей природой, талантом, мастерством и знаниями и только после этого представившие свою собственную мелодию, как это сделал М. Ауэзов, среди казахских авторов встречаются нечасто. Авторы, с высоты собственного мастерства умеющих оценивать каждое свое произведение, сохранивших свой узнаваемый почерк, тоже мало.

Известно, что М. Ауэзов, воспитавший свой талант через переводческий опыт, сумевший найти для себя наставников в этом деле, хоть и не

⁹ Ауэзов М. Светлая вершина русской литературы // Мысли разных лет : исследования, статьи. Алматы : Казгослитиздат, 1961. С. 277–279.

рассказывал никому о том влиянии и воздействии, какое оказали на него произведения Тургенева, внутренне признавал его своим учителем. В статье «Светлая вершина русской литературы» М. Ауэзов писал: «...мне кажется, что можно учиться и, в известной мере, на своей национальной литературной почве стать учеником Тургенева, Толстого, Горького и даже Достоевского. ... Для этого надо родиться сходным по своей творческой природе, родственным по внутреннему, глубоко лирическому строю души»¹⁰. Художник предупреждает, что просто учиться у кого-то без полного внутреннего единения с личностью, с которой хочешь брать пример, – занятие пустое. Особенно учиться на примере почитаемого мастера для оттачивания художественного мастерства, повышения своего профессионального уровня можно лишь полностью постигнув природу, поняв его мировосприятие – это естественное явление. Следующие слова Мухтара Ауэзова в статье «Окружение Абая» (Абайдың айналасы) воспринимаются как оценка, определяющая его историческое место в мировом и казахском искусстве слова: «...Берег остается берегом, а русло – руслом. Большое русло и источники, бьющие со дна попутных потоков, – вместе формируют личность великого акына»¹¹.

В этом плане интересна судьба М. Ауэзова. Он является ярким представителем, на творчество которого оказала влияние русская классическая и мировая современная литература. Хотя при этом М. Ауэзов был глубоко национальным, неповторимым и своеобразным художником слова, чье творчество выросло на основе казахского фольклора и предшествующей письменной литературы, а также всей многожанровой литературы Востока.

Обогащению этих традиций помогло глубокое восприятие М. Ауэзовым русской и мировой литературы, которая, не играя доминирующей роли, эффективно способствовала наиболее полному и яркому раскрытию таланта казахского писателя.

В связи с этим тема И.Тургенева в творчестве М. Ауэзова до сих пор остается малоизученной и многочисленные вопросы в этом направлении ждут своего исследователя.

Список литературы

- Алимкулов Т. Загадочная душа. Исследования и статьи. Алматы, 1978.
 Ахметов З. Пик гениальности // Егемен Қазақстан. 1996. 22 марта. С. 134–144.
 Бельгер Г.К. Этюды о переводах Ильяс Джансугурова. Алматы : Галым, 2001. С. 65.
 Брагинский И. М. Ауэзов в воспоминаниях современников. Алматы : Жазушы, 1997.
 Дадебай Ж. Литературная компаративистика и художественный перевод : учеб. пособие. Алматы : Қазақ университеті, 2011. С. 98.
 Кедрин З. На языке дружбы : статьи, лит. портреты. М. : Советский писатель, 1984. С. 105–136.
 Кедрин З. Творческий подвиг (Заметки о творчестве М. Ауэзова) // Дружба народов. 1964. № 4. С. 114.
 Пантцилев А. М. Ауэзов в воспоминаниях современников : сборник. Алма-Ата : Жазушы, 1997. С. 117.

¹⁰ Ауэзов М. Полное собрание сочинений : в 50 томах. Т. 9. Алматы : Жібек жолы, 2010. С. 20.

¹¹ Ауэзов М. Полное собрание сочинений : в 50 томах. Т. 9. Алматы : Жібек жолы, 2010. С. 20.

References

- Akhmetov, Z. (1996). Peak of genius. *Egemen Qazaqstan*, March 22, 134–144.
- Alimkulov, T. (1978). *Mysterious Soul. Research and Articles*. Almaty. (In Russ.)
- Belger, G.K. (2001). *Essays on the Translations of Ilyas Zhansugurov*. Almaty: Galym. (In Russ.)
- Braginsky, I. (1997). Mukhtar Auezov in the memoirs of contemporaries. Almaty: Zhazushy. (In Russ.)
- Dadebai, Zh. (2011). *Literary Comparative Studies and Literary Translation: A Textbook* (p. 98). Almaty: Kazakh University. (In Russ.)
- Kedrina, Z. (1964). Creative feat (Notes on the work of M. Auezov). *Druzhba Narodov*, (4), 114. (In Russ.)
- Kedrina, Z. (1984). *The Language of Friendship: Articles, Literary Portraits* (pp. 105–136). Moscow: Sovetskij Pisatel' Publ. (In Russ.)
- Pantielev, A. (1997). *Mukhtar Auezov in the Memoirs of Contemporaries* (p. 117). Alma-Ata: Zhazushy Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Прали Гульзия Жайлауовна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, Республика Казахстан, 050010, Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; главный научный сотрудник, Научно-культурный центр «Дом М.О. Ауэзова», Республика Казахстан, 050000, Алматы, ул. Тулебаева, д. 185. ORCID: 0000-0003-2645-0918; Scopus ID: 57203548838. E-mail: gulziya053@gmail.com

Кунаев Диар Аскарлович, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник, Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, Республика Казахстан, 050010, Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; директор, Научно-культурный центр «Дом М.О. Ауэзова», Республика Казахстан, 050000, Алматы, ул. Тулебаева, д. 185. ORCID: 0000-0003-0355-5514. E-mail: diar.kunayev@gmail.com

Bio notes:

Gulziya Zh. Prali, Grand PhD in Philology, Professor, Chief Researcher, M.O. Auezov Institute of Literature and Art, 29 Kurmangazy St, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; Chief Researcher, Scientific and Cultural Center “House of M.O. Auezov”, 185 Tulebaeva St, Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-2645-0918; Scopus ID: 57203548838. E-mail: gulziya053@gmail.com

Diary A. Kunaev, PhD in Philology, Chief Researcher, M.O. Auezov Institute of Literature and Art, 29 Kurmangazy St, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; Director, Scientific and Cultural Center “House of M.O. Auezov”, 185 Tulebaeva St, Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-0355-5514. E-mail: diar.kunayev@gmail.com

ЖУРНАЛИСТИКА
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ МЕДИА
JOURNALISM
HISTORY AND THEORY OF MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-813-823

EDN: REJMQZ

УДК 316.77

Научная статья / Research article

**Искусственный интеллект и человеко-машинная
коммуникация: вызов исследованиям медиатизации**

Е.Г. Ним

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия*

✉ nimeg@mail.ru

Аннотация. Развитие технологий искусственного интеллекта, включая коммуникативный ИИ, стало серьезным вызовом для исследований медиатизации. Изучаются границы применимости программы медиатизации и фигуративного подхода Андреаса Хеппа к автоматизированной (человеко-машинной) коммуникации. Автор ставит и последовательно раскрывает три вопроса: как исследования медиатизации рассматривают ИИ в качестве предмета теоретического и эмпирического анализа; каким потенциалом и ограничениями обладает фигуративный подход к человеко-машинной коммуникации; каковы возможные направления пересборки этого подхода (и программы медиатизации в целом) в эпоху коммуникативного ИИ. Критическое осмысление теории медиатизации, в частности фигуративного подхода Андреаса Хеппа, фокусируется на пяти ключевых концептах: фигурации, гибридная агентность, медиалогика, квазикоммуникация и коммуникативный ИИ. Оценивая эвристический потенциал фигуративной оптики в исследовании ИИ, автор формулирует ряд направлений ее ревизии и дальнейшего развития. Учитывая сквозной и многофункциональный характер ИИ-технологий, пронизывающих множество социальных миров и практик, анализ не должен замыкаться на отдельных фигурациях, важны также поли- и межфигуративные контексты. Кроме того, необходимо изучать как фигурации (социальные знания, ценности и поведенческие нормы разных сообществ и институтов) инкорпорированы в искусственных агентов, выступающих в роли (мульти)фигуративного Другого. Наконец есть основания переосмыслить понятия «гибридная фигурация» и «гибридная агентность» в контексте возрастающего влияния ИИ и «искусственных людей».

© Ним Е.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: искусственный интеллект, коммуникативный ИИ, человеко-машинная коммуникация, исследования медиатизации, фигуративный подход, Андреас Хепп

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 9 июля 2025 г.; отрецензирована 20 августа 2025 г.; принята к публикации 10 сентября 2025 г.

Для цитирования: Ним Е.Г. Искусственный интеллект и человеко-машинная коммуникация: вызов исследованиям медиатизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 813–823. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-813-823>

Artificial Intelligence and Human-Machine Communication: A Challenge for Mediatization Studies

Evgeniya G. Nim

HSE University, Moscow, Russian Federation

 nimeg@mail.ru

Abstract. The development of artificial intelligence technologies, including communicative AI, has become a serious challenge for mediatization studies. The article explores the limits of applicability of the mediatization research program and Andreas Hepp's figurational approach to automated (human-machine) communication. The author poses and consistently develops three questions: how do mediatization studies consider AI as a subject of theoretical and empirical analysis; what are the potential and limitations of the figurational approach to human-machine communication; what are the possible directions for reassembling this approach (and the mediatization program as a whole) in the era of communicative AI. Critical understanding of mediatization theory, and in particular, Andreas Hepp's figurational approach, focuses on five key concepts: figurations, hybrid agency, media logics, quasi-communication and communicative AI. Assessing the heuristic potential of figurational optics in AI research, the author formulates a number of directions for its revision and further development. Given the cross-cutting and multifunctional nature of AI technologies that permeate multiple social worlds and practices, the analysis should not be limited to individual figurations; poly- and interfigurative contexts are also important. In addition, it is necessary to study how figurations (social knowledge, values, and behavioral norms of different communities and institutions) are incorporated into artificial agents acting as a (multi)figurative Other. Finally, there are reasons to rethink the concepts of "hybrid figurations" and "hybrid agency" in the context of the growing influence of AI and "artificial humans".

Keywords: artificial intelligence, communicative AI, human-machine communication, mediatization studies, figurational approach, Andreas Hepp

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted July 9, 2025; revised August 20, 2025; accepted September 10, 2025.

For citation: Nim, E.G. (2025). Artificial Intelligence and Human-Machine Communication: A Challenge for Mediatization Studies. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 813–823. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-813-823>

Введение

Искусственный интеллект становится одной из главных тем в исследовательской повестке дисциплин, связанных с медиа и коммуникациями (Guzman, Lewis, 2020). Рассмотрим, как ИИ встраивается в область исследований медиатизации, в какой мере существующие подходы позволяют концептуализировать этот феномен. Особое внимание будет уделено перспективам и ограничениям фигуративной теории медиатизации, активно развиваемой Андреасом Хеппом и его соавторами (Couldry, Hepp, 2016; Hepp, 2020; Hepp, Loosen et al., 2023).

За прошедшую четверть века исследования медиатизации претерпели определенную модификацию, при этом сохраняя ряд опорных положений:

1) понимание медиатизации как долгосрочного трансформативного эффекта, наблюдаемого в разных сферах социальной жизни по мере их «насыщения» медиа;

2) отказ от медиацентризма и перенос предметного фокуса на социальные миры с их коммуникативными практиками;

3) утверждение нелинейного, многовариантного характера медиатизации как одного из глобальных метапроцессов современности (Hepp, 2020).

За это время также сформировались три основных взаимодополняющих подхода к изучению медиатизации: институциональный, социально-конструктивистский и материалистский. Ключевое различие между ними обусловлено тем, теоретизируются ли медиа в качестве институтов (организаций), символических сред (знаковых систем) или технологий (Bolin, 2024, p. 70).

Институциональный подход возник в доцифровую эпоху и изначально рассматривал как «немедийные» социальные институты (например, политика или спорт) адаптируются к «медиалогике» – правилам, форматам и организационным ритмам института массмедиа (Hjarvard, 2013). С появлением интернета многие организации сами стали медиа, поскольку производят собственный контент. Медиатизация социальных институтов проявилась не только в медийном (само)представлении внешнему миру, но и в глубокой трансформации (дигитализации, автоматизации) их внутренних процессов. *Социальный конструктивизм* (включая теорию фигураций) также направлен на понимание изменений, происходящих с обществом и культурой вместе с развитием медиа. Здесь отсчет медиатизации начинается гораздо раньше – если не с наскального рисунка, то с изобретения печатного станка. Медиа понимаются как символические среды, чья эволюция определяется сменой главного технологического принципа (через «волны» механизации, электрификации, дигитализации и датафикации) (Couldry, Hepp, 2016). Социальный мир же предстает множеством «фигураций» различных уровней, имеющих свои «медиаансамбли», которые поддерживают и преобразуют коммуникативные практики социальных акторов. Понятие «медиадиалогика» этим подходом критикуется по двум причинам: невозможности единой медиадиалогики в условиях огромного разнообразия медиа, а также имплицитного наделения медиа властью структурировать человеческие действия определенным образом. В отличие от социально-конструктивистской перспективы, где агентностью обладают только люди, *материалистский подход*

акцентирует роль медиа как агентных технологий через обращение к понятиям аффордансов, латуровских актантов или радикальную оптику нового материализма (Berger, 2023). Хотя технологический подход считался скорее периферийным или дополняющим мейнстримные институциональные и культуралистские перспективы медиатизации, сегодня признается необходимость его более полноценной интеграции в это исследовательское поле (Bolin, 2024).

Развитие ИИ-технологий, в том числе «коммуникативного ИИ», стало серьезным вызовом для исследований медиатизации. В статье мы попытаемся ответить на следующие три вопроса: как исследования медиатизации «присваивают» ИИ в качестве предмета теоретизирования и эмпирического изучения; каким потенциалом и ограничениями обладает фигуративный подход к человеко-машинной коммуникации; каковы возможные направления пересборки этого подхода (и программы медиатизации в целом) в эпоху коммуникативного ИИ.

Материалы и методы

Изучаются границы применимости исследовательской программы медиатизации и фигуративного подхода Андреаса Хеппа к автоматизированной (человеко-машинной) коммуникации. Андреас Хепп – один из ведущих теоретиков медиатизации, а его фигуративная социология (версия социального конструктивизма) претендует на влиятельную перспективу, интегрирующую и другие концепции медиатизации. Наш анализ задействует жанр критической ревизии, основанный на проблематизации уязвимых мест теории и экспликации альтернатив. Оценивая эвристический потенциал программы медиатизации в осмыслении ИИ, мы принимаем во внимание «постдисциплинарный» характер исследований (медиа)коммуникации (Waisbord, 2019). Это означает, что ключевые понятия и принципы исследований медиатизации в определенной мере контекстуальны и «флюидны». Концептуально статья является ответом на специальный выпуск журнала *Human-Machine Communication*, посвященный медиатизации (2024). Здесь и в более ранних публикациях представлены как общие принципы исследования коммуникативного ИИ в оптике медиатизации (Bolin, 2024; Hepp, Bolin et al., 2024; Hepp, Loosen et al., 2023; Natale, Depounti, 2024), так и отдельные эмпирические кейсы (Fortunati et al., 2024; Mascheroni, 2024). Эта коллекция работ служит отправной точкой для понимания и (пере)формирования программного видения ИИ в контексте медиатизации.

Результаты и обсуждение

Феномен коммуникативного ИИ

Обращение к проблематике ИИ в исследованиях медиатизации вполне закономерно: еще в 2016 г. Хепп и Коулдри связали феномен «глубокой медиатизации» с развитием интернета, мобильных телефонов, компьютеров

и машинного интеллекта (computer-based ‘intelligence’) (Couldry, Hepp, 2016, p. 40). В опубликованной в 2020 г. фундаментальной книге «Глубокая медиатизация» Андреас Хепп еще раз акцентирует, что «это стадия медиатизации, на которой анализ алгоритмов, данных и искусственного интеллекта становится решающим для нашего понимания социального мира (Hepp, 2020, p. 7). Здесь же он вводит тему автоматизации коммуникации, понятие «коммуникативный робот» (Ibid, pp. 77–82). Последнее описывает (частично) автоматизированные медиа, которые оперируют автономно (чаще на основе ИИ) в целях «квазикоммуникации» с людьми, реализуя различные алгоритмизированные функции. В категорию «коммуникативных роботов» были включены искусственные компаньоны (такие как Alexa от Amazon или Siri от Apple), социальные боты (автоматизированные аккаунты в социальных медиа, выдающие себя за человека) и рабочие боты, используемые для автоматизации труда (например, роботизации журналистики). Сегодня эта категория пополнилась нейросетями, в том числе большими языковыми моделями (LLM), позволяющими генерировать искусственные тексты, изображения, музыку и видео широкому кругу пользователей на основе речевых запросов (ChatGPT, Gemini, DeepSeek, Claude, MidJourney, Dall-E, Sora и др.). Социальные ИИ-компаньоны типа Replika и виртуальные инфлюенсеры также могут быть причислены к этой разновидности ИИ (Natale, Depounti, 2024).

Подобные технологии автоматизированной коммуникации исследователи (Guzman, Lewis, 2020) называют *коммуникативным ИИ*. Этот тип ИИ имеет три базовых характеристики:

1) основан на различных формах автоматизации и предназначен для коммуникации;

2) встроен в цифровые инфраструктуры;

3) «запутан» с человеческими практиками (Hepp, Loosen et al., 2023, p. 48).

Понятие коммуникативного ИИ требует, однако, прояснения того, как понимаются искусственный интеллект, а также коммуникации и агентность в контексте автоматизации.

Учитывая довольно неопределенную природу ИИ, теоретики медиатизации склонны избегать его точной дефиниции, считая более продуктивным подход Елены Эспозито: важно не то, способна ли машина думать, а то, что она способна коммуницировать (Esposito, 2017, p. 250). При этом признается, что коммуникативный ИИ – не медиа (хотя инфраструктурно связан с цифровой средой). Поэтому ИИ нужно рассматривать скорее не как канал (традиционного для медиаисследований «посредника»), а в качестве коммуникатора. Однако статус этой искусственной коммуникации концептуализируется по-разному: в частности, с привлечением двух известных подходов, трансмиссионного и ритуального (Bolin, 2024, pp. 70–71). Если мы понимаем коммуникацию как технический процесс передачи сообщения («трансмиссию»), то ИИ-участник может быть «приравнен» человеку, если как семиотический обмен – то это, по выражению Хеппа, «квазикоммуникация», где люди проецируют свои социальные ожидания и представления на ИИ (Hepp, 2020, p. 78).

Его соавторы по специальному номеру в НМС Симон Натале и Илиана Депунти развивают сходный с «квазикоммуникацией» концепт «искусственной социальности», описывающий технологии и практики, которые создают лишь видимость социального поведения ИИ (Natale, Depounti, 2024). В то же время Йоран Болин (соредактор выпуска) призывает не проводить резких различий между человеческой и человеко-машинной коммуникацией, поскольку даже люди в определенных социальных контекстах общаются друг с другом «инструментально», подобно ботам (Bolin, 2024, pp. 73–74).

Что касается агентности, позиция Хеппа претерпела мало изменений: как и в случае цифровых медиа, ИИ ей не наделен, это привилегия человеческих акторов. Однако он и его коллеги используют изящный ход, вводя понятие «гибридная агентность» применительно к фигурациям (организациям, сообществам), объединяющим людей и ИИ (Hepp, Loosen et al., 2023, p. 51). Такая «гибридная фигурация» рассматривается как коллективный (надиндивидуальный) актор, причем свойство гибридной агентности атрибутируется всему объединению в целом. Как видите, речь не идет о «распределенной» агентности, здесь важен момент внутренней или внешней перспективы. В цитируемой статье приводится пример редакции, использующей систему автоматизации новостей. Если смотреть на эту редакцию (как фигурацию) изнутри, границы между людьми и ИИ остаются реальными, хотя люди и проецируют на ИИ социальные атрибуты. Одновременно взгляд извне позволяет увидеть, что такой актор, как «роботизированная редакция», обладает иной, гибридной агентностью, отличающей ее от «традиционных редакций». Хотя это решение позволяет избежать крайностей дуализма в вопросе об агентности ИИ, у него есть свои ограничения. Далее мы обсудим эти и другие проблемные зоны фигуративного подхода в исследованиях человеко-машинной коммуникации.

ИИ-коммуникации в фигуративной оптике: ограничения подхода

Наше критическое осмысление теории медиатизации, в частности фигуративного подхода Андреаса Хеппа, будет сфокусировано на пяти ключевых концептах: фигурации, гибридная агентность, медиалогика, квазикоммуникация и коммуникативный ИИ. Кратко обозначим основные уязвимости этих понятий, надеясь расширить приведенные аргументы.

Фигурации. Хепп и соавторы развивают свою версию фигуративной социологии, адаптируя понятие фигурации немецкого социолога Норберта Элиаса (Elias, 1978). По сути, фигурации – это классические «социальные тела» (коллективы и сообщества), но рассматриваемые процессуально, то есть существующие только во взаимодействии людей. Любая фигурация (семья, университет, фан-комьюнити) являет собой сеть индивидуальных акторов, включенных в релевантные социальные практики. В условиях глубокой медиатизации все практики «запутаны» с медиа, поэтому нужно исследовать, как фигурации поддерживаются, конструируются и изменяются посредством присущих им «медиаансамблей» (Hepp, 2020, pp. 103–105). Новизна этого подхода для социальных и медиаисследований первоначально заключалась в том, чтобы сместить фокус с самих медиа (как института, технологии, кон-

тента и среды) на анализ медиатизированных социальных миров. В остальном понятие фигураций привносит не так много нового в социальную теорию. От «процессуальности» фигураций мало что остается, когда они одновременно мыслятся как коллективные «надиндивидуальные» акторы: подобные формулировки скорее стабилизируют их в качестве социальных структур. Более того, жесткая привязка к фигурациям как «входной точке» исследования может препятствовать иному взгляду на процессы медиатизации. Например, мультифункциональные платформы (такие как китайский WeChat) фактически становятся единой цифровой средой, где люди «живут» в режиме постоянного переключения между множеством фигураций (покупки, развлечения, работа, заключение браков, получение госуслуг и т.д.). Такие платформы, как и другие технологии (включая ИИ), становятся общими и сквозными для множества социальных практик и миров, и это обстоятельство требует особого внимания. Замыкание анализа на какой-то одной фигурации порой ограничивает возможности самого фигуративного подхода.

Гибридная агентность. Как уже было упомянуто, «гибридная агентность» в версии Хеппа присуща лишь фигурациям как коллективным акторам, где люди взаимодействуют с ИИ, то есть в индивидуальной перспективе «человек-машина» понятие гибридной агентности не работает: формально это не фигурация (даже если ИИ выступает в неких социальных ролях – как научный консультант, романтический партнер, психотерапевт и т.д.). Хепп считает анализ прямой коммуникации человека и машины тупиковым, призывая изучать взаимодействие людей и ИИ в более широких фигуративных контекстах, например, как в исследовании Джованни Маскерони о семьях с маленькими детьми, использующих умные колонки (Mascheroni, 2024). Однако это прямое человеко-машинное взаимодействие все же не находится в «безвоздушном» пространстве вне фигураций. Прежде всего, разговорные агенты – продукт технологических компаний, и пользователь остается связан с ними экономически и инфраструктурно. Далее в этот продукт инкорпорирована социальность: моделируемые роли научного консультанта, любовника или психотерапевта укоренены в соответствующих социальных практиках и институтах (аспирантура, любовная пара, клиника). В некотором смысле коммуникативный ИИ, выступающий в одной из этих ролей, – это «обобщенный фигуративный Другой». Эти рассуждения снова ставят вопросы о том, как могут пониматься фигурации и агентность в «сцепке» с ИИ.

Медиадиалогика. Хотя понятие медиадиалогики в любых трактовках (Hepp, 2020, pp. 59–61) критикуется приверженцами фигуративного подхода, эта критика может быть оспорена (Nim, 2021), особенно в дискуссии об ИИ. Во-первых, здесь можно говорить о машинной или человеко-машинной логике (алгоритмической, но имитирующей человеческую), которая и позволяет обучаемым ИИ-системам решать различные задачи, как это сделал бы человек. Во-вторых, проблема этой машинной логики в том, что целиком она необъяснима даже для разработчиков ИИ: архитектура принятия решений генеративными или иными ИИ сложна и непрозрачна. И это побуждает пользователей реконструировать и интерпретировать алгоритмическую логику, создавая интуитивные,

«народные» теории (folk theories) ИИ (Ytre-Arne, Moe, 2020). Народные теории дают (воображаемые) причинно-следственные объяснения алгоритмов и ИИ-систем, рационализируя повседневный пользовательский опыт взаимодействия с ними. Поэтому даже если отрицать феномен «машинной логики» (как аналогии или разновидности медиалогии), она является интуитивным концептом, опосредующим человеко-машинные коммуникации. Иначе говоря, важно скорее то, что медиалогика существует «в головах» людей, и акторы руководствуются ею в своих медиапрактиках. Таким образом, переосмысленное применительно к ИИ понятие медиалогии, напротив, открывает богатые перспективы для исследований адаптации людей к ИИ в контексте разных фигураций.

Квазикоммуникация. Как отмечалось выше, сторонники фигуративного подхода считают коммуникацию между ИИ и человеком квазикоммуникацией, поскольку здесь не происходит двустороннего обмена смыслами и чувствами. Люди сами приписывают ИИ способность коммуницировать и наделяют ИИ-агентов человеческими свойствами (отсюда риторика «обмана», «видимости» и «проекций»). Кроме того, ИИ-агенты полностью не автономны. На наш взгляд, понятие квазикоммуникации близко концепту односторонних «парасоциальных отношений» (Horton, Wohl, 1956), отражающему воображаемую личную связь фанатов с реальными медиаперсонами или вымышленными персонажами (героями фильмов, книг, видеоигр, а также виртуальными инфлюенсерами). Примечательно, что понятие «парасоциальные отношения» не делает особенных различий между людьми и медиа как объектом проецирования чувств. К тому же «парасоциальность» этих отношений может оспариваться: «реальные» социальные отношения не менее «воображаемы» и проективны, а фанатская «иллюзорная» связь с кумиром порождает фан-сообщества, где люди разделяют эту любовь друг с другом (Hills, 2015). Более того, с позиций феноменологии, онтологический статус коммуникации с ИИ-агентом не принципиален: если неважно, умеет ли машина думать, также неважно, может ли она коммуницировать без приставки «квази».

Коммуникативный ИИ. Отдельная проблема – само понятие коммуникативного ИИ, которое прежде всего включает искусственных агентов, способных коммуницировать на естественном языке. Фокус здесь смещается к персонифицированным «говорящим» ИИ-системам с эффектом антропоморфности. Заметим, что общий термин «коммуникативный ИИ» звучит достаточно консервативно: в нем мало коннотаций человечности. В то же время, например, влиятельный журнал *Computers in Human Behavior: Artificial Humans* называет этот класс ИИ «искусственными людьми». Вероятно, выбор того или иного термина отчасти отражает желание исследователей наделить ИИ определенной степенью агентности и человекоподобия. Понятие «коммуникативный ИИ» при этом не включает «платформенный» ИИ, хотя (само)обучаемые алгоритмы модерации и цензуры социальных медиа также являются агентами коммуникации. «ИИ-гейткипер» может сам не генерировать речь, но способен распознавать, блокировать и регулировать речь других. К тому же платформенные алгоритмы непрерывно эволюционируют. ИИ подобен невидимому

электричеству, он будет вскоре, вероятно, пронизывать все коммуникативные среды. Как отмечает сам Андреас Хепп, понятие коммуникативного ИИ имеет «сенсibiliзирующий» характер (Hepp, Loosen et al., 2023, p. 49), поэтому важно, чтобы оно было открытым для расширения и реинтерпретации.

Заключение

Выявленные уязвимости фигуративного подхода к исследованию коммуникативного ИИ, конечно же, не означают, что эта оптика непродуктивна. При том, что теория коммуникативных фигураций Андреаса Хеппа имеет уже сложившееся «твердое ядро», формирующие его понятия и принципы достаточно пластичны и адаптивны. На наш взгляд, этот подход, как и исследовательская программа медиатизации в целом, способны справиться с искусственным интеллектом как объектом теоретизирования и эмпирического изучения. Возможно, это будет получаться еще лучше, если (фигуративная) перспектива медиатизации будет дополнена и пересобрана в определенных направлениях.

Во-первых, точкой входа или сборки для исследований медиатизации могут быть не только сами фигурации, хотя на первый взгляд, это и есть кредо фигуративного подхода. Привязка к конкретным фигурациям как сообществам с определенным «медиаансамблем», вплетенным в базовые практики членов этих фигураций, не так критична. Исследование может фокусироваться на технологиях, практиках, местах, событиях или дискурсах, а фигурации выступать изменчивой средой. В одной из своих публикаций, посвященной феномену селф-трекинга, Хепп и Герхард (2018) уже приблизились к такому пониманию. Они рассматривали селф-трекинг (цифровой самоконтроль) в трех контекстах: первичных практик, частью которых становится селф-трекинг (ходьба, питание, спорт, работа); фигураций (семья, друзья, коллеги, онлайн-окружение) и доминирующих в обществе «Я»-дискурсов. В ряде случаев связь с «ближними» фигурациями была слаба, но значимую роль играл общий неолиберальный дискурс «заботы о себе».

Во-вторых, анализ не должен замыкаться только на отдельных фигурациях, особое внимание нужно уделять поли- или межфигуративным контекстам. Это связано со сквозным и многофункциональным характером современных технологий, пронизывающих и преобразующих множество фигураций и социальных практик. Мы уже упоминали мегаплатформы типа WeChat, которые пытаются тотально охватить все сферы социальной жизни, агрегируя в себе огромное число сервисов и приложений. Фигурации здесь «дискретно» возникают и исчезают в модусе постоянного переключения: деловая встреча сменяется шопингом, тренировкой, медицинской консультацией или свиданием. Фигуративные контексты накладываются, совмещаются или следуют друг за другом, при этом человек все это время остается в цифровом устройстве. Коммуникативный ИИ обладает еще большими возможностями для смены социальных декораций и ролей, условный ChatGPT с легкостью меняет их в течение одного сеанса.

В-третьих, фигурации можно найти не только «снаружи», но и «внутри» ИИ-агентов. Проблематика «искусственной социальности» не сводится

к разоблачению видимости социального в машинах, важнее выяснить, как это социальное моделируется. Социальные миры (сообщества) с их знаниями, ценностями, поведенческими паттернами «вложены» в искусственных агентов, выступающих «от имени» этих фигураций. Такие генеративные ИИ как ChatGPT представляют собой своего рода искусственного (мульти)фигуративного Другого. Исследования ответов ChatGPT и его аналогов (теперь нередко заменяющих «Википедию» или Google) раскрывают, как структурированы машинные знания о социальном, в свою очередь влияющие на конструирование этого социального (см., например: Tsuria R., Tsuria Y., 2024). ИИ-агенты социализированы сами и социализируют нас. Они «собирают» мир из данных и цифровых следов в машинной логике, которая не до конца ясна и пробуждает к жизни «народные теории».

В-четвертых, есть основания оспаривать, что человек и ИИ-агент(ы) не составляют (гибридную) фигурацию, и здесь нет места для фигуративного подхода. ИИ играет роли человеческих акторов, релевантные для тех или иных сообществ (фигураций). Насколько хороша эта игра, подлинна ли эта коммуникация, в какой мере ИИ агентен – эти вопросы скорее вторичны в перспективе социального конструктивизма. Более того, с развитием и распространением метаверсов (синтетических иммерсивных сред) и виртуальных личностей они будут все менее актуальны. В такой «расширенной реальности» (Kalpokas, 2020) коммуникации между аватарами-людьми и аватарами-ИИ станут практически неразличимы. Возникнет сложная проблема перехода к «аффективному критерию реальности», когда реальность артефакта или среды будет прямо определяться силой их (чувственного) воздействия. Сейчас мы дискутируем о том, являются ли человек и ИИ фигурацией, но возможно вскоре «искусственные люди» начнут образовывать свои сообщества и пространства, и наступит время «постфигураций». Чтобы справиться с такими вызовами, исследования медиатизации, включая фигуративную теорию, должны быть максимально адаптивными и открытыми для новых тем, концептов и интерпретаций.

References

- Berger, V. (2023). Mediatized Love: A Materialist Phenomenology of Tinder. *Social Media + Society*, 9(4), 1–15. <https://doi.org/10.1177/20563051231216922>
- Bolin, G. (2024). Communicative AI and techno-semiotic mediatization: Understanding the communicative role of the machine. *Human-Machine Communication*, 7, 65–81. <https://doi.org/10.30658/hmc.7.4>
- Couldry, N., & Hepp, A. (2016). *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.
- Elias, N. (1978). *What Is Sociology?* Columbia University Press.
- Esposito, E. (2017). Artificial communication? The production of contingency by algorithms. *Zeitschrift für Soziologie*, 46(4), 249–265. <https://doi.org/10.1515/zfsoz-2017-1014>
- Fortunati, L., Edwards, A., & Edwards, Ch. (2024). The perturbing mediatization of Voice-based virtual assistants: The case of Alexa. *Human-Machine Communication*, 7, 99–119. <https://doi.org/10.30658/hmc.7.6>

- Gerhard U., & Hepp A. (2018). Appropriating Digital Traces of Self-Quantification: Contextualizing Pragmatic and Enthusiast Self-Trackers. *International Journal of Communication*, 12, 683–700.
- Guzman, A.L., & Lewis, S.C. (2020). Artificial intelligence and communication: A human-machine communication research agenda. *New Media & Society*, 22(1), 70–86. <https://doi.org/10.1177/1461444819858691>
- Hepp, A. (2020). *Deep Mediatization*. London and New York, Routledge.
- Hepp, A., Bolin, G., Guzman, A., & Loosen, W. (2024). Mediatization and human-machine communication: Trajectories, discussions, perspectives. *Human-Machine Communication*, 7, 7–21. <https://doi.org/10.30658/hmc.7.1>
- Hepp, A., Loosen, W., Dreyer, S., Jarke, J., Kannengießer, S., Katzenbach, Ch., Malaka, R., Pfadenhauer, M., Puschmann, C., & Schulz, W. (2023). ChatGPT, LaMDA, and the hype around communicative AI: The automation of communication as a field of research in media and communication studies. *Human-Machine Communication*, 6, 41–63. <https://doi.org/10.30658/hmc.6.4>
- Hills, M. (2016). From para-social to multisocial interaction: theorizing material/digital fandom and celebrity. In P.D. Marshall, & S. Redmond (Eds.), *A Companion to Celebrity* (pp. 463–482). Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781118475089.ch25>
- Hjarvard, S. (2013). *The Mediatization of Culture and Society*. Routledge.
- Horton, D., & Wohl, R.R. (1956). Mass communication and para-social interaction: Observations on intimacy at a distance. *Psychiatry*, 19(3), 215–229. <https://doi.org/10.1080/00332747.1956.11023049>
- Kalpokas, I. (2020). Problematising reality: The promises and perils of synthetic media. *SN Social Sciences*, 1(1), 1–11. <https://doi.org/10.1007/s43545-020-00010-8>
- Mascheroni, G. (2024). A new family member or just another digital interface? Smart speakers in the lives of families with young children. *Human-Machine Communication*, 7, 45–63. <https://doi.org/10.30658/hmc.7.3>
- Natale, S., & Depounti, I. (2024). Artificial sociality. *Human-Machine Communication*, 7, 83–98. <https://doi.org/10.30658/hmc.7.5>
- Nim, E.G. (2021). Deep mediatization: rethinking a figurational approach. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(4), 664–671. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-4-664-671>
- Tsuria, R., & Tsuria, Y. (2024). Artificial intelligence's understanding of religion: Investigating the moralistic approaches presented by generative artificial intelligence tools. *Religions*, 15(3), 375. <https://doi.org/10.3390/rel15030375>
- Waisbord, S. (2019). *Communication: A Post-Discipline*. John Wiley & Sons.
- Ytre-Arne, B., & Moe, H. (2020). Folk theories of algorithms: Understanding digital irritation. *Media, Culture & Society*, 43(5), 807–824. <https://doi.org/10.1177/0163443720972314>

Сведения об авторе:

Ним Евгения Генриевна, кандидат социологических наук, доцент, Институт медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0001-7349-9429; SPIN-код: 3280-9452. E-mail: nimeg@mail.ru

Bio note:

Evgeniya G. Nim, PhD in Sociology, Associate Professor, Institute of Media, HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7349-9429; SPIN-code: 3280-9452. E-mail: nimeg@mail.ru

АКСИОЛОГИЯ МЕДИА

AXIOLOGY OF MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-824-837

EDN: RNSMVS

УДК 070:316

Научная статья / Research article

Проблема экологической стандартизации медиа: научные предпосылки и институциональные вызовы

С.С. Трофимова¹, А.А. Позняк-Ибатулина²

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

² Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
 s.trofimova@spbacu.ru

Аннотация. Исследуется возможность формирования системы независимой медиаэкспертизы на основе экологических принципов. В рамках междисциплинарного подхода (медиаэкология, коммуникативистика, цифровая социология) анализируются ключевые направления изучения экосистем медиа, критерии безопасности медиасреды, существующие практики экспертной оценки контента. Цель – выявить предпосылки для разработки экостандартов СМИ и определить барьеры их внедрения. Автор обосновывает необходимость создания альтернативных механизмов регулирования медиа, не связанных с государственным контролем или коммерческими интересами. Особое внимание уделяется противоречию между свободой слова и необходимостью защиты пользователей от токсичного контента. Научная новизна состоит в систематизации технологических (алгоритмы фильтрации), институциональных (некоммерческие организации) и социокультурных (медиаграмотность) факторов, влияющих на стандартизацию. Проведенный анализ подтверждает, что текущий уровень развития медиаэкологии позволяет инициировать коллективные исследования в этой области. Перспективным направлением признается интеграция экспертных оценок в рейтинги СМИ с использованием различных инструментов искусственного интеллекта.

Ключевые слова: медиаэкология, медиаэкспертиза, экологическая стандартизация медиа, гуманитарная безопасность медиасреды, цифровые медиаплатформы, альтернативные механизмы регулирования, токсичность контента

Вклад авторов. Разработка концепции исследования, сбор и анализ материала, написание рукописи – С.С. Трофимова; сбор и анализ данных, редактирование рукописи –

© Трофимова С.С., Позняк-Ибатулина А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

А.А. Позняк-Ибатулина. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 20 мая 2025 г.; отрецензирована 2 июля 2025 г.; принята к публикации 10 июля 2025 г.

Для цитирования: Трофимова С.С., Позняк-Ибатулина А.А. Проблема экологической стандартизации медиа: научные предпосылки и институциональные вызовы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 824–837. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-824-837>

The Problem of Media Eco-Standardization: Scholarly Foundations and Institutional Challenges

Svetlana S. Trofimova¹, Anna A. Poznyak-Ibatulina²

¹ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

² RUDN University, Moscow, Russian Federation
s.trofimova@spbacu.ru

Abstract. Examined the feasibility of establishing an independent media expertise system based on ecological principles. Through a multidisciplinary lens (media ecology, communication studies, digital sociology), it analyzes: key research trends in media ecosystems, criteria for media environment “sustainability”, and existing practices of content evaluation. The study aims to identify prerequisites for developing media eco-standards and systemic barriers to their implementation. The author argues for alternative media regulation mechanisms beyond state control or commercial interests, highlighting the tension between free speech and user protection from toxic content. The scholarly contribution includes a framework for assessing technological (filtering algorithms), institutional (NPOs’ role), and socio-cultural (media literacy) factors affecting standardization. The analysis demonstrates that current advancements in media ecology provide sufficient groundwork for collaborative research. A promising avenue is integrating expert assessments into media rankings using AI tools.

Keywords: media ecology, media expertise, media eco-standardization, humanitarian security of media environment, digital media platforms, alternative regulation mechanisms, content toxicity

Authors’ contribution. Development of the research concept, data collection & analysis, manuscript writing – Svetlana S. Trofimova; data collection & analysis, manuscript editing – Anna A. Poznyak-Ibatulina. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 20, 2025; revised July 2, 2025; accepted July 10, 2025.

For citation: Trofimova, S.S., & Poznyak-Ibatulina, A.A. (2025). The Problem of Media Eco-Standardization: Scholarly Foundations and Institutional Challenges. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 824–837. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-824-837>

Введение

Известно, что влияние медиа многомерно. Рассматривается оно в разных научных контекстах, включая психологические, социальные, технологические, лингвистические, культурологические и собственно коммуникативные. Попытка комплексного изучения медиавлияния предпринимается в последние годы медиаэкологами. Согласно определению, предложенному Д.А. Колесниковой (2017, с. 184), медиаэкология – это дисциплина, в рамках которой исследуются темы глобальной циркуляции текстов и образов, устойчивого развития и мобильности, а также концептов и истории окружающей среды как биологического и технического окружения. Ссылаясь на труды основоположников данного направления Маршалла Маклюэна¹ и Нейла Постмана², исследователь подчеркивает значимость морального и этического контекста в изучении медиа, а также гуманитарных аспектов информационной безопасности, иными словами, речь идет о безопасности усвоения информации и о влиянии медиа на выживаемость человечества.

Следует отметить, что медиаэкология не является однородным научным направлением со строго определенной сферой интересов и методологией. Можно выделить несколько групп исследований, базирующихся на принципах медиаэкологии. В части из них основной интерес сосредоточен на изучении медиа как саморазвивающейся системы, ее закономерностях и перспективах, особенностях функционирования и трансформаций, при этом акцент на восприятии информации, ее влиянии на человека, собственно вопросы экологичности медиа часто уходят на второй план. Такой подход приводит к размытию границ медиаэкологии и позволяет объединять разнородные исследования в один научный труд, что можно видеть на примере коллективной монографии «Экосистема медиа: цифровые модификации» (Волкова и др., 2021). По сути, «эко-» в данном случае используется для обозначения масштабности исследуемой проблемы, ее системности и междисциплинарного характера. Есть мнение, что термин «экосистема» употреблен в данном случае не вполне корректно (Кузякин, 2023), однако обзор применения терминов «экосистема медиа» и «экология медиа» позволяет утверждать, что данные дефиниции используются для различных целей. В первом случае для теоретического осмысления масштабных процессов – часто с применением моделирования как инструмента системного анализа, во втором – для формирования фундаментальной базы прикладных и теоретико-прикладных исследований. Можно сказать, что в первом случае речь идет об экосистеме медиа как таковой, а во втором – о различных нарушениях в ней.

Более значимое для настоящей работы понятие «экология медиа», так же как и дефиниция «экосистема медиа», базируется на междисциплинарном системном подходе и представлении о медиа как о среде, впервые предложен-

¹ См.: McLuhan M. *Understanding Media*. New York : Mentor, 1964.

² См.: Gencarelli T.F. James Garey: *The Search for Cultural Balance // Perspectives on Culture, Technology, and Communication: The Media Ecology Tradition* / ed. Casey Man Kong Lum. New York : Hampton Press, 2006. P. 201–225.

ном М. Маклюэном. При этом основной акцент при употреблении данного термина делается на взаимовлиянии человека и медиа, на социальных эффектах медиапотребления, психологии и социологии воздействия и восприятия массовой информации. Исследования данной группы тяготеют к прикладному характеру, что обусловлено общими тенденциями развития экологических представлений о необходимости адаптации к среде обитания – как естественной, так и технологической – и постепенной трансформации деятельности человека с целью оптимизации его влияния на среду, а значит, и на собственные перспективы. Цикличность этих процессов, выявленная в отношении экономического развития, несомненно, свойственна и медиа как особого рода индустрии. Специфика экологической проблематики в сфере медиа заключается в том, что приходится иметь дело с нематериальными, трудно выявляемыми последствиями деятельности человека в этой новой, динамично развивающейся части реальности. Само признание медиа «реальностью», «средой» до сих пор является инновационным, поскольку практические изменения в деятельности человека, обусловленные данными представлениями, еще далеко не наступили. Стремлением приблизить такую трансформацию обусловлен научный интерес к прикладным аспектам медиаэкологии.

Указанный подход предполагает обработку большого массива данных, применения социологических, лингвистических методов, а также контент-анализа медиатекстов. Исследуются конкретные проявления новой медиальности с учетом ее основных характеристик, таких как глобальность, способность к саморазвитию, неконтролируемость и неуправляемость, а значит, довлеющая необходимость в адаптации. При этом рассматриваются отдельные стратегии и тактики формирования общественного мнения (Черненко, 2018; Gilchrist, 2018), вопросы эффективности коммуникации (Weitkamp et al., 2021), проблема токсичности массовой коммуникации (Витвинчук, 2015; Глущенко и др., 2021), социально-правовые аспекты функционирования новых цифровых платформ (Турунов и др., 2025), особенности медиапотребления и медийной активности интернет-пользователей в зависимости от поколенческих различий в восприятии этических норм (Волкова, Лазутова, 2013; 2020; Розенберг, Карпова, 2025; Самойлова, 2019), риски и стратегии адаптации к медиасреде (Асеева, 2023; Белкина, 2022; Гримов, 2022; Кветкин, 2022; Копылова, Федорченко, 2021), перспективы развития медиаобразования и медиаграмотности (Милославская, 2020; Степанов, 2021; Шестерина, 2020), гуманитарные аспекты информационной безопасности (Берендеев, Друкер, 2021; Волкова, Лазутова, 2017; Иванова, 2024; Трофимова, 2025), в том числе с лингвистической точки зрения (Полонский, Глушкова, 2024).

Материалы и методы

Для выявления предпосылок и барьеров экологической стандартизации медиа был применен комплексный междисциплинарный подход, интегрирующий принципы медиаэкологии, коммуникативистики и цифровой социологии.

Методологическая основа работы – системный и проблемно ориентированный анализ для структурирования предметного поля исследования, анализ существующих практик и вторичных данных. Изучены российские и зарубежные теоретические и эмпирические исследования в области медиаэкологии, экосистем медиа и медиавоздействия, а также существующие различные механизмы регулирования медиасреды (государственные, коммерческие, саморегулируемые). Сравнительно-сопоставительный метод использован для противопоставления различных подходов к пониманию «экологии медиа» и «экосистемы медиа», а также для выявления диалектического противоречия между усилением власти медиа и тенденциями к ее низвержению через медиаграмотность. Институциональный анализ был применен для оценки возможностей и ограничений создания альтернативных (негосударственных и некоммерческих) структур, способных проводить экологическую медиаэкспертизу. Методология исследования носит качественный характер и нацелена на систематизацию накопленных в смежных областях знаний для формирования концептуальных основ будущей экологической стандартизации медиа. Полученные результаты являются продуктом теоретического осмысления и синтеза существующих научных данных, что задает вектор для последующих эмпирических проверок и разработки конкретных критериев экостандартов.

Результаты и обсуждение

Медиаэкология анализирует медиа как среду обитания человека, влияние медиа на социальные практики и культурные нормы. В рамках прикладной медиаэкологии акцент делается на поиске механизмов снижения вредоносного воздействия медиа (токсичность контента, манипуляции, цифровая перегрузка). Иными словами, медиаэкология представляет собой совокупность различных областей знаний, которые объединены общей идеей изучения последствий медиа для человеческого существования (Gilchrist, 2018, p. 27). Следуя логике развития экологических знаний, закономерно предположить, что конечной целью изучения этих последствий является выработка решений и инструментов для формирования коллективных стратегий адаптации человека к медиасреде и трансформация медиапроизводства на основе экологических принципов. Отметим, что прикладные медиаисследования представлены преимущественно рекомендациями по повышению эффективности массовых коммуникаций в интересах *производителя медиаконтента*. При этом комплексных решений, направленных на повышение безопасности медиасреды для *потребителя*, явно недостает: существующие на этот счет рекомендации обращены к самому потребителю и носят ограничительный характер (Лаврова В.А., Лаврова Е.В., 2019), что, очевидно, не может кардинальным образом повлиять на преодоление гуманитарных угроз в сфере информации.

Рассуждая о перспективах развития медиаэкологии как научной дисциплины, исследователи (Laskowska, Marcyński, 2019) отмечают, что в центре этой перспективы находится концепция, согласно которой изучение медиа как

среды позволит изменить мир: «перерабатывающий завод» власти медиа будет демонтирован (Lekakis, 2017, p. 38). В настоящее время можно наблюдать диалектическое противостояние двух тенденций: с одной стороны, укрепление власти медиа, что выражается в разработке новых эффективных методов и технологий управления общественным мнением в коммерческих и политических целях; с другой – низвержение власти медиа, выражающееся в развенчании манипулятивных стратегий и повышении медиаграмотности аудитории. Первая тенденция поддержана маркетинговым и научными исследованиями в сфере PR, рекламы и пропаганды, вторая – правительственными грантами на проведение фундаментальных научных исследований и развитием медиаобразования. По всей видимости, первая из противоборствующих сил представлена более мощно и перспективы демонтажа власти медиа выглядят весьма отдаленными. Однако объем накопленных в этой сфере знаний позволяет прийти к некой структуре, которая может стать основой для выработки стандартов качества для СМИ, применение которых при поддержке медиаобразования поможет потребителю сделать осознанный выбор в пользу безопасного и полезного источника информации.

Несмотря на то, что применение экологических стандартов для контроля качества продукции является привычной, повсеместно распространенной, принятой мировым сообществом практикой, экстраполяция такого подхода на сферу медиа может вызывать ожидаемое сопротивление. Существующие в данный момент представления о качестве медиа и о безопасности потребляемого медиаконтента не позволяют объективно, с высокой степенью достоверности определить степень вредоносного влияния конкретного источника информации на аудиторию (определенный сегмент аудитории). Если не существует общепризнанных понятий о безопасном контенте, попытки внешней стандартизации могут восприниматься как угроза свободе слова, как попытка установить дополнительный контроль за независимыми СМИ и ограничить конституционное право граждан на доступ к информации. Кроме того, существенную проблему может представлять вопрос институционализации экологической экспертизы медиа и, соответственно, финансирования данных процедур. И, наконец, сложившаяся на сегодня система медиаобразования не позволяет подготовить потребителя, заинтересованного в экостандартизации медиа, способного оценить значимость экологической экспертизы. Ориентация на безопасный контент и доверие экспертному сообществу – неперемennые характеристики аудитории, без которых любая деятельность, направленная на экостандартизацию медиа, окажется неэффективной.

Признавая значительное влияние ограничивающих факторов, препятствующих внедрению экостандартов медиа в текущих условиях, стоит, однако, отметить, что поиск новых механизмов регулирования медиа – неперемennое условие гуманистически ориентированного развития информационного общества. Существующие регулятивные меры в сфере медиа (правовые, экономические, технологические, социокультурные) не способны сдерживать процессы, угрожающие цивилизации. Проводимые в последние десять-пятнадцать

лет коммуникологические исследования убедительно доказали, что деструктивные последствия имеют как концентрация медиа, в том числе и в руках государства, так и развитие конкурентной среды, когда борьба за увеличение аудитории приводит не к дифференциации, а к унификации медиа, что неизбежно сказывается на качестве журналистских материалов (Шарков, Юдина, 2013). Коммуникологи и социологи отмечают «серьезные нарушения в экологии медиапространства» (Шарков, Юдина, 2013, с. 40) и указывают на то, что наличие социальных институтов и общественных организаций, оказывающих регуляторное воздействие на медиа, могут стать той значимой силой, которая способна балансировать противоречивые тенденции развития медиасферы.

Сегодня можно выделить несколько альтернативных социальных механизмов регулирования медиа, проходящих этапы становления и развития: медиаобразование, медиакритику и медиаэкспертизу. Процессы институционализации данных явлений еще далеко не завершены, но они, несомненно, должны быть поддержаны на государственном уровне, так как необходимые предпосылки для закрепления устоявшихся практик в этих областях существуют. Во-первых, это наличие потребности в безопасности медиапространства, а во-вторых, фундаментальные гуманистические ценности, которые положены в основу представлений о качестве медиапродукта.

В контексте вопроса об экостандартизации качества медиа наибольший интерес представляет процесс институционализации экологической медиаэкспертизы. Маркетинговые и социологические исследования, проводимые в интересах компаний и государственных органов, широко представлены на современном рынке коммерческими организациями и имеют собственные ассоциации (например, ОИРОМ³). В системе координат, изложенной в настоящей статье, их можно отнести к силе, которая работает на укрепление власти медиа, потому несмотря на наличие ценного опыта и технологий в исследовании медиа их нельзя отнести к экологическим. Тем не менее в этом ряду можно выделить социально ориентированные организации, например ФОМ, проводящий исследования по социально значимым вопросам, в частности «ментальному (не)благополучию» населения, выступающий за развитие «помогающей социологии» и реализующий ряд проектов просветительской направленности⁴. Подобного типа организации гипотетически могут стать основой организации, осуществляющей экологическую медиаэкспертизу, но в составе необходимы не только социологи, но и специалисты в области коммуникаций, психологии, педагогики, филологии, инженерии и других областей, так или иначе затрагивающих вопросы безопасности медиапотребления.

³ Объединение исследователей рынка и общественного мнения (ОИРОМ) – профессиональная ассоциация исследовательских компаний, созданная в 2003 г. в России. В состав ОИРОМ входят ключевые игроки рынка маркетинговых исследований и общественного мнения, занимающие более 60 % российского рынка. См.: ОИРОМ. Первая в России профессиональная ассоциация исследовательских компаний. URL: <https://oirom.ru/> (дата обращения: 18.05.2025).

⁴ Фонд «Общественное мнение» – независимая социологическая служба, российская некоммерческая организация. См.: ФОМ. URL: <https://fom.ru/> (дата обращения: 18.05.2025).

Понятно, что раньше осуществления практических шагов по реализации подобных проектов, необходимы научные основания для выработки экостандартов медиа и проведение экспертизы медиаресурсов по соответствию данным стандартам. В данном контексте стоит назвать ценные практики фильтрации и ранжирования медиаконтента. Есть необходимость в систематизации существующих представлений о безопасном контенте, следует обозначить дальнейшие пути исследования проблем.

Что касается фильтрации медиаконтента, то в настоящее время исследователи отмечают «превалирование экономических интересов медиаиндустрии над социально-гуманистическими» (Грушевская, 2022, с. 396); отмечены такие последствия фильтрации с помощью алгоритмов, как «эхо-камеры, возможности манипулирования общественным мнением на основе микротаргетинга и фальсификации реальности, ограничения выбора, связанные с естественным формированием пузырей фильтров, предвзятой и непрозрачной работой сервисов, диспропорциями медийной и рекламной активности разных социальных групп» (Грушевская, 2022, с. 393).

В отличие от указанной неэкологичной фильтрации существуют практики фильтрации контента с целью повышения безопасности медиасреды, которые применяются при осуществлении родительского контроля. При установке соответствующего программного обеспечения есть возможность блокировать как отдельные части страницы, так и ее целиком при обнаружении вредоносного контента на основе списка запрещенных ресурсов, слов, имен доменов. Настройки поисковых систем позволяют включить безопасный поиск, подобная функция защиты от непристойного контента существует и на YouTube. Технические ограничения в отношении определенных медиаресурсов выступают как педагогически оправданное решение, но такие практики не могут быть полезны для фильтрации контента как меры обеспечения экологичности медиапространства. Речь идет не о принудительном ограничении возможностей пользователя в формировании собственной медиасреды, а о содействии экспертного сообщества в повышении безопасности и экологичности этой среды.

Более адекватной процедурой в этом отношении представляется маркировка, подобная той, которая используется для фильтрации контента по возрастам, так как основная идея заключается не в ограничении доступа, а в предоставлении пользователю дополнительной информации о том, насколько экологичны способы привлечения внимания аудитории, используемые на конкретном ресурсе. Существующая нормативная база, утверждающая процедуры экспертизы контента, организации и финансирования экспертной оценки медиа, аккредитации экспертов, возможность обжалования их мнения, позволяют утверждать, что институт медиаэкспертизы в настоящее время сформирован, однако он не является альтернативным, то есть относится к сфере государственного регулирования, и носит направленный характер, защищая только наиболее уязвимую часть аудитории.

Реальным механизмом реализации негосударственного и некоммерческого регулирования медиа представляется процедура ранжирования источников,

подобная той, которая используется на сайте «Медиалогия» на основе индекса цитирования – отдельно в СМИ и в социальных медиа. Такой рейтинг служит свидетельством авторитетности источника и актуальности предоставляемой информации, защищая пользователей от одной из наиболее распространенных угроз в сети – ложной информации. Однако (и это может служить гипотезой специального прикладного исследования) популярность того или иного медиа в профессиональной журналистской среде и обществе далеко не всегда совпадает с представлением о качестве медиа на основе экологических принципов. Дополнение подобных рейтингов оценкой экспертного сообщества вместе с популяризацией экологических представлений о медиа позволит, как видится, обеспечить альтернативное регулирование СМИ.

Значительных успехов в исследовании и мониторинге медиа достигли технологии искусственного интеллекта, с применением которых строятся мощные аналитические инструменты, способные обрабатывать десятки тысяч онлайн-ресурсов. Несмотря на то, что они в большей степени ориентированы на удовлетворение потребностей бизнеса в управлении репутацией компании, они вполне применимы для решения научных задач и проведения социально ориентированных изысканий. Это было показано исследователями НИУ ВШЭ в ходе тестирования мониторинговой системы *Factiva* для изучения репрезентации России в глобальном онлайн-пространстве (Шариков, Потапова, 2023). Опыт применения данного сервиса показывает, что его возможности адекватны задачам определения тональности новостей и оценки механизмов привлечения внимания аудитории, используемые интернет-изданиями (Сабынина, 2023). Учитывая, что нагнетание страхов, сообщение о различных опасностях без указания на пути их преодоления является вредным для реципиента и относится к неэкологичным способам управления вниманием аудитории, *Factiva* можно считать полезным инструментом для выработки экостандартов медиа. При этом необходимо признать, что комплексный анализ интернет-источника, учитывающий различные виды вредоносного контента, такие как дезинформация, искажение, отвлечение, упущение и антигуманистическое направление, а также аффективную манипуляцию и фрейминг, пока не может быть полностью автоматизирован.

Заключение

Анализ технологических, институциональных, научных предпосылок выработки экостандартов для СМИ позволяет утверждать, что на данный момент оснований для инициирования коллективных исследований, направленных на реализацию такой задачи, вполне достаточно. Очевидно, что в рамках одной работы данная проблема решена быть не может, так как разные типы СМИ и разные виды контента требуют различных подходов к стандартизации качества. В первую очередь заслуживают внимания качественные издания, так как в их редакциях выработаны внутренние стандарты, которые в большей или меньшей степени могут быть ориентированы на экологичность ме-

диасреды. Новости как самый потребляемый тип контента уже достаточно хорошо исследованы в аспекте токсичного воздействия на аудиторию, потому в этой сфере экостандартизация кажется наиболее вероятной.

Так или иначе, вопрос о развитии альтернативных институтов регулирования медиа неизбежно встает перед информационным обществом, и поиск объективных оснований такого регулирования можно считать неизбежной задачей современной науки, а идею экостандартизации медиа – одним из путей ее решения.

Список литературы

- Асеева И.А. Человек и общество в медиаэкосистеме: стратегии адаптации и преадаптации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11. № 4(44). С. 76–88. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-4-8>
- Белкина В.А. Конвергенция медиаэкосистемы и человека: социально-философский анализ // Научное мнение. 2022. № 12. С. 56–65. https://doi.org/10.25807/22224378_2022_12_56
- Берендеев М.В., Друкер М.М. Медиаэкология киберпространства как сфера безопасности потребления информации в российской интернет-среде // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 1(34). С. 109–117. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_1_1_109
- Витвинчук В.В. Акциденции социальности в «токсичном» пространстве современной новостной журналистики // Медиаисследования. 2015. № 2. С. 34–40.
- Волкова И.И., Кемарская И.Н., Лободенко Л.К., Уразова С.Л., Шестеркина Л.П. Экосистема медиа: цифровые модификации : монография. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2021. 252 с.
- Волкова И.И., Лазутова Н.М. Медиапоколения цифровой цивилизации: медиахронотоп, архетипы и ценностные доминанты // Медиакоммуникации и интернет-маркетинг в условиях цифровой цивилизации : монография / под ред. Л.П. Шестеркиной, Л.К. Лободенко. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2020. С. 79–97.
- Волкова И.И., Лазутова Н.М. Экранные массмедиа и экология человека: от зачаровывания к присоединению // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 12 (212). С. 106–111. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-212-106>
- Волкова И.И., Лазутова Н.М. Этическое и игровое в установках коммуникаторов разных поколений // European Social Science Journal. 2013. № 11-1(38). С. 285–290.
- Глушченко О.А., Гришанин Н.В., Кириллина Н.В. Экология коммуникации: факторы токсичности в медийных текстах // Коммуникология. 2021. Т. 9. № 4. С. 160–178. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2021-9-4-160-178>
- Гримов О.А. Паттерны пользовательской активности в медиаэкосистеме: результаты социологического анализа // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2022. № 2. С. 18–32. <https://doi.org/10.17726/philIT.2022.2.2>
- Грушевская В.Ю. Модель фильтрации информации в социальных медиа // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 3. С. 393–406. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-393-406>
- Иванова Е.А. Медиаэкология и экология интернет-поведения в структуре информационной безопасности // Прикладные цифровые технологии и системы XXI века: экономика, менеджмент, управление персоналом, информационная безопасность, право : материалы III Регион. науч.-практ. конф., Владимир, 15 декабря 2024 г. / ред. А.М. Перегудова. Владимир : РАНХиГС, 2024. С. 173–178.

- Кветкин П.Д. Медиаэкология: основные модели поведения в кризисный период // MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы : сборник материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 22–24 ноября 2022 г. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2022. С. 210–213.
- Колесникова Д.А. Медиа экология: стратегии образования в цифровую эпоху // Менеджмент XXI века: возможности и пределы преобразования университетов : сб. науч. статей по материалам XVII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2017 г. СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. С. 183–187.
- Копылова О.Ю., Федорченко К.Е. Современная практика применения цифрового аскетизма // Современные технологии в образовании: актуальные проблемы и тенденции : материалы Всерос. науч.-теор. конф., Москва, 15–17 июля 2021 г. Ижевск : Восточно-Европейский институт, 2021. С. 205–210.
- Кузякин Д.С. Экосистемы современных медиа: подходы к проблеме // Россия и современный мир. 2023. № 3. С. 273–277. <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.03.18>
- Лаврова В.А., Лаврова Е.В. Представление об опасностях в современной картине мира // Мировые цивилизации. 2019. Т. 4. № 3–4. С. 29–34. URL: <https://wcj.world/PDF/08PSMZ319.pdf> (дата обращения: 18.05.2025).
- Милославская З.А. Медиаобразование и медиаэкология // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 116–118.
- Полонский А.В., Глушкова В.Г. РКИ и медиаэкология русского слова // РКИ: лингвометодическая образовательная платформа : сб. трудов III Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 24 мая 2024 г. Белгород : Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2024. С. 155–159.
- Розенберг Н.В., Карпова М.К. Патриотические ценности российской молодежи: факторы трансформации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13. № 2. С. 76–90. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/rozenberg_nv_karpova_mk_2025_2_08.pdf (дата обращения: 18.05.2025).
- Сабынина А.А. Политические новости в российских и германских федеральных онлайн-СМИ как фактор привлечения внимания аудитории // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2023. Т. 8. № 1. С. 62–82.
- Самойлова Т.А. Проблема ценностей и конфликт поколений // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : материалы VIII Всерос. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 4–6 декабря 2019 г. Ч. 1 / под ред. А.В. Осинцевой. Новосибирск : НГУ, 2019. С. 225–226.
- Степанов В.Н. Медиаэкология и ее проблемное поле // Организационная психолингвистика. 2021. № 3(15). С. 10–31.
- Трофимова С.С. Медиаэкология как актуальное направление исследований массовой коммуникации // Реклама, PR и медиа: современное состояние и перспективы развития : сб. статей VIII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 13–14 марта 2025 г. СПб. : Астерион, 2025. С. 327–332.
- Турунов Д.М., Ильченко С.Н., Позняк-Ибатулина А.А. Игровой стриминг в России и странах ЕС: современное правовое регулирование игровых коммуникаций и векторы его развития // Глобальный научный потенциал. 2025. Т. 127. № 7. С. 400–406.
- Черненко Ю.А. Карточный домик политической реальности // Наука телевидения. 2018. Т. 14.1. С. 184–210. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.1-184-210>
- Шариков А.В., Потапова В.В. О соотношении сообщений позитивной и негативной тональности на русскоязычных информационных онлайн-ресурсах // Вестник Академии медиаиндустрии. 2023. № 2(34). С. 48–64.
- Шарков Ф.И., Юдина Е.Н. Регулирование отношений в современном медиaprостранстве // Коммуникология. 2013. Т. 1. № 1. С. 36–43.
- Шестерина А.М. Принципы развития медиаэкологического подхода в контексте современных образовательных практик // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 3(37). С. 12–17.

- Gilchrist B. McLuhan in the Digital Marketplace: Media Effects of Online Shopping // *Communications. Media. Design*. 2018. Vol. 3. No. 1. P. 26–46.
- Laskowska M., Marcyński K. Media Ecology – (Un)necessary Research Perspective in Communication and Media Studies // *Mediatization Studies*. 2019. Vol. 3. P. 53–68. <https://doi.org/10.17951/ms.2019.3.53-68>
- Lekakis E. Alternative media ecology and anti-austerity documentary: The #greekdocs archive // *Journal of Alternative & Community Media*. 2017. Vol. 2. No. 1. P. 28–44. https://doi.org/10.1386/joacm_00030_1
- Weitkamp E., Milani E., Ridgway A., Wilkinson C. Exploring the digital media ecology: insights from a study of healthy diets and climate change communication on digital and social media // *Journal of Science Communication*. 2021. Vol. 20. No. 3. Article A02. <https://doi.org/10.22323/2.20030202>

References

- Aseeva, I.A. (2023). Human and society in the media ecosystem: adaptation and preadaptation strategies. *Electronic Scientific Journal "Science. Society. State"*, 11(4), 76–88. (In Russ.) <https://doi.org/0.21685/2307-9525-2023-11-4-8>
- Belkina, V.A. (2022). Convergence of the media ecosystem and man: socio-philosophical analysis. *Nauchnoe Mnenie*, (12), 56–65. (In Russ.) https://doi.org/10.25807/22224378_2022_12_56
- Berendeev, M.V., & Drucker, M.M. (2021). Mediaecology of cyberspace as a sphere of information consumption security in the Russian Internet environment. *Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, 1(1), 109–117. (In Russ.)
- Chernenko, Yu.A. (2018). The “House of Cards” of political reality. *The Art and Science of Television*, 14.1, 184–210. (In Russ.) <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.1-184-210>
- Gilchrist, B. (2018). McLuhan in the digital marketplace: Media effects of online Shopping. *Communications. Media. Design*, 3(1), 26–46.
- Glushchenko, O.A., Grishanin, N.V., & Kirillina, N.V. (2021). Ecology of communication: The toxicity factors in media. *Communicology*, 9(4), 160–178. (In Russ.) <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2021-9-4-160-178>
- Grimov, O.A. (2022). The patterns of users’ activity in the media ecosystem: The results of sociological analyses. *Philosophical Problems of IT & Cyberspace (PhilIT&C)*, (2), 18–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.17726/philIT.2022.2.2>
- Grushevskaya, V.Yu. (2022). The information filtering model in social media. *The Journal of Social Policy Studies*, 20(3), 393–406. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-393-406>
- Ivanova, E.A. (2024). Media ecology and ecology of Internet behavior in the structure of information security. In A.M. Peregudova (Ed.), *Applied Digital Technologies and Systems of the XXI Century: Economics, Management, Personnel Management, Information Security, Law: Proceedings of the III Regional Scientific and Practical Conference, December 15, 2024, Vladimir* (pp. 173–178). Vladimir: Presidential Academy Publ. (In Russ.)
- Kolesnikova, D.A. (2017). Media ecology: Strategies of education in digital era. In *Management of the 21st Century: Possibilities and Limits of Universities Transformation: Collection of Scientific Articles, Materials of the XVII International Scientific and Practical Conference, November 21–22, 2017, Saint Petersburg* (pp. 183–187). Saint Petersburg: Herzen University Publ. (In Russ.)
- Kopylova, O.Yu., & Fedorchenko K.E. (2021). Modern practice of applying digital asceticism. In *Modern Technologies in Education: Current Problems and Trends: Proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference, July 15–17, 2021, Moscow* (pp. 205–210). Izhevsk: East European Institute Publ. (In Russ.)

- Kuzyakin, D.S. (2023). Ecosystems of modern media: approaches to the problem. *Russia and the Contemporary World*, (3), 273–277. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.03.18>
- Kvetkin, P.D. (2022). Mediaecology: main models of behavior in a crisis period. *MEDIA Education: Digital Environment under Forced Transformation: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference, Novemder 22–24, 2022, Chelyabinsk* (pp. 210–213). Chelyabinsk State University Publ. (In Russ.)
- Laskowska, M., & Marcyński, K. (2019). Media ecology – (Un)necessary research perspective in communication and media studies. *Mediatization Studies*, 3, 53–68. <https://doi.org/10.17951/ms.2019.3.53-68>
- Lavrova, V.A., & Lavrova, E.V. (2019) An understanding of the dangers in the modern picture of the world. *World Civilizations*, 4(3-4), 29–34. (In Russ.) <https://wcj.world/PDF/08PSMZ319.pdf>
- Lekakis, E. (2017). Alternative media ecology and anti-austerity documentary: The #greekdocs archive. *Journal of Alternative & Community Media*, 2(1), 28–44. https://doi.org/10.1386/joacm_00030_1
- Miloslavskaya, Z.A. (2020). Media education and media ecology. *Proccedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, (4), 116–118. (In Russ.)
- Polonsky, A.V., & Glushkova, V.G. (2024). RKI and media ecology of the Russian word. In *RKI: Linguomethodological Educational Platform: Collection of Papers of the International Scientific and Practical Conference, May 24, 2024, Belgorod* (pp. 155–159). Belgorod State University Publ. (In Russ.)
- Rozenberg, N.V., & Karpova, M.K. (2025). Patriotic values of Russian youth: Factors of transformation. *Electronic Scientific Journal "Science. Society. State"*, 13(2), 76–90. (In Russ.) https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/rozenberg_nv_karpova_mk_2025_2_08.pdf
- Sabynina, A.A. (2023). Political news in Russian and German federal online media as a factor in attracting audience attention. *Communications. Media. Design*, 8(1), 62–82. (In Russ.)
- Samoilova, T.A. (2019). The problem of values and the conflict of generations. In A.V. Osintseva (Ed.), *Youth of the XXI Century: Education, Science, Innovation. Proceedings of the VIII All-Russian Student Scientific and Practical Conference with International Participation, December 4–6, 2019, Novosibirsk* (Part 1, pp. 225–226). Novosibirsk State University Publ. (In Russ.)
- Sharikov, A.V., & Potapova, V.V. (2023). On the ratio of positive and negative tone messages on Russian-language online information resources. *Bulletin of the Academy of Media Industry*, (2), 48–64. (In Russ.)
- Sharkov, F.I., & Yudina, E.N. (2013). Regulation of relations in the modern media space. *Communicology*, 1(1), 36–43. (In Russ.)
- Shesterina, A.M. (2020). Principles of development of the mediaecological approach in the context of modern educational practices. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya*, (3), 12–17. (In Russ.)
- Stepanov, V.N. (2021). Media ecology and its problematic field. *Organizational Psycholinguistics*, (3), 10–31. (In Russ.)
- Trofimova, S.S. (2025). Media ecology as a current direction of mass communication research. In *Advertising, PR and Media: Current State and Development Prospects: Collection of Articles of the VIII International Scientific and Practical Conference, March 13–14, 2025, Saint Petersburg* (pp. 173–178). Saint Petersburg: Asterion Publ. (In Russ.)
- Turunov, D.M., Ilchenko, S.N., & Poznyak-Ibatulina, A.A. (2025). Game streaming in Russia and the EU: Current legal regulation of gaming communications and its development vectors. *Global Scientific Potential*, 172(7), 400–406. (In Russ.)
- Vitvinchuk, V.V. (2015). Accidents of sociality in the “toxic” space of modern news journalism. *Mediaissledovaniya*, (2), 34–40. (In Russ.)
- Volkova, I.I., Kemarskaya, I.N., Lobodenko, L.K., Urazova, S.L., & Shesterkina, L.P. (2021). *Media Ecosystem: Digital Modifications: Monograph*. Chelyabinsk: South Ural State University Publ. (In Russ.)

- Volkova, I.I., & Lazutova, N.M. (2013). Communicators of various generations: “Ethics” and “Play” notions interpretation. *European Social Science Journal*, 38(11-1), 285–290. (In Russ.)
- Volkova, I.I., & Lazutova, N.M. (2020). Media generations of digital civilization: Media chronotope, archetypes and value dominants. In L.P. Shesterkina, L.K. Lobodenko (Eds.), *Media Communications and Internet Marketing in the Context of Digital Civilization: Monograph* (pp. 79–97). Chelyabinsk: South Ural State University Publ. (In Russ.)
- Volkova, I.I., & Lazutova, N.M. (2017). Screen media and human ecology: From charming to joining. *Vestnik Orenburg State University*, (12), 106–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.25198/1814-6457-212-106>
- Weitkamp, E., Milani, E., Ridgway, A., & Wilkinson, Cl. (2021). Exploring the digital media ecology: Insights from a study of healthy diets and climate change communication on digital and social media. *Journal of Science Communication*, 20(3), A02. <https://doi.org/10.22323/2.20030202>

Сведения об авторах:

Трофимова Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиакоммуникаций и рекламы, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Российская Федерация, 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а. ORCID: 0009-0007-9802-5781; SPIN-код: 6140-9488. E-mail: s.trofimova@spbacu.ru

Позняк-Ибатулина Анна Альфредовна, эксперт по медиаправу, преподаватель кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0001-4833-0610; SPIN-код: 3522-2720. E-mail: 1032198690@pfur.ru

Bio notes:

Svetlana S. Trofimova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Media Communications and Advertising, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, 44a Lermontovsky Ave, Saint Petersburg, 190020, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-9802-5781; SPIN-code: 6140-9488. E-mail: s.trofimova@spbacu.ru

Anna A. Poznyak-Ibatulina, Expert in Media Law, Lecturer of the Department of Mass Communications, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0001-4833-0610; SPIN-code: 3522-2720. E-mail: 1032198690@pfur.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-838-847

EDN: RPCRWD

УДК 179.1

Научная статья / Research article

Кодекс этики современных медиакоммуникаций: регламентация медиакультурных принципов

А.А. Ефанов

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия*

✉ yefanoff_91@mail.ru

Аннотация. Предмет исследования – концепция будущего Кодекса этики современных медиакоммуникаций – нормативного свода правил. Цель – артикуляция проблемы регламентации медиакультурных принципов исходя из новой парадигмы. Теоретико-методологическая основа исследования строится на обращении к теории медиакультуры, концепции профессиональной этики журналиста, а также критическому подходу к этике искусственного интеллекта. Используется комплекс методов: историко-культурный анализ, систематизация, структурный анализ, кейс-стади, моделирование, вторичный анализ социологических данных. Оценка новой медиакоммуникационной парадигмы показывает, что она унифицирует медиакультурные принципы для всех акторов медиапространства, что ведет к уравниванию в статусе профессиональных создателей медиа и рядовых пользователей социальных медиа. Поэтому методологически верно ориентироваться не только на профессиональную, но и на отраслевую этику, с уточнением данной категории как индустриальной. В результате выдвигается тезис о необходимости разработки нормативного Кодекса этики современных медиакоммуникаций. В идеале он будет основан на нормах общечеловеческой этики, приобретет надпрофессиональный статус и распространится на все виды медиа и дифференцированные группы агентов-медиапроизводителей. Обоснована главная идея Кодекса: равнозначность медиакультурных и медиаэтических принципов, вводит в повестку дня положения будущего нормативного акта для обсуждения как представителями медиаиндустрии, так и экспертным сообществом.

Ключевые слова: медиакоммуникации, этика, мораль, нравственность, медиакультура, медиаиндустрия, кодифицирование

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 23 августа 2025 г.; отрецензирована 20 сентября 2025 г.; принята к публикации 29 сентября 2025 г.

© Ефанов А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Ефанов А.А. Кодекс этики современных медиакоммуникаций: регламентация медиакультурных принципов // Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 838–847. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-838-847>

Code of Ethics for Modern Media Communications: Regulation Media Cultural Principles

Aleksandr A. Yefanov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
HSE University, Moscow, Russian Federation
✉ yefanoff_91@mail.ru

Abstract. The subject of this research is the concept of a future *Code of Ethics for Modern Media Communications* – a set of normative rules. The goal is to articulate the problem of regulating media-cultural principles based on a new paradigm. The theoretical and methodological framework draws on media culture theory, the concept of professional journalistic ethics, and a critical approach to the ethics of artificial intelligence. A complex of methods is employed: historical-cultural analysis, systematization, structural analysis, case study, modeling, and secondary analysis of sociological data. An assessment of the new media-communication paradigm reveals that it unifies the media-cultural principles for all actors in the media space, leading to an equalization of status between professional media producers and ordinary social media users. Therefore, it is methodologically sound to focus not only on professional ethics but also on branch-specific ethics, with this category being specified as industrial ethics. Based on the research findings, the thesis on the necessity of developing a normative Code of Ethics for Modern Media Communications is put forward. Ideally, it will be founded on the norms of universal human ethics, acquire a supra-professional status, and extend to all types of media and differentiated groups of media-producing agents. The main idea of the Code is substantiated: the equivalence of media-cultural and media-ethical principles, and introduces the provisions of the future code into the agenda for discussion by both representatives of the media industry and the expert community.

Keywords: media communications, ethics, morality, media culture, media industry, codification

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 23, 2025; revised September 20, 2025; accepted September 29, 2025.

For citation: Yefanov, A.A. (2025). Code of Ethics for Modern Media Communications: Regulation Media Cultural Principles. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 838–847. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-838-847>

Введение

Динамичное развитие интернет-пространства, особенно в условиях экспансии искусственного интеллекта (ИИ), формирует новую медиакоммуникационную парадигму. Это, в свою очередь, трансформирует структуру информационной среды и требует переосмысления принципов, которые связаны

с процессами производства и потребления информации. Подобные принципы требуют соотнесения деятельности в сфере медиакommunikаций с этическими константами, поскольку практически каждый социальный субъект совмещает в себе производство и потребление медиа, обуславливая явление просьюмеризма¹. При этом часть медиапроцессов оказывается обособленной от профессиональной среды (Алгави и др., 2020; Волкова и др., 2020; Кириллова, 2017; Скачилова, 2024; Смеюха, Акопов, 2015). Влияние агентов, не имеющих специальной подготовки, но нередко обретающих статус инфлюенсеров, на формирование общественного мнения (а вместе с тем на изменения системы норм, ценностей, установок и моделей поведения) своей аудитории (Ефанов, 2021) является очевидным. Но существующие нормативные документы, регулирующие деятельность в сфере медиа с этических позиций, распространяются, прежде всего, на профессиональную среду, что создает нормативно-этический вакуум, или «серую зону». Эта проблема представляет собой серьезный вызов для медиасообщества и экспертов – нужны новые регуляторные подходы.

Материалы и методы

Основная задача – артикуляция проблемы регламентации медиакультурных принципов исходя из новой информационной парадигмы. Предмет исследования – будущий Кодекс этики современных медиакommunikаций. Теоретико-методологическая основа восходит к теории медиакультуры (Kellner, 2020), концепции профессиональной этики журналиста (Авраамов, 1991), а также критическому подходу к этике искусственного интеллекта (Шталь и др., 2024; Stahl et al., 2022). Используется комплекс методов: историко-культурный анализ; систематизация; структурный анализ; кейс-стади; моделирование; вторичный анализ данных, а также анализ собственных эмпирических данных (материалы полуструктурированных интервью с экспертами-аналитиками в сфере медиакommunikаций, $n = 15$).

В рамках теории медиакультуры Д. Келлнер постулирует значительное сопряжение медиапроизводства и медиапотребления, невозможность обособленного изучения данных процессов ввиду заведомо неминуемого ограничения подобного исследования – получения неполной картины и усеченных результатов. Предложенная Д.С. Авраамовым концепция профессиональной этики журналиста, по сути, представляет собой первую наиболее фокусированную попытку со стороны российских исследователей предметно рассмотреть функционирование журналистики в соотнесении с этической плоскостью – одновременно с позиций общечеловеческой и отраслевой, профессиональной этики. В начале 1990 гг. категории отраслевой и профессиональной этики применительно к журналистике были во многом тождественными. Критический подход к этике ИИ предполагает осмысление символических проявлений нейросетей – сгенерированного медиаконтента –

¹ См.: *Toffler Al. The Third Wave*. New York : William Morrow & Company Publ., 1980; *Тоффлер Э. Третья волна* / пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова [и др.]. М. : АСТ, 2009. 795 с.

в диспозиции поля интернета с точки зрения амбивалентности, учитывая неразрывность (а нередко параллельность) возникающих конструктивных и деструктивных преобразований.

Результаты и обсуждение

Исторические предвестники медиаэтики – от религиозных норм к профессиональной этике

Истоки профессиональной этики восходят к периоду становления мировых религий как социокультурных институтов (Хруль, 2020). Священные тексты (Евангелие, Коран, Тора), постулируя основы вероучения, поднимают универсальные вопросы добра и зла, справедливости, долга и совести. Эти писания можно рассматривать как «домедийные» символические свидетельства, что особенно актуально при осмыслении эпохи, когда до появления медиа религиозные институты доминировали в общественной жизни.

В советский период в условиях идеологии научного атеизма роль основного носителя этических норм перешла к литературе. Дидактические нарративы, апеллирующие к общечеловеческой этике, но решавшие в первую очередь политические задачи, содержались как в научной и публицистической литературе (сочинения теоретиков марксизма, работы В.И. Ленина), так и в художественной (например, известное стихотворение В.В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?»). В дальнейшем, с развитием медиапроцессов, это идеологизированное предназначение постепенно перешло к театру, кино, печати, радио и телевидению, наиболее ярко воплотившись в искусстве социалистического реализма (Ефанов, 2022).

Одной из первых попыток сформулировать моральные принципы, легшие в основу профессиональной журналистской этики, считается работа М.В. Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов...» (1754). Хотя изначально это сочинение было частью личной дискуссии, в нем обозначены семь ключевых принципов: компетентность, объективность, неторопливость в суждениях, любознательность, недопустимость плагиата, уважение к источнику информации и адекватность самооценки. Эти принципы не теряют актуальности для медиакommunikаций и сегодня.

В советский период сущность профессии журналиста была имплицитно обозначена в программной статье В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» (1905). Хотя в тексте акцент сделан на функциях литературы и пропаганды, в нем также можно найти упрощенное, подчиненное партийной идеологии отражение профессиональных норм публициста (Ефанов, 2018). В результате профессиональная этика журналиста советского времени в меньшей степени опиралась на фундаментальную философскую науку, следуя в основном идеологии марксизма.

Важно подчеркнуть, что ни одно из этих сочинений не имело статуса кодифицированного документа, несмотря на их признание теоретиками и практиками журналистики.

Становление профессиональной журналистской этики в России

Впервые профессиональные нормы и моральные принципы были кодифицированы в России в апреле 1991 г., в период поздней Перестройки. I съезд Союза журналистов СССР принял Кодекс профессиональной деятельности журналиста. Его основными положениями стали значимость проверки фактов (фактчекинг), признание первенства общечеловеческих ценностей, профессиональный долг журналиста (развитие демократических институтов, гласности, открытости и беспристрастности).

Особым достижением стало учреждение Всесоюзного совета по профессиональной этике и праву, в задачи которого входило рассмотрение этических конфликтов. Спустя три года, в июне 1994 г., в новой политической реальности Конгресс журналистов России принял обновленный документ – Кодекс профессиональной этики российского журналиста. После принятия в 1991 г. Закона «О средствах массовой информации», который регулировал правовую сторону деятельности СМИ, новый Кодекс взял на себя функцию регуляции нравственных норм и ценностей профессии. Иными словами, он охватывал вопросы, не подпадающие под правовое регулирование. Впервые на уровне кодекса особое внимание было уделено неприкосновенности частной жизни, правилам работы с конфиденциальной информацией и праву журналиста на отказ от задания, противоречащего его моральным принципам.

Периодом бурного развития медиаэтической мысли в России стали 1990–2000 гг. Появились общественные органы для разрешения споров: Судебная палата по информационным спорам (1993–2000); Большое жюри Союза журналистов России (1998–2008); Общественная коллегия по жалобам на прессу (2005–2025). Были приняты многочисленные отраслевые и тематические документы: Декларация Московской хартии журналистов (1994); Нравственные принципы телевизионной журналистики (1994); Хартия телерадиовещателей (1999) с созданием Совета по нравственности; Этические принципы освещения терроризма (2002); Хартия телевещателей «Против жестокости и насилия» (2005).

Этическая регламентация развивалась в регионах (Тюменская область, Чувашия, Красноярский край и др.), а также внутри медиакомпаний. Среди корпоративных документов можно выделить Правила этики телерадиокомпаний «МИР» (1993), Догму «Ведомостей» (2000). Особый вклад в формирование этики телевизионной журналистики внес С.А. Муратов (1997).

Подводя итог этому периоду, Е.А. Смирнова (2014, с. 162) отмечает, что несмотря на механические повторы в многих документах их достоинством является переосмысление этических норм и адаптация к конкретным проблемам, таким как освещение выборов или судебных процессов.

Вызовы цифровой эпохи и искусственного интеллекта

Активное внедрение интернета в повседневную жизнь и профессиональные медиа в 2010 гг. вызвало к жизни ряд новых нормативных документов: Кодекс поведения журналистов в социальных сетях (2014); Медиаэтический

стандарт (2015) и его обновленная версия – Медиаэтический стандарт 2.0 (2021); Новомедийный стандарт (2020). Однако эти документы слабо учитывают новую парадигму, в которой ключевую роль играют непрофессиональные агенты – блогеры и рядовые пользователи, часто не имеющие базовой медийной подготовки. Статус инфлюенсеров позволяет им оказывать значительное влияние на формирование норм, ценностей и моделей поведения у целевых аудиторий.

Исследование отношения студентов-медийщиков к этическим нарушениям показало, что они часто воспринимают такие кейсы как норму. Как установили И.М. Дзялошинский и М.И. Дзялошинская, причина кроется не в профессиональной небрежности (Dzyaloshinsky, Dzyaloshinskaya, 2017, p. 226), а в насущной потребности пересмотреть и «пересобрать» медиакультурные принципы в условиях новой реальности.

Этот вывод подтверждается данными серии полуструктурированных интервью с экспертами (n = 15), проведенных автором в 2025 г., в ходе которых был выдвинут тезис о целесообразности разработки нового нормативного документа – *Кодекса этики современных медиакоммуникаций*. Такой кодекс должен распространяться на все группы создателей медиаконтента вне зависимости от их уровня профессионализма и принадлежности к институциональным медиа. Таким образом, он будет охватывать виды медиа независимо от платформ их распространения. Этот подход учитывает, что в условиях конвергентной культуры² «традиционные» СМИ также продолжают развиваться в digital-пространстве.

Искусственный интеллект и «новая этика» как вызовы для регулирования

Еще в 1974 г. В.В. Иванов предсказывал необратимость появления ИИ и необходимость сосуществования с ним. Он отмечал, что эволюция техносферы зависит от развития языка и знаковых систем (Иванов, Топоров, 1974, с. 161). Сегодня, в середине 2020 гг., экспансия ИИ и появление дипфейков подтверждают эту мысль и доказывают необходимость их регулирования в рамках Кодекса этики современных медиакоммуникаций. Существующий Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (2021) лишь в незначительной степени затрагивает моральные аспекты деятельности в медиакоммуникациях.

Несмотря на неоднозначность медиапродуктов, созданных нейросетями, важно сформулировать базовые принципы их применения: открытость (использование ИИ должно быть маркировано, сопровождаться соответствующим дисклеймером); гуманизм (отказ от деструктивных целей, недопустимость причинения вреда героям или аудитории); человеческий контроль (обязательная «ручная» проверка результатов работы нейросетей). Последний принцип перекликается с позицией Э.В. Ильенкова (1968), который сравнивал

² См.: Jenkins H. *Convergence Culture. Where Old and New Media Collide*. New York: University Press, 2008; Дженкинс Г. *Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа* / пер. с англ. А. Гасилина. М.: Рипол Классик; СПб.: Панглосс, 2019. 384 с.

создание ИИ вместо развития естественного с абсурдным производством синтетического песка в пустыне. Предлагаемые принципы Кодекса опираются на этические стандарты, уже заложенные в существующие нормативные документы. Однако в условиях новой медиапарадигмы их четкая формулировка становится особенно актуальной, что подтверждается исследованиями (Шомова, 2016).

Кроме того, важно корректно сопоставить Кодекс с принципами «новой этики» – распространившегося на Западе социокультурного движения, выдвигающего на первый план толерантность и инклюзию (Шайхитдинова, 2016). Эта концепция, связанная с «заботой о себе» (Макарова, 2022), стремится к установлению гармонии для всех, в том числе и в медиaprостранстве. Однако ее практическая реализация неоднозначна. Как отмечает А.А. Гусейнов (2021), «новая этика» отрицает общественную мораль как господство всеобщих норм и содержит репрессивный потенциал, порождая «культуру отмены». В ее рамках люди массово присоединяются к травле, не задумываясь о причинах, воспринимая ее как механизм коррекции поведения (Мирзаева, 2023, с. 74). Яркие примеры последнего десятилетия («отмена» Дж. Деппа, Л.Н. Толстого, русской культуры) подтверждают эту точку зрения. Таким образом, «новая этика» вступает в противоречие с общечеловеческими этическими принципами. Безусловно, идеи равенства и борьбы со стереотипами важны и могут быть отражены в Кодексе. Однако ключевой тезис заключается в недопустимости нормативного закрепления моральных конфликтов, основанных на дискриминации и «отмене». В новой медиареальности символическая реабилитация субъекта (возвращение ему репутационного капитала) может оказаться невозможной.

Новая медиапарадигма унифицирует правила игры для всех акторов медиaprостранства, уравнивая в статусе профессиональных медиапроизводителей и рядовых пользователей. Последние благодаря влиянию на аудиторию в соцсетях часто обретают статус инфлюенсеров. В этом контексте методологически некорректно говорить исключительно о профессиональной этике, которая регулирует ответственность и саморегулирование узкой профессиональной группы (Бакштановский, Согомонов, 2005). Масштаб современной медиаиндустрии требует более широкой категории – индустриальной этики. Она охватывает всех участников медиапроизводства, выходя за рамки одной профессии или даже отдельной отрасли.

Заключение

Проведенный анализ обосновывает необходимость создания нового нормативного документа – Кодекса этики современных медиакommunikаций. Его главная отличительная черта – надпрофессиональный статус. Кодекс должен быть основан на нормах общечеловеческой этики и распространяться на все виды медиа и всех создателей контента – от институциональных СМИ до блогеров и рядовых пользователей. Ключевая идея документа – установление

равнозначности медиакультурных и медиаэтических принципов. Разработка его положений требует широкого многоуровневого обсуждения с участием как представителей медиаиндустрии, так и экспертного сообщества. Безусловно, задача выстраивания конструктивного диалога между столь разными субъектами и достижение консенсуса могут показаться утопичными. Однако именно такой механизм способен обеспечить действительное саморегулирование медиаиндустрии и внести решающий вклад в формирование медиакультуры современного информационного общества.

Список литературы

- Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста : Парадоксы развития, поиски, перспективы. М. : Мысль, 1991. 255 с.
- Алгави Л.О. Медиакоммуникации и интернет-маркетинг в условиях цифровой цивилизации : монография / Л.О. Алгави, Д.А.-Н. Аль-Ханаки, С.С. Бредихин [и др.] ; под ред. Л.П. Шестеркиной, Л.К. Лободенко. Челябинск : ЮУрГУ, 2020. 475 с.
- Бакистановский В.И., Согомонов Ю.В. Профессиональная этика: социологические ракурсы // Социологические исследования. 2005. № 8(256). С. 3–13.
- Волкова И.И., Уразова С.Л., Писарева М.Н. Критерии формирования коммуникативного пространства в студенческой среде: погружение в творчество // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 15. № 1. С. 75–81.
- Гусейнов А.А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. № 58. С. 91–106.
- Ефанов А.А. Деконструкция образа инфлюенсера в современном медиaprостранстве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 32–46. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1958>
- Ефанов А.А. Реверсивность эстетики социалистического реализма (на примере современного российского кинематографа) // Наука телевидения. 2022. Т. 18. № 2. С. 41–57. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2022-18.2-41-57>
- Ефанов А.А. Феномен пиаризации медиа // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 3. С. 34–40.
- Иванов В.В., Топоров В.В. Исследования в области славянских древностей : Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М. : Наука, 1974. 342 с.
- Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М. : Политиздат, 1968. 317 с.
- Кириллова Н.Б. Парадоксы медийной цивилизации : избранные статьи. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017. 452 с.
- Макарова Н.П. Этика «заботы о себе» в цифровом обществе // Дискурсы этики. 2022. № 4(16). С. 79–96. EDN: OVPBQC
- Мирзаева Д.У. Является ли культура отмены культурой? // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2023. № 4(56). С. 59–75. <https://doi.org/10.31249/chel/2023.04.04> EDN: FTBHPL
- Муратов С.А. Нравственные принципы тележурналистики : Опыт этического кодекса. М. : Права человека, 1997. 55 с.
- Скачилова Е.А. Медиaprостранство в условиях нелинейного усложнения социальной реальности // Коммуникология. 2024. Т. 12. № 2. С. 37–43. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-2-37-43>
- Смеуха В.В., Акопов А.К. Роль массмедиа в развитии профессиональной среды // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 4. С. 408–419. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2015.4\(4\).408-419](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2015.4(4).408-419) EDN: ULZZWV
- Смирнова Е.А. История кодексов профессиональной этики в отечественной журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2014. № 6. С. 150–164.

- Хруль В.М. Религия и медиатизация: герметичный объект как вызов теоретическому авангарду // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. 2020. Т. 5. № 1. С. 90–106.
- Шайхитдинова С.К. «Мы» и «Они» как предмет медиаэтики // *Век информации*. 2016. № 2. С. 43–45. EDN: VVMTGZ
- Шомова С.А. Новые медиа и «новая этика»: к вопросу о ценностных трансформациях журналистской профессии // *Меди@льманах*. 2016. № 4(75). С. 12–20.
- Шталь Б.К., Шредер Д., Родригес Р. Этика искусственного интеллекта. Кейсы и варианты решения этических проблем / пер. с англ. И. Кушнareвой ; под науч. ред. А. Павлова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 200 с.
- Dzyaloshinsky I.M., Dzyaloshinskaya M.I. Violations of journalist ethics: Professional negligence or a pattern? // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2017. No. 7. P. 200–228. EDN: YRDNQV
- Kellner D. *Media Culture*. 2nd ed. London: Routledge, 2020. <https://doi.org/10.4324/9780429244230>

References

- Algavi, L.O., Al-Khanaki, D.A.-N., Bredikhin, S.S., et al. (2020). *Media Communications and Internet Marketing in the Context of Digital Civilization* (L.P. Shesterkina, L.K. Lobodenko, Eds.). Chelyabinsk: South Ural State University Publ. (In Russ.)
- Avraamov, D.S. (1991). *Professional Ethics of a Journalist: Paradoxes of Development, Searches, Prospects*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)
- Bakhtanovsky, V.I., & Sogomonov, Yu.V. (2005). Professional ethics: Sociological perspectives. *Sociological Research*, (8), 3–13. (In Russ.)
- Dzyaloshinsky, I.M., & Dzyaloshinskaya, M.I. (2017). Violations of journalist ethics: Professional negligence or a pattern? *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, (7), 200–228. EDN: YRDNQV
- Guseinov, A.A. (2021). What is new in the “New Ethics”? *Semestrial Papers of Applied Ethics*, (58), 91–106. (In Russ.)
- Ilyenkov, E.V. (1968). *About Idols and Ideals*. Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)
- Ivanov, V.V., & Toporov, V.V. (1974). *Research in the Field of Slavic Antiquities: Lexical and Phraseological Issues of Text Reconstruction*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Kellner, D. (2020). *Media Culture* (2nd ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429244230>
- Khroul, V.M. (2020). Religion and mediatization: Hermetic object as a challenge to the theoretical ‘Avant-Garde’. *Communications. Media. Design*, 5(1), 90–106. (In Russ.)
- Kirillova, N.B. (2017). *Paradoxes of Media Civilization: Selected Articles*. Yekaterinburg: Ural Federal University Publ. (In Russ.)
- Makarova, N.P. (2022). The ethics of “Care for Yourself” in a digital society. *Discourses of Ethics*, 16(4), 79–96. (In Russ.) EDN: OVPBQC
- Mirzaeva, D.U. (2023). Is cancel culture culture? *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, (4), 59–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/chel/2023.04.04> EDN: FTBHPL
- Muratov, S.A. (1997). *Moral Principles of Television Journalism: Experience of the Ethical Code*. Moscow: Human Rights Publ. (In Russ.)
- Shaykhitdinova, S.K. (2016). “We” and “They” as a subject of media ethics. *Age of Information*, (2), 43–45. (In Russ.) EDN: VVMTGZ
- Shesterkina, L.P., & Lobodenko, L.K. (Eds.). (2020). *Media Communications and Internet Marketing in the Conditions of Digital Civilization*. Chelyabinsk: South Ural State University Publ. (In Russ.)
- Shomova, S.A. (2016). New media and “New Ethics”: Towards value transformations of the journalism profession. *Medi@lmanah*, (4), 12–20. (In Russ.)

- Skachilova, E.A. (2024). Media space in conditions of nonlinear complication of social reality. *Communicology*, 12(2), 37–43. (In Russ.) <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-2-37-43>
- Smejukha, V.V., & Akopov A.K. (2015). The role of the media in the development of professional environment. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 4(4), 408–419. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2015.4\(4\).408-419](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2015.4(4).408-419) EDN: ULZZWV
- Smirnova, E.A. (2014). History of Codes of professional ethics in domestic journalism. *The Journal Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 10. Zhurnalistika*, (6), 150–164. (In Russ.)
- Stahl, B.C., Schroeder, D., & Rodrigues, R. (2022). *Ethics of Artificial Intelligence. Case Studies and Options for Addressing Ethical Challenges*. Springer Briefs.
- Volkova, I.I., Urazova, S.L., & Pisareva, M.N. (2020). Criteria for forming a communicative space in the student environment: Immersion in creativity. *Scholarly Notes of Transbaikal State University*, 15(1), 75–81. (In Russ.)
- Yefanov, A.A. (2021). Deconstruction of an influencer image in the modern media space. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 32–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1958>
- Yefanov, A.A. (2022). Reversibility of the Socialist realism aesthetics (on the example of the modern Russian cinematography). *The Art and Science of Television*, 18(2), 41–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2022-18.2-41-57>
- Yefanov, A.A. (2018). The phenomena of media piarisation. *Communicology*, 6(3), 34–40. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ефанов Александр Александрович, доктор философских наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры медиакоммуникаций, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; доцент Института медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0002-9979-9224; SPIN-код: 2441-0400. E-mail: yefanoff_91@mail.ru

Bio note:

Aleksandr A. Yefanov, Grand PhD in Philosophy, PhD in Sociology, Professor of the Department of Media Communications, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq, Moscow, 125047, Russian Federation; Associate Professor of the Institute of Media, HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9979-9224; SPIN-code: 2441-0400. E-mail: yefanoff_91@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-848-858

EDN: RXOYYN

УДК 316.77

Научная статья / Research article

Медийная амбивалентность донорства органов: между солидарностью и страхом

А.П. Патракова

Свято-Филаретовский институт, Москва, Россия
Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия
✉ alina.patrakova@sfi.ru

Аннотация. Представлен аксиологический анализ противоречивой репрезентации органного донорства в российских СМИ, где сталкиваются ценности солидарности и безопасности. Изучена тема органного донорства и трансплантации в 2022–2024 гг. (на примере семи ведущих периодических изданий: «Комсомольская правда», ТАСС, «РИА Новости», «Известия», «Газета.ру», «Интерфакс» и «Коммерсантъ»). Цель – выявление особенностей медиарепрезентации этого вида донорства и осмысление социальных факторов, которые влияют на развитие трансплантационной помощи в России. За период с января 2022 г. по декабрь 2024 г. выявлены 303 онлайн-публикации по различным видам донорства (крови, органов и тканей, стволовых и половых клеток и т.д.). Отобраны 37 текстов (12,2 %), основной темой которых являются донорство и пересадка органов. Сопоставление жанров и тематических акцентов позволило обнаружить некоторые различия в подходах этих изданий к освещению органного донорства и трансплантации. В результате установлены относительно противоречивые тенденции. С одной стороны, в отдельных СМИ, в первую очередь в «Комсомольской правде», прослеживается целенаправленное продвижение этой темы с целью формирования положительного образа органного донорства, а с другой – есть целый ряд публикаций, подкрепляющих негативные стереотипы и страхи, существующие в российском обществе, главным образом в отношении так называемой черной трансплантологии. Предпринята попытка эксплицировать упоминаемые в СМИ проблемы и предубеждения через понятие моральных трансплантационных страхов.

Ключевые слова: общественное мнение, предубеждения против посмертного донорства, моральные страхи, социальный заказ, противостояние мифам об органном донорстве, создание положительного образа

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 23-18-00400 «Смерть, умирание и донорство: междисциплинарное исследование влияния социальных факторов на уход из жизни и развитие трансплантационной помощи».

© Патракова А.П., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 31 августа 2025 г.; отрецензирована 19 сентября 2025 г.; принята к публикации 2 октября 2025 г.

Для цитирования: Патракова А.П. Медийная амбивалентность донорства органов: между солидарностью и страхом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 848–858. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-848-858>

Media Ambivalence of Organ Donation: Between Solidarity and Fear

Alina P. Patrakova

St. Philaret's Institute, Moscow, Russian Federation

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ alina.patrakova@sfi.ru

Abstract. Focuses on how organ donation and transplantation are represented in Russian media in 2022–2024 (based on the online-publications in the seven leading periodicals: *Komsomolskaya Pravda*, *TASS*, *RIA Novosti*, *Izvestia*, *Gazeta.ru*, *Interfax* and *Kommersant*). This content-analysis study aims to identify the specifics of how this type of donation is covered in media as well as at explicating the social factors that influence the development of transplant care in Russia nowadays. In total, from January 2022 to December 2024, there were identified 303 online publications on various types of donation (blood, organs and tissues, stem cells, germ cells etc.). The author selected 37 texts (12.2%) focused on organ donation and transplantation. The comparative analysis of genres and thematic accents highlighted some differences in the approaches of how these media cover the issues of organ donation and transplantation. As a result, some relatively contradictory trends were observed. On the one hand, some media resources, primarily *Komsomolskaya Pravda*, tend to promote this topic in order to create a positive image of organ donation. On the other hand, this and other news agencies mention the cases of illegal organ harvesting that might reinforce negative stereotypes and fears existing in Russian society related to “black” transplantation. Hence, an attempt has been made to explicate the issues and prejudices mentioned in the media through the concept of mortal transplant fears.

Keywords: public opinion, biases against cadaveric donation, mortal fears, social mandate, debunking myths about organ donation, creating a positive image

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Founding. This study was funded by the Russian Science Foundation (RSF) grant number 23-18-00400 titled “Death, Dying and Donation: An Interdisciplinary Study of the Influence of Social Factors on Death and the Development of Transplant Care”.

Article history: submitted August 31, 2025; revised September 19, 2025; accepted October, 2, 2025.

For citation: Patrakova, A.P. (2025). Media Ambivalence of Organ Donation: Between Solidarity and Fear. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 848–858. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-848-858>

Введение

В настоящее время в России активно развивается трансплантология, давая шансы выжить тысячам людей¹, одновременно сталкиваясь с возрастающим дефицитом донорских органов. Дискурс органного донорства и трансплантации в публичном пространстве представляет собой напряженное аксиологическое поле. В нем пересекаются фундаментальные ценности: солидарность и сохранение жизни (ценность Другого), с одной стороны, и телесная целостность, безопасность и ритуальная неприкосновенность тела после смерти (ценность Самости) – с другой. Российские СМИ, выступая ключевым медийным пространством для этого столкновения, не просто информируют, но и конструируют иерархию этих ценностей для аудитории.

Теоретической призмой, позволяющей эксплицировать этот конфликт, является концепция «мортальных трансплантационных страхов» (Резник и др., 2019). Эти страхи есть прямое следствие воспринимаемой угрозы безопасности и справедливости. Данные ВЦИОМ (2024 г.) о распространенности опасений, связанных с черным рынком и похищениями, – эмпирическое подтверждение актуальности этого антиценностного полюса в общественном сознании. По результатам опроса 61 % респондентов относится к трансплантации органов положительно, 26 % – нейтрально, и только 8 % высказались скорее отрицательно, 5 % затруднились с ответом. Те опрошенные, кто относится к органному донорству отрицательно или нейтрально, полагают, что оборотными сторонами трансплантологии являются черный рынок донорства (18 %), похищения и убийства людей ради органов (7 %), мошеннические схемы (5 %), коррупция (3 %)². Существование подобных представлений, возможно, связано отчасти с тем, что, по мнению отдельных исследователей, в России сохраняется некоторая инертность в продвижении органного донорства (Анисимов и др., 2023, с. 228), в связи с чем неоднократно подчеркивается важность просветительской работы с населением. В этом отношении СМИ рассматриваются в качестве действенного инструмента воздействия на общественное мнение (Комкова и др., 2024).

Можно встретить ряд исследований, в которых анализируются различные аспекты медиатизации донорства и трансплантации, в том числе органов и тканей. Например, контент-анализ высказываний русскоязычных пользователей в пяти крупнейших соцсетях в 2019 г. показал, что на тот момент отношение к проблематике органного донорства было «безучастно нейтральным» (Романов, Абаева, 2019, с. 27). Рассматриваются положительные примеры социальной рекламы органного донорства из мирового опыта (Анисимов и др., 2023), анализируются способы продвижения идеи органного донорства в России (Комкова и др., 2024). На примере того, что донорство крови и ооцитов

¹ По данным НМИЦ трансплантологии и искусственных органов им. академика В.И. Шумакова, с начала 2025 г. в России было проведено 2285 пересадок жизненно важных органов. URL: <https://transpl.ru/about/statistics/> (дата обращения: 21.08.2025).

² Донорство органов: за и против // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/donorstvo-organov-za-i-protiv> (дата обращения: 21.08.2025).

отражены в медиасфере, высказывается мнение, что современные СМИ ориентированы на создание социально привлекательного образа донорства и преодоление предубеждений против него (Вепрева и др., 2025, с. 71). Существующие исследования медиатизации донорства в России часто носят прикладной или описательный характер, фокусируясь на эффективности просвещения или констатируя нейтральность тональности. Однако ценностное содержание медиадискурса, внутренняя структура аксиологических конфликтов и то, как ведущие СМИ артикулируют и разрешают (или усугубляют) моральные дилеммы донорства, остаются за рамками научного анализа.

Стоит отметить, что проблема амбивалентности и моральных дилемм в освещении донорства является общемировой. В международных исследованиях данный феномен нередко анализируется через призму концепции моральных паник (Cricher, 2003), а также в контексте фрейминга и конструирования ценностей в медиа (Feeley et al., 2015; Hanitzsch, Vos, 2018; Jiang et al., 2019; Liu et al., 2019; Rady et al., 2012). Это позволяет рассматривать российский кейс как частное проявление универсального медийного механизма.

Цель данного исследования – провести аксиологический анализ репрезентации органного донорства в российских СМИ, выявив конфликтующие ценностные системы и дискурсивные стратегии их продвижения, проследить, какие социальные факторы влияют на развитие трансплантационной помощи в России в постпандемийный период. Авторская исследовательская позиция сформирована на стыке социологии медиа и христианской антропологии, что позволяет рассматривать аксиологические конфликты с учетом как социальных, так и онтологических аспектов человеческой солидарности и страха.

Материалы и методы

Выбор хронологических рамок с января 2022 г. по декабрь 2024 г. неслучаен. В этот период продолжает осуществляться ведомственная целевая программа Минздрава «Донорство и трансплантация органов в Российской Федерации» на 2019–2024 гг.³ Период 2022–2024 гг. представляется достаточно показательным также потому, что к этому времени тема пандемии COVID-19 перестает доминировать в новостных публикациях, касающихся проблем здравоохранения.

Источниковая база включает семь российских новостных ресурсов – три государственных («Комсомольская правда», «РИА Новости», ТАСС) и четыре негосударственных («Интерфакс», «Известия», «Газета.ру», «Коммерсантъ»). Выбор этих источников обусловлен их соответствием следующим критериям. Во-первых, выбранные сетевые издания занимают лидирующие позиции в рейтингах «Медиалогии» по объему аудитории и индексу цитируемости. Так, например, «Комсомольская правда» («КП») представляет собой федеральное общественно-политическое сетевое издание с 2,8 млн уникальных

³ Программа развития донорства и трансплантации органов в РФ // RUSTransplant. URL: <https://rustransplant.com/programma-razvitiya-donorstva/> (дата обращения: 21.08.2025).

посетителей сайта в сутки⁴. «РИА Новости» входит в ряд наиболее крупных государственных информационных агентств РФ, являясь одним из самых цитируемых СМИ. Аудитория сайта информационного агентства ТАСС в 2024 г. охватила свыше 132 млн пользователей⁵. Во-вторых, выбранные источники отличаются разнообразием своих информационных повесток, ориентируясь на различные целевые аудитории.

Единица анализа – онлайн-публикация, освещающая проблематику донорства и/или трансплантации органов.

Итоговая выборка формировалась в три этапа. Для составления первичной выборки в поисковые запросы на сайтах перечисленных сетевых изданий были включены такие ключевые слова, как «донорство», «донор», «трансплантация», «пересадка». В результате за период с января 2022 г. по декабрь 2024 г. были зафиксированы 303 онлайн-публикации, в том числе 220 новостных заметок (72,6 %), 71 лонгрид (23,4 %) и 12 интервью (4 %).

На втором этапе методом манифестного кодирования (Семенова, Корсунская, 2010, с. 68) собранные публикации были систематизированы по содержанию в зависимости от освещения того или иного вида донорства (крови, органов и тканей, стволовых и половых клеток и т.д.). В результате из первичной выборки были отобраны публикации, касающиеся именно органного донорства и трансплантации. Во вторичную выборку вошли 77 публикаций (25 % от первичной выборки), в числе которых выявлены 49 новостных заметок, 23 лонгрида и 5 интервью.

Наконец, методом манифестного кодирования во вторичной выборке были выделены две категории: публикации, в которых донорство и трансплантация органов являются основной темой (37 публикаций; 12 % от первичной выборки); материалы, в которых присутствуют лишь косвенные упоминания на эту тему (40 публикаций; 13,2 % от первичной выборки). Финальная выборка – 37 публикаций. Методом контент-анализа из них выделены и систематизированы фрагменты текстов, касающиеся различных аспектов органного донорства и трансплантации.

Результаты и обсуждение

Количественное распределение публикаций по различным параметрам

Анализ первичной выборки позволил выявить широкий спектр тем, касающихся различных видов донорства. В ряду упоминаемых тематических категорий можно назвать донорство и трансплантацию органов (77; 25,4 %), донорство крови (70; 23,1 %), костного мозга (51; 16,8 %), половых клеток (43; 14,2 %), ксенотрансплантацию (18; 5,9 %), черную трансплантологию (17; 5,6 %), пересадку стволовых клеток (8; 2,6 %), а также иные косвенные упоминания о донорстве и трансплантации, в том числе о пересадках лица и головы (9; 3 %).

⁴ «Комсомольская правда» на главных форумах страны. URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/spetsproekty/komsomolka-na-glavnyh-forumah-strany/> (дата обращения: 21.08.2025).

⁵ Об агентстве // ТАСС. URL: <https://tass.ru/tass-today> (дата обращения: 21.08.2025).

При этом наблюдается относительно неравномерное распределение между ресурсами количества публикаций о донорстве и трансплантации в целом. Больше всего текстов на эту тему зафиксировано на сайтах «КП» (77; 25,4 %) и «Газета.ру» (58; 19 %). Примерно равное количество соответствующих публикаций присутствует на веб-страницах «Известий» (50; 16,5 %) и ТАСС (47; 15,5 %). Также совпадает число текстов о донорстве и трансплантации у «Коммерсанта» и «РИА Новости» (по 33; 11 %). Наконец, наименьшее количество публикаций выявлено на сайте «Интерфакса» (5; 2 %). Такое количественное соотношение публикаций между ресурсами можно объяснить особенностями их редакционной политики и приоритетов в формировании своей новостной повестки.

Распределение публикаций обо всех видах донорства и пересадок по годам указывает на выраженную тенденцию роста. Так, в 2024 г. на этих сайтах были опубликованы 154 материала о различных видах донорства и трансплантации, что вдвое больше по сравнению с предыдущими двумя годами (76 в 2022 г. и 73 в 2023 г.).

Что касается итоговой выборки из 37 публикаций, их распределение между ресурсами в целом пропорционально распределению в первичном массиве текстов: «КП» – 17 (46 % от итоговой выборки); «Газета.ру» – 8 (22 %); «Известия» и ТАСС – 4 (по 11 %); «Коммерсантъ» – 3 (8 %); «РИА Новости» – 1 (3 %); «Интерфакс» – 0.

Различные подходы к освещению проблематики органного донорства

Наряду с тем, что количество публикаций «КП» составляет значительную долю в итоговой выборке, практически все они содержат в конце ссылку на официальный портал Минздрава России о донорстве костного мозга и органов в целях трансплантации. Все это позволяет заключить, что «КП» в качестве федерального сетевого издания целенаправленно ведет информационно-просветительскую работу по продвижению органного донорства. Для этого данный ресурс использует различные формы и жанры, сочетая материалы нейтрально-справочного характера с эмоционально нагруженными историями пациентов.

Сходная позиция в отношении органного донорства, которую можно охарактеризовать как социально ответственную, прослеживается в соответствующих публикациях на сайте «Известий». Несмотря на относительно небольшое количество материалов в указанный период – 3 лонгрида и 1 интервью с академиком С.В. Готье, главным трансплантологом Минздрава, – в них отражено стремление комплексно и взвешенно охарактеризовать нынешнее положение дел в российской трансплантологии, не замалчивая проблем, но и не сгущая краски. Наряду с высказываниями экспертов здесь также представлены истории реципиентов, чьи жизни были спасены после пересадки донорских органов. Так, в репортаже о Всероссийских спортивных трансплантационных играх в Москве, состоявшихся в июле 2022 г., подчеркивается, что реципиенты не просто выжили, но и могут вести активный образ жизни.

Проблематика органного донорства на сайте ТАСС в 2022–2024 гг. освещается в четырех новостных заметках нейтрального характера. Например, приводится инфографика о трансплантации сердца в России и в мире, сообщается о ретрансплантации легких в институте Склифосовского и о планируемом увеличении пересадок почек в Хабаровском крае, а также упоминается о референдуме в Дании по изменению правил органного донорства.

Хотя на сайте «Газета.ру» за рассматриваемый период было выявлено вдвое больше публикаций на тему об органном донорстве, чем на веб-страницах «Известий» и ТАСС, здесь трудно проследить четкую позицию. С одной стороны, интервью с С.В. Готье и лонгрид о проблемах пациентов, ожидающих пересадки легких, фокусируют внимание читателей на социальной значимости органного донорства. С другой стороны, в этом же сетевом издании встречаются новостные заметки, содержание которых может подкреплять предубеждения против трансплантологии. Например, описывается случай в США с пациентом, который, по непроверенным сведениям, был умышленно подвергнут воздействию седативных препаратов для изъятия органов⁶.

Единичные публикации о донорстве и трансплантации органов на сайтах «РИА Новости» (об успешной пересадке тонкой кишки в России) и «Коммерсанта» (о биографии Николаса Грина, сокращением числа трансплантаций в Краснодарском крае и об успешной пересадке почки пациенту под местным наркозом в США) позволяют сделать предположительный вывод о том, что освещение этой проблематики не является приоритетным для данных ресурсов.

Тематические акценты

Тематический фокус публикаций, вошедших в итоговую выборку, также отличается достаточно широким разнообразием. Здесь можно выделить следующие категории: истории пациентов – 9 (24 %); достижения российской системы здравоохранения – 9 (24 %); публикации информационно-просветительского характера – 7 (19 %); зарубежный опыт – 7 (19 %); проблемы в регионах – 2 (5 %); изменения личности реципиентов после пересадки донорских органов – 2 (5 %); история хирурга-трансплантолога – 1 (3 %).

Среди историй пациентов, чья жизнь была спасена благодаря пересадке, преобладают истории о реципиентах-детях. Известия о смерти известных людей, кто не дожил до пересадки, носят эпизодический характер.

С одной стороны, подчеркиваются достижения российского здравоохранения в области трансплантологии, о чем свидетельствуют такие характерные заголовки, как «Четыре уникальные и самые значимые операции в российской трансплантологии»⁷, «В России установили рекорд по пересадке

⁶ Василенко Е. Донор сердца очнулся во время операции по извлечению сердца // Газета.ру. 2024. 18 октября. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/10/18/24182467.shtml> (дата обращения: 21.08.2025).

⁷ Добрюха А. Четыре уникальные и самые значимые операции в российской трансплантологии // Комсомольская правда. 2022. 15 ноября. URL: <https://www.kp.ru/daily/27470.5/4676214/> (дата обращения: 21.08.2025).

легких»⁸. С другой стороны, упоминаются такие проблемы, как острый дефицит донорских органов, нехватка трансплантационных центров в регионах, координационно-организационные проблемы, недостаточная информированность врачей о клинических и юридических аспектах трансплантологии, незащищенность медработников в России. Кроме того, целый ряд публикаций (17; 5,6 % от первичной выборки) на сайтах «КП», «РИА Новости», ТАСС, «Известия» и «Газета.ру» репрезентирует тему органного донорства в резко негативных контекстах, сообщая о случаях черной трансплантологии в других странах (Украина, Индия, Афганистан, Киргизия, Казахстан).

Соппротивление посмертному донорству

Несмотря на приведенные выше данные ВЦИОМ о преобладании в российском обществе положительного отношения к жертвованию органов, в проанализированных публикациях неоднократно встречаются упоминания о сопротивлении посмертному донорству. Главным образом речь идет о ситуациях, когда родственники умершего выступают резко против изъятия его органов. Об этом, например, на сайте «Известий» приводятся высказывания А.В. Фомичева, руководителя направления трансплантации органов из НМИЦ им. Е.Н. Мешалкина (Новосибирск), и В.Е. Кауричева, председателя межрегиональной общественной организации нефрологических пациентов «Нефро-Лига». По их словам, из опасения перед родственниками, которые могут инициировать конфликты и судебные разбирательства, многие врачи не решаются на изъятие органов⁹.

Подобное сопротивление со стороны родственников, особенно у представителей более старшего поколения, вероятнее всего, можно объяснить ранее названными предубеждениями против органного донорства. За этими негативными представлениями и стереотипами могут скрываться разного рода страхи. Неслучайно, беседуя с С.В. Готье, интервьюер Е. Лория отмечает, что люди обычно избегают мыслей о посмертном донорстве, поскольку эта тема «слишком мрачная и грустная»¹⁰. Пытаясь осмыслить феномены таких переживаний, которые могут возникать у людей при размышлении о неизбежности смерти, ряд исследователей вводят понятие смертельного страха (Резник и др., 2019, с. 170). По их мнению, в России 1990 гг., а также в Бразилии, Мексике, Турции, массмедиа сыграли существенную негативную роль в формировании смертельных трансплантационных страхов. С другой стороны, авторы подчеркивают, что благодаря продуманной медийной политике возможно

⁸ Бунина В. В России установили рекорд по пересадке легких // Газета.ру. 2024. 19 декабря. URL: <https://www.gazeta.ru/science/news/2024/12/19/24662234.shtml> (дата обращения: 21.08.2025).

⁹ Гурьянов С. Путь с пересадкой: чего не хватает трансплантологам в России // «Известия». 2022. 25 сентября. URL: <https://iz.ru/1399571/sergei-gurianov/put-s-peresadkoi-chego-ne-khvataet-transplantologam-v-rossii> (дата обращения: 21.08.2025).

¹⁰ Лория Е. «Диализ – дорогое удовольствие, значительно дороже пересадки почки» // Известия. 2022. 21 сентября. URL: <https://iz.ru/1398253/elena-lorii/listy-ozhidaniia-ne-otrazhaiut-polnoi-potrebnosti-v-transplantacii> (дата обращения: 21.08.2025).

сформировать принципиально иное, положительное, отношение к органному донорству, подтверждением чему служит опыт ряда европейских стран (Резник и др., 2019, с. 177–178).

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить не просто особенности, но и глубокий аксиологический разлом в медиарепрезентации органного донорства в России. С одной стороны, в дискурсе артикулируется ценность солидарности, научного прогресса и альтруистического спасения жизни, что находит выражение в позитивных историях реципиентов и просветительских кампаниях, а с другой – неизменно присутствует мощный антиценностный пласт, актуализирующий «мортальные трансплантационные страхи» и воспроизводящий установки на индивидуальную безопасность и телесную неприкосновенность в деструктивной для донорства трактовке. Важнейший результат анализа – понимание того, что данная двойственность не просто следствие редакционной политики, но и отражение ценностных конфликтов внутри самого общества, носителями которых являются и журналисты. Авторы материалов, создавая тексты о трансплантологии, сами оказываются в роли интерпретаторов сложнейшей моральной дилеммы. Будучи частью социума, разделяя его коллективные страхи и стереотипы, они не могут быть абсолютно объективными. Их профессиональный выбор – выносить ли тему в заголовок, какой источник цитировать, какую лексику использовать – неизбежно опосредован их собственной, зачастую нерефлексируемой, аксиологической позицией. Это объясняет, почему даже в рамках одного издания могут сосуществовать прогрессивные и архаичные нарративы.

В данном контексте традиционный призыв к более качественному освещению недостаточен. Необходима целенаправленная работа с субъектом медиакommunikаций – журналистом. Для преодоления аксиологического дисбаланса мы считаем перспективным и необходимым следующие шаги. Внедрение в учебные программы факультетов журналистики специализированных модулей по биоэтике и медиаграмотности в освещении чувствительных медицинских тем. Это позволит будущим журналистам не только получать фактологически верные знания, но и развивать навык этической рефлексии. Организация регулярных образовательных программ и мастер-классов для практикующих журналистов, работающих с медицинской повесткой. Такие программы, проводимые при участии ведущих трансплантологов, биоэтиков и психологов, должны быть нацелены на экзистенциальные аспекты темы, помогая профессионалам осознавать и преодолевать собственные страхи и не переносить их в медиатексты. Смещение фокуса в редакционной практике с абстрактной проблемы донорства на личные истории реципиентов и донорские семьи. Такой гуманистический подход позволяет персонифицировать ценность спасения жизни, сделав ее эмоционально осязаемой и перевешивающей абстрактные страхи.

Таким образом, трансформация медиадискурса об органном донорстве состоит не только в изменении тем и тональности, но и в целенаправленном

формировании аксиологической компетентности самих создателей контента. Только рефлексирующий журналист, способный осознавать и артикулировать ценностные конфликты, может стать эффективным посредником в публичном диалоге о донорстве, способствуя не запугиванию, а просвещению общества.

Список литературы

- Анисимов А.А., Абдуллина А.Р., Раимова А.Т., Анисимов Ю.А. Социальная реклама как инструмент формирования доверительного отношения к органному донорству // Трансплантология. 2023. Т. 15. № 2. С. 226–237. <http://doi.org/10.23873/2074-0506-2023-15-2-226-237>
- Вепрева И.Т., Полякова И.Г., Шалина И.В. Социокультурное портретирование донорства в современной России: взгляд извне и изнутри // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2025. Т. 31. № 2. С. 68–81. <http://doi.org/10.15826/izv1.2025.31.2.027>
- Комкова Г.Н., Тогузаяева Е.Н., Басова А.В., Карамышева М.С. Продвижение идеи донорства органов в России: проблемы и перспективы // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2024. Т. 26. № 4. С. 184–188. <http://doi.org/10.15825/1995-1191-2024-4-184-188>
- Резник О.Н., Прилуцкий А.М., Лебедев В.Ю., Михель Д.В. Неприятие обществом проблемы посмертного донорства органов: причины и структура моральных страхов // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2019. Т. 21. № 1. С. 169–179. <http://doi.org/10.15825/1995-1191-2019-1-169-179>
- Романов С.В., Абаева О.П. Проблемы органного донорства и трансплантации в русскоязычных социальных сетях // Социология медицины. 2019. Т. 18. № 1. С. 24–27. <http://doi.org/10.18821/1728-2810-2019-18-1-24-27>
- Семенова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В.А. Мансурова. М. : Институт социологии РАН, 2010. 324 с.
- Critcher C. Moral Panics and the Media. Buckingham ; Philadelphia : Open University Press, 2003.
- Feeley T.H., O'Mally A.K., Covert, J.M. A Content analysis of organ donation stories printed in U.S. newspapers: application of newsworthiness // Health Communication. 2016. Vol. 31. No. 4. P. 495–503. <https://doi.org/10.1080/10410236.2014.973549>
- Jiang X., Jiang W., Cai J., Su Q., Zhou Z., He L., Lai K. Characterizing media content and effects of organ donation on a social media platform: content analysis // Journal of Medical Internet Research. 2019. Vol. 21. No. 3. Article e13058. <http://doi.org/10.2196/13058>
- Hanitzsch T., Vos T.P. Journalism beyond democracy: a new look into journalistic roles in political and everyday life // Journalism. 2018. Vol. 19. No. 2. P. 146–164. <http://doi.org/10.1177/1464884916673386>
- Liu Y., Tsai J.-Yi, Chen Y. Beyond altruism: framing organ donation in a 19-year review of Chinese news coverage // Journal of Health Communication. 2019. Vol. 24. No. 12. P. 878–888. <https://doi.org/10.1080/10810730.2019.1681564>
- Rady M.Y., McGregor J.L., Verheijde J.L. Mass media campaigns and organ donation: managing conflicting messages and interests // Medicine, Health Care and Philosophy. 2012. Vol. 15. P. 229–241. <https://doi.org/10.1007/s11019-011-9359-3>

References

- Anisimov, A.A., Abdullina, A.R., Raimova, A.T., & Anisimov, Yu.A. (2023). Public service announcement as a tool for building trust in organ donation. *Transplantologiya. The Russian Journal of Transplantation*, 15(2), 226–237. (In Russ.) <http://doi.org/10.23873/2074-0506-2023-15-2-226-237>

- Critcher, C. (2003). *Moral Panics and the Media*. Open University Press.
- Feeley, T.H., O'Mally, A.K., & Covert, J.M. (2016). A content analysis of organ donation stories printed in U.S. newspapers: application of newsworthiness. *Health Communication*, 31(4), 495–503. <https://doi.org/10.1080/10410236.2014.973549>
- Hanitzsch, T., & Vos, T.P. (2018). Journalism beyond democracy: a new look into journalistic roles in political and everyday life. *Journalism*, 19(2), 146–164. <http://doi.org/10.1177/1464884916673386>
- Jiang, X., Jiang, W., Cai, J., Su, Q., Zhou Z., He, L., & Lai, K. (2019). Characterizing media content and effects of organ donation on a social media platform: content analysis. *Journal of Medical Internet Research*, 21(3), e13058. <http://doi.org/10.2196/13058>
- Komkova, G.N., Toguzaeva, E.N., Basova, A.V., & Karamysheva, M.S. (2024). Promoting organ donation in Russia: problems and prospects. *Russian Journal of Transplantology and Artificial Organs*, 26(4), 184–188. (In Russ.) <http://doi.org/10.15825/1995-1191-2024-4-184-188>
- Liu, Y., Tsai, J.-Yi, & Chen, Y. (2019). Beyond altruism: framing organ donation in a 19-year review of Chinese news coverage. *Journal of Health Communication*, 24(12), 878–888. <https://doi.org/10.1080/10810730.2019.1681564>
- Rady, M.Y., McGregor, J.L. & Verheijde, J.L. (2012). Mass media campaigns and organ donation: managing conflicting messages and interests. *Medicine, Health Care and Philosophy*, 15, 229–241. <https://doi.org/10.1007/s11019-011-9359-3>
- Reznik, O.N., Prilutskii, A.M., Lebedev, V.Yu., & Mikhel, D.V. (2019). Deflection of deceased organ donation by society: reasons and structure of mortal fears. *Russian Journal of Transplantology and Artificial Organs*, 21(1), 169–179. (In Russ.) <http://doi.org/10.15825/1995-1191-2019-1-169-179>
- Romanov, S.V., & Abaeva, O.P. (2019). The problems of organ donorship and transplantation in Russian-language social networks. *Sociology of Medicine, Russian Journal*, 18(1), 24–27. (In Russ.) <http://doi.org/10.18821/1728-2810-2019-18-1-24-27>
- Semyonova, A.V., & Korsunskaya, M.V. (2010). *Content Analysis of Mass Media* (V.A. Mansurov, Ed.). Moscow: Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
- Vepreva, I.T., Polyakova, I.G., & Shalina, I.V. (2025). Sociocultural portrayal of donation in modern Russia: a view from the outside and from the inside. *Izvestia Ural Federal University Journal, Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 31(2), 68–81. (In Russ.) <http://doi.org/10.15826/izv1.2025.31.2.027>

Сведения об авторе:

Патракова Алина Павловна, кандидат философских наук, ученый секретарь, доцент, Свято-Филаретовский институт, Российская Федерация, 105066, Москва, Токмаков пер., д. 11; научный сотрудник, Институт философии РАН, Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. ORCID: 0000-0002-9270-4341; SPIN-код: 7723-0530. E-mail: alina.patrakova@sfi.ru

Bio note:

Alina P. Patrakova, PhD in Philosophy, Academic Secretary, Assistant Professor, St. Philaret's Institute, 11 Tokmakov per., Moscow, 105066, Russian Federation; Research Associate, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 12 Goncharnaya St, bldg 1, Moscow, 109240, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9270-4341; SPIN-code: 7723-0530. E-mail: alina.patrakova@sfi.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-859-873

EDN: SNATDT

УДК 82:070.19

Научная статья / Research article

Когнитивное и эмоциональное воздействие экологических медиатекстов на молодежь: нейромаркетинговый эксперимент

Л.К. Лободенко^{}✉, А.Б. Черediaкова^{}, Ю.В. Астахова^{},
О.Ю. Харитоновa^{}

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

✉lobodenkolk@susu.ru

Аннотация. Представлены результаты нейромаркетингового исследования психических состояний аудитории медиа. Цель – выявление базовых эмоций молодежи в процессе потребления медиатекстов по экологии. Применялись основные положения когнитивного и конструктивистского подходов, что позволило зафиксировать и сопоставить как осознанные, так и неосознанные (когнитивные и эмоциональные) реакции. Авторы работали с текстами по экологии (122 ед.) из 25 средств массовой информации и 14 социальных медиа городов Челябинской и Свердловской областей. Респондентами выступили представители возрастных групп от 18 до 30 лет (300 человек). Анализ показал, что наибольшее внимание испытуемых было сосредоточено на последствиях загрязнения окружающей среды для растительного и животного мира, негативном влиянии отходов на экологию. Результаты теоретического и эмпирического изучения темы в соответствии с разработанной айтрекинговой методикой представлены впервые, систематизированы данные о концентрации внимания респондентов на медиаконтенте по проблемам экологии (когнитивный аспект), а также о преобладании негативных базовых эмоций (страх – 60 %, грусть – 37 %) после контакта с информацией. Полученные данные востребованы в медийной практике для совершенствования механизмов социального взаимодействия, повышения эффективности коммуникаций и разработки экологического контента.

Ключевые слова: региональные медиа, медиаэффекты, экологическая журналистика, когнитивный эффект, эмоции, айтрекер, система кодирования лицевых движений

Вклад авторов. Разработка концепции исследования, написание и редактирование рукописи – Л.К. Лободенко; сбор материалов, анализ данных и написание рукописи – А.Б. Черediaкова; анализ данных и редактирование рукописи – Ю.В. Астахова; сбор материалов, анализ данных – О.Ю. Харитоновa. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Лободенко Л.К., Черediaкова А.Б., Астахова Ю.В., Харитоновa О.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-20090).

История статьи: поступила в редакцию 7 июня 2025 г.; отрецензирована 17 июля 2025 г.; принята к публикации 2 августа 2025 г.

Для цитирования: Лободенко Л.К., Чередыкова А.Б., Астахова Ю.В., Харитоновва О.Ю. Когнитивное и эмоциональное воздействие экологических медиатекстов на молодежь: нейромаркетинговый эксперимент // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 859–873. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-859-873>

Cognitive and Emotional Impact of Environmental Media Texts on Youth: Neuromarketing Study

Lidia K. Lobodenko[✉], Anna B. Cherednyakova^{id},
Yulia V. Astashova^{id}, Olga Yu. Kharitonova^{id}

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation
✉ lobodenkolk@susu.ru

Abstract. The results of a neuromarketing study of the mental states of the media audience are presented. The aim is to identify the basic emotions of young people in the process of consuming media texts on ecology. The study applied the main principles of cognitive and constructivist approaches, which made it possible to record and compare both conscious and unconscious (cognitive and emotional) reactions. The authors worked with texts on ecology (122 units) from 25 mass media and 14 social media outlets in the cities of the Chelyabinsk and Sverdlovsk regions. The respondents (300 people) were representatives of the age groups from 18 to 30 years old. The analysis showed that the subjects' greatest attention was focused on the effects of environmental pollution on flora and fauna, and the negative impact of waste on the environment. The results of the theoretical and empirical study of the topic in accordance with the developed eye tracking methodology are presented for the first time, data on the concentration of respondents' attention on media content on environmental issues (cognitive aspect), as well as on the predominance of negative basic emotions (fear – 60%, sadness – 37%) after contact with information are systematized. The data obtained is in demand in media practice to improve the mechanisms of social interaction, increase the effectiveness of communications and develop eco content.

Keywords: regional media, media effects, environmental journalism, cognitive effect, emotions, eye tracker, facial movement coding system

Authors' contribution. Development of the research concept, manuscript writing & editing – Lidia K. Lobodenko; research data collection & analysis, manuscript writing – Anna B. Cherednyakova; data analysis & manuscript editing – Yulia V. Astashova; research data collection & analysis – Olga Yu. Kharitonova. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Founding. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-18-20090).

Article history: submitted June 7, 2025; revised July 17, 2025; accepted August 2, 2025.

For citation: Lobodenko, L.K., Cherednyakova, A.B., Astashova, Yu.V., & Kharitonova, O.Yu. (2025). Cognitive and Emotional Impact of Environmental Media Texts on Youth: Neuro-marketing Study. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 859–873. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-859-873>

Введение

Для современного общества социальные медиа и средства массовой информации являются центральной системой, которая формирует представления о развитии социума, выбирая главные темы для информационной повестки (McCombs, Valenzuela, 2020). Медиа осуществляют репрезентацию, в том числе экологических проблем и инициатив, опосредуют их восприятие различными группами населения. Следует подчеркнуть, что участие молодежи в реализации экологических инициатив крайне важно, поскольку молодые люди – это движущая сила перемен и основа устойчивого развития любого государства. Современная молодежь больше предыдущих поколений интересуется загрязнением окружающей среды и изменением климата. При этом неблагоприятная экологическая обстановка промышленных зон влияет на миграцию трудоспособного молодого населения, что негативно отражается на социально-экономическом развитии регионов.

Характер освещения экологических проблем имеет решающее значение для включенности аудитории в эту, казалось бы, не первостепенную, но крайне важную тему (Carvalho, 2010; Elango, 2023). Социологические опросы показывают, что более 80 % молодых людей интересуются экоповесткой, они обеспокоены изменением климата (Hickman et al., 2021). При этом молодежь промышленных регионов особенно остро реагирует на нарушения в сфере экологической защиты.

Цель – изучить на когнитивном и аффективном (эмоциональном) уровнях особенности восприятия и обработки медиатекстов по экологии молодежью с применением технологий нейромаркетинга. Гипотетически авторы предполагали, что экологический контент вызовет негативные эмоции и что внимание будет сконцентрировано на темах непосредственного вреда от загрязнения окружающей среды.

Для изучения неосознанных реакций человека в нейромаркетинге в настоящее время используются технологии компьютерного зрения, на основе которых разрабатываются программы для решения задач отслеживания движения глаз, детектирования лица и распознавания эмоций в видеопотоке. Данные технологии позволяют повысить точность анализа эффектов медиаконтента и неосознанных реакций молодежи, в итоге дать обоснованные рекомендации СМИ и социальным медиа по изменениям в работе с текстами.

Теоретическое обоснование

Вопросы экологии тесно связаны с общественными проблемами, так как человеческая деятельность оказывает значительное воздействие на окружающую среду, а состояние экологии, в свою очередь, влияет на качество жизни.

СМИ при этом играют особую роль в формировании общественного мнения и экологической осведомленности, а также в широком распространении экологической озабоченности (Lowe, Rudig, 1987; Mitchell, 1990). Исследования экологической журналистики (Коханова, 2017; Шаркова, 2016; Bodker, Neverla, 2013; Clements, 2025; Freedman, 2020; Sachsman, Valenti, 2020) дополняются изучением ее правового поля и медиаэффектов, влияющих на экологию человека, в том числе с учетом поколенческих аспектов (Алгави и др., 2020; Волкова и др., 2021; Ивлиев, Кошелюк, 2021; Лободенко и др., 2024).

В работах российских и зарубежных авторов рассматриваются функции экологической журналистики, особенности тематики и медиатекстов. Медиа могут не только влиять на общественное мнение и убеждения, но и *мотивировать* изменение поведения (DeFleur, Dennis, 2001). СМИ, социальные медиа освещают события и различные точки зрения, формируя повестку дня, в том числе и экологическую. Под информационной повесткой понимается совокупность наиболее важных вопросов, которые стали предметом обсуждения в СМИ и требуют решения (Руденко, 2019).

Один из центральных вопросов, возникающих при изучении экоконтента, касается эффектов воздействия (Kress, 2010; Kress, Leeuwen, 2020). Теоретической основой исследования стала модель «Взаимозависимость между социальной системой, системой медиа и аудиторией» (*Media-System Dependency*), разработанная Болл-Рокич и де Флер (Ball-Rokeach, DeFleur, 1976). В модели выделяются когнитивные, аффективные (эмоциональные) и поведенческие эффекты воздействия медиа. Эффекты медиа и степень эффективности воздействия медиатекстов определяются на основе когнитивного подхода, который подразумевает логическую связь между содержанием медиа и мотивами удержания внимания.

Анализ когнитивных эффектов фокусируется на особенностях восприятия информации, внимания, интереса и связан с изменениями в знаниях и убеждениях. При этом когнитивные процессы в значительной степени подвергаются влиянию эмоциональных факторов, что подтверждено на опытно-экспериментальном уровне (Domasio, 2000; Roth, 2003). В свою очередь, проблема эмотивности медитекста рассматривается в работах специалистов в области лингвистики и медиакоммуникаций (Шаховский, 2017). Однако она остается размытой между стилистикой, семантикой и прагматикой речи. Особую актуальность имеет перенос фокуса исследования эффектов медиа на изучение эмоционального состояния аудитории.

Анализ работ зарубежных и российских исследователей в области изучения эмоций (Bagozzi et al., 1999)¹ позволяет сделать вывод, что эмоция – это психический процесс, отражающий субъективное оценочное отношение к реальности в форме непосредственного переживания (грусть, страх и др.). Выделяются две модели классификации эмоций: дискретная и размерная. В свою очередь, в основе дискретных моделей заложена категория «базовых эмоций»

¹ См. также: Психиатрия и медицинская психология : электронный учебник / под ред. И.А. Мартынихина, А.В. Павличенко, И.А. Федотова. Российское общество психиатров, 2015. URL: <https://psychiatr.ru/textbook> (дата обращения: 20.06.2025).

(Izard, 1992; Levenson, 2011; Ortony, Turner, 1990). В рамках настоящего исследования используется модель Экмана с шестью базовыми эмоциями: страх, грусть, радость, удивление, ярость и отвращение (Ekman, 1999).

В медиатизированном обществе растет заинтересованность в понимании неосознанных когнитивных и эмоциональных эффектов воздействия медиа на аудиторию. Сегодня мониторинг неосознанных реакций аудитории на определенные стимулы становится возможным благодаря развитию нейромаркетинга и технологий компьютерного зрения, включая датчики и сенсорные устройства.

В приведенном исследовании для мониторинга реакций аудитории используются айтрекинг и программа кодирования лицевых движений. Айтрекинг – это набор исследовательских техник и методов, предназначенных для измерения, анализа и интерпретации данных о положении и движении глаз (Lim, 2018). В свою очередь, программа регистрации эмоций позволяет распознавать до 20 информативных локальных признаков лица, которые помогают декодировать различные выражения, а затем классифицировать базовые эмоции.

Когнитивные и эмоциональные состояния тесно переплетены, при этом когнитивные процессы влияют на эмоции и сами подвергаются их воздействию. В целом исследование особенностей и взаимодействия данных эффектов становится критически важным для понимания поведения молодежи в современном медиапространстве и корректировки работы журналистов.

Материалы и методы

Исследование осуществлялось с использованием положений когнитивного подхода, фокусирующегося на изучении мыслительных процессов, а также конструктивистского подхода, подчеркивающего активную роль человека в процессе познания. Для реализации поставленной цели были разработаны четыре этапа и соответствующий им комплекс методов: психологическое тестирование и опрос; контент-анализ; айтрекинг-анализ; цифровой анализ эмоций. Новизной исследования стало совместное использование двух нейромаркетинговых технологий: айтрекинга (окулографии) – технологии отслеживания движения глаз; программы анализа эмоций, работающей на основе системы кодирования лицевых движений (Ekman, 1999; Ekman, Friesen, 1978).

На основе экспертного отбора была сформирована база медиатекстов (122 ед., 2019–2024) по экологии из 25 региональных СМИ и 14 городских сетевых сообществ соцсети «ВКонтакте» Челябинской и Свердловской областей. Медиатексты систематизированы по 18 рубрикам и зарегистрированы в виде баз данных «МЭР: Медиатексты по экологии региона»² и «НЭМ: нейромаркетинг экологических медиатекстов»³. Каждому стимулу присвоен

² МЭР: Медиатексты по экологии региона : свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024620918РФ : заявл. 16.02.2024 : опубл. 28.02.2024 / Л.К. Лободенко, А.И. Демченко, Е.В. Артюхин [и др.].

³ НЭМ: нейромаркетинг экологических медиатекстов : свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024621014 : заявл. 19.04.2024 : опубл. 04.03.2024 / Л.К. Лободенко, А.И. Демченко, А.Б. Чередыкова [и др.].

код и номер группы (например, SA001-1). Выборку респондентов составила молодежная аудитория (300 человек, 18–30 лет): первая группа – 18–21 год; вторая – 22–25 лет; третья – 26–30 лет. Данное исследование можно обозначить как пилотное.

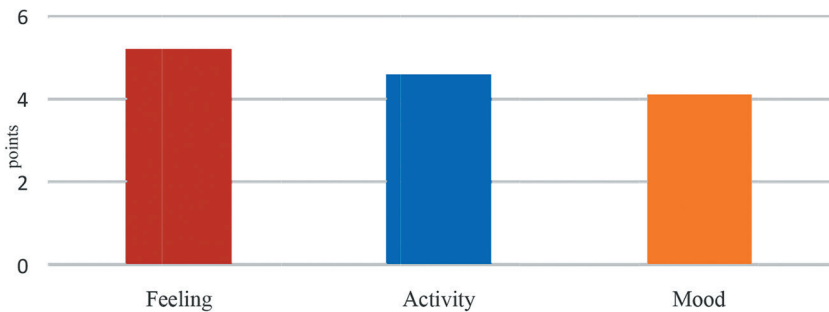
Результаты и обсуждение

На первом этапе проведено тестирование респондентов с помощью опросника САН (самочувствие, активность, настроение) (Доскин и др., 1973) для оперативной оценки их психоэмоционального состояния, исключения опрашиваемых с неблагоприятным психофизиологическим и эмоциональным фоном, который может повлиять на восприятие медиаконтента.

Результаты исследования показали, что по шкале «Самочувствие» (диапазон от 5 до 5,5 баллов) все три группы респондентов находятся в нормальном психофизиологическом состоянии. Значение шкалы «Активность» во всех возрастных группах составило 4,6 балла, что соответствовало благоприятному состоянию. По шкале «Настроение» все группы респондентов показали положительное эмоциональное состояние (среднее значение 4,1 балла, см. рис.).

Результаты средних значений опросника САН трех возрастных групп, в баллах
Источник: создано Л.К. Лободенко, А.Б. Чередыняковой, Ю.В. Асташовой, О.Ю. Харитоновой.

Mean value results of the FAM questionnaire of three age groups, in points
Source: created by Lidia K. Lobodenko, Anna B. Cherednyakova, Yulia V. Astashova, Olga Yu. Kharitonova.

По результатам первого этапа исследования можно сделать вывод, что психоэмоциональное состояние всех групп респондентов оценивается как благоприятное, так как средние баллы по самочувствию, активности и настроению превышают установленный порог – «4 балла».

На втором этапе был осуществлен айтрекинг-анализ когнитивного воздействия медиатекстов по экологии на респондентов (внимание и интерес) с использованием следующих показателей: all fix (ед.) – количество фиксаций, которые респондент совершил за все время просмотра области; fix time (с) – сколько всего секунд респондент смотрел на зону интереса (табл 1).

Результаты содержательно-тематического анализа показателя all fix (чем больше, тем объект интереснее для аудитории) выявили повышенное внимание всех трех групп респондентов к медиатекстам двух рубрик: 10 «Воздействие антропологических изменений окружающей среды на здоровье»; 11 «Воздействие загрязнения окружающей среды на состояние природных экосистем». При этом первую группу респондентов заинтересовали медиатексты рубрики 17 «Управление отходами», вторую – 18 «Защита от шума, вибрации, электрических и магнитных полей»; третью – 8 «Охрана недр». Анализ значений показателя fix time (с) по трем группам респондентов показал лидерование медиатекстов рубрики 17 «Управление отходами»: первая группа – 16,34 с; вторая – 15,31 с; третья – 10,26 с.

Таблица 1

Сравнительный айтрекинг-анализ воздействия медиатекстов по экологии

№ п/п	Рубрика	Первая группа		Вторая группа		Третья группа	
		all fix, ед.	fix time, с	all fix, ед.	fix time, с	all fix, ед.	fix time, с
1	Общие вопросы охраны окружающей среды	85,22	7,96	91,78	6,65	58,28	5,70
2	Теория и методы изучения охраны окружающей среды	108,82	8,95	119,82	8,06	54,88	5,98
3	Международное сотрудничество	69,58	5,86	77,44	5,47	52,78	4,38
4	Загрязнение окружающей среды	102,90	9,14	110,04	7,89	73,32	6,74
5	Загрязнение и охрана атмосферы	116,22	10,50	110,76	9,28	77,16	6,74
6	Загрязнение и охрана водных объектов	110,32	9,39	111,92	8,42	69,76	6,20
7	Охрана почв	82,22	7,54	90,52	7,10	61,72	5,41
8	Охрана недр	111,50	10,24	143,32	11,10	102,42	9,28
9	Экологические основы жизнедеятельности человека	85,46	7,46	100,16	8,00	58,22	6,29
10	Воздействие антропологических изменений окружающей среды на здоровье	123,92	10,70	143,88	12,07	92,50	9,28
11	Воздействие загрязнения окружающей среды на состояние природных экосистем	138,68	12,47	132,76	12,27	91,54	8,94
12	Охрана растительного и животного мира	101,88	8,72	115,94	9,87	79,88	8,55
13	Антропогенное воздействие на ландшафт	81,20	6,90	83,82	5,90	47,90	3,83
14	Заповедное дело. Охранные природные территории	79,12	7,50	91,56	6,85	58,54	5,56
15	Стихийные бедствия и катастрофы	123,26	11,75	117,18	10,69	81,76	7,69
16	Рациональное использование природных ресурсов	102,06	10,45	98,42	8,80	76,52	7,55
17	Управление отходами	187,18	16,34	112,94	15,31	83,90	10,26
18	Защита от шума, вибрации	121,96	12,93	129,10	12,08	80,58	7,86

Источник: составлено Л.К. Лободенко, А.Б. Чередыняковой, Ю.В. Асташовой, О.Ю. Харитоновой.

Table 1

Comparative eye-tracking analysis of environmental media texts imoact

No.	Topic	Group 1		Group 2		Group 3	
		all fix, un.	fix time, sec.	all fix, un.	fix time, sec.	all fix, un.	fix time, sec.
1	General issues of environmental protection	85.22	7.96	91.78	6.65	58.28	5.70
2	Theory and methods of studying environmental protection	108.82	8.95	119.82	8.06	54.88	5.98
3	International cooperation	69.58	5.86	77.44	5.47	52.78	4.38
4	Environmental pollution	102.90	9.14	110.04	7.89	73.32	6.74
5	Air pollution and protection	116.22	10.50	110.76	9.28	77.16	6.74
6	Water pollution and protection	110.32	9.39	111.92	8.42	69.76	6.20
7	Soil protection	82.22	7.54	90.52	7.10	61.72	5.41
8	Mineral resources protection	111.50	10.24	143.32	11.10	102.42	9.28
9	Environmental foundations of human life	85.46	7.46	100.16	8.00	58.22	6.29
10	The impact of anthropological changes in the environment on human health	123.92	10.70	143.88	12.07	92.50	9.28
11	The impact of environmental pollution on natural ecosystems	138.68	12.47	132.76	12.27	91.54	8.94
12	Flora and fauna protection	101.88	8.72	115.94	9.87	79.88	8.55
13	Anthropogenic impact on the landscape	81.20	6.90	83.82	5.90	47.90	3.83
14	Reserve management. Nature reserves	79.12	7.50	91.56	6.85	58.54	5.56
15	Natural disasters	123.26	11.75	117.18	10.69	81.76	7.69
16	Rational use of natural resources	102.06	10.45	98.42	8.80	76.52	7.55
17	Waste management	187.18	16.34	112.94	15.31	83.90	10.26
18	Noise and vibration control	121.96	12.93	129.10	12.08	80.58	7.86

Source: compiled by Lidia K. Lobodenko, Anna B. Cherednyakova, Yulia V. Astashova, Olga Yu. Kharitonova.

Как видно из табл. 2 все шесть эмоций присутствуют во всех группах. Однако лидируют следующие: 1-е место – грусть (первая и третья группы), удивление (вторая группа); 2-е место – страх (первая и вторая группы), ярость (третья группа); 3-е место – удивление (первая и третья группы), грусть (вторая группа). При этом респонденты первой и второй групп (18–25 лет) имеют более высокие показатели эмоциональных реакций (первая группа – грусть, 16,9 %; вторая – удивление, 17,48 %), чем показатели у третьей группы респондентов.

Таким образом, по результатам *третьего этапа* исследования с использованием системы кодирования лицевых движений установлено, что экологический медиаконтент оказывает преимущественно негативное воздействие на эмоциональное состояние молодежи.

В ходе *четвертого этапа* были проведены опрос с целью фиксации осознанного отношения и мнений респондентов по теме, оценка эмоционального и когнитивного состояний на основе просмотренных медиатекстов.

Для оценки осведомленности участников исследования по экологической проблематике в предварительном опросе был задан вопрос: «Как вы в целом оцениваете экологическую обстановку в городе/регионе?» (табл. 3).

Таблица 2

Анализ эмоциональной реакции респондентов на стимулы на основе данных программы регистрации эмоций

Базовая эмоция	Первая группа		Вторая группа		Третья группа	
	min, %	max, %	min, %	max, %	min, %	max, %
Грусть	8,4	16,9 (1)*	6,06	14,42 (3)	4,74	14,25 (1)
Страх	8,3	14,3 (2)	5,75	16,09 (2)	3,84	11,78
Удивление	8,5	13,1 (3)	7,26	17,48 (1)	6,89	12,97 (3)
Радость	5,9	13,0	4,52	14,09	3,06	11,12
Ярость	5,7	10,4	3,61	10,30	5,43	14,02 (2)
Отвращение	2,2	5,2	1,43	4,71	1,70	7,29

*Примечание: 1-е место – (1); 2-е место – (2); 3-е место – (3).

Источник: составлено Л.К. Лободенко, А.Б. Чередыняковой, Ю.В. Асташовой, О.Ю. Харитоновой.

Table 2

Analysis of respondents' emotional reaction to stimuli based on data from the emotion registration program

Basic emotion	Group 1		Group 2		Group 3	
	min, %	max, %	min, %	max, %	min, %	max, %
Sadness	8.4	16.9 (1)*	6.06	14.42 (3)	4.74	14.25 (1)
Fear	8.3	14.3 (2)	5.75	16.09 (2)	3.84	11.78
Surprise	8.5	13.1 (3)	7.26	17.48 (1)	6.89	12.97 (3)
Enjoyment	5.9	13.0	4.52	14.09	3.06	11.12
Anger	5.7	10.4	3.61	10.30	5.43	14.02 (2)
Disgust	2.2	5.2	1.43	4.71	1.70	7.29

*Note: 1st rating position – (1); 2nd rating position – (2); 3d rating position – (3).

Source: compiled by Lidia K. Lobodenko, Anna B. Cherednyakova, Yulia V. Astashova, Olga Yu. Kharitonova.

Таблица 3

Ответы респондентов по оценке экологической обстановки в регионе до и после просмотра материалов

Варианты ответов	В целом по выборке, %		Первая группа, %		Вторая группа, %		Третья группа, %	
	до	после	до	после	до	после	до	после
Хорошая	3	1	7	3	2	0	1	1
Нормальная	55	47	56	51	49	42	60	48
Плохая	42	52	37	46	49	58	39	51

Источник: составлено Л.К. Лободенко, А.Б. Чередыняковой, Ю.В. Асташовой, О.Ю. Харитоновой.

Table 3

Respondents' responses on the evaluation of the environmental situation in the region prior and after viewing the materials

Responses	Total in the sample, %		Group 1, %		Group 2, %		Group 3, %	
	prior	after	prior	after	prior	after	proir	after
Positive	3	1	7	3	2	0	1	1
Average	55	47	56	51	49	42	60	48
Negative	42	52	37	46	49	58	39	51

Source: compiled by Lidia K. Lobodenko, Anna B. Cherednyakova, Yulia V. Astashova, Olga Yu. Kharitonova.

Анализ ответов показал, что 42 % респондентов оценивают экологическую обстановку как плохую и негативно влияющую на качество жизни населения. Когнитивный медиаэффект подтверждается тем, что после контакта с материалами часть респондентов (+10 %) изменила свое мнение об экологии в регионе в худшую сторону.

При оценке эмоций (табл. 4), которые вызвал просмотр материалов, можно сделать вывод о преобладании негатива (страх, грусть, ярость). Таким образом, принимая во внимание результаты оценки эмоционального состояния по методике САН, свидетельствующие о благоприятном эмоциональном состоянии участников исследования на первом этапе, можно констатировать выраженное эмоциональное воздействие экологического контента на молодежную аудиторию.

Таблица 4

Ответы респондентов на вопрос «Какие эмоции вызывал просмотр материалов?», множественный выбор

Варианты ответов	В целом по выборке, %	Первая группа, %	Вторая группа, %	Третья группа, %
Страх	60	59	59	63
Грусть	37	32	39	40
Ярость	36	36	36	35
Удивление	35	37	39	29
Отвращение	31	35	26	33
Радость	8	13	7	4

Источник: составлено Л.К. Лободенко, А.Б. Чередыняковой, Ю.В. Асташовой, О.Ю. Харитоновой.

Table 4

Respondents' responses to the question 'What did you feel viewing the materials?', multiple choice

Responses	Total in the sample, %	Group 1, %	Group 2, %	Group 3, %
Fear	60	59	59	63
Sadness	37	32	39	40
Anger	36	36	36	35
Surprise	35	37	39	29
Disgust	31	35	26	33
Enjoyment	8	13	7	4

Source: compiled by Lidia K. Lobodenko, Anna B. Cherednyakova, Yulia V. Astashova, Olga Yu. Kharitonova.

Результаты исследования воздействия экологического контента на когнитивное и эмоциональное состояние аудитории показали, что наибольший эффект имеют медиатексты, тематически связанные с *проблемными ситуациями*. Это, в свою очередь, влияет на эмоциональное состояние аудитории и преобладание негативных эмоций.

Заключение

Воздействие медиаэффектов на аудиторию, в том числе на молодежь, является одним из ключевых вопросов исследований в контексте информационной повестки по экологии. В современных медиаисследованиях наметилась тенденция изучения медиаконтента с позиций его влияния на неосознанные реакции аудитории как на когнитивном, так и на эмоциональном уровне, что стало возможным с развитием нейромаркетинговых методов исследования.

В соответствии с разработанной методикой и этапами в ходе исследования было изучено и ранжировано воздействие экологических медиатекстов на молодежь (18–30 лет) и получены объективные данные об изменении когнитивного и эмоционального состояния в ответ на предъявляемые стимулы – от благоприятного до преобладания негативного.

В рамках настоящего исследования при формировании информационной повестки обоснована необходимость перехода от медиатекстов, содержащих преимущественно критическое представление экологических проблем, к текстам, ориентированным на освещение действий, направленных на их решение.

Таким образом, применение нейромаркетинговых технологий позволило получить новые данные о воздействии медиаконтента по экологии на молодежь, определить направленность когнитивных и эмоциональной реакций на предъявляемые стимулы.

Список литературы

- Алгави Л.О. Медиакommunikации и интернет-маркетинг в условиях цифровой цивилизации : монография / Л.О. Алгави, Д.А.-Н. Аль-Ханаки, С.С. Бредихин [и др.] ; под ред. Л.П. Шестеркиной, Л.К. Лободенко. Челябинск : ЮУрГУ, 2020. 475 с.
- Волкова И.И., Кемарская И.Н., Лободенко Л.К., Уразова С.Л., Шестеркина Л.П. Экосистема медиа: цифровые модификации : монография / под ред. С.Л. Уразовой. Челябинск : ЮУрГУ, 2021. 252 с.
- Доскин В.А., Лаврентьева Н.А., Мирошников М.П., Шарай В.Б. Тест дифференцированной самооценки функционального состояния // Вопросы психологии. 1973. № 6. С. 141–145. EDN: SMPXND
- Ивлиев П.В., Кошeluk Б.Е. Деятельность СМИ в освещении экологических проблем // Закон и право. 2021. № 7. С. 58–61. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-7-58-61> EDN: WLHETU
- Коханова Л.А. Экологическая журналистика, PR и реклама : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030601 «Журналистика» / под ред. Я.Н. Засурского. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 383 с.
- Лободенко Л.К., Черediaкова А.Б., Матвеева И.Ю., Загоскин Е.С., Чуддук А.А. Особенности воздействия фотографий медиатекстов по экологии на молодежную аудиторию // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2024. Т. 24. № 2. С. 95–102. <https://doi.org/10.14529/ssh240212>
- Руденко К.Н. Феномен повестки дня в СМИ, ее функции и инструменты конструирования // Язык. Текст. Дискурс. 2019. № 17. С. 197–202. EDN: WNATBB
- Шаркова Е.А. Экологическая журналистика: типформирующие признаки // Современная наука: тенденции развития. 2016. № 12. С. 42–48. EDN: VSXWRN

- Шаховский В.И.* Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике : монография. Волгоград : Изд-во ВГСПУ Перемена, 2017. 359 с.
- Bagozzi R.P., Gopinath M., Nyer P.U.* The role of emotions in marketing // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 1999. Vol. 27. P. 184–206. <http://dx.doi.org/10.1177/0092070399272005>
- Ball-Rokeach S.J., DeFleur M.L.* A dependency model of mass-media effects // *Communication Research*. 1976. Vol. 3. No. 1. P. 3–21. <https://doi.org/10.1177/009365027600300101>
- Bodker H., Neverla I.* *Environmental Journalism*. London : Routledge, 2013. 176 p. <https://doi.org/10.4324/9781315829494>
- Carvalho A.* Media(ted)discourses and climate change: a focus on political subjectivity and (dis)engagement // *Wiley Interdisciplinary Reviews – Climate Change*. 2010. Vol. 1. No. 2. P. 172–179. <https://doi.org/10.1002/wcc.13>
- Clements J.* Media ecology ethics: Dwelling on the horizons // *Explorations in Media Ecology*. 2025. Vol. 24. No. 1. P. 23–35. https://doi.org/10.1386/eme_00231_1
- DeFleur M.L., Dennis, E.E.* *Understanding Mass Communication: A Liberal Arts Perspective*. Boston ; New York : Houghton Mifflin, 2001. 504 p.
- Domasio A.R.* Ich fühle, also bin ich: Die Entschlüsselung des Bewusstseins (German Ed.). Berlin : Ullstein Ebooks, 2000. 468 p.
- Ekman P.* Basic Emotions // *Handbook of Cognition and Emotion* / Eds. T. Dalgleish, M.J. Power. Sussex, United Kingdom : John Wiley & Sons, Ltd, 1999. P. 4–5. <https://doi.org/10.1002/0470013494.ch3>
- Ekman P., Friesen W.V.* *Manual for the Facial Action Code*. Palo Alto, California : Consulting Psychologist Press, 1978.
- Elango.* Media, ecology and technology: Holistic approach // *International Conference on Islamic Economic (ICIE)*. 2023. Vol. 2. No. 1. P. 1–9. <https://doi.org/10.58223/icie.v2i1.205>
- Freedman E.* In the crosshairs: The perils of environmental journalism // *Journal of Human Rights*. 2020. Vol. 19. No. 3. P. 275–290. <https://doi.org/10.1080/14754835.2020.1746180>
- Hickman C.* Climate anxiety in children and young people and their beliefs about government responses to climate change: a global survey / C. Hickman, E. Marks, P. Pihkala [et al.] // *The Lancet Planetary Health*. 2021. Vol. 5. No. 12. P. 863–873. [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(21\)00278-3](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(21)00278-3)
- Izard C.E.* Basic emotions, relations among emotions, and emotion-cognition relations // *Psychological Review*. 1992. Vol. 99. No. 3. P. 561–565. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.99.3.561>
- Kress G.R.* *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. Oxford and New York : Routledge, 2010.
- Kress G.R., van Leeuwen T.* *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London : Routledge. 310 p. <https://doi.org/10.4324/9781003099857>
- Levenson R.W.* Basic emotion questions // *Emotion Review*. 2011. Vol. 3. No. 4. P. 379–386. <https://doi.org/10.1177/1754073911410743>
- Lim W.M.* Demystifying neuromarketing // *Journal of Business Research*. 2018. Vol. 91. P. 205–220. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2018.05.036>
- Lowe P.D., Rudig, W.* Political ecology and the social science – The state of art // *British Journal of Political Science*. 1986. Vol. 16. No. 4. P. 513–550.
- McCombs M., Valenzuela S.* *Setting the Agenda: Mass Media and Public Opinion*. 3rd Ed. Cambridge, United Kingdom : Polity, 2020.
- Mitchell R.C.* Public opinion and the green lobby: Poised for the 1990s? // *Environmental Policy in the 1990s: Toward a New Agenda* / Eds. N.J. Vig, M.E. Kraft. Washington, DC : Congressional Quarterly Press, 1990. P. 51–74.
- Ortony A., Turner T.J.* What's basic about basic emotions? // *Psychological Review*. 1990. Vol. 97. No. 3. P. 315–331. <https://doi.org/10.1037/0033-295x.97.3.315>

Roth G. *Aus Sicht des Gehirns*. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag KG, 2003.
Sachsman D.B., Valenti J.A.M. *Routledge Handbook of Environmental Journalism*. London :
Routledge, 2020. <https://doi.org/10.4324/9781351068406>

References

- Algavi, L.O., Al'-Xanaki, D.A.-N., & Bredixin, S.S. (2020). *Media Communications and Internet Marketing in the Context of Digital Civilization* (L.P. Shesterkina, & L.K. Lobodenko, Eds.). Chelyabinsk: South Ural State University Publ. (In Russ.)
- Bagozzi, R.P., Gopinath, M., & Nyer, P.U. (1999). The role of emotions in marketing. *Journal of the Academy of Marketing Science*, 27, 184–206. <http://dx.doi.org/10.1177/0092070399272005>
- Ball-Rokeach, S.J., & DeFleur, M.L. (1976). A Dependency Model of Mass-Media Effects. *Communication Research*, 3(1), 3–21. <https://doi.org/10.1177/009365027600300101>
- Bodker, H., & Neverla, I. (2013). *Environmental Journalism*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315829494>
- Carvalho, A. (2010). Media(ted)discourses and climate change: a focus on political subjectivity and (dis)engagement. *Wiley Interdisciplinary Reviews – Climate Change*, 1(2), 172–179. <https://doi.org/10.1002/wcc.13>
- Clements, J. (2025). Media ecology ethics: Dwelling on the horizons. *Explorations in Media Ecology*, 24(1), 23–35. https://doi.org/10.1386/eme_00231_1
- DeFleur, M.L., & Dennis, E.E. (2001). *Understanding Mass Communication: A Liberal Arts Perspective*. Houghton Mifflin Company.
- Domasio, A.R. (2000). Ich fühle, also bin ich: Die Entschlüsselung des Bewusstseins (German Ed.). Ullstein Ebooks.
- Doskin, V.A., Lavrentieva, N.A., Miroshnikov, M.P., & Sharay, V.B. (1973). Test of a differential self-assessment of a functional condition. *Voprosy Psichologii*, (6), 141–145. (In Russ.) EDN: SMPXND
- Ekman, P. (1999). Basic Emotions. In T. Dalgleish, & M.J. Power (Eds.), *Handbook of Cognition and Emotion* (pp. 4–5). John Wiley & Sons, Ltd. <https://doi.org/10.1002/0470013494.ch3>
- Ekman, P., & Friesen, W.V. (1978). *Manual for the Facial Action Code*. Consulting Psychologist Press.
- Elango (2023). Media, ecology and technology: Holistic approach. In *International Conference on Islamic Economic (ICIE)*, 2(1), 1–9. <https://doi.org/10.58223/icie.v2i1.205>
- Freedman, E. (2020). In the crosshairs: The perils of environmental journalism. *Journal of Human Rights*, 19(3), 275–290. <https://doi.org/10.1080/14754835.2020.1746180>
- Hickman, C., Marks, E., Pihkala, P., Clayton, S., Lewandowski, E., Mayall, E.E., Wray, B., Mellor, C., & van Susteren, L. (2021). Climate anxiety in children and young people and their beliefs about government responses to climate change: a global survey. *The Lancet Planetary Health*, 5(12), 863–873. [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(21\)00278-3](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(21)00278-3)
- Ivliev, P.V., & Koshelyuk, B.E. (2021). Media activities in solving environmental problems., (7), 58–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-7-58-61> EDN: WLHETU
- Izard, C.E. (1992). Basic emotions, relations among emotions, and emotion-cognition relations. *Psychological Review*, 99(3), 561–565. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.99.3.561>
- Kokhanova, L.A. (2017). *Environmental Journalism, PR, and Advertising*. (Ya.N. Zasursky, Ed.). Moscow: UNITY-DANA Publ. (In Russ.)
- Kress, G.R. (2010). *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. Routledge.
- Kress, G.R., & van Leeuwen, T. (2020). *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003099857>

- Levenson, R.W. (2011). Basic emotion questions. *Emotion Review*, 3(4), 379–386. <https://doi.org/10.1177/1754073911410743>
- Lim, W.M. (2018). Demystifying neuromarketing. *Journal of Business Research*, 91(4), 205–220. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2018.05.036>
- Lobodenko, L.K., Cherednyakova, A.B., Matveeva, I.Y., Zagoskin, E.S., & Chuiduk, A.A. (2024). The influence of photographs from environmental media texts on the youth audience. *Bulletin of the South Ural State University. Series Social Sciences and the Humanities*, 24(2), 95–102. (In Russ.) <https://doi.org/10.14529/ssh240212>
- Lowe, P.D., & Rudig, W. (1986). Political ecology and the social science – The state of art. *British Journal of Political Science*, 16(4), 513–550.
- McCombs, M., & Valenzuela, S. (2020). *Setting the Agenda: Mass Media and Public Opinion* (3rd ed.). Polity.
- Mitchell, R.C. (1990). Public opinion and the green lobby: Poised for the 1990s? In N.J. Vig, & M.E. Kraft (Eds.), *Environmental policy in the 1990s: Toward a New Agenda* (pp. 51–74). Congressional Quarterly Press.
- Ortony, A., & Turner, T.J. (1990). What's basic about basic emotions? *Psychological Review*, 97(3), 315–331. <https://doi.org/10.1037/0033-295x.97.3.315>
- Roth, G. (2003). *Aus Sicht des Gehirns*. Suhrkamp Verlag KG.
- Rudenko, K.N. (2019). Phenomenon agenda-setting in the media, functions and design tools. *Yazyk. Tekst. Diskurs = Language. Text. Discourse*, (17), 197–202. (In Russ.)
- Sachsman, D.B., & Valenti, J.A.M. (2020). *Routledge Handbook of Environmental Journalism*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351068406>
- Shakhovskiy, V.I. (2017). *The Triad of Ecologies – Man, Language, and Emotions – in Modern Communicative Practice: Monograph*. Volgograd. (In Russ.)
- Sharkova, E.A. (2016). Environmental journalism: Type forming features. *Modern Science: Development Trends*, (12), 42–48. (In Russ.) EDN: VSXWRN
- Volkova, I.I., Kemarskaya, I.N., Lobodenko, L.K., Urazova, S.L., Shesterkina, L.P. (2021). *Ecosystem of Media: Digital Modifications* (S.L. Urazova, Ed.). Chelyabinsk: South Ural State University Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Лободенко Лидия Камиловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, д. 76. ORCID: 0000-0002-0809-1686; SPIN-код: 2396-9777. E-mail: lobodenkolk@susu.ru

Череднякова Анна Борисовна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, д. 76. ORCID: 0000-0002-5681-8800; SPIN-код: 7230-5306. E-mail: cheredniakovaab@susu.ru

Асташова Юлия Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, д. 76. ORCID: 0000-0001-8854-2266; SPIN-код: 1414-9172. E-mail: astashovayv@susu.ru

Харитоновна Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, д. 76. ORCID: 0000-0001-6124-30552; SPIN-код: 7260-4874. E-mail: kharitonovaoi@susu.ru

Bio notes:

Lidia K. Lobodenko, Grand PhD in Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, 76 Lenina Ave, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0809-1686; SPIN-code: 2396-9777. E-mail: lobodenkolk@susu.ru

Anna B. Cherednyakova, Grand PhD in Pedagogy, Associate Professor, Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, 76 Lenina Ave, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5681-8800; SPIN-code: 7230-5306. E-mail: cheredniakovaab@susu.ru

Yulia V. Astashova, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Management, South Ural State University, 76 Lenina Ave, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8854-2266; SPIN-code: 1414-9172. E-mail: astashovayv@susu.ru

Olga Yu. Kharitonova, PhD in History, Associate Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, 76 Lenina Ave, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6124-30552; SPIN-code: 7260-4874. E-mail: kharitonovaoi@susu.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-874-886

EDN: SNZWЕК

УДК 070+654-19

Научная статья / Research article

Медиадискурс природной катастрофы в нарративных стратегиях радио- и телевидения: землетрясение в Турции и Сирии

Г.Л. Арсентьева¹, Р.В. Даутова¹✉, Х.Ю.Д. Ашур²

¹ Казанский федеральный университет, Казань, Россия

² Американский университет в Эмиратах, Дубай, Объединенные Арабские Эмираты

✉RVagiz@yandex.ru

Аннотация. Исследованы медиастратегии, которые использовали ведущие российские радио- и телевизионные каналы при освещении землетрясения в Турции и Сирии в феврале 2023 г. Выявлены особенности конструирования медиадискурса в новостных сообщениях, отмечены специфические нарративные и параинформационные приемы для интерпретации события и системного воздействия на аудиторию. Проведен количественный и качественный контент-анализ 100 новостных материалов («Вести FM», Первый канал, «Россия 1», НТВ). Установлено, что подача информации была детерминирована не только масштабом трагедии, но и вещательной политикой каналов, что проявилось в верстке выпусков, использовании эмоционально окрашенной лексики, визуальных образах и интонационных паттернах. Научная новизна заключается в сопоставительном анализе радио- и телевизионного контента природной катастрофы, позволившем систематизировать форматные особенности и приемы репрезентации. В результате сделан вывод о доминировании стратегии эмоциональной вовлеченности аудитории и политической инструментализации событий. Ключевым стал гибридный нарратив, где трагедия служила материалом для решения концептуальных задач медиа.

Ключевые слова: телевидение, радиовещание, информационное сообщение, экстренное сообщение, землетрясение, Турция, аудиальная и аудиовизуальная информация

Вклад авторов. Теоретическое обоснование исследования, сбор исследовательских материалов, анализ данных и написание рукописи – Г.Л. Арсентьева; дизайн исследования, теоретическое обоснование, анализ данных и написание рукописи – Р.В. Даутова; анализ данных, редактирование и унификация текста – Х.Ю.Д. Ашур. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Арсентьева Г.Л., Даутова Р.В., Ашур Х.Ю.Д., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 29 мая 2025 г.; отрецензирована 19 июня 2025 г.; принята к публикации 10 июля 2025 г.

Для цитирования: Арсентьева Г.Л., Даутова Р.В., Ашур Х.Ю.Д. Медиадискурс природной катастрофы в нарративных стратегиях радио- и телевидения: землетрясение в Турции и Сирии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 874–886. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-874-886>

Narrating the Natural Catastrophe: Radio and Television Coverage of the Turkey-Syria Earthquake

Galina L. Arsenteva¹, Rezida V. Dautova¹, Haya Yu.J. Ashour²

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

² American University in the Emirates, Dubai, United Arab Emirates

✉RVagiz@yandex.ru

Abstract. The media strategies used by leading Russian radio and television channels in covering the earthquake in Turkey and Syria in February 2023 were examined. The features of media discourse construction in news reports, and identified specific narrative and para-informational techniques used to interpret the events and exert a systemic influence on the audience are noted. A quantitative and qualitative content analysis of 100 news materials was conducted (Vesti FM, Channel One, Rossiya 1, NTV). It was found that the presentation of information was determined not only by the scale of the tragedy, but also by the broadcasting policy of the channels, which manifested itself in the layout of the releases, the use of emotionally colored vocabulary, visual images and intonation patterns. The scientific novelty lies in the comparative analysis of radio and television content, which allowed for the systematization of format-specific features and representation techniques of a natural disaster. The authors conclude that the strategy of emotional engagement of the audience and the political instrumentalization of events are dominant. A key finding was the identification of a hybrid narrative, where the tragedy served as material for addressing the conceptual tasks of the media.

Keywords: television, radio broadcasting, news report, breaking news, earthquake, Türkiye, audio and audiovisual information

Authors' contribution. Theoretical justification of the study, collection of research materials, data analysis & writing of the manuscript – Galina L. Arsenyeva; research design, theoretical justification, data analysis & writing of the manuscript – Rezida V. Dautova; data analysis, manuscript editing & text unification – Haya Yu.J. Ashur. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 29, 2025; revised June 19, 2025; accepted July 10, 2025.

For citation: Arsenteva, G.L., Dautova, R.V., Ashour, H.Yu.J. (2025). Narrating the Natural Catastrophe: Radio and Television Coverage of the Turkey-Syria Earthquake. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 874–886. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-874-886>

Введение

Современное общество функционирует в условиях непрерывного информационного потока, что детерминирует его тотальную ориентацию на медиа во всех сферах – от культурно-социальной и политической до бытовой и этической. Одним из ключевых последствий этой информационной избыточности становится возникновение информационных шумов (Ефанов, 2021), что затрудняет верификацию сообщений и усиливает эффект медийного манипулирования. Данный феномен, уходящий корнями в концепцию общества спектакля (Debord, 1969), исследуется в работах российских авторов (Дзялошинский, Пильгун, 2011; Кузнецова, 2012; Полудина, 2011 и др.). Это явление, как в эпоху до появления интернета, так и после, описывали зарубежные мыслители (Элвин Тоффлер, Нил Постман, Маршалл Маклюэн, Умберто Эко, Стивен Пинкер и др.), рассуждая об информационной перегрузке в различных контекстах. Воздействие информационных шумов особенно выражено в аудиовизуальных медиа (радио и телевидении), где вербальный компонент дополняется звуком и видеорядом, что существенно повышает уровень эмоционального давления на аудиторию, при этом у индивидов стираются способности к верификации сообщений СМИ.

Характеризуя современный медийный дискурс, ученые отмечают его одноплановый оценочный характер, который создается особой языковой тканью, сочетанием экспрессии и этической раскованности (Петрова, Рацибурская, 2022). Подобная нарративная стратегия ставит специфические вопросы при освещении кризисных и трагических событий, когда суггестивный потенциал новостного контента усиливается.

Актуальное повествование о катастрофах – это сложное направление в медиаисследованиях. С одной стороны, его изучение связано с вопросами информационной безопасности, социальной ответственности и этики журналиста (Панченко, 2012; Шайхутдинова, 2016; Шарков, 2015), значимость которой многократно возрастает при работе с драматическими темами, а с другой – с анализом конкретных практик подачи материала катастроф, где выделяются такие аспекты, как последствия (экономические, медицинские и экологические), фактология и драматизация. Основные нарративы, которые повторяются с течением времени, поделены медиаисследователями на пять классов: негативные прилагательные; «зрелище ярости природы»; акцент на технических аспектах; память о предыдущих событиях и события, описанные с «человеческими особенностями» (Antunes et al., 2022). Зарубежные эксперты (Lester, Hutchins, 2011; Wilke et al., 2012) подчеркивают значительную роль СМИ в формировании общественного восприятия кризисов.

В рамках данного исследования авторы рассмотрели некоторые отечественные работы по новостному вещанию (Быков, 2022; Волкова, 2019; Грабельников и др., 2008) и выделили в отдельную группу труды, посвященные проблематике репрезентации чрезвычайных происшествий (Королева, 2020; Мельникова, 2018; Сухарников, 2016 и др.). Особую сложность при освеще-

нии катастроф представляет психологический аспект, который включает две ключевые группы проблем. Во-первых, это реакция аудитории на шокирующие кадры, которая зависит от культурно-исторического контекста (Пронин, Пронина, 2013; Fahmy, Johnson, 2007), что требует от журналистов бережного отношения к чувствам зрителей и поиска жизнеутверждающих смыслов (Mogensen, 2008). Во-вторых, это состояние самих журналистов, работающих в зоне бедствия. Исследования показывают, что репортеры сталкиваются с внутренним конфликтом между профессиональным долгом и эмпатией, что приводит к посттравматическому стрессу (Backholm, Idås, 2020; Englund et al., 2023), а также с этическими дилеммами, логистическими трудностями и ограниченным доступом к информации (Dworznik-Hoak, 2020; Puente et al., 2013).

На фоне обозначенных вызовов, таких как информационные шумы, высокая суггестивность аудиовизуальных медиа, намеренная экспрессивность дискурса и сложный психологический контекст, критически возрастает ответственность журналистов как ключевых интерпретаторов событий для массовой аудитории. Это особенно справедливо для экстренных новостей о катастрофах с массовыми жертвами, к которым относится землетрясение в Турции и Сирии. Таким образом, актуальность данного исследования заключается в выявлении нарративных стратегий российских радио- и телеканалов в освещении землетрясения в Турции и Сирии на основе синтеза указанных научных подходов, что позволит выработать практические рекомендации для журналистов и редакторов.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили новостные выпуски ведущих российских СМИ: радиостанции «Вести FM» и телеканалов «первой тройки» (Первый канал, «Россия 1», НТВ). Выборка включила более 100 сообщений, вышедших в эфир в период с 6 по 20 февраля 2023 г. и посвященных землетрясению в Турции и Сирии. Теоретико-методологическую основу исследования составили теория медиадискурса и концепция параинформационных приемов В.П. Конечкой¹. На их базе был применен комплекс методов, реализованный в два этапа.

Первый этап включал количественный контент-анализ, направленный на выявление объективных параметров подачи информации. *Для радио*: позиция новости в выпуске, хронометраж, частота упоминаний. *Для телевидения*: место и время сюжета в структуре выпуска, жанровое разнообразие репортажей (прямой эфир, синхрон, закадровый комментарий).

Второй этап состоял в качественном дискурс-анализе языковых и аудиовизуальных особенностей контента. *Анализ текста*: выявление ключевых тем, лексических единиц, оценочной лексики и композиционного построения сообщений. *Анализ аудиоряда (радио)*: оценка интонации, темпа, логических ударений и пауз в речи дикторов и ведущих. *Анализ видеоряда (телевидение)*:

¹ См.: Конечкая В.П. Социология коммуникаций : учебник. М. : Международный университет бизнеса и управления, 1997. 304 с.

изучение визуальных образов (кадры разрушений, страданий, спасательных работ), использования графики и спецэффектов (дополненная реальность), а также параинформационных приемов, формирующих эмоциональный фон и оценочную рамку восприятия.

Результаты и обсуждение

Выявлены ключевые особенности и трансформации в освещении землетрясения в Турции и Сирии российскими информационными СМИ. Анализ проводился по двум основным направлениям: радиоэфир (станция «Вести FM») и телевизионные новостные выпуски («Первый канал», «Россия 1», НТВ).

Эмпирические данные демонстрируют четкую динамику в освещении темы землетрясения на радио «Вести FM» (табл. 1). В первый день катастрофы (6 февраля) тема была абсолютным приоритетом, открывая 100 % выпусков. Композиция новостей строилась на циклическом повторении нескольких ключевых сообщений с незначительными лексическими вариациями. Были идентифицированы три базовых информационных блока, которые формулировались в виде ключевых фраз: телефонный разговор В.В. Путина с Р.Т. Эрдоганом и выражение соболезнований; указание С.К. Шойгу об оказании помощи российской группировкой в Сирии; статистика по жертвам и разрушениям. Ровно в половине выпусков сюжеты начинались с первой базовой фразы, вторая половина – со второй. Это позволяет сделать вывод о тактическом смещении акцента с информирования о масштабах катастрофы на демонстрацию включенности российских властей в процесс ликвидации последствий. Все сообщения представляли собой рерайт новостных лент, что соответствует специфике производства новостного контента на радио (Современное радио в России, 2021), хотя в научной литературе подобная практика иногда рассматривается как источник информационного шума (Полунина, 2011). На следующий день (7 февраля) тема землетрясения зафиксирована под первым и вторым номером. Через две недели (20 февраля) выявлено включение новости на референтную тему последней: пятым из пяти сообщений выпуска.

Обнаружено, что субъективность информационного радиосообщения наиболее заметно проявилась в интонации, тембре голоса, темпе и использовании пауз дикторами и ведущими. К примеру, паузы после каждого слова в логически неделимых фразах повышали трагизм и вносили оценочность (*российских военных медиков, черный густой дым, крупных мировых бедствий* и др.). Субъективность проявилась в расстановке логических ударений, динамических акцентах. В информационных сообщениях выделены следующие слова и словосочетания: *землетрясение, соболезнование, помощь, Турция, Сирия, жертвы, разрушения, пострадавшему, содействие, Эрдогану, Шойгу, быстро, огнем, Лавров, подтвердил, помочь, помощи, Башар Асад, спасателей, жертвами стихии, траур, Чуприян, людей, больница, повторные, сильный пожар, спецборт, многочисленными, госпиталь, закричала, репортаж, здание, зонах, превысило, сильные потери, туристов, мощных, са-*

мостоятельно, воздержаться, чрезвычайное положение, аварийными, запретить, буквально свалены в кучу. Данный список включает как нейтральную, так и экспрессивно-окрашенную лексику.

Таблица 1

Динамика организации материала по теме землетрясения на радиостанции «Вести FM»

Время выхода в эфир	Место в программе	Общий хронометраж на референтную тему, с	Доля в выпуске, %
06.02.2023 18:00	№ 1, 6 из шести сообщений	70	18
18:30	№ 1, 2 из пяти сообщений	72	38
19:00	№ 1, 2, 3 из семи сообщений	92	25
19:30	№ 1, 2 из пяти сообщений	82	36
20:00	№ 1 из четырех сообщений	65	18
20:30	№ 1 из четырех сообщений	68	29
21:00	№ 1 из пяти сообщений	100	30
21:30	№ 1, 2 из четырех сообщений	123	50
22:00	№ 1 из четырех сообщений	80	21
22:30	№ 1 из четырех сообщений	74	34
23:00	№ 1, 2 из пяти сообщений	83	20
23:30	№ 1 из четырех сообщений	65	34
07.02.2023 17:00	№ 1, 2 из пяти сообщений	85	26
19:00	№ 2 из пяти сообщений с коротким выступлением (синхрон представителя МЧС)	120	33
20.02.2023 20:00	№ 5 из пяти сообщений	43	12

Источник: составлено Г.Л. Арсентьевой, Р.В. Даутовой, Х.Ю.Д. Ашур.

Table 1

Dynamics of the organization of the earthquake material on the Vesti FM radio station

Airtime	Place in the program	Total timekeeping on the reference topic , sec.	Share in output, %
6/2/2023 six o'clock p.m.	No.1,6 of six messages	70	18
six thirty p.m.	No.1, 2 of five messages	72	38
seven o'clock p.m.	No.1, 2, 3 of seven messages	92	25
seven thirty p.m.	No.1, 2 of five messages	82	36
eight o'clock p.m.	No.1 of four messages	65	18
eight thirty p.m.	No.1 of four messages	68	29
nine o'clock p.m.	No.1 of five messages	100	30
nine thirty p.m.	No.1, 2 of four messages	123	50
ten o'clock p.m.	No.1 of four messages	80	21
ten thirty p.m.	No.1 of four messages	74	34
eleven o'clock p.m.	No.1, 2 of five messages	83	20
eleven thirty p.m.	No.1 of four messages	65	34
7/2/2023 five o'clock p.m.	No.1, 2 of five messages	85	26
seven o'clock p.m.	No.2 of five messages with a short speech (video of the representative of the Ministry of Emergency Situations)	120	33
20/2/2023 eight o'clock p.m.	No.5 of five messages	43	12

Source: completed by Galina L. Arsenteva, Rezida V. Dautova, Haya Yu.J. Ashour.

Телевизионное освещение характеризовалось более сложной жанровой палитрой и активным использованием параинформационных приемов для усиления эмоционального воздействия. Отметим, что телевидение либо усиливает катастрофичность последствий, либо способствует скорейшему их преодолению (Бервенова, 2007).

Анализ выпусков программ «Время» (Первый канал), «Вести» (Россия 1) и «Сегодня» (НТВ) показал высокую активность в первые дни трагедии (табл. 2, 3).

Таблица 2

**Динамика организации материала по теме землетрясения в программе «Время»
Первого канала**

Дата	Общее количество сюжетов / общий хронометраж, мин	Количество сюжетов о землетрясении / хронометраж, мин	Место в выпуске, №	Доля от выпуска, %
07.02.2023	18/54,28	5/15,5	2, 3, 4, 5, 6	27
08.02.2023	17/54,39	4/19	2, 3, 4, 5, 6	35
09.02.2023	21/54,39	3/7	4, 5, 6	5
10.02.2023	16/35	2/2	8, 9	5,7
11.02.2023	12/34,08	1/5	2	14
12.02.2023 (воскресенье)	21/143	2/22	7, 8	15,38

Источник: составлено Г.Л. Арсентьевой, Р.В. Даутовой, Х.Ю.Д. Ашур.

Table 2

Dynamics of the organization of earthquake-related material in Channel One's Vremya program

Date	Total number of plots / total timekeeping, min.	Number of earthquake stories / timing, min.	Place in the issue, No.	Share of output, %
7/2/2023	18/54.28	5/15.5	2, 3, 4, 5, 6	27
8/2/2023	17/54.39	4/19	2, 3, 4, 5, 6	35
9/2/2023	21/54.39	3/7	4, 5, 6	5
10/2/2023	16/35	2/2	8, 9	5.7
11/2/2023	12/34.08	1/5	2	14
12/2/2023 (Sunday)	21/143	2/22	7, 8	15.38

Source: completed by Galina L. Arsenteva, Rezida V. Dautova, Haya Yu.J. Ashour.

К концу исследуемого периода наблюдалась тенденция к сокращению эфирного времени. В субботних и воскресных аналитических выпусках отмечалась персонализация подачи. Например, в выпуске НТВ из 9 минут, посвященных трагедии, 3 минуты занимала эмоциональная подводка Ирады Зейналовой.

В телевизионном дискурсе можно выделить несколько устойчивых нарративных линий, которые часто сочетались, формируя гибридное содержание.

Трагический нарратив: акцент на человеческих страданиях через показ шокирующих кадров и использование эмоционально заряженной лексики (*гигантский разлом, катастрофическое бедствие*). Заголовки сюжетов выстраивали эмоциональные «качели»: от надежды в сюжете «Горе и надежда. Предел прочности» (Первый канал, 08.02.2023) до безысходности в материале «Надежда рухнула» (Первый канал, 10.02.2023) о гибели российских супругов.

Таблица 3

Динамика организации материала по теме землетрясения в программах «Вести» («Россия 1») и «Сегодня» (НТВ)

Дата	Общее количество сюжетов / общий хронометраж, мин		Количество сюжетов о землетрясении / хронометраж, мин		Место в выпуске, №		Доля от выпуска, %	
	«Вести»	«Сегодня»	«Вести»	«Сегодня»	«Вести»	«Сегодня»	«Вести»	«Сегодня»
07.02.2023	14/83	13/48	2/9	1/5,38	2, 3	2	10,8	11,2
08.02.2023	16/86	12/48	5/4	1/4,64	5	2	4,6	9,6
09.02.2023	19/90	16/53,22	2/10	2/6,04	9, 10	12, 13	11	11,3
10.02.2023	22/88	16/46	3/6,92	1/1,13	3, 4, 5	14	7,8	2,4
11.02.2023	20/59,58	16/53,43	5/8,08	0	4, 5, 6, 7, 8	0	13,3	0
12.02.2023 (воскресный выпуск)	25/151 – «Вести недели с Д. Киселевым	12/73 – «Итоги недели с И. Зейналовой	2/12	1/9	4, 5	10	7,9	5,9

Источник: составлено Г.Л. Арсентьевой, Р.В. Даутовой, Х.Ю.Д. Ашур.

Table 3

The dynamics of the organization of earthquake-related material in the Vesti (Russia 1) and Segodnya (NTV) programs

Date	Total number of plots / total timekeeping, min.		Number of earthquake stories / timing, min.		Place in the issue, No.		Share of output, %	
	Vesti	Segodnya	Vesti	Segodnya	Vesti	Segodnya	Vesti	Segodnya
7/2/2023	14/83	13/48	2/9	1/5.38	2, 3	2	10.8	11.2
8/2/2023	16/86	12/48	5/4	1/4.64	5	2	4.6	9.6
9/2/2023	19/90	16/53.22	2/10	2/6.04	9, 10	12, 13	11	11.3
10/2/2023	22/88	16/46	3/6.92	1/1.13	3, 4, 5	14	7.8	2.4
11/2/2023	20/59.58	16/53.43	5/8.08	0	4, 5, 6, 7, 8	0	13.3	0
12/2/2023 (Sunday Edition)	25/151 – Vesti nedeli with D. Kiselyov	12/73 – Itogi nedeli with I. Zeynalova	2/12	1/9	4, 5	10	7.9	5.9

Source: completed by Galina L. Arsenteva, Rezida V. Dautova, Naya Yu.J. Ashour.

Политизированный нарратив: включение темы в политический контекст. Например, «Россия 1» в выпуске от 06.02.2023 представила заголовок «Зеленский готов помочь Турции, но неясно, чем», а канал НТВ подчеркнул, что Сирия страдает от дефицита из-за западных санкций.

Таблоидный нарратив: характерен для НТВ, в вещании которого развлекательный контент и жизнь медиаперсон занимают особое место, – «Маша Распутина во время землетрясения в Турции от страха убежала в море» (13.02.2023); «Российская актриса в Турции: тут катастрофа, спать ложимся в одежде» (13.02.2023).

Нарратив помощи: центральный для всех каналов, фокусирующий на гуманитарной миссии России и работе спасателей МЧС.

Для усиления воздействия активно использовались технологии дополненной реальности. В программе «Время» (07.02.2023) ведущий был виртуально помещен в эпицентр событий рядом со спасательной техникой и разрушениями. Эмоциональность достигалась за счет экспрессивной работы корреспондентов на месте и большого количества интервью с пострадавшими.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что медиадискурс природной катастрофы в исследуемом российском информационном поле не является нейтральным. Его ключевой характеристикой становится *гибридный нарратив*, в котором трагедия служит материалом для решения концептуальных задач каждого медиа. На радио это проявилось в строгой ритуализации информации, подчиненной задаче демонстрации государственной вовлеченности. На телевидении гибридность выразилась в сложном сплаве трагизма, политики и таблоидности, что, с одной стороны, усиливало эмоциональное воздействие, а с другой – инструментализировало катастрофу для трансляции определенных идеологических посланий.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что освещение в российских электронных СМИ масштабной природной катастрофы подчиняется общей логике новостного производства, но обладает при этом ярко выраженной спецификой, обусловленной форматом и политической повесткой вещания. На уровне организации контента подтверждена универсальная новостная модель: пик внимания к событию приходится на первые 48 часов (двое суток), что выражается в приоритетной позиции в выпуске и максимальном хронометраже. По мере снижения актуальности новость постепенно смещается в конец выпуска и редуцируется по времени. Это характерно как для радио, так и для телевидения.

На уровне текстового и аудиального воплощения на радио выявлена тенденция к активному ререйтингу ограниченного числа официальных сообщений, что порождает эффект информационного шума. Субъективность и оценочность проявляются не в содержании, а в интонационной подаче: за счет логических ударений, пауз и темпа речи дикторы и ведущие акцентируют трагизм, масштаб разрушений и роль России в оказании помощи. Ключевое

различие между радио и телевидением лежит в области аудиовизуального нарратива. Телевизионный дискурс катастрофы характеризуется активным использованием параинформационных приемов, которые переносят акценты на формирование отношения к событию (драматизация, персонализация, политизация). В визуальном ряду доминируют кадры разрушений и человеческих страданий, что эмоционально вовлекает аудиторию через эффект шока. При этом характерна персонализация: смещение фокуса с общего на частное (истории спасенных детей, россиян, животных), что способствует драматизации. Трагедия встроена в актуальный политический контекст (критика Запада, санкций, подчеркивание ведущей роли России), особенно в аналитических выпусках с авторитетным ведущим (Д. Киселев, И. Зейналова).

Таким образом, нарративные стратегии российских телеканалов направлены на создание мощного эмоционального воздействия и формирование оценочной интерпретации события в рамках заданной концепции. Это приводит к эффекту опосредования опыта, когда реальная трагедия подменяется набором управляемых медиаобразов, что в долгосрочной перспективе снижает способность аудитории к критической верификации информации.

Список литературы

- Бервенова О.В. Компенсаторные ресурсы средств массовой информации в чрезвычайных ситуациях : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 28 с.
- Быков Д.В. Телевизионные новости: от информации к развлечению // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 3. С. 528–544. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(3\).528-544](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(3).528-544)
- Волкова И.И. Телеканалы на YouTube: причины неэффективности // Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия : материалы междунар. науч.-практ. конф. Москва, 6–8 февраля 2019 г. Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. С. 468–469.
- Грабельников А.А., Волкова И.И., Гегелова Н.С. Организация информационного производства на телевидении : учеб. пособие. М. : РУДН, 2008. 250 с.
- Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Медiateкст: особенности создания и функционирования : монография. М. : НИУ – ВШЭ, 2011. 377 с.
- Ефанов А.А. Общество во власти медиапроцессов : монография. М. : ИНФРА-М, 2021. 187 с.
- Королева М.Н. Параинформационные приемы и стратегии СМИ в освещении катастроф природного характера // Меди@льманах. 2020. № 1. С. 68–78.
- Кузнецова А.В. Проблемы информации и энтропии в медиатексте : автореф. дис. ... филол. наук. Ростов-на-Дону, 2012. 25 с.
- Мельникова А.В. Проблема освещения информации о ЧС в России: эффект «вторично пострадавшего» телезрителя // Социология. 2018. № 1. С. 211–215.
- Панченко Н.Н. Правда и искренность в экологичной / неэкологичной коммуникации // Научный диалог. 2012. № 12. С. 124–135.
- Петрова Н.Е. Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие. 6-е изд. М. : Флинта, 2022. 160 с.
- Полудина В.П. Информационный шум в интернете как проблема потребления коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5. С. 386–394.
- Пронин Е.И., Пронина Е.Е. Медиапсихология: новейшие информационные технологии и феномен человека // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 151–161.

- Современное радио в России : учеб. пособие / под ред. Г.Г. Щепиловой, Л.А. Кругловой. М. : Аспект Пресс, 2021. 160 с.
- Сухарников П.В. Освещение чрезвычайных происшествий в новостном вещании зарубежных и российских телеканалов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 1(69). С. 153–158.
- Шайхутдинова Л.С. Социальная ответственность средств массовой информации в современных условиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-3. С. 206–208.
- Шарков Ф.И. Современные механизмы повышения социальной ответственности и саморегулирования профессиональной журналистской деятельности // Коммуникология. 2015. Т. 3. № 1. С. 55–64. EDN: TSEQWP
- Antunes M.N., da Silva Pereira S., Zêzere J.L., Oliveira A.E. Disaster journalism in print media: analysis of the top 10 hydrogeomorphological disaster events in Portugal, 1865–2015 // *International Journal of Disaster Risk Science*. 2022. Vol. 13. P. 521–535. <https://doi.org/10.1007/s13753-022-00425-2>
- Backholm K., Idas T. In the aftermath of a massacre: traumatization of journalists who cover severe crises // *Media Health: The Personal in Public Stories* / Eds. H. Hornmoen, B.K. Fonn, N. Hyde-Clarke, Y.B. Hågvar. Oslo : Scandinavian University Press, 2020. P. 236–254. <https://doi.org/10.18261/9788215040844-2020-12>
- Debord G. *La Société du Spectacle*. Paris : Gallimard, 1969.
- Dworznik-Hoak G. Emotional labor during disaster coverage: exploring expectations for emotional display // *Journalism Practice*. 2020. Vol. 16. No. 5. P. 864–882. <https://doi.org/10.1080/17512786.2020.1816858>
- Englund L., Johannesson K.B., Arnberg F.K. Reporting under extreme conditions: journalists' experience of disaster coverage // *Frontiers in Communication*. 2023. Vol. 8. Article 1060169. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2023.1060169>
- Fahmy S., Johnson T. J. Show the truth and let the audience decide: a web-based survey showing support among viewers of *Al-Jazeera* for use of graphic imagery // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2007. Vol. 51. No. 2. P. 245–264. <https://doi.org/10.1080/08838150701304688>
- Lester L., Hutchins B. Soft journalism, politics and environmental risk: An Australian story // *Journalism*. 2012. Vol. 13. No. 5. P. 654–667. <https://doi.org/10.1177/1464884911421706>
- Mogensen K. Television journalism during terror attacks // *Media, War & Conflict*. 2008. Vol. 1. No. 1. P. 31–49. <https://doi.org/10.1177/1750635207087624>
- Puente S., Pellegrini S., Grassau D. Journalistic challenges in television coverage of disasters: lessons from the February 27, 2010, earthquake in Chile // *Communication & Society*. 2013. Vol. 26. No. 4. P. 103–125. <https://doi.org/10.15581/003.26.36062>
- Wilke J., Heimprecht C., Cohen A. The geography of foreign news on television: a comparative study of 17 countries // *The International Communication Gazette*. 2012. Vol. 74. No. 4. P. 301–322.

References

- Antunes, M.N., da Silva Pereira, S., Zêzere, J.L., & Oliveira A.E. (2022). Disaster journalism in print media: analysis of the top 10 hydrogeomorphological disaster events in Portugal, 1865–2015. *International Journal of Disaster Risk Science*, 13, 521–535. <https://doi.org/10.1007/s13753-022-00425-2>
- Backholm, K., & Idas, T. (2020). In the aftermath of a massacre: traumatization of journalists who cover severe crises. In H. Hornmoen, B.K. Fonn, N. Hyde-Clarke, & Y.B. Hågvar (Eds.), *Media Health: The Personal in Public Stories* (pp. 236–254). Scandinavian University Press. <https://doi.org/10.18261/9788215040844-2020-12>

- Bervenova, O.V. (2007). *Compensatory Media Resources in Emergency Situations* [Doctoral dissertation, Presidential Academy]. Moscow. (In Russ.)
- Bykov, D.V. (2022). TV news: from information to entertainment. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 11(3), 528–544. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(3\).528-544](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(3).528-544)
- Grabelnikov, A.A., Volkova, I.I., & Gegelova N.S. (2008). *Organization of Information Production on Television*. RUDN University Publ. (In Russ.)
- Debord, G. (1969). *La Société du Spectacle*. Paris: Gallimard.
- Dworznik-Hoak, G. (2020). Emotional labor during disaster coverage: exploring expectations for emotional display. *Journalism Practice*, 16(5), 864–882. <https://doi.org/10.1080/17512786.2020.1816858>
- Dzyaloshinsky, I.M., & Pilgun, M.A. (2011). *Media Text: Features of Creation and Functioning*. HSE University Publ. (In Russ.)
- Efanov, A.A. (2021). *Society is Dominated by Media Processes*. Moscow: INFRA-M Publ. (In Russ.)
- Englund, L., Johannesson, K.B., & Arnberg, F.K. (2023). Reporting under extreme conditions: journalists' experience of disaster coverage. *Frontiers in Communication*, 8, 1060169. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2023.1060169>
- Fahmy, S., & Johnson, T.J. (2007). Show the truth and let the audience decide: a web-based survey showing support among viewers of *Al-Jazeera* for use of graphic imagery. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 51(2), 245–264. <https://doi.org/10.1080/08838150701304688>
- Koroleva, M.N. (2020). Media parainformation techniques and strategies in covering natural disasters. *Media Almanah Journal*, (1), 68–78. (In Russ.)
- Kuznetsova, A.V. (2012). *Problems of Information and Entropy in the Media Text* [Doctoral dissertation, Southern Federal University]. Rostov-on-Don. (In Russ.)
- Lester, L., & Hutchins, B. (2012). Soft journalism, politics and environmental risk: An Australian story. *Journalism*, 13(5), 654–667. <https://doi.org/10.1177/1464884911421706>
- Melnikova, A.V. (2018). The problem of coverage of information about emergencies in Russia: the effect of a “secondarily injured” viewer. *Sociology*, (1), 211–215. (In Russ.)
- Mogensen, K. (2008). Television journalism during terror attacks. *Media, War & Conflict*, 1(1), 31–49. <https://doi.org/10.1177/1750635207087624>
- Panchenko, N.N. (2012). Truth and sincerity in ecological / non-ecological communication. *Nauchnyi Dialog (Scientific Dialogue)*, (12), 124–135. (In Russ.)
- Petrova, N.E., & Ratsiburskaya, L.V. (2022). *The Language of Modern Media: Means of Verbal Aggression* (6th ed.). Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Poludina, V.P. (2011). Information noise on the Internet as a problem of communication consumption. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 14 (5), 386–394. (In Russ.)
- Pronin, E.I., & Pronina, E.E. (2013). Media-psychology and human phenomenon. *Social Sciences and Contemporary World*, (2), 151–161. (In Russ.)
- Puente, S., Pellegrini, S., & Grassau, D. (2013). Journalistic challenges in television coverage of disasters: lessons from the February 27, 2010, earthquake in Chile. *Communication & Society*, 26(4), 103–125. <https://doi.org/10.15581/003.26.36062>
- Shaikhutdinova, L.S. (2016). Social responsibility of mass media under modern conditions. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, (12-3), 206–208. (In Russ.)
- Sharkov, F.I. (2015). Modern mechanisms for increasing social responsibility and self-regulation of professional journalism. *Communicology*, 3(1), 55–64. (In Russ.) EDN: TSEQWP
- Shchepilova, G.G., & Kruglova, L.A. (Eds.). (2021). *Sovremennoe radio v Rossii* [Modern radio in Russia]. Moscow: Aspect Press.
- Sukharnikov, P.V. (2016). Lighting emergency incidents in news broadcasting Russian and foreign TV channels. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, (1), 153–158. (In Russ.)

- Volkova, I.I. (2019). TV channels on YouTube: reasons for inefficiency. *Journalism in 2018: Creativity, Profession, Industry: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, February 6–8, Moscow*. (pp. 468–469). Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Wilke, J., Heimprecht, C., & Cohen, A. (2012). The geography of foreign news on television: a comparative study of 17 countries. *The International Communication Gazette*, 74(4), 301–322.

Сведения об авторах:

Арсентьева Галина Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры телепроизводства и цифровых коммуникаций, Казанский федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Российская Федерация, Республика Татарстан, 420111, Казань, ул. Кремлевская, д. 35. ORCID: 0000-0002-0783-6674; SPIN-код: 5251-8798. E-mail: leo2411@mail.ru

Даутова Резида Вагизовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры телепроизводства и цифровых коммуникаций, Казанский федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Российская Федерация, Республика Татарстан, 420111, Казань, ул. Кремлевская, д. 35. ORCID: 0000-0003-0125-8727; SPIN-код: 6181-0859. E-mail: RVagiz@yandex.ru

Ашур Хая Юсеф Джамиль, кандидат филологических наук, доцент, Колледж медиа и массовых коммуникаций, Американский университет в Эмиратах, Объединенные Арабские Эмираты, 503000, Дубай, Международный академический городок Дубая. ORCID: 0000-0002-5532-5924; SPIN-код: 3809-2897. E-mail: haya.ashour@aue.ae

Bio notes:

Galina L. Arsenteva, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of TV Production and Digital Communications, Kazan Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, 35 Kremlevskaya St, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0783-6674; SPIN-code: 5251-8798. E-mail: leo2411@mail.ru

Rezida V. Dautova, Grand PhD in History, Associate Professor, Professor of the Department of TV Production and Digital Communications, Kazan Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, 35 Kremlevskaya St, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0125-8727; SPIN-code: 6181-0859. E-mail: RVagiz@yandex.ru

Haya Yu.J. Ashour, PhD in Philology, Assistant Professor Mass Media, College of Media and Mass Communication, American University in the Emirates, Dubai Intl. Academic City, Dubai, 503000, United Arab Emirates. ORCID: 0000-0002-5532-5924; SPIN-code: 3809-2897. E-mail: haya.ashour@aue.ae

ВИЗУАЛЬНЫЕ МЕДИА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ VISUAL MEDIA IN THE DIGITAL SPACE

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-887-901
EDN: SPPIYS
УДК 791:070

Научная статья / Research article

Вертикальный поворот китайских сериалов: влияние практик мобильного просмотра на индустрию и нарратив

Л. Си¹ , А.А. Новикова^{2,3} , Ц. Сун^{4,5}

¹ *Российский университет дружбы народов, Москва, Россия*

² *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

³ *Государственный институт искусствознания Министерства культуры Российской Федерации, Москва, Россия*

⁴ *Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай*

⁵ *Харбинский университет, Харбин, Китай*

✉ 1042238016@pfur.ru

Аннотация. Цель – выявить влияние практик мобильного просмотра на нарративные стратегии и экономику индустрии веб-сериалов. Актуальность работы обусловлена стремительным ростом рынка вертикального видео, его растущим влиянием на глобальную медиainдустрию. При этом данный формат остается недостаточно изученным в академическом дискурсе на русском языке. Методология исследования включает обзорно-аналитический метод, формально-нарративный и дискурсивный анализ, а также анализ индустриальных данных. На основе изучения более 20 конкретных сериалов и отчетов аналитических агентств выявляются специфические черты формата. Дано развернутое определение вертикального микросериала как модульной, оптимизированной для мобильных платформ аудиовизуальной формы. Выявлены ключевые нарративные особенности: ориентация на сюжет (plot-driven), а не на развитие характера; использование особых приемов – крючков и клиффхэнгеров; компенсация предсказуемости сюжета за счет визуальной зрелищности. Обнаружена амбивалентная роль формата: с одной стороны, тематическая свобода и использование актуального интернет-языка, с другой – зависимость от адаптаций (IP) и риск творческой однородности. Проанализирована трансформация бизнес-моделей индустрии в сторону алгоритмической дистрибуции и детализированных схем монетизации, интегрированных в экосистему коротких видео. Делается

© Си Л., Новикова А.А., Сун Ц., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

вывод о том, что вертикальный микросериал представляет собой перспективный универсальный формат, чей успех основан на уникальном сочетании релевантной медиаформы, интерактивных практик потребления и коммерческой эффективности, что обеспечивает ему потенциал для глубокой интеграции в глобальное медиaprостранство.

Ключевые слова: Китай, микросериал, вертикальный формат, модульный нарратив, мобильная медиасреда

Вклад авторов. Концептуализация, сбор и анализ данных, написание рукописи – Си Линь; теоретическое обоснование, проверка и анализ данных, редактирование рукописи – А.А. Новикова; сбор и анализ данных, унификация текста – Сун Цзямэй. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 июня 2025 г.; отрецензирована 24 июля 2025 г.; принята к публикации 8 сентября 2025 г.

Для цитирования: Си Л., Новикова А.А., Сун Ц. Вертикальный поворот китайских сериалов: влияние практик мобильного просмотра на индустрию и нарратив // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 887–901. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-887-901>

Vertical Turn of Chinese Series: Impact of Mobile Viewing Practices on Industry and Narrative

Lin Xi¹, Anna A. Novikova^{2,3}, Jiamei Song^{4,5}

¹ *RUDN University, Moscow, Russian Federation*

² *HSE University, Moscow, Russian Federation*

³ *The State Institute for Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

² *Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China*

⁴ *Harbin University, Harbin, People's Republic of China*

 1042238016@pfur.ru

Abstract. The aim is to identify the impact of mobile viewing practices on narrative strategies and economics of the web series industry. The relevance of the work is due to the rapid growth of the vertical video market and its growing influence on the global media industry, while this format remains insufficiently studied in academic discourse in Russian. The research methodology includes an overview-analytical method, formal narrative and discursive analysis, as well as analysis of industrial data. Based on the study of more than 20 specific series and reports from analytical agencies, the specific features of the format are revealed. A detailed definition of vertical microseries is given as a modular audiovisual form optimized for mobile platforms. The key narrative features are revealed: plot-driven orientation rather than character development; the use of “hooks” and cliffhangers; compensation for the predictability of the plot due to visual entertainment. The ambivalent role of the format is revealed: on the one hand,

thematic freedom and the use of the current Internet language, on the other – dependence on adaptations (IP) and the risk of creative homogeneity. The transformation of the industry's business models towards algorithmic distribution and detailed monetization schemes integrated into the ecosystem of short videos is analyzed. It is concluded that the vertical microseries is a promising universal format, whose success is based on a unique combination of relevant media forms, interactive consumption practices and commercial efficiency, which provides it with the potential for deep integration into the global media space.

Keywords: China, microseries, vertical format, modular narrative, mobile media environment

Authors' contribution. Conceptualization, data collection & analysis, manuscript writing – Xi Lin; theoretical justification, data verification & analysis, manuscript editing – A.A. Novikova; data collection & analysis, text unification – Song Jiamei. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 10, 2025; revised July 24, 2025; accepted September 8, 2025.

For citation: Xi, L., Novikova, A.A., & Song, J. (2025). Vertical Turn of Chinese Series: Impact of Mobile Viewing Practices on Industry and Narrative. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 887–901. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-887-901>

Введение

Глубокая трансформации медиасреды, вызванная стремительным развитием мобильного интернета, технологий алгоритмических рекомендаций, способов создания, распространения и потребления аудиовизуального контента, способствовала эволюции формата сериала. Вследствие этого мы наблюдаем взлет популярности вертикальных микросериалов, существенно отличающихся от предшественников – телесериалов, веб-сериалов и горизонтальных коротких сериалов. Телесериалы многие годы оставались важнейшей составляющей медиавещания. Основными их отличительными характеристиками был продолжительный хронометраж и линейная трансляция, вписанная в сетку вещания телеканала. Подобная модель долгое время доминировала на медиарынке. Сериалы «сложного телевидения» (Mittell, 2015, р. 17–54), появившиеся в 1990 гг., предложили зрителям драматургически многослойные, визуально изысканные повествования, предполагающие знание зрителем культурных контекстов и способность интерпретировать аудиовизуальные тексты.

Китайские сериалы, как и в других странах, с 1950 гг. претерпели существенные изменения. Они занимают важное место в национальном телевидении и давно стали ключевым форматом для трансляции национальной идеологии. В XXI в., на фоне распространения интернета и совершенствования инфраструктуры широкополосного вещания, на китайском медиарынке утвердились платформы, публикующие видеоконтент длинного хронометража –

Youku, iQIYI и Tencent Video. Это привело к появлению и институционализации нового формата – веб-сериалов, адаптировавших опыт телесериалов к «платформенной логике», связанной с отказом от «программного» вещания. Новизна формата была не только в доступе к просмотру, но и в новых производственных практиках, содержании и структуры нарративов. На первом этапе началась циркуляция контента между различными медиаплатформами, на втором – произошло их слияние и перестройка. Возникновение онлайн-сериалов и стриминговых платформ изменило расклад сил в индустрии производства видеоконтента. Появились гибкие и разнообразные форматы экранных зрелищ, расширился выбор для аудитории, но одновременно повествования стали клишированными, а режиссерские приемы стандартизированными. Продюсеры новых сериалов учли опыт зрительского взаимодействия с трансмедийными повествованиями (Arkhangelsky¹, Novikova, 2023, p. 318), успех видеоблогов на YouTube и коротких видео в TikTok (Kaye et al., 2022, p. 7). Это привело к появлению кратких, динамичных, имеющих высокую плотность содержания микросериалов, отвечающих потребностям современной молодой аудитории и ее типу восприятия (Новикова, Романичева, 2021, с. 108).

Сегодня можно говорить о переходе к мобильной медиасреде с основным контентом в виде коротких видеоформатов. Распространение вертикального микросериала свидетельствует о смещении центра медиавлияния с десктопных на мобильные устройства и возникновении экосистемы: «короткий сериал + платформа», ориентирующиеся на алгоритмическую дистрибуцию и «пользовательскую центричность».

Популярность микросериалов в Китае растет с 2017 г. и связана с распространением мобильных устройств и ростом платформ для размещения коротких видео (например, Douyin) (Лю Юй, 2024). Массовое распространение вертикальных микросериалов в Китае и в других странах началось в 2023 г. Согласно Отчету об экосистеме индустрии микросериалов (China Netcasting Services Association, 2024) в 2024 г. в КНР было выпущено на 26 % меньше горизонтальных сериалов, чем в 2023 г., и почти на 35 % больше вертикальных². К июню 2024 г. количество пользователей микросериалов в Китае составило 52,4 % от общего числа интернет-пользователей страны. Ожидается, что общий объем рынка онлайн-коротких сериалов в Китае к 2027 г. превысит 13,81 млрд долл.

На работу китайской индустрии онлайн-сериалов влияет строгая регламентация Главного управления радио и телевидения КНР. В частности, в выпущенном им в 2023 г. документе (NRTA, 2023) продолжительность веб-сериалов была ограничена: одна серия не должна превышать 45 мин, а весь сериал

¹ Alexander Arkhangelsky в РФ признан иностранным агентом.

² 2024 nian weidianju hangye shengtai dongcha baogao. [Insight Report on the Ecosystem of the Micro-Short Drama Industry in 2024.] // China Netcasting Services Association. 2024. (In Chin.) URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/m8BxvElkKYkH168J6DkC7A> (accessed: 19.09.2025).

может состоять не более чем из 40 серий³. Поскольку длинные сериалы по-прежнему требуют значительных затрат времени и средств (производство одной серии может обходиться в 2–4 млн юаней, а в случае премиальных проектов – свыше 5 млн), производителям оказывается выгоднее переключиться на производство более дешевых вертикальных микросериалов (их производство в среднем стоит 200–300 тыс. юаней, а весь производственный цикл от подготовки до релиза может занимать всего 1–2 недели). Вертикальные микросериалы состоят обычно из 60–120 серий, что с учетом модели быстрого производства выгодно их создателям (Дэн Мэн, 2025). Гигантский рост спроса на такую продукцию, зафиксированный аналитиками, и обусловил актуальность представленного исследования.

Современные форматы аудиовизуального контента, имеющие сверхкороткий хронометраж, вызывают большой интерес у академического сообщества. Однако значительная часть научной дискуссии происходит на китайском и английском языках (Вэй Ифэй, Чжао Синьжань, 2024; Ху, 2025). Она затрагивает темы новых повествовательных стратегий, эмоционализации мобильных медиа, новых продюсерских практик и др. Научная дискуссия на русском языке рассматривает микроформаты как способ презентации новостных материалов (Проскурнова и др., 2023) или инструмент маркетинга (Дин, 2024). Обсуждение художественной специфики «микрокино» только начато (Proskurnova et al., 2024). Считаем важным развивать эту дискуссию на материале микросериалов, поскольку этот формат оказывает существенное влияние на развитие медиаиндустрии и зрелищной культуры. Он отвечает ожиданиям аудитории, стремящейся фрагментировать свою деятельность, совмещая ее с мобильным потреблением информации и развлечений.

Материалы и методы

Рассматривается феномен вертикального микросериала с учетом трех ключевых аспектов, влияющих на его формирование: развитие медиаплатформ и производственных механизмов; изменение нарративной модели (включающей драматургические и режиссерско-постановочные приемы сторителлинга); трансформация практик медиапотребления. Авторы стремятся следовать подходу, предложенному Юрием Лотманом и реконструированному Суреном Золяном (2022, с. 171), описывающему не только текст, но и процессы текstopорождения, интерпретации и коммуникации вокруг него. В случае с поликодовыми текстами экранных медиа такая оптика еще более важна из-за увеличения интерактивности и эмоционального вовлечения аудитории при получении коллективного зрительского опыта (Novikova, Lerner, 2024, p. 212).

³ Guojia guangbo dianshi zongju guanyu jinyibu guifan dianshiju, wangluoju, wangluo dianying guihua beian he neirong shencha deng youguan shixiang de tongzhi (Guangdianfa [2023] No. 26). [Notice on Further Regulating the Planning, Filing, and Content Review of TV Dramas, Online Dramas, and Online Films (NRTA [2023] No. 26).] // NRTA (National Radio and Television Administration). 2023. (In Chin.) URL: https://gbdsj.gd.gov.cn/zwgk/zcfg/content/post_4262402.html (accessed: 19.09.2025).

На первом этапе исследования выявляются черты, сближающие вертикальный сериал и микрокино, при помощи обзорно-аналитического метода и формально-нарративного анализа. Это позволяет обозначить микросериалы, наиболее полно отражающие специфику формата. На втором этапе они анализируются с позиций киноведения и с применением дискурсивного анализа, позволяющего охарактеризовать содержательную специфику китайских мини-драм. На заключительном этапе, опираясь на анализ индустрии мобильных медиа и медиапрактик, рассматривается место этих сериалов в онлайн-коммуникации и практики взаимодействия с ними пользователей.

Результаты и обсуждение

В исследовании мы отталкивались от предложенного российскими авторами определения «микрокино» (Proskurnova et al., 2024), которые полагают, что эта форма киноискусства, существующая на границе онлайн-среды и киноиндустрии, отличается гибкостью и гибридной природой, а также фиксируют несколько ее фундаментальных характеристик: хронометраж от нескольких секунд до пяти минут, наличие авторской оригинальной идеи, сосредоточенность на освещении и осмыслении вневременных вопросов. Соглашаясь с этим описанием, мы также считаем важным подчеркнуть положение микросериала на границе онлайн-среды и киноиндустрии, что определяет специфику его медиальности, структуру нарратива и практики взаимодействия аудитории с этим зрелищем. Трансформация этих практик связана с появлением и ростом популярности платформы TikTok, чья эстетика также повлияла на нарратив и формат коротких серийных видео (Kaye et al., 2022). Короткие видеоролики TikTok сформировали новые формы развлечений, обмена информацией и общения молодых зрителей.

На первом этапе исследования был выявлен ключевой принцип, определяющий *нарративную модель* микросериала. Это *принцип модульности*, то есть членения большой истории на много маленьких самостоятельных частей, с которыми пользователь должен познакомиться в один заход. Принцип этот не новый и достаточно хорошо изучен в искусствознании. В прошлые столетия он активно использовался в народном площадном театре, эстрадном театре миниатюр и кинокомедии начала XX в. (Тихвинская, 1995). Том Ганнинг (Gunning, 1990) обнаружил подобный подход в традиционном кино, назвав его «кино аттракционов» (учитывая опыт «монтажа аттракционов» С. Эйзенштейна), и подчеркнул, что основное его воздействие осуществляется не через заверченный сюжет, а через зрелищные элементы, напрямую влияющие на чувства зрителя. В эпоху телевидения искусство скетча (коротких сценок, одноактных пьес или комедийных диалогов), опирающееся на принцип модульности, стало основой для многочисленных телевизионных шоу (Новикова, 2008).

С появлением новых медиа исследователи сразу обозначили модульность как ключевой принцип их повествований (Manovich, 2002, p. 30). Сегодня его

активно продолжают использовать в зрелищной культуре, например в мультипликации (Прохоров, 2020) и индустрии юмористических программ (Isakava, 2023). Однако при высокой степени изученности самих принципов модульности и драматургии коротких зрелищных форм, появление онлайн-сериалов ультракороткого формата ставит перед исследователями новые задачи описания специфики их использования в новых условиях.

Особенности формата и практик потребления вертикальных микросериалов

Первая задача – дать определение «микросериал» и описание его форматных характеристик. Под *микросериалом* мы понимаем *цикл из нескольких десятков коротких аудиовизуальных историй, каждая из которых содержит законченную сцену* (при этом нарратив продолжает развиваться из серии в серию). Нарративы отдельных историй, несмотря на сюжетную простоту и краткость, держат зрителей в эмоциональном напряжении и усиливают вовлеченность за счет использования открытых конфликтов и аттракционов. Этот способ воздействия заимствуется микросериалами из популярного кино и телевизионных сериалов, создающих ощущение захватывающей истории за счет динамичности изменений и серии кульминаций, следующих друг за другом.

На данной момент можно выделить два базовых типа микросериалов, различающиеся по формату кадра и способам распространения: *горизонтальные микросериалы* с соотношением сторон 16:9 единиц⁴ и продолжительностью одной серии от пяти до пятнадцати минут, а также *вертикальные микросериалы* с соотношением сторон 9:16 и длительностью от одной до пяти минут. Первые близки по структуре и эстетике к традиционным фильмам и телесериалам. Они подходят для отображения сложных сцен и многоперсонажных диалогов, требуют от пользователя поворота смартфона или перехода в полноэкранный режим, что характерно и для традиционных видеоплатформ. Вторые оптимизированы под вертикальный интерфейс смартфонов, фокусируются обычно на одном визуальном объекте (чаще всего лице персонажа или предмете). Они рассчитаны на быстрое потребление контента, обеспечивая мгновенное вовлечение зрителя.

Несмотря на то что сериалы обоих типов распространяются преимущественно через мобильные платформы и социальные сети, вторые больше соответствуют, по мнению исследователей (Вэй Ифэй, Чжао Синьжань, 2024), привычкам мобильного медиапотребления, а также моделям и темпам производства контента. Будучи продуктом мобильной видеоэпохи, они трансформируются исходя из ее логики. Продолжительность серий становится все более короткой, структура нарратива фрагментированной и гибкой.

⁴ Соотношение сторон 16:9 означает, что ширина экрана (изображения) составляет 16 единиц, а высота – 9 единиц. Это современный широкоформатный стандарт для большинства телевизоров, мониторов, а также фильмов и видеоигр.

Микросериалы не требуют от зрителя сложного интерпретативного взаимодействия, что снижает «порог входа» для публики и увеличивает их популярность. Просматривая эпизоды сериала в транспорте или во время коротких перерывов, зритель быстро получает эмоционально насыщенное развлечение и целостный (или почти целостный) нарратив, отражающий знакомый социальный опыт.

Вторая задача – описание особенностей драматургии ультракоротких вертикальных сериалов. Традиционные для кино и телесериалов многоактные структуры в этом случае трудно реализуемы из-за жестких ограничений по хронометражу (длительность эпизода составляет 1–5 мин), поэтому нарратив имеет особую структуру. В ходе исследования проанализировали более 20 вертикальных сериалов и во всех отметили стремление к мгновенному погружению зрителя в сюжет. При этом чаще всего пропускается экспозиция и предыстория, а персонажей представляют с помощью визуальных меток и субтитров. Например, при первом появлении героя может быть написано: «Андрей, отец Анны». Ключевую роль в этой структуре играют два приема: хук (hook) и клиффхэнгер (cliffhanger). Уже на первых секундах серии используется хук, который демонстрирует центральный конфликт и мгновенно захватывает внимание зрителя. А в финале эпизода часто применяется клиффхэнгер, создающий напряженное ожидание и стимулирующий интерес к следующей серии.

В отличие от традиционных сериалов, для которых важна арка героя (иначе говоря, развитие действия часто идет через развитие характера – character-driven), вертикальные микросериалы опираются прежде всего на арку сюжета (plot-driven) (Brey, 2024). Развитие сюжета за счет внезапных внешних событий и цепочки непрерывных стимулов, формирующих драматическое напряжение, напоминает голливудский экшен или комиксы вселенной Marvel. Главный герой, оказавшись перед лицом неожиданной дилеммы, преодолевает серию испытаний и достигает успеха. Схема: конфликт – неожиданный поворот сюжета – кульминация, несмотря на предельную сжатость, держит напряжение и дает мгновенное удовлетворение от развязки. Это и есть главный механизм нарративного удовольствия (pleasure-driven narrative), привлекающий зрителей микросериалов, переходящих от модуля (серии) к модулю.

Финалы вертикальных микросериалов, как правило, предсказуемы: зритель нередко может предугадать развитие событий уже в первые секунды повествования. Чтобы компенсировать снижение интереса, вызванное этой предопределенностью, внимание зрителей акцентируется на визуальной насыщенности и выразительности формы подачи. Таким образом, именно зрелищность, по мнению исследователей нового формата, выступает в роли ключевого компенсаторного механизма, поддерживающего силу эмоционального воздействия (Ван Инцян, Цю Чжанхун, 2025).

Важный фактор, влияющий на популярность вертикальных микросериалов в КНР, касается их содержания. В отличие от длинных сериалов, подлежа-

щих в Китае строгому нормативному контролю⁵ (Zeng, Sparks, 2018), веб-сериалы, особенно вертикальные, обладают относительной свободой в выборе тем. Они смело включают эпизоды сексуальных отношений и курения, сцены с участием мафии и потусторонних существ, реинкарнации и путешествий во времени т.д. Работа с этими темами, практически недоступными для традиционных сериалов, становится для микросериалов мощным инструментом вовлечения аудитории и достижения эмоционального резонанса с ней.

При этом очевидная проблема индустрии связана с тем, что продюсеры веб-сериалов избегают оригинальных сценариев, предпочитая адаптировать известные литературные или поп-культурные истории (IP – Intellectual Property), обладающие фанатской базой и коммерческим потенциалом, снижая риски и повышая привлекательность нового произведения. В результате большинство проектов – это адаптации, что приводит к однотипности сюжетов. Например, сериал «Какая хорошая девочка» (好一个乖乖女), поставленный по одноименному роману, достиг больших коммерческих результатов, за которым последовало еще две экранизации – «Голос во тьме» (鸣冥) и «Роза на ладони» (手心里的玫瑰). Аналогичная ситуация наблюдается с романом «Он слишком дикий» (他过分野), который был экранизирован восемь раз. Различия между версиями сводятся в основном к визуальному оформлению и актерскому составу, тогда как их нарративная структура остается практически неизменной, что ведет к снижению зрительского интереса. Проведенное исследование показывает, что китайская индустрия вертикальных сериалов остро нуждается в профессиональных сценаристах, способных разрабатывать оригинальные концепции специально для коротких форматов, учитывая меняющиеся запросы аудитории и перспективу дальнейшего выхода на международные рынки.

На популярность вертикальных микросериалов также влияет использование более демократичного языка коммуникации. В реплики героев и субтитры вертикальных микросериалов широко внедряются интернет-мемы и популярные выражения, что обеспечивает мгновенный отклик у аудитории. Благодаря короткому производственному циклу и высокой скорости публикации, эти сериалы успевают задействовать «горячие мемы» в момент их пикового присутствия в интернет-дискурсе. Это стимулирует стремление зрителей ставить лайки и оставлять комментарии, в частности отправлять «данму» – плавающие комментарии, чрезвычайно популярные у азиатской молодежи (Lu et al., 2025). Реагируя на происходящее в реальном времени, зрители ощущают эмоциональную вовлеченность, принадлежность к зрительскому сообществу и сопричастность к коллективному цифровому опыту. Это позволяет нам

⁵ Длинные сериалы сосредоточены в основном на городских сюжетах. Продюсеры и дистрибьюторы учитывают риски, связанные с содержанием, поэтому избегают других жанров. Например, исторические драмы требуют высокой точности деталей и не допускают искажения истории; криминальные сериалы могут содержать элементы, которые трактуются как подстрекательство к насилию, потому запрещены; комедийные длинные сериалы в современных условиях трудно создать так, чтобы они удовлетворяли зрителей. В результате именно городские драмы остаются наиболее стабильным жанром для традиционных сериалов.

говорить о высокой интерактивности микросериалов, определяющей специфику их медиальности. Также для понимания природы этих сериалов как зрелища, нам важно описать их место в экосистеме коротких видео.

Китайская индустрия онлайн-сериалов на пути к глобальной коммерческой экосистеме

На третьем этапе исследования рассмотрели китайские вертикальные микросериалы как часть индустрии мобильных медиа. Сегодня они активно распространяются через платформы коротких видео Douyin, Xiaohongshu, Kuaishou, использующие алгоритмы и большие данные для анализа поведения пользователей и точечной дистрибуции контента. Случайно наткнувшись на один из эпизодов зрелища, человек может найти полный сериал на той же платформе, что удобно и повышает трафик и для платформы, и для контента. Это выгодно отличает вертикальные микросериалы от горизонтальных и классических сериалов, которые труднее интегрировать в экосистему коротких видео. Даже если их фрагмент вызывал интерес, пользователю нужно переходить на другую платформу, что снижает вовлеченность.

Начиная со второй половины 2023 г. наблюдается стремительный рост числа приложений для зарубежного распространения китайских коротких сериалов. Основными драйверами роста загрузок выступили США, Индонезия и Бразилия. Более 70 % трафика обеспечивалось за счет модели продвижения Web2App, при этом ключевыми каналами выступили платформы Meta⁶ и TikTok. В 2024 г. общее число загрузок таких приложений по всему миру выросло в 11 раз по сравнению с 2023 г. Объем доходов от внутриигровых покупок (in-app purchases) составил 570 млн долл. США, что в 12 раз превышает показатель предыдущего года⁷.

Эти данные свидетельствуют о том, что китайские короткие сериалы постепенно формируют глобальную коммерческую экосистему. На этом фоне наблюдается стремительное повышение качества и уровня профессионализации вертикального контента. Все больше профессиональных продюсерских команд, режиссеров и актеров вовлекаются в разработку коротких сериалов, платформы открывают специальные разделы для микросериалов. Приток инвестиций и технологические инновации превращают данный формат в важнейшее направление цифрового контентного производства (Лю Цзин, 2022).

Несмотря на государственное регулирование, медиабизнес КНР успешно развивается. С эволюцией медиаплатформ и производственных моделей диверсифицировались и механизмы распределения доходов. Эта тема также важна для нашего исследования, так как интересы бизнеса влияют на развитие медиаформатов. Традиционные телесериалы в основном полагались на

⁶ Признана экстремистской организацией в России.

⁷ 2025 nian shang bannian haiwai weiduanju hangye shuju dongcha baogao. [First Half of 2025: Overseas Micro-short Drama Industry Data Insight Report.] // DataEye. 2025. URL: <https://www.data-eye.com/report.html?key=2025H1%E6%B5%B7%E5%A4%96%E5%BE%AE%E7%9F%AD%E5%89%A7%E6%95%B0%E6%8D%AE%E6%8A%A5%E5%91%8A> (accessed: 19.09.2025).

доходы от рекламы и продажи авторских прав, что обеспечивало относительно стабильные отношения между производителями и вещателями и не требовало мгновенной реакции на запросы аудитории. Веб-сериалы используют комбинированные модели, предполагающие фиксированный лицензионный сбор плюс процент от доходов или пропорциональное участие в прибыли. Они зависят от количества просмотров, длительности удержания зрителя, доходов от рекламы и системы платного доступа. Схема монетизации сериалов в эпоху доминирования коротких видео, ориентированных на мобильные платформы, становится еще более детализированной: сюда входят доли от трафика, рекламное партнерство, коммерческая интеграция, платный доступ через мини-приложения и стимулирующие механизмы платформ. Все эти элементы, глубоко встроенные в алгоритмическую логику, учитывающие пользовательскую активность и цифровую дистрибуцию, приводят к фундаментальным сдвигам в структуре доходов индустрии сериалов (Ван Фан, Чжу Цзени, 2023) и регулярным переформатированиям. От модели, основанной на лицензировании авторских прав, она переходит к динамической системе, управляемой пользовательскими данными и алгоритмическими механизмами дистрибуции. Таким образом, мы можем говорить о том, что по мере перехода медиаплатформ от телевидения к интернету и далее – к мобильным устройствам, китайская индустрия сериального производства значительно изменилась с точки зрения логики вещания, моделей производственной экономики и схем монетизации, что влияет на форматы коммуникации с аудиторией.

В связи с высокой частотой попадания в пользовательские ленты и сильной вовлеченности аудитории, вертикальные микросериалы приобретают все больший рекламно-коммерческий характер. Они становятся эффективной платформой для нативной рекламы и прямых продаж, что способствует интеграции развлекательного контента с коммерческим. Это ведет к трансформации отрасли в сторону более системной и регулируемой модели развития, но не всегда положительно влияет на творческий уровень микросериалов, вынуждая продюсеров учитывать интересы не только зрителей, но и рекламодателей. Также необходимо учитывать, что продолжающийся рост влияния вертикальных микросериалов может быстро привести к усилению их государственного регулирования. На раннем этапе развития веб-сериалы и интернет-фильмы тоже были популярны благодаря тематической свободе, но вскоре подверглись строгому контролю со стороны государства. Так что в будущем вертикальные микросериалы в КНР могут столкнуться с серьезными вызовами в области творческой свободы и динамики отраслевого развития.

Заключение

Проведенное исследование позволяет дать развернутое определение и описание изучаемого формата. Под вертикальным микросериалом предлагаем понимать модульную историю, состоящую из ультракоротких (1 до 5 мин) эпизодов, снятых под современный формат мобильного видео (соотношение

сторон 9:16 единиц) и объединенных в единой цикл (60–120 серий) сквозным сюжетом, персонажами или темой. Каждая серия такого сериала, как правило, имеет самостоятельный сюжет с сильным конфликтом в начале и достаточно предсказуемым развитием действия, вовлеченность в которое обеспечивается активным использованием аттракционов, вниманием к деталям, яркой визуальной эстетикой и употреблением современной лексики. Тематика вертикальных микросериалов выходит за рамки цензурных ограничений, характерных для Китая, и активно использует фантастические мотивы, пользующиеся популярностью у аудитории, а также поднимает острые социальные темы и проблемы, волнующие подростков и молодежь.

Успех вертикальных микросериалов обусловлен уникальным сочетанием их медийной формы и способов дистрибуции, тематического разнообразия, эмоционально вовлекающих приемов сторителлинга и возможностей интерактивного взаимодействия с другими зрителями непосредственно в процессе просмотра. Все это делает их максимально релевантными современной медиасистеме, где особенно востребован фрагментированный, легкий и быстрый контент, соответствующий психологическим ожиданиям зрителя. Наше исследование доказывает, что вертикальные микросериалы представляют собой перспективный и динамично развивающийся формат цифрового контента, обладающий высоким потенциалом универсальности. Их способность достигать устойчивого баланса между коммерческой эффективностью, оригинальностью и нормативной допустимостью становится определяющим фактором, обеспечивающим не только их рыночную жизнеспособность, но и возможность глубокой культурной интеграции в глобальное медиaprостранство.

Список литературы

- Ван Инцян, Цю Чжанхун (王颖倩, 邱章红). Шису дэ тунхуа – ванлуо вэйдунаньцзюй дэ хуаю люцзи. [Светская сказка – дискурсивная логика интернет-микросериалов; 世俗的童话 – 网络微短剧的话语逻辑.] // Дандай дянъши (Современное телевидение; 当代电视). 2025. № 3. С. 4–10.
- Ван Фан, Чжу Цзени (王方, 朱婕宁). Идун шэцзяо цземеса дэ ванлуо вэйдунаньцзюй шэнчань луцзи чжуаньсян. [Поворот логики производства интернет-микросериалов в условиях интерфейсов мобильных социальных сетей; 移动社交界面下的网络微短剧生产逻辑转向.] // Наньцзин иишу сюэюань сюэбао: иньюэ юй бяоян бан (Вестник Нанкинского университета искусств. Серия: Музыка и сценическое искусство; 南京艺术学院学报: 音乐与表演版). 2023. № 4. С. 145–149.
- Вэй Ифэй, Чжао Синьжань (魏弈飞, 赵欣然). Шупин дуаньцзюй шидай дэ бянъцзюй чанцзо чжуаньсин. [Трансформация сценарного творчества в эпоху вертикальных микросериалов; 竖屏短剧时代的编剧创作转型.] // Сибу гуанбо дянъши (Западное радио и телевидение; 西部广播电视). 2024. Т. 45. № 9. С. 132–135.
- Дин Ваньжу. Короткие видео как новое направление маркетинговых исследований // Дискуссия. 2024. Т. 123. № 2. С. 66–72.
- Дэн Мэн. (邓萌). 2024 нянь дуаньцзюй шичан гуаньча. [Наблюдение за рынком коротких сериалов в 2024 году; 2024年短剧市场观察.] // Чжунго дянъин шичан (Китайский кинорынок; 中国电影市场). 2025. № 3. С. 32–41.

- Золян С.Т. Юрий Лотман: о проблемах языка и языкознания // Вопросы языкознания. 2022. № 1. С. 106–119. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.1.106-119>
- Лю Цзин (刘璟). Ванлуо вэйдуаньцзюй фачжань сяньчжуан цзи цянцзин чутань. [Предварительное исследование современного состояния и перспектив развития интернет-микросериалов; 网络微短剧发展现状及前景初探.] // Сяньдай шытин (Современное аудиовизуальное искусство; 现代视听). 2022. № 11. С. 45–47.
- Лю Юй (刘宇). Мэйцзе шэнтайсюэ шицзяося ванлуо вэйдуаньцзюй жунхэ фачжань яньцзю. [Исследование интегрированного развития интернет-микросериалов с точки зрения медиаэкологии; 媒介生态学视角下网络微短剧融合发展研究.] Шуошы луньвэнь, Хэйлунцзян дасюэ (Магистерская диссертация, Хэйлунцзянский университет; 硕士论文, 黑龙江大学), 2024.
- Новикова А.А. Современные телевизионные зрелища: истоки, формы и методы воздействия. СПб. : Алетейя, 2008. 208 с.
- Новикова А.А., Романичева Е.С. Медиаэкологический подход к развитию современного литературного образования // Литература в школе. 2021. № 4. С. 105–120. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2021-4-105-120>
- Проскурнова Е.Л., Чжу В., Волкова И.И. Опыт размещения новостных материалов в формате коротких видео китайскими телеканалами на платформе Douyin // Наука телевидения. 2023. Т. 19. № 4. С. 233–269. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.4-233-269>
- Прохоров А.В. Эволюция короткометражной анимации студии Pixar // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2020. Т. 5. № 4. С. 54–68.
- Тихвинская Л.И. Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М. : РИК Культура, 1995. 411 с.
- Arkhangelsky A., Novikova A. Transmedia strategies in school literary education: deconstructing kitsch and the semiotics of readerly creativity // Chinese Semiotic Studies. 2023. Vol. 19. No. 2. P. 315–332. <https://doi.org/10.1515/css-2023-2007>
- Brey P. The Bible and Cinema: Artistic-Literary convergences // Poligrafi. 2024. Vol. 29. No. 115/116. P. 165–182.
- Gunning T. The Cinema of Attraction: Early Film, Its Spectator, and the Avant-Garde // Early Cinema: Space, Frame, Narrative / Ed. T. Elsaesser. London : British Film Institute, 1990.
- Isakava V. Scary funny television: “Call DiCaprio!” in local and global contexts // Slavica Tergestina. 2023. Vol. 31. No. 2. P. 130–164. <https://doi.org/10.13137/2283-5482/36098>
- Kaye D.B.W, Zeng J., Wikström P. TikTok: Creativity and Culture in Short Video (Digital Media and Society). Cambridge : Polity, 2022.
- Lu Sijing, Lu Siwen, Liang Lisi. Danmu-Mediated Communication and Audiovisual Translation in the Digital Age. New York : Routledge, 2025. <https://doi.org/10.4324/9781003475422>
- Manovich L. The Language of New Media. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2002.
- Mittell J. Complex TV: The Poetics of Contemporary Television Storytelling. New York : New York University Press, 2015.
- Novikova A., Lerner J. Russian cognitive approaches for studying genres of contemporary electronic communication: interpreting “Sincere Conversations” in new media // Russian Literature and Cognitive Science / Ed. T. Dolack. P. 211–230. Lanham, Maryland : Lexington Books, 2024.
- Proskurnova E., Xi L., Litvincev A., Algavi L. Microcinema: what are the ultra-short films of the digital age? // Media Education. 2024. Vol. 20. No. 2. P. 272–281. <https://doi.org/10.13187/me.2024.2.272>
- Xu X. The narrative domain and industrial restructuring of micro-drama in media fusion: post-film era perspectives // Journal of Arts, Society, and Education Studies. 2025. Vol. 7. No. 2. P. 243.
- Zeng W., Sparks C. Production and politics in Chinese television // Media, Culture & Society. 2019. Vol. 41. No. 1. P. 54–69. <https://doi.org/10.1177/0163443718764785>

References

- Arkhangelsky, A., & Novikova, A. (2023). Transmedia strategies in school literary education: deconstructing kitsch and the semiotics of readerly creativity. *Chinese Semiotic Studies*, 19(2), 315–332. <https://doi.org/10.1515/css-2023-2007>
- Brey, P. (2024). The Bible and Cinema: Artistic-Literary convergences. *Poligrafi*, 29(115/116), 165–182.
- Deng, Meng. (2025). 2024 nian duanju shichang guancha. 2024年短剧市场观察. [Observation Reports of the Short Drama Market in 2024.] *China Film Market*, (3), 32–41. (In Chin.)
- Ding, Wanzhu. (2024). Short-form videos as a new direction in marketing research. *Discussion*, 123(2), 66–72. (In Russ.)
- Gunning, T. (1990). The Cinema of Attraction: Early Film, Its Spectator, and the Avant-Garde. In T. Elsaesser (Ed.), *Early Cinema: Space, Frame, Narrative*. British Film Institute.
- Isakava, V. (2023). Scary funny television: “Call DiCaprio!” in local and global contexts. *Slavica Tergestina*, 31(2), 130–164. <https://doi.org/10.13137/2283-5482/36098>
- Kaye, D.B.W, Zeng, J., & Wikström, P. (2022). *TikTok: Creativity and Culture in Short Video (Digital Media and Society)*. Polity.
- Liu, Jing. (2022). Wangluo weiduanju fazhan xianzhuang ji qianjing chutan. 网络微短剧发展现状及前景初探. [Preliminary Exploration and the Current Situation Prospects of Internet Micro-short Dramas.] *Modern Audiovisual Art*, (11), 45–47. (In Chin.)
- Lu, Sijing, Lu, Siwen, & Liang, Lisi (2025). *Danmu-Mediated Communication and Audiovisual Translation in the Digital Age*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003475422>
- Liu, Yu. (2024). *Meijie shengtaixue shijiao xia wangluo weiduanju ronghe fazhan yanjiu*. Shuoshi lunwen Heilongjiang Daxue. 媒介生态学视角下网络微短剧融合发展研究. 硕士学位论文. [Research on the Integrated Development of Internet Micro-Short Dramas from the Perspective of Media Ecology. Master’s thesis.] Harbin. (In Chin.)
- Manovich, L. (2002). *The Language of New Media*. MIT Press.
- Mittell, J. (2015). *Complex TV: The Poetics of Contemporary Television Storytelling*. New York University Press.
- Novikova, A. (2008). *Contemporary Television Entertainment: Origins, Forms, and Methods of Influence*. Saint Petersburg: Aletheia Publ. (In Russ.)
- Novikova, A., & Lerner, J. (2024). Russian cognitive approaches for studying genres of contemporary electronic communication: interpreting “Sincere Conversations” in new media. In T. Dolack (Ed.), *Russian Literature and Cognitive Science* (pp. 211–230). Lexington Books.
- Novikova, A.A., & Rovanicheva, E.S. (2021). Media ecological orientation in modern literary education. *Literature at School*, (4), 105–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2021-4-105-120>
- Prokhorov, A.V. (2020). Pixar animated short films’ evolution. *Communications. Media. Design*, 5(4), 54–68. (In Russ.)
- Proskurnova, E., Xi, L., Litvincev, A., & Algavi, L. (2024). Microcinema: what are the ultra-short films of the digital age? *Media Education*, 20(2), 272–281. <https://doi.org/10.13187/me.2024.2.272>
- Proskurnova, E.L., Zhu, W., & Volkova, I.I. (2023). Experience of posting news in the format of short videos by Chinese TV channels on Douyin. *The Art and Science of Television*, 19(4), 233–269. (In Russ.) <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.4-233-269>
- Tikhvinskaya, L.I. (1995). *Cabarets and Miniature Theaters in Russia, 1908–1917*. Moscow: RIK Kul’tura Publ. (In Russ.)
- Wang, Fang, & Zhu, Jiening. (2023). Yidong shejiao jiemian xia de wangluo weiduanju shengchan luoji zhuanxiang. 移动社交界面下的网络微短剧生产逻辑转向. [Logic Shift in the Production of Internet Micro-Short Dramas under Mobile Social Media Interfaces.] *Journal of Nanjing University of the Arts (Music and Performance)*, (4), 145–149. (In Chin.)

- Wang, Yingqian, & Qiu, Zhanghong. (2025). Shisu de tonghua – wangluo weiduanju de huayu luoji. 世俗的童话 – 网络微短剧的话语逻辑. [Secular Fairy Tales: The Discourse Logic behind Internet Micro-Short Dramas.] *Contemporary Television*, (3), 4–10. (In Chin.)
- Wei, Yifei, & Zhao, Xinran. (2024). Shuping duanju shidai de bianju chuangzuo zhuanxing. 竖屏短剧时代的编剧创作转型. [Transformation of scriptwriters' creation in the Era of Vertical-screen Micro-Short Dramas.] *Western Radio and Television*, 45(9), 132–135. (In Chin.)
- Xu, X. (2025). The narrative domain and industrial restructuring of micro-drama in media fusion: post-film era perspectives. *Journal of Arts, Society, and Education Studies*, 7(2), 243.
- Zeng, W., & Sparks, C. (2019). Production and politics in Chinese television. *Media, Culture & Society*, 41(1), 54–69. <https://doi.org/10.1177/0163443718764785>
- Zolyan, S.T. (2022). Yuri Lotman: On Problems of language and linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*, (1), 106–119. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.1.106-119>

Сведения об авторах:

Си Линь, аспирантка кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2. ORCID: 0009-0000-2093-8846; SPIN-код: 8888-6053. E-mail: 1042238016@pfur.ru

Новикова Анна Алексеевна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор Института медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; ведущий научный сотрудник, Государственный институт искусствознания Министерства культуры Российской Федерации, Российская Федерация, 125375, Москва, Козицкий переулок, д. 5. ORCID: 0000-0001-6848-875X; SPIN-код: 3743-4698. E-mail: anovikova@hse.ru

Сун Цзямэй, докторант постдокторской исследовательской станции иностранных языков и литературы, Хэйлунцзянский университет, Китайская Народная Республика, 150006, Харбин, ул. Сюефу, д. 74; кандидат филологических наук, старший преподаватель, Харбинский университет, Китайская Народная Республика, 150086, Харбин, пр. Чжунсин, д. 109. ORCID: 0009-0005-4914-662X; SPIN-код: 2071-1078. E-mail: songjiamei2016@gmail.com

Bio notes:

Xi Lin, PhD Student of the Department of Mass Communications, Faculty of Philology, RUDN University, 10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0000-2093-8846; SPIN-code: 8888-6053. E-mail: 1042238016@pfur.ru

Anna A. Novikova, Grand PhD in Culture Studies, PhD in Arts, Professor of the Institute of Media, HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation; Research Fellow, The State Institute for Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation, 5 Kozitsky per., 125375, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6848-875X; SPIN-code: 3743-4698. E-mail: anovikova@hse.ru

Song Jiamei, Postdoctoral Researcher at the Postdoctoral Research Station of Foreign Languages and Literatures, Heilongjiang University, 74 Xuefu St, Harbin, 150006, People's Republic of China; PhD in Philology, Lecturer, Harbin University, 109 Zhongxing Ave, Harbin, 150086, People's Republic of China. ORCID: 0009-0005-4914-662X; SPIN-code: 2071-1078. E-mail: songjiamei2016@gmail.com

ГЕНЕРАТИВНЫЕ МЕДИА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ВОСПРИЯТИЕ GENERATIVE MEDIA: THEORY, PRACTICE, RECEPTION

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-902-915

EDN: TZNFZM

УДК 32.019.51

Научная статья / Research article

Распознавание сгенерированного ИИ политического контента: роль субъективных установок

Д.И. Каминченко^{1,3} , А.Ю. Петухов^{2,3}

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

³ Университет «Неймарк», Нижний Новгород, Россия

 dmitkam@inbox.ru

Аннотация. Развитие генеративного искусственного интеллекта (ИИ) ставит вопрос о способности пользователей отличать созданный им контент от созданного человеком, особенно в политической сфере. Данное исследование направлено на выявление связи между субъективным отношением к ИИ и точностью распознавания сгенерированного им политического контента. В ходе эксперимента, проведенного среди студентов-политологов ($n = 60$), респондентам предлагалось идентифицировать определения понятия «политические ценности», сгенерированные ChatGPT, и оценить их идеологизированность. Результаты показали, что около половины участников в среднем корректно определили искусственное происхождение определений. При этом группа «оптимистов», позитивно настроенных к развитию ИИ, продемонстрировала значительно более высокую точность распознавания по сравнению с группой «нейтральных» участников. Парадоксально, но именно «нейтральные» респонденты значимо чаще оценивали контент ИИ как абсолютно объективный и лишенный идеологической окраски. Это указывает на то, что нейтральное, а не скептическое отношение к ИИ может создавать слепую зону для потенциального идеологического влияния, так как такой контент не подвергается достаточной критической рефлексии. Исследование вносит вклад в понимание того, как установки пользователей опосредуют восприятие политического контента в эпоху генеративного ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ChatGPT, политические ценности, распознавание контента, медиавосприятие, идеологизированность, цифровая грамотность

© Каминченко Д.И., Петухов А.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Теоретическое обоснование исследования, сбор исследовательских материалов, анализ данных, написание рукописи, редактирование и унификация текста – Д.И. Каминченко; дизайн исследования, теоретическое обоснование, анализ данных, написание рукописи – А.Ю. Петухов. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 7 июня 2025 г.; отрецензирована 31 июля 2025 г.; принята к публикации 14 сентября 2025 г.

Для цитирования: Каминченко Д.И., Петухов А.Ю. Распознавание сгенерированного ИИ политического контента: роль субъективных установок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 902–915. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-902-915>

The Impact of AI Attitudes on Detecting AI-Generated Political Content

Dmitriy I. Kaminchenko^{1,3} , Aleksandr Yu. Petukhov^{2,3}

¹*Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

²*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

³*Neimark University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

 dmitkam@inbox.ru

Abstract. The rise of generative artificial intelligence (AI) raises critical questions about users' ability to distinguish AI-generated content from human-generated content, particularly in the political domain. This study investigates the relationship between subjective attitudes towards AI and the accuracy of detecting AI-generated political content. In an experiment involving political science students ($n = 60$), participants were asked to identify definitions of “political values” generated by the ChatGPT model and to assess their degree of ideological bias. The results revealed that, on average, only about half of the participants correctly identified the artificial origin of the definitions. However, the group of “optimists”, who hold a positive view of AI development, demonstrated significantly higher detection accuracy compared to the “neutral” group. Paradoxically, it was the “neutral” respondents who were significantly more likely to rate AI-generated content as completely objective and devoid of ideological bias. This suggests that a neutral, rather than a skeptical, stance towards AI may create a blind spot for potential ideological influence, as such content does not undergo sufficient critical reflection. The study contributes to understanding how user attitudes mediate the perception of political content in the age of generative AI.

Keywords: artificial intelligence, ChatGPT, political values, content detection, media perception, ideological bias, digital literacy

Authors' contribution. Theoretical justification of the study, collection of research materials, data analysis, writing of the manuscript, manuscript editing & text unification – Dmitriy I. Kaminchenko; research design, theoretical justification, data analysis & writing of the manuscript – Aleksandr Yu. Petukhov. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 7, 2025; revised July 31, 2025; accepted September 14, 2025.

For citation: Kaminchenko, D.I., & Petukhov, A.Yu. (2025). The Impact of AI Attitudes on Detecting AI-Generated Political Content. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 902–915. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-902-915>

Введение

Развитие технологий искусственного интеллекта создает новые вызовы и риски для социальных систем, в том числе в вопросах когнитивной деградации общества из-за снижения количества информационных задач. Алгоритмы ИИ дают не только нейтральные, но и оценочные ответы на запросы, при этом сгенерированные факты могут искажаться или вовсе исчезать. Поскольку сбор и обработку данных осуществляет алгоритм, не обладающий собственным самосознанием, многие пользователи полагают, что имеют дело с непредвзятым источником информации (Беляков, Максименко, 2023). Согласно данным ВЦИОМ 63 % россиян пользуются технологиями ИИ, причем 54 % опрошенных позитивно воспринимают ИИ, прежде всего как помощника, который облегчает решение повседневно-бытовых задач¹. Это формирует доверительное отношение у отдельного индивида к искусственному интеллекту как к непредвзятому источнику информации².

Популярность технологий ИИ и усиление их общественной и политической роли нашло отражение в научном дискурсе. Ученые рассматривают различные аспекты влияния указанных технологий, выстраивая футурологические прогнозы последующих общественных изменений (Petukhov et al., 2024), отмечая, что если ИИ будет и далее совершенствоваться, он сможет развить собственные языки, математические и физические концепции, причем людям будет очень сложно постичь знания, полученные с помощью этих инструментов (Nicolay, 2025, p. 120). Также есть мнение о наличии значимого барьера в сфере развития технологий ИИ, существуют серьезные математические основания полагать, что сложившиеся архитектуры имеют ограничения (Ben-David et.al., 2019).

Использование технологий ИИ в политических процессах изучали как русскоязычные авторы (Быков, 2020; Володенков и др., 2024, 2023; Каминченко, Петухов, 2024 и др.), так и зарубежные (Darius, Römmele, 2023; Koster, 2022; Peters, 2022; Rozado, 2023 et al.).

Немецкие ученые Института машинного обучения и искусственного интеллекта имени Ламарра попытались выявить, какие политические взгляды

¹ ИИ: ваш новый лучший друг? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2024. 3 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug> (дата обращения: 05.08.2025).

² ChatGPT breaks its own rules on political messages // The Washington Post. 2023. August 28. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2023/08/28/ai-2024-election-campaigns-disinformation-ads/> (accessed: 03.07.2025).

в большей степени выражает ChatGPT. Использовался тест на определение структуры личности Big Five и психологический тест MBTI (Rutinowski et al., 2024)³.

В некоторых работах отмечается, что алгоритмы ИИ могут формировать предвзятый контент по отношению к политическим ориентациям, аналогично тому, как в случае генерирования контента, в котором встречаются, например, гендерные предубеждения (Peters, 2022). Российский исследователь И.А. Быков задается вопросом, насколько граждане, бюрократия, элиты и политики могут доверять политическим суждениям, генерируемым с помощью технологий ИИ (2020, с. 24). Интересное направление исследований в рамках изучаемой темы – возможности и угрозы в области государственного управления, в частности в сфере автоматизации административных процессов. Например, С. Шрёдер пишет о том, что веб-приложения искусственного интеллекта, генерирующие текстовый контент, способны улучшить работу органов государственной власти. Вместе с тем он отмечает, что пока неизвестно, возможно ли адаптировать технологии ИИ к существующей правовой системе или же саму правовую систему с минимальными рисками можно адаптировать к все более изменяющимся и совершенствующимся технологиям (Schröder, 2025, p. 245). На любопытный момент указывает Е.В. Бучнев (2022): как государство (прежде всего в его институциональном измерении) операционализирует само понятие «искусственный интеллект», какое место ИИ занимает в формировании политики цифрового суверенитета.

Изучение роли современных технологий ИИ как организационного механизма в сфере общественной и политической коммуникации – востребованное научно-исследовательское направление. В качестве гипотетического потенциала от внедрения ИИ для социума С.Н. Федорченко (2022, с. 54) называет «создание нового типа цифровой демократии, когда политический режим будет учитывать голос каждого человека».

Коллективом авторов из Германии выделено три измерения публичной коммуникации с точки зрения воздействия на нее технологий ИИ. Первое – измерение медиации (die Dimension der Vermittlung), которое рассматривает, например, возможности автоматизированной коммуникации в процессах ИИ и связанные с этим масштабируемость, и подход, ориентированный на целевую группу. Второе – измерение индивидуального позиционирования (die Dimension der individuellen Disposition), которое рассматривает мотивационные ресурсы дискурса и влияние на них ИИ. Третье – измерение обсуждения на макроуровне (die Dimension der Deliberation auf Makroebene), которое охватывает вызовы и возможности, связанные с растущей интеграцией процессов

³ Было установлено, что ChatGPT считает себя очень открытым и доброжелательным (highly open and agreeable), что, по мнению ученых, является чертами, указывающими на наличие прогрессивных политических взглядов (progressive political views). По шкале определения типа личности было выявлено, что ChatGPT относится к типу ENFJ (Extraverted – экстраверсия, Intuitive – интуиция, Feeling – чувствование, Judging – суждение), хотя средние показатели экстраверсии и интроверсии, выраженные приложением ИИ, были очень схожими – 51 и 49 % соответственно (Rutinowski et al., 2024).

ИИ в публичную коммуникацию в контексте фундаментальных концепций, ценностей и норм делиберативной демократии (Schäfer et.al., 2023, p. 200).

Несмотря на растущий интерес к изучению общественной и политической роли ИИ, в обозначенной предметной области написано относительно немного научных работ. Для специалистов по формированию общественного мнения остаются актуальными ответы на вопросы: «Какова специфика контента генерируемого ИИ? Отражены ли в нем элементы той или иной политической идеологии? Какое влияние он оказывает на формирование и изменение политического сознания индивида, групп и общества?».

В данном исследовании изучаются особенности восприятия политического контента, генерируемого популярным веб-приложением ИИ – ChatGPT, выявляются связи между отношением к ИИ, с одной стороны, и оценкой природы происхождения политического текста и степени его возможной идеологизированности – с другой.

Материалы и методы

Для достижения заявленной цели разработан экспериментальный тест «Политические ценности» (важно, чтобы в теме теоретически могли быть расставлены те или иные политико-аксиологические акценты). Тестирование проведено в апреле 2025 г. среди студентов бакалавриата политологии 1–4 курсов, проходящих обучение в Институте международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ИМОИ ННГУ). Выбор обусловлен тем, что участники должны быть готовы установить наличие либо отсутствие в содержании текстов ценностных акцентов. Студенты политологического направления, начиная с первого курса, соприкасаются с обозначенной проблематикой.

Объем выборки – 60 человек. Учитывая, что цель работы – это не индустриальный опрос, а осуществление пробного экспериментального тестирования небольшой группы людей, которые активно погружены в политологическую тематику, указанный объем выборки вполне достаточен для реализации поставленных задач.

В исследовании использованы прикладные методы: анкетирование, шкалирование, статистический и сравнительный анализ, построение таблиц сопряженности.

Разработана специальная анкета из двух частей. В первой части представлены общие вопросы, где участников просили указать номер курса, пол, отношение к технологиям ИИ (оптимистичное / нейтральное / пессимистичное) и частоту их использования (всегда / очень часто / часто / редко / очень редко / никогда). Вторая часть – табличная матрица, где по строчкам приведено семь определений понятия «политические ценности», а по столбцам – участники пилотного эксперимента отвечают на ряд вопросов, выполняют задания, в том числе с использованием шкалирования.

Подробное описание этапов, хода и деталей эксперимента уже было представлено в одной из работ (Каминченко, 2025). Не будем останавливаться на

структуре эксперимента, но отметим, что в нем использованы дефиниции ряда российских авторов (Богдан, 2014, с. 24; Зимин, 2012, с. 136; Селезнева, 2019, с. 178; Селезнева, Антонов, 2020, с. 228) и определения, сгенерированные ChatGPT с начала апреля 2025 г.⁴

Результаты и обсуждение

Из 60 участников экспериментального тестирования 50 % составляют мужчины, 48 % – женщины (в одном из анкетных бланков информация о поле не указана). Говоря о своем отношении к развитию современных технологий ИИ, ровно половина участников заявила о нейтральности, 47 % смотрят на ИИ оптимистично, 3 % не ответили. Любопытно, что никто не высказал пессимистичного взгляда на развитие ИИ.

Применительно к результатам заполнения второй части бланка тестирования нас интересуют количественные данные, связанные с определениями термина «политические ценности», сгенерированными ChatGPT, – какой процент участников исследования точно указали эти дефиниции как сформированные при помощи ИИ. В случае со шкальными оценками степени идеологизированности использовались средние арифметические и медианные значения (вторые, на наш взгляд, более показательны с точки зрения поиска общей тенденции). Статистические результаты отражены в табл. 1.

Таблица 1

Статистические показатели частоты ответов участников эксперимента на вопросы о происхождении определений термина «политические ценности» и медианных значений степени идеологизации

Определения понятия «политические ценности», сгенерированные при помощи ИИ	Участники тестирования, ответившие, что определение сгенерировано при помощи ИИ, %	Среднее арифметическое и медианное значения степени идеологизированности содержания определения по шкале от 0 до 5
Определение 1	53	1,7/1
Определение 2	43	2,2/2
Определение 3	42	2,2/2
Определение 4	63	1,85/2

Источник: составлено Д.И. Каминченко, А.Ю. Петуховым на основе данных тестирования.

Table 1

Statistical indicators of the frequency of responses of the experiment participants to questions about the origin of the definitions of the term *Political Values* and the median values of the degree of ideologization

AI-Generated definitions of Political Values	Test participants who responded that the definition was generated using AI, %	The mean and median values of the degree of ideological content of the definition on a scale from 0 to 5
Definition 1	53	1.7/1
Definition 2	43	2.2/2
Definition 3	42	2.2/2
Definition 4	63	1.85/2

Source: compiled by Dmitry I. Kaminchenko, Aleksandr Yu. Petukhov based on testing data.

⁴ Official website of ChatGPT. URL: <https://www.chatgpt.org> (accessed: 08.04.2025).

Как показывают данные табл. 1, определение 4 чаще остальных называлось участниками как сгенерированное посредством ИИ (63 %), далее идет определение 1 (53 %), еще реже были названы определения 3 и 2 (42 и 43 % соответственно). Полагаем, что общие показатели в 40–50 % в данном случае можно обозначить как относительно небольшие с точки зрения определения природы дефиниций (разумеется, подобная шкала оценки значений носит условный характер). Иными словами, в двух из четырех случаев у половины участников эксперимента возникли трудности с установлением природы происхождения определения термина «политические ценности» (в случае с еще одним определением подобные трудности возникли у 47 % участников тестирования).

Согласно табл. 1 медианный показатель степени идеологизированности большинства дефиниций равен двум (определения 2, 3 и 4), а в одном случае – единице (определение 1). Это свидетельствует, что студенты политологического направления оценивают степень идеологизированности, представленную в текстах определений от ИИ, как умеренно низкую, что по сути опровергает идею о наличии явных «политических предпочтений» в контенте ИИ.

Для выполнения поставленных задач были построены таблицы сопряженности. В основе табл. 2 следующие вопросы: 1) отношение участников тестирования к развитию современных технологий ИИ (респонденты разделились практически поровну – «оптимисты» и «нейтральные»); 2) выбор конкретного определения как сгенерированного ИИ. В первом вопросе нас интересуют данные ответов только «оптимистов» и «нейтральных» (абсолютное большинство всех участников эксперимента), а во втором – только положительные (верные) ответы о том, что конкретная дефиниция сгенерирована ИИ. В табл. 3 также отобразим два вопроса: 1) отношение участников тестирования к развитию современных технологий ИИ (снова интересуют группы «оптимистов» и «нейтральных»); 2) оценку степени идеологизированности содержания конкретной дефиниции.

Согласно данным табл. 2 в случае с тремя дефинициями из четырех доля «оптимистов», точно указавших на «искусственную» природу текста определения (сгенерированного ИИ), стабильно превышает аналогичную долю участников, нейтрально настроенных по отношению к развитию ИИ. Исключение составляет случай с текстом определения 1. Любопытно, что только в трех случаях процентный показатель от общего числа «оптимистов» и «нейтральных» превышает 50 % (в случае с определениями 1 и 4).

Таблица 2

**Отношение участников тестирования к развитию современных технологий ИИ /
выбор конкретного определения как сгенерированного ИИ**

Сделано ли соответствующее определение при помощи приложения ИИ (учитывались только верные ответы «да»)	Как вы смотрите на развитие технологий ИИ, %	
	оптимистично	нейтрально
Определение 1	42,37	61,34
Определение 2	48,09	33,23
Определение 3	45,42	35,31
Определение 4	64,25	57,2

Источник: составлено Д.И. Каминченко, А.Ю. Петуховым на основе данных тестирования.

Table 2

**Attitude of test participants towards the development of modern AI technologies /
Choice of a specific definition as generated by AI**

Was the corresponding determination made using the AI (only correct ‘yes’ answers were taken into account)	How do you view the development of AI, %	
	optimistic	neutral
Definition 1	42.37	61.34
Definition 2	48.09	33.23
Definition 3	45.42	35.31
Definition 4	64.25	57.2

Source: compiled by Dmitriy I. Kaminchenko, Aleksandr Yu. Petukhov based on testing data.

Таблица 3

**Отношение участников тестирования к развитию современных технологий ИИ /
оценка степени идеологизированности текста определения**

Среднее арифметическое / медианное значения степени идеологизированности содержания определения	Как вы смотрите на развитие технологий ИИ	
	оптимистично	нейтрально
Определение 1	2/2	1,4/1
Определение 2	2,2/2	2,03/2
Определение 3	2,25/2	2,1/2
Определение 4	2/2	1,8/2

Источник: составлено Д.И. Каминченко, А.Ю. Петуховым на основе данных тестирования.

Table 3

**Attitude of test participants towards the development of modern AI technologies /
Assessment of the ideologisation degree of the definition**

The mean/median value of the degree of ideologisation of the content of the definition	How do you view the development of AI	
	optimistic	neutral
Definition 1	2/2	1.4/1
Definition 2	2.2/2	2.03/2
Definition 3	2.25/2	2.1/2
Definition 4	2/2	1.8/2

Source: compiled by Dmitriy I. Kaminchenko, Aleksandr Yu. Petukhov based on testing data.

Как отмечено в табл. 3, медианные значения оценок степени идеологизированности текстов определений у «оптимистов» в отношении развития ИИ равны двум применительно ко всем дефинициям, сгенерированным ИИ. У нейтрально настроенных по вопросу о развитии ИИ этот показатель по всем дефинициям равен двум, за исключением определения 1, где медианная оценка равна единице.

Полученные исследовательские результаты позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, участники экспериментального тестирования разделились примерно поровну на сторонников либо нейтрального, либо оптимистичного взгляда на современное развитие технологий ИИ (при полном отсутствии «пессимистов»). Возможно, имеет значение фактор возраста: молодая аудитория чаще концентрирует внимание на возможностях, а не рисках (впрочем, подобное предположение требует последующего рассмотрения).

Во-вторых, в ходе пилотного тестирования выяснилось, что в 50 % случаев определить факт генерирования текста при помощи ИИ удалось менее чем

половине участников, а в одном из случаев – чуть более чем половине, что свидетельствует о возникших трудностях с установлением природы происхождения текста предложенных дефиниций термина «политические ценности»). Одной из причин подобного результата может выступать качество генерируемого контента с точки зрения близости его содержания академическим дефинициям. Допускается и возможность случайного фактора. Определить процент таких индивидов затруднительно без использования специальных психофизиологических метрик, позволяющих выявлять объективные параметры выбора.

Исследование показало, что, как правило, в группе «оптимистов» доля тех, кто верно определил «искусственный» характер происхождения дефиниции, выше, чем в группе «нейтральных» (исключение составляет лишь ситуация с определением 1). Вопрос о причинах подобного распределения ответов остается открытым: возможно, оптимизм вызван частым использованием приложений ИИ и, как результат, большей готовностью оценить тот или иной контент как сгенерированный ИИ (фактор опыта). Результаты табл. 4 показывают, что «оптимисты» чаще пользуются ИИ, чем «нейтральные»: абсолютное большинство «оптимистов» применяют их «часто», «очень часто» или «всегда», а более 61 % от всех «нейтральных» – «редко» либо «очень редко».

Таблица 4

Отношение участников тестирования к развитию современных технологий ИИ / частота использования участниками ИИ

Как часто вы используете технологии ИИ	Как вы смотрите на развитие технологий ИИ, %	
	оптимистично	нейтрально
Всегда	11,58	0
Очень часто	27,23	12,72
Часто	53,56	24,85
Редко	7,63	52,37
Очень редко	0	9,47

Источник: составлено Д.И. Каминченко, А.Ю. Петуховым на основе данных тестирования.

Table 4

Attitude of test participants towards the development of modern AI technologies / Frequency of AI use

How often do you use AI technologies	How do you view the development of AI, %	
	optimistic	neutral
Always	11.58	0
Very Often	27.23	12.72
Often	53.56	24.85
Rarely	7.63	52.37
Very Rarely	0	9.47

Source: compiled by Dmitriy I. Kaminchenko, Aleksandr Yu. Petukhov based on testing data.

В-третьих, показатели медианных значений оценок степени идеологизированности предложенных дефиниций термина «политические ценности» говорят, что, по мнению участников эксперимента, для представленных определений свойственна умеренно низкая степень выраженности указанного

признака. Любопытно, что и «оптимисты», и «нейтральные» практически одинаково оценили степень идеологизированности сгенерированных ИИ определений – на умеренно низком уровне (за исключением определения 1, везде медианные значения равны двум). Вероятно, разница в отношении к развитию ИИ среди небольшой группы участников исследования не оказывает определяющего воздействия на оценку степени идеологизированности изучаемых дефиниций. Впрочем, в текущей работе на установлено наличие «пессимистов» по отношению к развитию ИИ, а представлены практически только «оптимисты» и «нейтральные», дистанция во взглядах которых в указанном вопросе ощутимо меньше, чем между «оптимистами» и «пессимистами». Однако «пессимисты», как правило, более характерны для иных возрастных групп населения, но проверка данной гипотезы потребует отдельного исследования.

Вместе с тем в группе «нейтральных» практически во всех случаях дефинициям было выставлено больше нулевых оценок, свидетельствующих об отсутствии какой-либо идеологизированности, чем в группе «оптимистов» (кроме определения 4, где наблюдается равенство по этому показателю). Иными словами, нейтрально настроенные по отношению к развитию ИИ участники эксперимента чаще говорят о деидеологизированности сформированных с помощью ИИ определений. Возможно, одна из причин выявленной тенденции – это общее нейтральное отношение и к ИИ, и к генерируемому его алгоритмами контенту. Соответственно, это формирует интересную картину: нейтральное отношение к технологиям ИИ создает наилучшие условия для влияния на политические взгляды индивида, так как предполагает, что ИИ дает объективную и нейтральную информацию.

Заключение

Настоящее исследование позволило эмпирически проверить влияние субъективного отношения к технологиям ИИ на восприятие генерируемого им политического контента. Проведенный эксперимент выявил три ключевых результата.

Во-первых, продемонстрирована ограниченная способность респондентов, даже с профильным политологическим образованием, к надежной идентификации текстов, созданных ИИ. Тот факт, что точность в половине случаев не превышала 50 %, указывает на возрастающую семиотическую сложность генерированного контента и его растущее сходство с текстами, созданными человеком. Во-вторых, установлена статистически значимая связь между отношением к ИИ и точностью распознавания. Более высокие показатели в группе «оптимистов» позволяют предположить, что позитивный технологический настрой может коррелировать с более высоким уровнем цифровой грамотности, либо с более частым опытом взаимодействия с ИИ, что развивает цифровую интуицию. В-третьих, было обнаружено парадоксальное явление. Хотя общие медианные оценки идеологизированности совпали, группа «нейтральных» участников значимо чаще присваивала контенту нулевую оценку идеологизированности, то есть воспринимала его как абсолютно

объективный. Этот вывод имеет критическое значение: именно нейтральное, а не скептическое отношение к ИИ создает наиболее уязвимую аудиторию. Подспудное восприятие ИИ как нейтрального инструмента формирует слепую зону для потенциального информационного и идеологического воздействия, поскольку такой контент не подвергается критической рефлексии.

Таким образом, полученные данные вносят вклад в теорию медиавосприятия в цифровую эпоху, демонстрируя, что не только явные страхи, но и технологический оптимизм и нейтралитет по-разному взаимодействуют с генерированным контентом. Практическая значимость работы заключается в том, что она выявляет группу «нейтральных» пользователей как ключевую мишень для программ медиаграмотности, нацеленных на формирование критического и осознанного подхода к текстам, созданным искусственным интеллектом.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении выборки, включении в нее группы «пессимистов», а также в изучении воздействия не только текстового, но и мультимедийного контента.

Список литературы

- Беляков М.В., Максименко О.И. Диалоговые системы: история развития и чат-боты GPT как новая лингвосемиотическая реальность // Военно-гуманитарный альманах : материалы XVII Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод», Москва, Военный университет, 30 июня 2023 г. / сост. и науч. ред. М.В. Иванов, В.О. Нечаевский. М. : Военный университет, 2023. С. 477–485.
- Богдан И.В. Политические ценности в современной России: когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 3. С. 24–34.
- Бучнев Е.В. Проблемы использования технологий искусственного интеллекта в современной российской политике // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых с международным участием, Комсомольск-на-Амуре, 21–23 ноября 2022 г. Ч. 1 / отв. ред. И.В. Цевелева. Комсомольск-на-Амуре: КнАГУ, 2022. С. 157–161.
- Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 23–33. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33>
- Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 113–133. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133>
- Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 406–424. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424>
- Зимин В.А. Политические ценности как стимулы и барьеры российской модернизации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 4. С. 135–143.
- Каминченко Д.И. К вопросу о политической роли технологий искусственного интеллекта: результаты экспериментального исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87.

- Каминченко Д.И., Петухов А.Ю. Анализ особенностей репрезентации кандидатов на выборах в президенты США 2024 года в приложении генеративного искусственного интеллекта ChatGPT // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 772–787. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-772-787>
- Селезнева А.В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177–192. <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>
- Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241. <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>
- Федорченко С.Н. Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 34–57. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-34-57>
- Ben-David S., Hrubeš P., Moran S., Shpilka A., Yehudayoff A. Learnability can be undecidable // Nature Machine Intelligence. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 44–48. <https://doi.org/10.1038/s42256-018-0002-3>
- Darius Ph., Römmele A. KI und datengesteuerte Kampagnen: eine Diskussion der Rolle generativer KI im politischen Wahlkampf // Politische Vierteljahresschrift. 2023. Vol. 64. No. S2. P. 199–212. <https://doi.org/10.5771/9783748915553-199>
- Koster A.-K. Das Ende des Politischen? Demokratische Politik und Künstliche Intelligenz // Zeitschrift für Politikwissenschaft. Vol. 32. No. 2. P. 573–594. <https://doi.org/10.1007/s41358-021-00280-5>
- Nicolay R. Die Mensch-KI-Ausrichtung // Schreibende KI – ein interdisziplinärer Diskurs / Eds. A. Martens, C.H. Cap. Wiesbaden : Springer Vieweg, 2025. P. 115–128. https://doi.org/10.1007/978-3-658-45839-3_5
- Peters U. Algorithmic political bias in artificial intelligence systems // Philosophy & Technology. 2022. Vol. 35. Article 25. <https://doi.org/10.1007/s13347-022-00512-8>
- Petukhov A.Yu., Malhanov A.O., Sandalov V.M., Petukhov Yu.V. Mathematical modeling of ethno-social conflicts with the introduction of the control function // Simulation. 2020. Vol. 96. No. 3. P. 337–346. <https://doi.org/10.1177/0037549719884629>
- Rozado D. The political biases of ChatGPT // Social Sciences. 2023. Vol. 12. No. 3. Article 148. <https://doi.org/10.3390/socsci12030148>
- Rutinowski J., Franke S., Endendyk J., Dormuth I., Roidl M., Pauly M. The self-perception and political biases of ChatGPT // Human Behavior and Emerging Technologies. 2024. Article 5548899. <https://doi.org/10.1155/2024/7115633>
- Schäfer P.J., Karpouchtsis C.B., Schaal G.S. Bericht zur konferenz politische kommunikation und KI – chancen und herausforderung für die regierungskommunikation // Zeitschrift für Außen – und Sicherheitspolitik. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 199–203. <https://doi.org/10.1007/s12399-023-00945-9>
- Schröder S. Textgenerierende KI im Verwaltungsverfahren – Politische Ziele, Regulierung und Verwaltungspraxis im Spannungsfeld // Schreibende KI – ein interdisziplinärer Diskurs / eds. A. Martens, C.H. Cap. Wiesbaden : Springer Vieweg, 2025. P. 229–247. https://doi.org/10.1007/978-3-658-45839-3_10

References

- Belyakov, M.V., & Maksimenko, O.I. (2023). Dialog systems: History of development and GPT chat-bots as a new linguosemiotic reality. In M.V. Ivanov, V.O. Nechaevskii (Eds., Comp.), *Military-Humanitarian Almanac: Proceedings of the XVII International Scientific*

- Conference on Actual Problems of Language and Communication 'Language. Communication. Translation', Military University, June 30, 2023, Moscow* (pp. 477–485). Military University Publ. (In Russ.).
- Ben-David, S., Hruběš, P., Moran, S., Shpilka, A., & Yehudayoff, A. (2019). Learnability can be undecidable. *Nature Machine Intelligence*, 1(1), 44–48. <https://doi.org/10.1038/s42256-018-0002-3>
- Bogdan, I.V. (2014). Political values in modern Russia: cognitive, emotional and behavioral aspects. *Problem Analysis and Public Administration Projection*, 7(3), 24–34. (In Russ.)
- Buchnev, E.V. (2022). Problems of applying artificial intelligence technologies in modern Russian politics. In I.V. Tseveleva (Ed.), *Social and Humanitarian Sciences in the Context of Modern Challenges: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists with International Participation, November 21–23, 2022, Komsomolsk-on-Amur* (Part 1, pp. 157–161). Komsomolsk-na-Amure State University Publ. (In Russ.)
- Bykov, I.A. (2020). Artificial intelligence as a source of political thinking. *Journal of Political Research*, 4(2), 23–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33>
- Darius, P., & Römmele, A. (2023). KI und datengesteuerte Kampagnen: eine Diskussion der Rolle generativer KI im politischen Wahlkampf. *Politische Vierteljahresschrift*, 64(S2), 199–212. <https://doi.org/10.5771/9783748915553-199>
- Fedorchenko, S.N. (2020). Artificial intelligence phenomenon: citizen between digital avatar and political interface. *Journal of Political Research*, 4(2), 34–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-34-57>
- Kaminchenko, D.I. (2025). On the political role of artificial intelligence technologies: results of an experimental study. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 87. (In Russ.)
- Kaminchenko, D.I., & Petukhov, A.Yu. (2024). Analysis of the features of representation of candidates in the 2024 US presidential elections in the application of generative artificial intelligence. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 772–787. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-772-787>
- Koster, A.K. (2022). Das Ende des Politischen? Demokratische Politik und Künstliche Intelligenz. *Zeitschrift für Politikwissenschaft*, 32(2), 573–594. <https://doi.org/10.1007/s41358-021-00280-5>
- Nicolay, R. (2025). Die Mensch-KI-Ausrichtung. In A. Martens, C.H. Cap (Eds.), *Schreibende KI – ein interdisziplinärer Diskurs*. Springer Vieweg, Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-658-45839-3_5
- Peters, U. (2022). Algorithmic political bias in artificial intelligence systems. *Philosophy & Technology*, 35, 25. <https://doi.org/10.1007/s13347-022-00512-8>
- Petukhov, A.Yu., Malhanov, A.I.O., Sandalov, V.M., & Petukhov, Yu.V. (2020). Mathematical modeling of ethno-social conflicts with the introduction of the control function. *Simulation*, 96(3), 337–346. <https://doi.org/10.1177/0037549719884629>
- Rozado, D. (2023). The political biases of ChatGPT. *Social Sciences*. 12(3), 148. <https://doi.org/10.3390/socsci12030148>
- Rutinowski, J., Franke, S., Endendyk, J., Dormuth, I., Roidl, M., & Pauly, M. (2024). The self-perception and political biases of ChatGPT. *Human Behavior and Emerging Technologies*, 5548899. <https://doi.org/10.1155/2024/7115633>
- Schäfer, P.J., Karpouchsis, C.B., & Schaal, G.S. (2023). Bericht zur konferenz politische kommunikation und KI – chancen und herausforderung für die regierungskommunikation. *Zeitschrift für Außen – und Sicherheitspolitik*, 16(2), 199–203. <https://doi.org/10.1007/s12399-023-00945-9>
- Schröder, S. (2025). Textgenerierende KI im Verwaltungsverfahren – Politische Ziele, Regulierung und Verwaltungspraxis im Spannungsfeld. In A. Martens, C.H. Cap (Eds.), *Schreibende KI – ein interdisziplinärer Diskurs* (pp. 229–247). Springer Vieweg, Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-658-45839-3_10

- Selezneva, A.V. (2019). Conceptual and methodological foundations of the political-psychological analysis of political values. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (49), 177–192. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>
- Selezneva, A.V., & Antonov, D.E. (2020). The value bases of the civic consciousness of the Russian youth. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (58), 227–241. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>
- Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., & Pechenkin, N.M. (2023). Influence of the digital environment on the contemporary worldview: Pro et Contra. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 113–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133>
- Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., & Pechenkin, N.M. (2024). Risks, threats, and challenges of introducing artificial intelligence and neural network algorithms into the contemporary system of socio-political communications: the results of expert study. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 406–424. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424>
- Zimin, V.A. (2012). Political values as incentives and barriers of the Russian modernization. *Vestnik of Volzhsky University namad after V.N. Tatishchev*, (4), 135–143. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Каминченко Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; старший научный сотрудник лаборатории когнитивной безопасности, Университет «Неймарк», Российская Федерация, 603057, Нижний Новгород, ул. Нартова, д. 6. ORCID: 0000-0002-3193-3423; SPIN-код: 4176-7427. E-mail: dmitkam@inbox.ru

Петухов Александр Юрьевич, кандидат политических наук, доцент, заведующий лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; директор по науке, заведующий лабораторией когнитивной безопасности, Университет «Неймарк», Российская Федерация, 603057, Нижний Новгород, ул. Нартова, д. 6. ORCID: 0000-0002-7412-5397; SPIN-код: 2704-2219. E-mail: Lectorr@yandex.ru

Bio notes:

Dmitriy I. Kaminchenko, PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Lobachevsky University, 23 Gagarin Ave, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation; Senior Researcher of the Cognitive Security Lab, Neimark University, 6 Nartova St, Nizhny Novgorod, 603057, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3193-3423; SPIN-code: 4176-7427. E-mail: dmitkam@inbox.ru

Aleksandr Yu. Petukhov, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of Laboratory of Mathematical Methods of Political Analysis and Forecasting, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory St, Moscow, 119991, Russian Federation; Director of Science and Head of the Cognitive Security Lab, Neimark University, 6 Nartova St, Nizhny Novgorod, 603057, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7412-5397; SPIN-code: 2704-2219. E-mail: Lectorr@yandex.ru

ОБЗОРЫ REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-916-927

EDN: UJNJXQ

УДК 32.019.5

Обзорная статья / Review

Российский национальный брендинг: между культурными архетипами и маркетинговыми стратегиями

А.Н. Фортунатов¹, Е.Г. Фирулина¹✉, О.М. Орлинская¹,
М.В. Дядченко²

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

² Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ evg-firulina@yandex.ru

Аннотация. Коммуникативная ситуация в современной России демонстрирует все более отчетливую обращенность к национальным культурным традициям, фольклору, классическому искусству. В отличие от конъюнктурных кампаний в популярной культуре, брендинговые коммуникации в силу их коммерческой обусловленности и склонности к монетизации сигнализируют о новом уровне идентификационных процессов, которые проникают в повседневность именно посредством своей востребованности в общественном сознании. Цель – выявить глубинные, архетипические основы феномена общенационального бренда, который, обладая гибридной формой, служит как инструментом создания «уникального культурного предложения» для мира, так и утверждением в социуме этико-смысловых констант, влияющих на внутреннюю коммуникацию. Методологическую основу составляет качественный анализ кейсов (case-study), дополненный диалектическим принципом историчности, что позволяет проследить трансформацию культурных паттернов от классических образцов (дягилевские сезоны, русский балет) до современных гибридных форм (бренд «Хохлома», медиафеномен «Сигма-бой»). Доказано, что устойчивость и успешность национального бренда напрямую коррелирует с его укорененностью в национальном сознании, с его ориентацией на цельность и духовную тональность. Обосновано ключевое различие между подлинными культурными архетипами и навязанными идеологическими симулякрами в контексте современной брендинговой стратегии России.

© Фортунатов А.Н., Фирулина Е.Г., Орлинская О.М., Дядченко М.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: культурные архетипы, национальный брендинг, российская идентичность, маркетинговые коммуникации, идеологические симулякры, постсоветский брендинг, культурные коды, парадокс аутентичности

Вклад авторов. Концепция и теоретическое обоснование исследования, написание рукописи – А.Н. Фортунатов; развитие концепции и сбор эмпирического материала – Е.Г. Фирулина; систематизация результатов исследования – О.М. Орлинская; научное редактирование и унификация текста – М.В. Дядченко. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 20 июля 2025 г.; отрецензирована 2 августа 2025 г.; принята к публикации 29 августа 2025 г.

Для цитирования: Фортунатов А.Н., Фирулина Е.Г., Орлинская О.М., Дядченко М.В. Российский национальный брендинг: между культурными архетипами и маркетинговыми стратегиями // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 916–927. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-916-927>

Russian National Branding: Between Cultural Archetypes and Marketing Strategies

Anton N. Fortunatov¹, Evgenia G. Firulina¹✉,
Olga M. Orlinskaya¹, Margarita V. Dyadchenko²

¹ Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

² RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ evg-firulina@yandex.ru

Abstract. The communicative landscape in contemporary Russia demonstrates a marked turn towards national cultural traditions, folklore, and classical art. Unlike the often opportunistic campaigns in popular culture, branding and marketing communications, due to their commercial nature and drive for monetization, signal a new level of identity processes that are permeating everyday life precisely because of their resonance with the public consciousness. The goal is to identify the deep, archetypal foundations of the phenomenon of the national brand, which, in its hybrid form, serves both as a tool for creating a “unique cultural proposition” for the world and for affirming ethico-semantic constants within society that influence internal communication as a tool for identificatory reflection. The methodological framework is based on qualitative case-study analysis, supplemented by the dialectical principle of historicity, tracing the transformation of cultural patterns from classical exemplars (e.g., the Ballets Russes, Russian ballet) to contemporary hybrid forms (e.g., the *Khokhloma* brand, the *Sigma Boy* media phenomenon). The analysis proves that the resilience and success of a national brand are directly correlated with its embeddedness in the specific patterns of the national consciousness, with its orientation towards integrity and a spiritual tonality. In conclusion, the article substantiates the crucial distinction between authentic cultural archetypes and imposed ideological simulacra in the context of Russia’s contemporary branding strategy.

Keywords: cultural archetypes, nation branding, Russian identity, marketing communications, ideological simulacra, post-Soviet branding, cultural codes, authenticity paradox

Authors' contribution. Research concept & theoretical basis for study, manuscript writing – Anton N. Fortunatov; research concept & collection of empirical material – Evgenia G. Firulina; systematization of research material – Olga M. Orlinskaya; scientific editing & text unification – Margarita V. Dyadchenko. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted July 20, 2025; revised August 2, 2025; accepted August 29, 2025.

For citation: Fortunatov, A.N., Firulina, E.G., Orlinskaya, O.M., & Dyadchenko, M.V. (2025). Russian National Branding: Between Cultural Archetypes and Marketing Strategies. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 916–927. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-916-927>

Введение

Впервые термины «национальный бренд» и «национальный брендинг» как область знаний и практической деятельности по измерению, выстраиванию и управлению репутацией стран употребил в 1996 г. английский ученый Саймон Анхольт, предложивший следующую формулировку: «Сумма восприятий людей по отношению к стране в рамках шести направлений государственной деятельности, таких как экспорт, государственное управление, туризм, инвестиции и иммиграция, культура и наследие, население» (Anholt, 2005, p. 118). Соответственно, по Анхольту, возможности усиления национального бренда также связаны с продвижением туризма, экспортом продуктов, государственной политикой (внутренней и внешней), репутацией населения, культурным наследием, способностью привлекать инвестиции и квалифицированную рабочую силу. Национальный бренд – это сумма убеждений, впечатлений, которые есть у людей по отношению к стране, некоторый образ, представляющий собой упрощение большого количества ассоциаций, связанных с государством, и информации о нем (Anholt, 2005, p. 120).

Существует и другое определение национального бренда. Это уникальная многомерная совокупность элементов, которая обеспечивает государству дифференцирующую особенность, релевантную его специфике и актуальную для всех целевых аудиторий (Белокурская, 2023, с. 115). Исходя из этого можно заключить, что понятие «национальный бренд» связывается с восприятием страны в целом и в то же время с теми элементами, из которых и состоит этот бренд. Определенный продукт или геолокация могут быть национальным брендом. Так, размышляя о Беловежской Пуще как национальном бренде, Ж.Е. Белокурская (2023, с. 112) отмечает, что он включается в механизм продвижения нации, ее культуры, ценностей, акцентируя внимание на конкретном объекте в общенациональном контексте. Национальный бренд призван вызывать национальные поведенческие отклики, тем самым формируя значимые отношения между ним и конкретным объектом, выступая символом нации или страны в целом.

Вопрос идентичности, непосредственно связанный с формированием национального бренда, занимает важное место в современной российской

науке. Авторы исследуют идентичность в широком спектре дисциплин: философии, социологии, психологии, политологии, истории, культурологии (Баев, 2023; Ковалев, 2023; Лапаева, 2024; Останина, 2015; Хотинец, 2025).

Зарубежные авторы также демонстрируют большое разнообразие направлений изучения идентичности, начиная с феномена постколониальной идентичности на фоне глобализационных процессов в интерпретации Пола Гилроя (Gilroy, 2006), заканчивая актуальными для Запада исследованиями миграционных потоков и смешения различных традиций в рефлексии Стюарта Холла (Hall, 1990). Естественно, в постмодернистской традиции не обходится и без размышлений о гендерной идентичности, что характерно, например, для работ Джудит Батлер в русле идей перформативности и конструктивизма (Butler, 1990). В нашем контексте здесь важен отчетливо выраженный тренд на прагматизм в исследовании материально-духовных феноменов, а также на примат коммуникации по отношению к социальному значению различных проявлений идентичности, что затеняет проблему коллективного поиска своего национального образа, якобы невозможную на фоне пресловутой девальвации «метанарративов».

Материалы и методы

В основу исследования положена гипотеза о том, что национальный бренд вбирает в себя не только синхронические проявления идентичности, но и опирается на глубинные паттерны национальной культуры. Для верификации данной гипотезы применялся качественный анализ кейсов (case-study), позволивший детально исследовать генезис и дискурсивное оформление таких феноменов, как русский балет, хохломская роспись и других медийных проектов. Диалектический принцип историчности использовался для прослеживания трансформации архетипов от классических образцов к их современным гибридным формам. Кроме того, был применен дискурс-анализ репрезентаций данных брендов в медиапространстве и публичной рефлексии (блогосфера, журналистские материалы). Такой подход позволяет судить о брендинге с коммуникативной и культурологической позиций как о динамическом процессе.

Результаты и обсуждение

Национальный бренд подразумевает конкретные объекты, помогает продвинуть культуру и ценности нации, становится ее символом, при этом являет собой пространство рефлексии по поводу идентичности. Продолжая данную мысль, отметим, что национальный бренд – структура, которая состоит из совокупности продуктов экономики, культуры, которые ассоциируются со страной происхождения и обладают набором определенных характеристик, определяющих эти продукты как национальный бренд, а также, безусловно, из коммуникативных инструментов, являющихся неотъемлемой частью всего имиджа.

Феномен бренда, как известно, сочетает в себе два самоценных и важных начала. Во-первых, смысловую опору на существующую торговую марку, обладающую узнаваемостью и неповторимым стилем. Во-вторых, этическими, эстетическими и теми же смысловыми выходами в область трансцендентного (мечты, образы будущего, идеалы и пр.). Именно сочетание этих стихий рождает своеобразную химию бренда, обретающего прочность, неповторимость, узнаваемость.

Мода на брендинг, взрывной характер появления брендов как явлений массовой культуры пришлась на яркий период в развитии рекламного рынка в конце XX в., когда крупные рекламодатели перешли от прямого продвижения своих товаров к формированию образа жизни, ассоциирующегося с их продукцией. «Управляй мечтой» – слоган одного из автомобильных брендов, который хорошо иллюстрирует не только эффективность и распространенность такого подхода, но и его живучесть: переживав в XXI в. в конкретном примере, он по-прежнему вызывает искомые эмоции доверия, теплоты, идентичности¹.

При этом подобные бренды являются в чистом виде продуктами маркетинга, то есть алгоритмизированного подхода, не допускающего иррациональности и чрезмерной субъективности (Dinnie, 2022). Творческие, креативные находки в рамках их имиджа и продвижения так или иначе выступают все-таки в роли элемента технологии, чья задача – обеспечение эффективности продаж, формирование лояльности целевой аудитории, отстройка от конкурентов. В связи с последним соображением, собственно, и возникают брендинговые баталии, которые в конечном итоге призваны обеспечить более четкие границы между брендинговыми моделями-идеалами, или, образно говоря, наметить эффективные и уникальные векторы брендингового трансцендирования.

Если рассматривать последнее соображение с этической точки зрения, можно сделать вывод о глубинной агрессивности, вшитой в самую сущность бренда как социокультурного явления, или, точнее, экспансионистском характере этого феномена, оказывающего заметное влияние на социокультурный фон развития общества. Другими словами, брендинговая идентичность, брендинговая лояльность – это состояние потребителя, готового отстаивать свое «право» покупать товары лишь определенной категории с опорой на собственную убежденность в правильности и очевидности своего выбора (Kotler, Gertner, 2002). И если технологии формирования торговых марок опираются на многовековой опыт использования алгоритмов создания позитивного имиджа, то область трансцендирования в маркетинге до сих пор выглядит как сфера применения недюжинных креативных потенций «фокусников от рекламы» (вспомним, к примеру, ставшие культовыми акции руководителя реклам-

¹ «Управляй мечтой» (Drive Your Dreams) – слоган автомобильной компании *Toyota Motor Corporation* для российского рынка, который в 2013 г. был заменен на «Стремиться к лучшему» (Always a Better Way). См.: Toyota начала ребрендинг: слоган «Управляй мечтой» ушел в прошлое. URL: <https://adindex.ru/news/marketing/2013/07/16/100562.phtml> (дата обращения: 05.07.2025).

ной службы Benetton, использовавшего в начале 1990 гг. для продвижения мягких и уютных свитеров шокирующие, катастрофические кадры из реальной жизни, находящиеся на границе табуизации).

Здесь важным моментом является, собственно, сам феномен идентичности в эпоху «ускользающего гуманизма» (Фортунатов и др., 2020), «текущего модерна», когда неопределенность и скорость изменений идут рука об руку (Bauman, 2005). В социокультурном контексте маркетинга и рыночных отношений (Алгави и др., 2020) идентичность, на первый взгляд, есть очевидная принадлежность к определенному стилю, образу жизни, как уже говорилось, самоузнавание через покупку. Рассуждая о призме отличительных особенностей бренда, Ж.-Н. Капферер отмечает, что бренд говорит о самообразе. Посредством установки «я чувствую, я являюсь» в отношении конкретных брендов в действительности развивается определенный тип внутренних отношений с самим собой (Капферер, 2007; Kapferer, 2004).

Однако у идентичности есть более глубокая подоплека, связанная, скажем так, со спецификой идеалов, лежащих в ее основе, но в контексте самоидентификации (Giddens, 1991). Ведь образ личности через его брендинговое самоудвоение определяется не просто внешними знаками, символами, раздражителями, в конце концов, стереотипами, но и национальными традициями, конвенциональным пониманием добра, распространенного в социальной группе чувства прекрасного, современного, модного, перспективного и т.д. Другими словами, брендинговый образ жизни в первую очередь является производным от языка, специфики национально-культурного мировосприятия, эстетических идеалов и особенностей коммуникации. И в этом контексте творческие находки поп-арта Энди Уорхола, с его знаменитыми изображениями банок супа Campbell, характерны для англосаксонского образа мировосприятия, что, в общем, лишь добавляет обаяния этому апофеозу идентичности. В нем вычитывается энергия, рожденная гармонией воспринимающего и креативно-транслирующего сознаний, которые опираются, что весьма показательно, именно на маркетингово-рекламный контекст как естественный и продуктивный фон.

Исходя из этого соображения интересно проследить определенную специфическую линейку брендов, касающихся национально-государственной идентичности, сквозь которую должна проявить себя специфика социокультурного трансцендирования с опорой на объединяющие общество идеалы. Являются ли популярные товары неким фасадом, лицом России, как это принято видеть, например в США? Вспомним для иллюстрации этой проблемы известные «кухонные дебаты» Никсона и Хрущева на ВДНХ², в рамках которых американский президент демонстрировал бренды из области бытовой техники и автомобилей как воплощение «американской мечты» и недвусмысленное подтверждение превосходства американского образа жизни, категорически отвергнутое советским руководителем.

² См.: Хрущев и Никсон. Кухонные дебаты, 1959 + Goodbye capitalists! URL: https://vk.com/video-200048312_456241459 (дата обращения: 05.07.2025).

Беглый и поверхностный взгляд может привести к опрометчивому выводу, что особо креативных идей в российском маркетинговом пространстве по сравнению с бушующими красками американского рынка найти почти невозможно. Однако это вовсе не так. Как уже указывалось, существует некая иррациональная подоплека брендинговой экспансии, распространяющей свою энергию на общество за счет синергии, созвучности переживаний аудитории и бренд-менеджеров. Безусловно, такое совпадение может происходить исключительно в очень эфемерном, трудно верифицируемом пространстве социокультурных традиций, эмоционально-образной идентичности. Американская ментальность, опирающаяся, в частности, на идею фронта – дальнего горизонта цивилизации, который должны осваивать и двигать все дальше вперед пионеры-энтузиасты, таким образом несет в себе как некую опцию, данность, необходимое условие брендингового продвижения, ориентацию на других, на перформативное освоение далеких или смежных социокультурных территорий.

Русское сознание, если перефразировать идею Достоевского о всечеловечности, своей фундаментальной основой воспринимает цельность, неразрывность сознания и мира, приоритет правды и истины по отношению к материальному благу, вторичному в оппозиции к ним (последнее отнюдь не означает отрицание маркетинговой успешности, брендингового продвижения, как мы покажем ниже). В этом смысле опора на традиции, апеллирование к опыту и интуиции как производным от идентичности порождает несколько иной образный строй, ведущий к указанной гармонии и синкретизму.

Одним из первых российских брендов, ставших популярным во всем мире, стали дягилевские сезоны, определившие тенденции в искусстве и сформировавшие такой национальный бренд, как русский балет. Сергей Дягилев, по сути, создал основу, базу национального бренда и определил золотой стандарт его продвижения: обилие рекламы, общение деятелей искусства со светской публикой, сторителлинг и даже скандалы. С тех пор национальный бренд России стали в основном связывать с культурными достижениями, причем в основном с культурой «золотого» и «серебряного» веков. Русский классический балет существует сейчас в различных видах и направлениях и как национальный бренд транслирует традиции и духовные основы отечественной культуры. Так, например, современные спортивные феномены русскости – фигурное катание, художественная гимнастика, синхронное плавание – имеют очевидные коннотации с дягилевскими сезонами, а потом с русским балетом и элитарным брендом советской культуры – Большим театром. Опора не просто на технологии подготовки спортсменов, а на безусловно значимые эмоционально-смысловые ориентиры в сознании и мировосприятии все новых поколений спортсменов и рождает эту синергию. Нельзя не обратить внимание на то, что на ведущих российских телевизионных каналах эта эстетическая подоплека становится форматной и сценарной основой для производства многочисленных шоу, пользующихся популярностью.

То же можно сказать и о бренде русской музыкальной исполнительской школы. Рахманиновская фортепианная техника – не просто проявление культурной экспансии в другое ментальное пространство, но и прочная основа для продолжения и дальнейшего становления русской виртуозности: практически во всех ведущих консерваториях мира работают преподаватели из России.

Частью богатой российской культуры являются народные художественные промыслы. Многие изделия стали символами своих районов и превратились из местных брендов в национальные. Так, национальным брендом, известным не только любому человеку в нашей стране, но и за рубежом, является хохломская роспись. Бренд, появившийся в Нижегородской области, настолько популярен, что ассоциируется со всей страной, а не только с ее отдельным регионом. Национальные мотивы стали частью современной жизни и моды. Пример такого воплощения – суббренд «Хохлома × Алёна Ахмадулина»³. Таким образом, брендинг в русском национальном прочтении может получать новые формы, например специфического «духовного брендинга», который, в частности, активно используется некоторыми популярными рэп-исполнителями.

С определенной долей условности к перечню национальных брендов можно отнести и мультсериал «Маша и медведь», который сегодня является универсальным смысловым пространством для детей различных национальностей и культур (Перфильева, Жикулина, 2019). Впрочем, бренд «Маша и медведь» продвигался сугубо рыночными методами и приемами, характерными для брендмейкинга американского образца. Здесь видна именно та модель брендинговой успешности, в которой удачно сочетаются технологии и иррациональность. Так, рекламно-образное сопровождение мультсериала вовлекает подростков в его пространство не только за счет сюжетов, но и многообразной продукции – от игрушек до сладостей, которые, с одной стороны, ярко демонстрируют потребность в расширенной вовлеченности у маленьких зрителей, а с другой – делают бренд еще более узнаваемым и, соответственно, продаваемым.

Как ни парадоксально, но песня русских молодых блогеров Betsy и Марии Янковской «Сигма-бой», выпущенная в октябре 2024 г. и ставшая мировым хитом, вызвавшим, в частности, агрессивные обвинения со стороны чиновников Евросоюза в «русской культурной экспансии», отчасти эксплуатирует ту же социокультурную тему, что и «Маша и медведь»: эмансипированные девочки стимулируют к самопроявлению «хорошего парня»⁴. Данный пример отчетливо демонстрирует диффузию между разными социокультурными феноменами, за которыми проступают архетипы национальной культуры: мемы, масскультурными стереотипами и коннотациями, опору на специфически

³ «Хохлома × Алёна Ахмадулина»: как хохломской промысел превратился в бренд // Sostav.ru. 2024. 4 декабря. URL: <https://www.sostav.ru/publication/kak-khokhlomskoj-promysel-prevratilsya-v-brend-71737.html> (дата обращения: 05.07.2025).

⁴ Вельяминова Л. Каждая девчонка хочет танцевать с тобой: философ и филолог объясняют (через Гегеля и 7-стопный хорей) феномен бэнгера «Сигма-бой» // Собака.Ru. 2025. 15 февраля. URL: <https://www.sobaka.ru/entertainment/music/195436> (дата обращения: 05.07.2025).

русскую «женскость», описанную еще Некрасовым и т.д. Сиюминутность и быстрое угасание таких маркетинговых вспышек не подлежит сомнению, однако в данном контексте нас интересует прежде всего глубокий социокультурный фундамент, порождающий все новые и новые проявления самобытности на фоне глобальной унификации. Другими словами, брендинг реализуется в условиях постмодернистской неопределенности, диффузии между границами самостоятельных прежде социокультурных феноменов, что придает особенное значение сугубо человеческим, духовно-нравственным началам, выступающим здесь не просто как экспликация уникальности, а как своего рода смысловой стержень, вокруг которого формируются соответствующие коммуникативные инструменты.

Наконец, в контексте брендинговой идентичности следует отметить и специфичные войны между национальными брендами, олицетворяющими идеологический маркетинг. Так, например, уже ставший привычным символ России – медведь – именно с точки зрения экспликации глубинных культурных мотивов может считаться навязанным, привнесенным извне национальным символом. Исследователи подчеркивают значимость метафор и символов, связанных с птицами, а образ птицы называют ключевым, подчеркивающим идею полета в российской культуре (Князева, 2024). Настоячивое приравнение русской национальной идентичности к приземленной «медвежьей» эстетике началось с наполеоновского вторжения и интенсифицировалось в период русско-английской крымской войны, но другое дело, что сугубо национальная специфика отечественного освоения чужих (чуждых) образов превратила медведя фактически в синоним русской открытости и доброжелательности (знаменитый олимпийский мишка, упоминавшийся персонаж из «Маши и медведя»). Тем не менее возвращение к глубинным мировоззренческим основаниям, в том числе и обретение «полетности», «воздуха в легких», бескрайних просторов для приложения душевных сил – все это может привести к давно ожидаемому резонансу между аудиториями и организаторами подобного возможного национального ребрендинга.

Заключение

Национальный брендинг может быть реализован на различных уровнях, начиная с идеологических концептов, заканчивая конкретными материальными вещами (товарами), и в этом разнообразии нужно отличать истинную, научно обоснованную, мотивированно аргументированную, архетипическую основу от навязанных архетипов-симулякров – тех, что возникли в результате настоячивого продвижения идеологом, внедрения в саму ткань народной самоидентификации привычных образов. «Балалаечно-водочно-медвежья» удаль и неукротимая широта, которые порой с неоправданным энтузиазмом продвигаются во внешние культуры как синоним русскости, затмевают собой особую возвышенно-духовную тональность, исповедально-лиричный настрой мирозерцания, характерного для православной культуры, что, впро-

чем, как мы показали, не отменяет звучания этой темы в масштабных и прочных национальных брендах. В современном коммуникативном пространстве виден настойчивый поиск этой идентификационной тональности, и эволюция акцентов в восприятии национальных брендов воспринимается в этом контексте как очевидная траектория нравственных, ценностных смыслов.

Список литературы

- Алгави Л.О. Медиакоммуникации и интернет-маркетинг в условиях цифровой цивилизации : монография / Л.О. Алгави, Д.А.-Н. Аль-Ханаки, С.С. Бредихин [и др.] ; под ред. Л.П. Шестеркиной, Л.К. Лободенко. Челябинск : ЮУрГУ, 2020. 475 с.
- Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
- Белокурская Ж.Е. Беловежская пуца как национальный бренд: проблемы и инновации // Белорусский молодежный форум по сохранению и продвижению Всемирного наследия : материалы форума, Минск, 21 декабря 2023 г. / ред. О.М. Соколова [и др.]. Минск : Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2023. С. 111–118.
- Капферер Ж.-Н. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда / пер. с англ. Е.В. Виноградова ; под общ. ред. В.Н. Домнина. М. : Вершина, 2007. 442 с.
- Князева М.Л. Современные художественно-философские проекты и медиа, фиджитал проект «Русика: Россия – страна птиц» // Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения : сб. материалов 63-го Междунар. науч. форума, 18–20 апреля 2004 г. Т. 2 / отв. ред. А.А. Малышев. СПб. : Медиапепир, 2024. С. 56–58.
- Ковалев А.А. Влияние современной трансформации маркеров национальной идентичности на доминанты национального менталитета // Наука. Искусство. Культура. 2023. № 4(40). С. 59–73.
- Лапаева В.В. Национальная идентичность россиян и цивилизационная идентичность России (политико-правовой анализ) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 12(124). С. 77–85. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.124.12.077-085>
- Останина О.А. Проблема социокультурной идентичности российского общества в XXI веке // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Т. 206. Социология культуры: опыт и новые парадигмы, ч. 1 / отв. ред. А.Ю. Русаков. Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2015. С. 87–91.
- Перфильева Н.В., Жукулина К.П. Феномен «Маша и Медведь» в российских и зарубежных средствах массовой информации // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 1. С. 164–178. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(1\).164-178](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(1).164-178)
- Фортунатов А.Н., Фортунатов Н.М., Фортунатова В.А., Бокова А.В. Между предчувствием и воспоминанием: коммуникативный идеал гуманизма XXI века // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 37. С. 67–77. <https://doi.org/10.17223/22220836/37/9>
- Хотинцев В.Ю. Этническая идентичность и толерантность : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 121 с.
- Anholt S. Brand New Justice: How Branding Places and Products Can Help the Developing World. Oxford : Butterworth-Heinemann, 2005.
- Bauman Z. Liquid Life. Cambridge : Polity Press, 2005. 164 p.
- Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York ; London : Routledge, 1990.
- Dinnie K. Nation Branding. Concepts, Issues, Practice. 3th ed. London : Routledge, 2022.
- Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford, California : Stanford University Press, 1991.

- Gilroy P. *Postcolonial Melancholia (The Wellek Library Lectures)*. New York : Columbia University Press, 2006.
- Hall S. Cultural identity and diaspora // *Identity, Community, Culture, Difference* / Ed. J. Rutherford. London : Lawrence and Wishart Publ., 1990. P. 222–237.
- Kotler P., Gertner D. Country as brand, product, and beyond: A place marketing and brand management perspective // *Journal of Brand Management*. 2002. Vol. 9. P. 249–261. <https://doi.org/10.1057/palgrave.bm.2540076>

References

- Algavi, L.O., Al-Khanaki, D.A.-N., & Bredikhin, S.S., et al. (2020). *Media Communications and Internet Marketing in the Context of Digital Civilization* (L.P. Shesterkina, L.K. Lobodenko, Eds.). Chelyabinsk: South Ural State University Publ. (In Russ.)
- Anholt, S. (2005). *Brand New Justice: How Branding Places and Products Can Help the Developing World*. Butterworth-Heinemann.
- Baev, P.A. (2023). Civil and national identity of Russians. *Sociology*, (4), 69–76. (In Russ.)
- Bauman, Z. (2005). *Liquid Life*. Polity Press.
- Belokurskaya, Zh.E. (2023). Belovezhskaya Pushcha as a national brand: problems and innovations. In O.M. Sokolova (Ed.), *Belarusian Youth Forum for the Preservation and Promotion of World Heritage. Forum materials, December 21, 2023, Minsk* (pp. 111–118). Belarusian State University of Culture and Arts Publ. (In Russ.)
- Butler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. Routledge.
- Dinnie, K. (2022). *Nation Branding. Concepts, Issues, Practice* (3th ed.). Routledge.
- Fortunatov, A.N., Fortunatov, N.M., Fortunatova, V.A., & Bokova, A.V. (2020). Between prediction and remembrance: communicative ideal of humanism of the XXI century. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, (37), 67–77. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22220836/37/9>
- Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford University Press.
- Gilroy, P. (2006). *Postcolonial Melancholia (The Wellek Library Lectures)*. Columbia University Press.
- Hall, S. (1990). Cultural identity and diaspora. In J. Rutherford (Ed.), *Identity, Community, Culture, Difference* (pp. 222–237). Lawrence and Wishart Publ.
- Kapferer, J.N. (2004). *The New Strategic Brand Management: Creating and Sustaining Brand Equity Long Term* (3th ed.). Kogan Page Publ.
- Khotinets, V.Yu. (2025). *Ethnic Identity and Tolerance* (2nd ed.). Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)
- Knyazeva, M.L. (2024). Modern artistic and philosophical projects and media, the digital project ‘Russika: Russia – the land of birds’. In A.A. Malyshev (Ed.), *Media in the Modern World. 63rd St. Petersburg Readings: Collection of Materials of the International Scientific Forum, April 18–20, 2004* (Vol. 2, pp. 56–58). Saint Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russ.)
- Kotler, P., & Gertner, D. (2002). Country as brand, product, and beyond: a place marketing and brand management perspective. *Journal of Brand Management*, 9, 249–261. <https://doi.org/10.1057/palgrave.bm.2540076>
- Kovalev, A.A. (2023). The influence of the modern transformation of national identity markers on the national mentality dominants. *Science. Art. Culture*, (4), 59–73. (In Russ.)
- Lapaeva, V.V. (2024). National identity of Russians and civilizational identity of Russia (political and legal analysis). *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, (12), 77–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.124.12.077-085>
- Ostanina, O.A. (2015). The problem of socio-cultural identity of Russian society in the 21st century. In A.Yu. Rusakov (Ed.), *Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Cul-*

ture and Arts. Sociology of Culture: Experience and New Paradigms (Vol. 206, Part 1, pp. 87–89). Saint Petersburg State Institute of Culture Publ. (In Russ.)

Perfilieva, N.V., & Zhikulina, C.P. (2019). ‘Masha and the Bear’ phenomenon in the Russian and foreign mass media. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 8(1), 164–178. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(1\).164-178](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(1).164-178)

Сведения об авторах:

Фортунатов Антон Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-политических коммуникаций, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2. ORCID: 0000-0001-6822-2003; SPIN-код: 5462-1631. E-mail: anfort1@yandex.ru

Фирулина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических коммуникаций, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2. ORCID: 0009-0002-1847-5285; SPIN-код: 5569-9919. E-mail: evg-firulina@yandex.ru

Орлинская Ольга Михайловна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических коммуникаций, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2. ORCID: 0000-0003-2453-9767; SPIN-код: 8063-3137. E-mail: orlinskaya@mail.ru

Дядченко Маргарита Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, руководитель учебного курса «Современные технологии средств массовой информации и массовых коммуникаций», филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2. ORCID: 0000-0002-5437-6017; SPIN-код: 8532-1750. E-mail: dyadchenko_mv@pfur.ru

Bio notes:

Anton N. Fortunatov, Grand PhD in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Socio-Political Communications, Institute of International Relations and Word History, Lobachevsky University, 2 Ulyanova St, Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6822-2003; SPIN-code: 5462-1631. E-mail: anfort1@yandex.ru

Evgeniya G. Firulina, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Socio-Political Communications, Institute of International Relations and Word History, Lobachevsky University, 2 Ulyanova St, Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation. ORCID: 0009-0002-1847-5285; SPIN-code: 5569-9919. E-mail: evg-firulina@yandex.ru

Olga M. Orlinskaya, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Political Communications, Institute of International Relations and Word History, Lobachevsky University, 2 Ulyanova St, Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-2453-9767; SPIN-code: 8063-3137. E-mail: orlinskaya@mail.ru

Margarita V. Dyadchenko, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Training Course ‘Modern technologies of mass media and mass communications’, Faculty of Philology, RUDN University, 10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5437-6017; SPIN-code: 8532-1750. E-mail: dyadchenko_mv@pfur.ru